

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)**Кабанов П. А.**, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева, куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)**Крамин Т. В.**, доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)**Антонова И. И.**, доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)**Баранов В. М.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)**Бегитов И. Р.**, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (г. Казань, Россия)**Вольчик В. В.**, доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)**Гилинский Я. И.**, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)**Голыченко О. Г.**, доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)**Головчин М. А.**, кандидат экономических наук, научный сотрудник АНУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований» (г. Вологда, Россия)**Ефимцева Т. В.**, доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)**Качалов Р. М.**, доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)**Корытцев М. А.**, доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)**Кудрявцева О. В.**, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)**Латов Ю. В.**, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)**Левин С. Н.**, доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)**Липень С. В.**, доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)**Макарова О. А.**, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)**Малкина М. Ю.**, доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)**Петрянин А. В.**, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)**Подольный Н. А.**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)**Тарасенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)**Хисамова З. И.**, кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)**Шифринов В. М.**, доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)**Шестаков Д. А.**, доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)**Шинкевич А. И.**, доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)**Щепельков В. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)**Джеффри Ш.**, доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)**Каменков В. С.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)**Кури Х.**, доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)**Мешко Г.**, доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ESC) (г. Марибор, Словения)**Серрано-Майло А.**, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)**Турецкий Н. Н.**, доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)**Фидрмук Д.**, доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 29,0. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 26.08.2025. Заказ № 58.

Дата выхода в свет 27.09.2025. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязева», ООО «ТЦО «Таглитмат», 2025.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитмат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальностям:

5.2.1. Экономическая теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика;

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Индексируется в RSCI,
HeinOnline, CyberLeninka,
RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загреддинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков
Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Law section (Kazan, Russia)

T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Economic section (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), researcher of Agency for Monitoring and Sociological Research (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolnii, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

A. S. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)

Sh. Jaffry, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Universität Freiburg (Friburg, Germany)

G. Meško, PhD (Law), Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kaizhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:

ПН № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 29,0. Circulation 1000 copies. Signed for printing 26.08.2025. Order № 58.

Date of publishing 27.09.2025. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2025.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in RSCI, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal through the United Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

Cand. Sci. (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

469

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Вольчик В. В., Ширяев И. М.** Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов..... 469
- Туманян Ю. Р., Корытцев М. А., Ипатова А. В.** Гео-экономика и неолиберализм: теория, методология, практика 488

503

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Буранова Е. А.** Этапы превентивного институционального антикризисного управления на предприятии 503
- Малкина М. Ю.** Тенденции развития российской промышленности и ее отраслей в период новых антироссийских санкций 524
- Победин А. А.** Пространственный анализ потенциала умной специализации регионов России: выявление трансрегиональных центров роста 545
- Шайдуллин М. А., Кадочникова Е. И.** Эконометрическая оценка эффекта переноса валютного курса на потребительские цены: есть ли снижение?..... 572

591

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Сверчков В. В.** Меры общественного воздействия в российском уголовном праве..... 591

469

ECONOMIC THEORY

- V. V. Volchik, I. M. Shiriaev.** Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives 469
- Yu. R. Tumanyan, M. A. Koryttsev, A. V. Ipatova.** Geo-economics and neoliberalism: theory, methodology, practice 488

503

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- E. A. Buranova.** Stages of preventive institutional crisis management at an enterprise..... 503
- M. Yu. Malkina.** Trends in the development of Russian industry and its branches during the new anti-Russian sanctions..... 524
- A. A. Pobedin.** Spatial analysis of the smart specialization potential of Russian regions: identifying trans-regional growth centers..... 545
- M. A. Shaydullin, E. I. Kadochnikova.** Econometric estimation of the effect of transferring currency exchange rate onto consumer prices: is there a decrease? 572

591

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- V. V. Sverchkov.** Community sanctions in the Russian criminal law..... 591

603
ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ
<i>Паже А.</i> Предвыборные выступления (с синтетическим контентом): политическая реклама и разработка норм раскрытия информации для генеративного искусственного интеллекта..... 603
<i>Лёвенстайн С.</i> Сделаем Америку снова фальшивой?: Запрет на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе не нарушает первую поправку к Конституции США 635
675
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ
<i>Збрищак С. Г.</i> Когнитивное моделирование: теоретические основы, методы, ограничения 675
696
ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

603
TRANSLATED ARTICLES
<i>A. Paget.</i> (Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements 603
<i>S. Loewenstein.</i> Make America fake again?: Banning deepfakes of federal candidates in political advertisements under the First Amendment..... 635
675
INTERDISCIPLINARY ARTICLES
<i>S. G. Zbrishchak.</i> Cognitive modeling: theoretical bases, methods, limitations 675
696
INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

УДК / UDC 330.1:330.3:330.8:338.2(470+571)

JEL: B41, E, O40, P

В. В. Вольчик¹,

И. М. Ширяев¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов

Контактное лицо:

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета,
Южный федеральный университет
E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science ResearcherID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Ширяев Игорь Михайлович, кандидат экономических наук, доцент экономического
факультета, Южный федеральный университет
E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science ResearcherID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-код: 8573-2555

Аннотация

Цель: исследование взаимосвязи экономической идеологии и политики в контексте российских постсоветских реформ с использованием нарративного подхода для анализа роли идей и интересов в формировании экономической политики.

Методы: историко-экономический анализ эволюции экономической политики и идеологических течений в России, машинный анализ текстов 134 тыс. научных статей (1992–2023 гг.) для выявления динамики идеологических трендов, качественный анализ нарративов через призму их практического воплощения.

Результаты: выявлены причины расхождений между провозглашенными либеральными целями реформ 1990-х и полученными результатами. На примере неудачной борьбы с инфляцией показано различие между провозглашенными целями политики (соответствующими идеологии либерализма) и ее реальными результатами – высокой инфляцией, противоречащей идеологии либерализма. Проанализированы ключевые теоретические нарративы, сопровождавшие реформы: «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус», «приватизация и эффективные собственники», «монетаризм и контроль денежной массы», «теория сравнительных преимуществ», «государство как эффективный собственник институтов развития», «мобилизационная экономика», «национальные проекты»,

«модернизация и инновационная экономика», «экономика Русской цивилизации», «выращивание институтов», «экологизм как элемент геополитической стратегии», показана их трансформация от неолиберализма к дирижизму и этатизму. Выявлено, что реальная политика определялась компромиссами между группами интересов, а не идеологическими установками.

Научная новизна: предложена оригинальная интерпретация причин неудач либеральных реформ в России через конфликт интересов и неадекватность импортированных идеологий. Доказано, что импорт идеологий без учета местного контекста ведет к системным противоречиям.

Практическая значимость: результаты исследования позволяют лучше понимать механизмы влияния экономических идей и теоретических нарративов на реальную политику, что важно для оценки предлагаемых реформ и их потенциальных последствий.

Ключевые слова:

экономическая теория, идеи, экономическая идеология, теоретические нарративы, экономические реформы, экономическая политика, неолиберализм, инфляция

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/>, «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2025). Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

Scientific article

V. V. Volchik¹,

I. M. Shiriaev¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives

Contact:

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-code: 2539-2890

Igor M. Shiriaev, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science Researcher ID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-code: 8573-2555

Abstract

Objective: to study the relationship between economic ideology and politics in the context of Russian post-Soviet reforms using a narrative approach in analyzing the role of ideas and interests in shaping economic policy.

Methods: historical and economic analysis of the evolution of economic policy and ideological trends in Russia; machine analysis of the texts of 134 thousand scientific articles (1992–2023) to identify the dynamics of ideological trends; qualitative analysis of narratives through the prism of their practical implementation.

Results: the article reveals the reasons for the discrepancies between the proclaimed goals and the results of the 1990s liberal reform. Using the example of the unsuccessful fight against inflation, the author shows the difference between the proclaimed policy goals (corresponding to the liberal ideology) and its actual results – high inflation, contrary to the liberal ideology. The key theoretical narratives accompanying the reforms are analyzed: “shock therapy”, “the invisible hand of the market”, “Washington consensus”, “privatization and effective owners”, “monetarism and money supply control”, “theory of comparative advantages”, “the state as an effective owner of development institutions”, “mobilization economy”, “national projects”, “modernization and innovative economy”, “economy of the Russian civilization”, “cultivation of institutions”, and “environmentalism as an element of geopolitical strategy”; their transformation from neoliberalism to dirigisme and etatism is shown. It was revealed that the actual policy was determined by compromises between interest groups, rather than ideological attitudes.

Scientific novelty: the author proposes an original interpretation of the reasons for the failures of liberal reforms in Russia through a conflict of interests and the inadequacy of imported ideologies. It is proved that the import of ideologies without taking into account the local context leads to systemic contradictions.

Practical significance: the results study allow for a better understanding of the mechanisms of economic ideas and theoretical narratives influencing the actual policy, which is important for assessing the proposed reforms and their potential consequences.

Keywords:

economic theory, ideas, economic ideology, theoretical narratives, economic reforms, economic policy, neoliberalism, inflation

Financial Support

This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of Russian economic science” at Southern Federal University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2025). Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

Введение

Понятие идеологии получило различные определения в экономической науке. В рамках нашего исследования мы используем следующее рабочее определение: «Идеология – это общие ментальные модели, разделяемые группами индивидов. С помощью этих моделей группы индивидов объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами проводимой политики, направленной на преобразование общества» (Вольчик, 2024. С. 28).

Понятие «экономическая политика» многогранно и имеет множество трактовок. Согласно определению в Большой российской энциклопедии, «экономическая политика – совокупность мер государства, целенаправленно воздействующих на национальную экономику в целом или на отдельные ее составляющие. Включает в себя такие разновидности, как макроэкономическая политика (денежно-кредитная; бюджетно-налоговая политика и их составляющие), антимонопольная, конкурентная, внешнеэкономическая, демографическая, промышленная, структурная, а также отраслевые и прочие виды»¹.

¹ Буклемишев, О. В. (2023). Экономическая политика. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». <https://bigenc.ru/c/ekonomicheskaja-politika-83a2e7>

В контексте структурных реформ политика обычно рассматривается в более узком смысле и включает два основных направления: «Экономическая политика должна быть направлена на поэтапное и сбалансированное достижение обеих целей: совершенствование институтов и стимулирование роста» (Полтерович, 2007. С. 282).

Разработка и продвижение мер экономической политики на практике часто связано с доминирующими в среде экономистов и общественном дискурсе идеологиями (Полтерович, 2017). В свою очередь идеология как совокупность ментальных моделей связана с группами акторов, коллективными действиями и коммуникацией посредством различных нарративов, включая теоретические (Roos & Reccius, 2024).

Использование нарративов для понимания процессов в экономике в последние годы получает все большее распространение в теоретических и эмпирических исследованиях. Например, именно нарративы рассматриваются как источники практически применимых знаний в условиях радикальной неопределенности (Tuckett et al., 2020). Концепт теоретических нарративов позволяет акцентировать внимание на сложных связях между идеологией как донаучным когнитивным актом, экономическими моделями и реальными процессами в экономике: «Через нарративы в обществе транслируется восприятие окружающего мира. В свою очередь, теоретические нарративы экономистов содержат идеологизированное понимание социальной среды, заложенное в определенных ментальных моделях. Поэтому важно понимать, как формируются теоретические нарративы, как они связаны с идеологией и каково их влияние на экономическую политику» (Вольчик, 2024. С. 23).

Теоретические нарративы экономистов могут быть очень устойчивы и влиять на экономическую политику на протяжении многих десятилетий. Бурное развитие экономической науки после Второй мировой войны связано с теоретическим нарративом рыночной эффективности, что впоследствии привело к длительному доминированию неолиберальных концепций в экономической политике (Berman, 2022).

Целью настоящей статьи является выявление взаимосвязи экономической идеологии и экономической политики на примере российских постсоветских реформ и их результатов, на основе применения нарративного подхода к анализу роли теоретических конструктов, идей и интересов в формировании и реализации экономической политики.

В условиях цифровой экономики и широкого распространения искусственного интеллекта роль нарративов, включая теоретические нарративы, становится все более значимой (Вольчик, 2025). Идеология, которая использует теоретические нарративы для оправдания экономической политики, тем самым формирует образ будущего как в академических исследованиях, так и в общественном дискурсе. Безусловно, исследования нарративов не заменяют экономического моделирования. С помощью нарративов мы можем показать, как убеждения могут формировать академическую повестку через идеологизированные «донаучные когнитивные акты» (Шумпетер, 2012). Также важно учитывать, что с помощью нарративов могут объясняться существующие или вымышленные причинно-следственные связи в плане экономической политики: «Поскольку формальные инструменты испытывают известные трудности в установлении причинно-следственных связей между прошлым и настоящим в ситуации радикальной неопределенности, эту задачу выполняют воображение и нарративы» (Svetlova, 2022. P. 851).

Использование подхода нарративной экономики для изучения связи экономической идеологии и экономической политики наталкивается на теоретическую проблему, состоящую в выявлении причинно-следственных связей между идеологией и политикой. Политика, проводимая под лозунгами некоторой идеологии, отнюдь не обязательно приводит к тем результатам, которые считаются желательными в соответствии с этой идеологией. Одним из примеров такого диссонанса является реализация либеральных рыночных реформ в России с результатами, отличающимися от либеральных идеалов.

Основная часть статьи включает следующие элементы: 1) краткий обзор существующих в экономической науке точек зрения относительно влияния идей и идеологий на выбор экономической политики; 2) анализ соотношения между идеологией реформ в России и изменением преобладающей идеологии в научных статьях по экономике; 3) на примере проблемы инфляции сравнение борьбы с инфляцией согласно неолиберальной идеологии, провозглашенным целям рыночных реформ и данным о динамике индекса потребительских цен; 4) выявление основных нарративов в экономических исследованиях, описывающих российские экономические реформы.

Результаты исследования

Идеи, идеология и экономическая политика

В экономической науке имеются две альтернативные точки зрения на значение идей при выборе политики. Согласно одной точке зрения, идеи имеют преобладающее значение для объяснения выбора. Из известных сторонников этой точки зрения можно отметить Дж. М. Кейнса и Л. фон Мизеса, которые, несмотря на свои идеологические и методологические различия, подчеркивали значимость идей.

Согласно Дж. М. Кейнсу, «...идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» (Кейнс, 2007).

Л. фон Мизес трактовал общество как продукт человеческой деятельности. «Человеческая деятельность направляется идеологиями. Таким образом, общество и любой конкретный общественный порядок являются результатом идеологий; вопреки утверждениям марксистов, идеологии не являются продуктом определенной структуры общества. <...> Деятельность всегда направляется идеями; она реализует то, что спланировало мышление» (Мизес, 2005. С. 177). Согласно Л. фон Мизесу, «...неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы» (Мизес, 2001. С. 103). «В мире реальной действительности, обстоятельства которого только и являются объектом научного поиска истины, идеи определяют то, что, как считает человек, будет соответствовать его интересам. Интересов, не зависящих от идей, не существует. Именно идеи определяют, что люди рассматривают в качестве своих интересов. Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам» (Мизес, 2001. С. 106).

В современной российской экономической науке точка зрения о первичности идей была поддержана в работах В. М. Полтеровича. Согласно этому ученому, под воздействием экономической теории «формируется определенная идеология, от которой в свою очередь зависит экономическая политика государства. При этом новые научные достижения влияют на идеологию и, соответственно, на политику с определенным запаздыванием» (Полтерович, 2022. С. 207–208).

Согласно другой точке зрения, идеи не детерминируют выбор и не годятся как фактор объяснения выбора. Согласно В. Л. Тамбовцеву, ошибочно считать идеи причиной выбора некоторой политики. В качестве причин выбора В. Л. Тамбовцев рассматривает личный интерес, с учетом институциональных ограничений: «В конце 1980-х – начале 1990-х годов в области анализа политических процессов произошли некоторые изменения <...>, получившие наименование “идеационный поворот” <...>. Кратко его суть заключалась в том, что идеи, возникающие как у теоретиков, так и у самих политиков, не просто “имеют значение”, но могут выступать в качестве причин изменений в политике, включая политические институты и организации <...>. Этот подход резко контрастировал с предшествующими „материалистическими“ исследованиями, полагавшими причинами подобных изменений интересы – либо „национальные“, либо частные интересы политиков» (Тамбовцев, 2019. С. 27). Однако В. Л. Тамбовцев признает, что идеи оказывают определенное влияние на действия и решения индивидов: «Таким образом, идеи – какое бы содержание ни вкладывать в это понятие – влияют на решения индивидов и соответственно их действия, вызывающие те или иные изменения в социальной и природной среде, но причинами этих изменений их считать затруднительно» (Тамбовцев, 2019. С. 30). Идеи в таком подходе рассматриваются как некие инструменты, которыми пользуются индивиды. Соответственно, в данном утилитаристском понимании идеи являются объектом выбора индивидов, в зависимости от их выгоды для этих индивидов. «Таким образом, учет при выборе идеи (технологии по своей когнитивной природе – то же, что и причинные убеждения) выгоды ее принятия для субъекта, то есть личного интереса, наряду с факторами соответствия формальным и неформальным нормам, позволяет объяснить практические решения, которые принимают различные акторы» (Тамбовцев, 2019. С. 35).

Попытка синтеза этих двух различных интерпретаций роли идей и интересов в экономической политике была предложена Ш. Мукандом и Д. Родриком (Mukand & Rodrik, 2018). С одной стороны, они признают важнейшую роль интересов социальных групп в институциональных изменениях. Особое внимание к корыстным интересам предоставляет экономистам мощный концептуальный инструмент для анализа факторов выбора политики и отбора институтов. Но роль идей как факторов выбора политики также велика, хотя в данной трактовке идеи имеют инструментально-утилитарный характер. Политики пытаются убедить общественность, чтобы большинство поддержало новую политику или институциональные изменения. Это убеждение посредством идей может быть в двух вариантах: политики могут пытаться изменить мировоззрение электората, либо они могут пытаться изменить представление индивидов о своей идентичности. Некоторая ограниченность предложенной Ш. Мукандом и Д. Родриком модели обусловлена ее нацеленностью на объяснение поведения избирателей в условиях демократии. Проверка этой концепции на эмпирическом материале США представлена в статье Э. Эша, Ш. Муканда и Д. Родрика «Экономические интересы, мировоззрения и идентичности: теория и фактические данные об идейной политике» (Ash et al., 2021).

Также в рамках институциональной экономики существует точка зрения, что распространение идей может быть связано с формированием институтов. Во-первых, именно идеи, которые широко циркулируют в публичной сфере, становятся институтами. Во-вторых, идеи включены в конкурентный процесс, связанный с коммуникацией между акторами. В-третьих, идеи, становясь институтами, влияют на поведение (Markey-Towler, 2019).

В ходе изучения связи экономической идеологии и экономической политики важно учитывать эволюционные эффекты. Прежде всего, имеется зависимость от предшествующего пути развития в том, какие идеи получают поддержку у экономистов. Большую роль здесь играют полученное образование и доступ к литературе разной идеологической принадлежности. Экономисты старой закалки, получившие образование в советский период, хорошо знакомы с марксистской политэкономией и зачастую продолжают пользоваться соответствующими аналитическими инструментами, такими как трудовая теория стоимости и теория прибавочной стоимости, в дальнейшем, даже приняв более либеральную идеологию. Идеологическая миграция обычно не бывает резкой и существенной. В этом контексте особое внимание привлекает импорт идеологии. Изучение идеологических взглядов российских экономистов в ходе реформ 1990-х гг. в России требует учитывать заимствование либеральной идеологии из экономической науки западных стран.

Развитие идеологических течений в российской экономической науке иллюстрирует тот факт, что через образование идеологические установки могут долгое время значительно влиять на экономические исследования и политику через «видение экономики при построении моделей» (Тамбовцев, 2024. С. 15–18).

Мы можем наблюдать, как распространение идей о предпочтительности некоторой экономической политики сочетается с реально проводимой политикой. Спустя некоторое время после реализации мер экономической политики появляется возможность более беспристрастной оценки ее эффективности и соответствия провозглашенным целям.

Идеология неолиберализма и рыночные реформы

Общепризнано, что 1990-е гг. в России были периодом расцвета идей неолиберализма. В меньшей степени признанной, но крайне популярной точкой зрения является трактовка экономической политики и проводимых в тот период реформ в качестве либеральных.

Например, В. М. Полтерович рассматривал российские реформы 1990-х гг. как попытку воплощения рекомендаций Вашингтонского консенсуса. «Вашингтонский консенсус – список из десяти рекомендаций по проведению реформ» (Полтерович, 2007. С. 29), предложенных в 1989 г. американским экономистом Дж. Уильямсоном первоначально для латиноамериканских стран, а затем широко признанных как универсальные рекомендации. Вашингтонский консенсус включал следующие рекомендации: 1) обеспечение фискальной дисциплины, минимизация дефицита бюджета и избегание его инфляционного финансирования; 2) изменение приоритетов государственных расходов: уменьшение расходов на государственное управление, оборону, субсидирование и убыточные проекты, но увеличение расходов на здравоохранение, образование и инфраструктуру; 3) налоговая реформа: расширение налоговой базы и уменьшение предельных налоговых ставок; 4) финансовая либерализация, нацеленная на рыночное формирование процентных ставок; 5) еди-

ный обменный курс национальной валюты, ориентированный на интересы экспортеров; 6) либерализация внешней торговли: отмена количественных ограничений, достаточно низкие тарифы; 7) устранение барьеров для прямых иностранных инвестиций; 8) приватизация государственных предприятий; 9) дерегулирование – отмена норм, избыточно ограничивающих конкуренцию; 10) обеспечение защиты прав собственности (Полтерович, 2007. С. 29–30). Относительно данной трактовки одно сомнение состоит в том, что «Вашингтонский консенсус не оказал существенного влияния на российские реформы» (точка зрения Е. Т. Гайдара, упомянутая и критикуемая в книге В. М. Полтеровича) (Полтерович, 2007. С. 34). Второе сомнение состоит в том, что Вашингтонский консенсус сам по себе не отличается сильным классическим либерализмом, зато ориентирован на интересы внешних субъектов из других стран.

Согласно В. М. Полтеровичу, причинами неудачи реформ 1990-х гг. были «шоковый метод осуществления реформ, недостаточно полный учет начальных условий, неверный выбор последовательности реформ, пренебрежение принципом „компенсации проигравших“, попытка реализовать „стандартную“ экономическую политику в несовершенной институциональной среде» (Полтерович, 2007. С. 13). При этом сама идея преимущества свободного рынка и «расширенного порядка», предложенная Ф. А. фон Хайеком, в принципе не отвергается.

И. Миклош в сравнительном анализе путей реформирования постсоциалистических стран критикует противопоставление градуализма и быстрой трансформации. Он выделяет три группы стран, различавшихся с точки зрения организации реформ, ставит им три типа траекторий трансформации: постепенную, быструю и спонтанную. Соответственно, с выбором траектории трансформации связаны и различные успехи этих реформ в разных странах. Одна группа стран придерживалась градуализма, начав с 1960-х гг. медленную и постепенную либерализацию. Те же страны, которые дождались 1980-х гг. без либерализации, могли выбрать только между быстрой и спонтанной трансформацией. Быстрая трансформация – это целенаправленные, последовательные и быстрые изменения в духе идей «шоковой терапии». Спонтанная трансформация характеризовалась отсутствием «какого-либо осмысленного и продуманного пути перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике» (Mikloš, 2021. Р. 46). Именно к типу спонтанной трансформации И. Миклош относит и Россию.

Предыстория и изменение концепций реформ 1990-х гг. (анализируется временной период 1985–1998 гг.) детально описана в статье Р. Г. Хаиткулова и Д. Е. Шестакова «Российские экономические реформы: история эволюции концепций» (Хаиткулов, Шестаков, 2012). Данная работа может служить подтверждением справедливости утверждений И. Миклоша о непоследовательности реформирования в России. Гипотеза Р. Г. Хаиткулова и Д. Е. Шестакова состоит в том, что «эволюция концепции реформ определялась в большей мере последовательной сменой команд реформаторов, чем эволюцией взглядов отдельных идеологов реформ под влиянием опыта их осуществления» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 54–55). Радикальные реформаторы спешили воплотить задуманные реформы, опасаясь скорой утраты власти. Промедление, движение в обратном направлении, противоречия между различными ветвями власти в ходе реформ были обусловлены политическими факторами и борьбой различных групп интересов. В данной статье также примечательна цитата В. А. Найшуля, в которой он говорит о первоначальной самоидентификации Е. Т. Гайдара не как либерала, а как правого социалиста. Многие другие реформаторы также придерживались взглядов скорее дирижистских или социалистических, чем либеральных. Тем не менее «общая идеологическая линия российской трансформации оставалась в целом неизменной, несмотря на то, что проводили ее в жизнь разные правительства <...>, правда, делали это с различной степенью успеха» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 75). Российские реформы «нельзя назвать осуществлением всеобъемлющих комплексных мер по реформированию экономики по продуманному плану. Процесс проведения реформ представлял, скорее, несколько попыток различных команд осуществить этот первоначальный план рыночных преобразований в условиях постоянных кризисов, под давлением предвиденных и непредвиденных проблем, с логической сменой своих внутренних этапов» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 76).

В статье Л. М. Григорьева представлены хронология и периодизация реформ (за период 1985–2006 гг.) с точки зрения участника некоторых описываемых событий. Значение отдельных этапов реформ было неравноценно. Ключевой этап реформ был в 1992–1994 гг., когда были заложены принципиальные институциональные основы новой экономической системы, в числе которых «либерализация хозяйственной деятельности, право назначать цены, свобода экспорта, вообще свобода коммерческой деятельности» (Григорьев, 2012. С. 17–18).

Многие проблемы и недостатки реформ были предсказуемы заранее, и некоторые группы интересов допускали злоупотребления, стремясь к собственной выгоде, что не позволило провести реформы оптимальным образом. В препринте данной статьи Л. М. Григорьева приведен также комментарий О. И. Шкаратана, подтверждающий значение интересов: «...помимо экспертного сообщества, которое конструирует идеальные или не совсем идеальные программы, есть социальные интересы элитных групп, которые ломают эти программы, а иногда попросту отправляют их в помойку. Или, наоборот, говорят: „Ура!“» (Шкаратан, 2006).

Результаты проведенного ранее машинного анализа текстов научных статей за период 1992–2023 гг. (табл. 1, 2) показывают значительную популярность идей неоллиберализма среди экономистов в 1992–2002 гг. Однако в дальнейшем популярность таких идей снижается. В исследованиях экономистов в 2003–2017 гг. начинает преобладать дирижизм, а в 2018–2023 гг. особенно возрастает популярность идеологии экологизма. Такая динамика популярности идей в исследованиях экономистов свидетельствует скорее об опережении идей в исследованиях по сравнению с проводимой политикой. Хотя Россия «была признана рыночной экономикой со стороны ЕС и США» (Пахомов, 2021. С. 13) в 2002 г., многие важные неоллиберальные реформы имели место позже, например, монетизация льгот (2004 г.), вступление в ВТО (2012 г.), повышение пенсионного возраста (2019 г.). Вероятно, многие российские экономисты успели разочароваться в либеральных идеях, не дождавшись их воплощения на практике.

Таблица 1

Распределение статей по идеологиям
Table 1. Distribution of articles by ideology

Идеология / Ideology	Количество статей / Number of articles	Доля, % / Share, %
Неолиберализм / Neoliberalism	19 489	14,53
Социализм / Socialism	16 312	12,16
Дирижизм / Dirigism	40 045	29,86
Особый путь / Special path	22 264	16,60
Экологизм / Ecologism	25 283	18,85
Не определена / Undefined	10 731	8,00
Всего / Total	134 124	100

Источник: получено авторами в ходе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик и др., 2024. С. 49).

Source: produced by the authors using machine analysis of academic articles (Volchik et al., 2024. P. 49).

Таблица 2

Распределение статей по идеологиям и по временным периодам (%)
Table 2. Distribution of articles by ideology and time period (%)

Период / Period	Неолиберализм / Neoliberalism	Социализм / Socialism	Дирижизм / Dirigism	Особый путь / Special path	Экологизм / Ecologism	Не определена / Undefined
1992–1997	26,63	20,20	14,69	19,83	8,26	10,38
1998–2002	28,53	14,59	16,28	19,69	9,27	11,64
2003–2007	19,54	12,11	33,81	14,89	10,81	8,85
2008–2012	15,07	12,32	35,39	17,16	11,69	8,36
2013–2017	12,35	11,60	32,34	17,10	18,80	7,80
2018–2023	13,39	12,23	23,97	16,09	26,91	7,40

Источник: получено в процессе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик, 2025).

Source: produced by the authors using machine analysis of academic articles (Volchik, 2025).

В основе представленной классификации идеологий в российской экономической науке лежат соответствующие ценности, характерные для различных экономических порядков (неолиберализм – рыночная эффективность; социализм – равенство и справедливость; дирижизм – планирование, ведущее к благосостоянию; особый путь – национальная идентичность; экологизм – сохранение окружающей среды для потомков). В согласии с указанными ценностями для каждой идеологии была составлена кодировочная таблица с характерными для нее фразами. Опираясь на кодировочную таблицу, экспертным образом была подготовлена обучающая выборка (распределение статей по пяти идеологиям). С использованием обучающей выборки в ходе машинного анализа текстов их распределили в основном по выделенным идеологиям, но некоторые из них не смогли однозначно классифицировать и отнесли к группе с неопределенной идеологией. Более подробно методика проведенного анализа описана в статьях Вольчика с соавт. (Вольчик и др., 2024; Вольчик, 2025).

Факторы, обусловившие дискредитацию либеральных идей после реформ 1990-х гг. и переменный успех самих этих реформ, хорошо описаны в статье экономиста, предпринимателя и ранее политика-реформатора П. О. Авена «Экономика торга»². П. О. Авен справедливо отмечал, что к концу 1990-х гг. идеалы либерализма не были воплощены в России на практике. Возник миф о либеральной реформе, так как политики, проводившие реформы, идентифицировали себя в качестве либералов. Но на практике их действия были иными. «А учитывая степень государственного вмешательства, можно сказать, что на практике наша модель ближе к идеологии социал-демократии левой. Так, где-то по центру социал-демократии, да еще и с сильной российской спецификой, нам и следует определить наши реформы»³. Основные недостатки экономической системы, сформировавшейся в ходе реформ 1990-х гг., по мнению П. О. Авена, включают: 1) высокий уровень перераспределения посредством государства (высокая налоговая нагрузка и государственные расходы), 2) спецэкспортеры, валютный контроль и высокие импортные тарифы, ограничивающие свободу внешней торговли, 3) выборочная поддержка государством отдельных фирм, отсутствие общих для всех правил, 4) несправедливое и неконкурентное распределение государственной собственности в ходе приватизации. В качестве причин отклонения либеральных реформ от заявленного курса П. О. Авен рассматривает необходимость идти на компромиссы по политическим соображениям и веру реформаторов в собственную исключительность, не позволившую им отказаться от избыточных прав принимать конкретные хозяйственные решения («Самоидентификация с Богом, естественно вытекающая из веры в свою особость, к несчастью, была типичной для наших реформаторов»⁴).

Относительно взглядов экономистов, развивавших неолиберальные идеи, также имеется проблема непоследовательности и внутренней противоречивости. Имеются теоретические нарративы, сочетающие критику низкого уровня инвестиций с обоснованием увеличения перераспределения в пользу бедных. Многим неолибералам чужда идея Ф. А. фон Хайека о конкуренции как процедуре открытия (Хайек, 1989); и они придерживаются идеи предопределенности того, что нужно для благосостояния; они полагают, что им уже известно, что нужно произвести для удовлетворения потребностей членов общества. При этом они ожидают, что этот результат будет достигнут с использованием рыночных механизмов. В утилитаристском понимании неолибералов рынок должен использоваться как инструмент для достижения высокого благосостояния. Они не обосновывают рынок как самоценное воплощение свободы торговли и прав человека.

Неолиберализм и инфляция

Важный пример взаимодействия идеологических установок и реальной экономической политики нам показывает анализ инфляции и связанной с ней монетарной политики. В монетарной сфере идеология либерализма предписывает борьбу с инфляцией. Одним из показательных примеров идеологии либерализма является монетаризм М. Фридмана, и в частности, его монетарное правило. Специфика монетарного правила М. Фридмана заключается в том, что он предложил бороться с инфляцией не путем поддержки стабильного уровня цен, а путем фиксации темпа роста денежной массы. «Люди, придерживающиеся в общем либеральных взглядов, чаще всего предлагают правило, касающееся уровня цен, а именно законодательное предписание кредитно-денежным учреждениям поддерживать стабильный уровень цен. Я считаю, что это правило не годится. Не годится оно

² Авен, П. О. (1999, 27 января). Экономика торга. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/211815>

³ Там же.

⁴ Там же.

потому, что ставит себе задачи, которые кредитно-денежный орган своими действиями решить неспособен, ибо у него нет на это четкой и прямой власти» (Фридман, 1982. С. 82). «Исходя из нынешнего состояния наших знаний о предмете, мне кажется, что это правило лучше всего сформулировать с точки зрения поведения денежной массы. В данный момент я остановился бы на законодательно установленном правиле, предписывающем кредитно-денежному органу обеспечивать некие конкретные темпы роста денежной массы. Для этого я определил бы денежную массу как сумму денег вне коммерческих банков и вкладов в этих банках. Я вменил бы Резервной системе в обязанность следить за тем, чтобы общий денежный запас, определяемый вышеуказанным образом, рос месяц за месяцем (а если возможно, и день за днем) на X процентов в год, где X есть число между тремя и пятью. Как именно будет определено понятие денег и какие именно будут установлены темпы роста, имеет куда меньшее значение, чем сам факт, что это понятие твердо определено и что темпы эти четко обозначены» (Фридман, 1982. С. 82–83). То есть монетарное правило М. Фридмана принципиально отличается от таргетирования инфляции. М. Фридман справедливо критикует таргетирование инфляции как действия центрального банка, с постоянным запозданием реагирующего на последствия своих более ранних действий.

Реформы правительства Е. Т. Гайдара, действовавшего с 6 ноября 1991 г. по 31 декабря 1992 г., традиционно определяются как либеральные. Иногда Е. Т. Гайдара считают монетаристом. Рассмотрение идеологических нарративов этого политика не дает оснований сомневаться в соответствии провозглашенных им целей и идеологии либерализма. Более того, он сам в явном виде отмечает свою приверженность либерализму. «Я по убеждению либерал, уверен, что свобода самоценна» (Гайдар, 2013а. С. 105). Описание мер предложенной им политики также находится в соответствии с принципами либерализма. «В наши намерения входило совместить либерализацию цен с существенным ужесточением финансовой политики, для того чтобы не допустить превращения первоначального большого скачка цен в спираль „цены – зарплата“ и гиперинфляцию, и снизить инфляцию до низкого уровня» (Гайдар, Матюхин, 2013. С. 12).

Однако задачи снижения инфляции и предотвращения гиперинфляции достигнуты не были. Это иллюстрируют помесечные индексы потребительских цен в табл. 3. Индексы потребительских цен по месяцам, приходящимся на период правительства Е. Т. Гайдара (выделены в таблице курсивом), – самые высокие за всю историю наблюдений с 1991 г.

Таблица 3

Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации (1991–1998 гг.)

Table 3. Consumer price indices for goods and services in the Russian Federation (1991–1998)

Месяц / Month	Год / Year							
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
К концу предыдущего месяца / By the end of the previous month								
Январь / January	106,20	<i>345,30</i>	125,80	117,90	117,77	104,11	102,34	101,51
Февраль / February	104,80	<i>138,00</i>	124,70	110,82	111,02	102,79	101,54	100,89
Март / March	106,30	<i>129,90</i>	120,10	107,41	108,94	102,80	101,43	100,64
Апрель / April	163,50	<i>121,70</i>	118,70	108,49	108,47	102,16	100,96	100,38
Май / May	103,00	<i>111,90</i>	118,10	106,91	107,93	101,60	100,94	100,50
Июнь / June	101,20	<i>119,10</i>	119,90	106,00	106,66	101,17	101,10	100,08
Июль / July	100,60	<i>110,60</i>	122,39	105,33	105,38	100,72	100,93	100,17
Август / August	100,50	<i>108,60</i>	126,00	104,62	104,56	99,79	99,86	103,67
Сентябрь / September	101,10	<i>111,50</i>	123,00	107,96	104,46	100,33	99,70	138,43
Октябрь / October	103,50	<i>122,90</i>	119,50	115,00	104,72	101,20	100,17	104,54
Ноябрь / November	<i>108,90</i>	<i>126,10</i>	116,39	114,61	104,56	101,88	100,61	105,67
Декабрь / December	<i>112,10</i>	<i>125,20</i>	112,50	116,44	103,20	101,42	100,96	111,61
К декабрю предыдущего года / By December of the previous year								
Декабрь / December	260,40	2608,84	939,90	315,14	231,30	121,81	111,03	184,43

Источник: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_04-2025.xlsx

Source: Federal Agency of State Statistics. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_04-2025.xlsx

В опубликованном позднее сборнике работ Е. Т. Гайдара имеется указание на некоторые причины неудачи монетарной политики. «Целями программы являются резкое снижение темпов инфляции до низкого уровня к концу 1992 г. (как известно, в результате резкого ослабления кредитно-денежной политики после 6-го Съезда народных депутатов и действий нового руководителя ЦБ В. Геращенко эту задачу выполнить тогда не удалось. – *Прим. научн. ред. Л. И. Лопатникова*) и максимально возможное противодействие падению производства» (Гайдар, Матюхин, 2013. С. 14). Так как инфляция зависит от действий Центрального банка, то правительство может не достичь целей снижения инфляции, если у Центрального банка иные цели.

Политика, в том числе и экономическая, является результатом компромисса между властными группами. Если у разных групп властвующей элиты отличаются цели, то результирующий эффект принятых компромиссных решений может не соответствовать их идеалам. Например, Е. Т. Гайдар выразил свою приверженность к компромиссам и «реальной политике». «Реальная политика – это всегда компромисс, а не успокоительное „не могу поступиться принципами“. К сожалению, упорно лепятся мифы о правительстве то как секте пуритан от либерализма, самодовольных и напроочь отмечающих любое сотрудничество, любое соглашение то, наоборот, как о пляшущем под чью-то дудку, сдавшем все свои приоритеты» (Гайдар, 2013b. С. 42–43).

Специфика идеологических взглядов Е. Т. Гайдара не позволяет отнести его к «пуританам от либерализма», т. е. к классическим либералам. Это наглядно проявляется в его отношении к роли государства в экономике. «Сохранение активной роли государств в образовании национальных сбережений и финансировании инвестиций – необходимое условие возобновления устойчивого экономического роста в посткоммунистических странах» (Гайдар, 2013c. С. 58). «На этапе трансформации, который переживают бывший СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика чаще всего является одновременно непопулярной. Ее проведение возможно лишь при восстановлении эффективной и сильной государственной власти» (Гайдар, 2013c. С. 61–62). Таким образом, в отличие от классического либерализма Е. Т. Гайдар в большей мере был привержен этатизму. Нацеленность на установление «эффективной и сильной государственной власти» характерна для неолиберализма.

Основная причина, по которой либеральная монетарная политика привела к антилиберальной гиперинфляции, по мнению Е. Т. Гайдара, состояла в противодействии органа законодательной власти действиям правительства. «Проведение эффективной антиинфляционной политики затрудняет в первую очередь глубокий внутренний конфликт в российских органах верховной власти. Верховный Совет не только был и есть, но и на ближайшую перспективу неизбежно останется проинфляционно настроенным. <...> Что касается правительства, то инструменты, находящиеся в его руках, не слишком эффективны. <...> Да и сами члены правительства по-разному относятся к проблеме гиперинфляции...» (Гайдар, 2013d. С. 76). Поэтому наблюдаемое противоречие между провозглашенными целями политики и наблюдаемыми результатами потенциально может быть объяснено без привлечения гипотез о наличии некоторых иных, проинфляционных целей у правительства Е. Т. Гайдара.

Рыночные реформы в России в зеркале нарративов

Рассмотрение теоретических нарративов экономистов – современников событий 1990-х гг. показывает широкий спектр взглядов.

Присутствовали панические реакции и рекомендации экстренных мер по спасению экономики. В статье 1992 г. Н. Шмелев выдвигал следующие приоритеты: «...нам сегодня больше всего нужна не экономическая дальнорукость, а действия, сходные с теми, которые предпринимает пожарный при спасении охваченного огнем дома. Остальное все потом, потом! Если удастся остановить катастрофический распад экономики, хоть как-то нормализовать положение, в дальнейшем у нас будет достаточно времени, чтобы продумать стратегию возрождения и радикального обновления страны. <...> Три главные задачи стоят сегодня перед „пожарными“, пытающимися спасти наш дом: восстановление дееспособности рубля; приватизация; создание социальной „сетки безопасности“, способной предотвратить страну от взрыва» (Шмелев, 1992. С. 4). Примечательно, что вначале после распада СССР экономисты призывали сохранить общее экономическое пространство и общую денежную систему на постсоветском пространстве. «Общая оборона и общая экономика – без этого минимума невозможно само существование того нового сообщества государств, которое возникает на обломках прежнего Советского Союза» (Шмелев, 1992. С. 5). В частности, Н. Шмелев пред-

сказывал, что выпуск бывшими союзными республиками собственных денег спровоцирует экономическую войну с Россией, которая в дальнейшем перерастет в гражданскую войну. Причина проблем – «авантюризм, полная экономическая безграмотность новых политиков и безумие толпы, которая и будет в конечном итоге платить по всем счетам» (Шмелев, 1992. С. 5).

Несколько иная тактика либеральных реформ, предложенная в статье О. Виханского, основана на принципе *laissez-faire*. «Несмотря на то, что все программы А. Аганбегяна, Л. Абалкина, С. Шаталина, Г. Явлинского и многих других именитых экономистов по разным причинам не были приняты к реализации, рынок создается, приватизация осуществляется, работают биржи, дает продукцию фермер, идет медленный переход к капитализму. И делается это снизу невидимыми людьми. Они обращаются к властям: „Не надо нам вашей помощи. Старайтесь мешать поменьше. А мы свое дело сделаем“. И сделают, потому что это совпадает с их реальными интересами. И, кстати, совпадает в гораздо большей мере, чем у политиков, ведущих экономистов и крупных администраторов, которые доказывают, что перевод страны на новые рыночные отношения – смысл их жизни» (Виханский, 1992. С. 13).

Решительный реформаторский настрой многих экономистов логично сочетался с обоснованием предпочтительности быстрых, а не медленных преобразований. «Все перекосы и диспропорции, накопившиеся за годы застоя, подлежат устранению, но исправление этих деформаций связано с потерями, со снижением доходов определенных субъектов хозяйства и отдельных категорий населения. <...> Выход, видимо, состоит в быстрой либерализации цен при одновременном ужесточении бюджетных ограничений» (Лушин, Пашковский, 1992. С. 5). В 1992 г. многих экономистов крайне волновала проблема инфляции. Медленный переход к рыночной экономике рассматривался как потенциальный фактор продолжительной и высокой инфляции. «Провозглашенная во многих постановлениях правительства России новая политика перехода к рынку, предполагающая либерализацию и зарплат, и цен, опасна именно возможностью длительной и крупномасштабной инфляции. Успех такой политики может обеспечить только резкое сокращение дефицита бюджета и очень строгий подход к выдаче кредитов банками» (Лушин, Пашковский, 1992. С. 6).

Ряд экономистов сразу развернули резкую критику проводимых реформ. В особенности это касалось оставшихся сторонников социалистической идеологии. Например, Г. Ракитская следующим образом интерпретировала смысл либерализации цен: «Тотальное многократное и единовременное повышение цен, которое без должных на то оснований было объявлено либерализацией цен. Фактически же имела место денежная реформа, обесценившая текущие доходы и сбережения населения и отбросившая почти всех трудящихся за черту бедности» (Ракитская, 1992. С. 30). При этом критики проводимых реформ в основном признавали бесперспективность или невозможность возвращения централизованного планового хозяйства, они не ставили под сомнение целесообразность перехода к рынку. «Консервативная позиция, противостоящая любым переменам, не играла серьезной роли в противоборстве социальных сил. <...> Нет достаточно мощных социальных сил, заинтересованных и способных вернуть страну в прошлое» (Ракитская, 1992. С. 31). «Позиция несогласия с отчуждением трудящихся от собственности как от власти в хозяйстве не отрицает необходимость перехода к рынку» (Ракитская, 1992. С. 34). То есть основная претензия критиков была связана с ущемлением интересов некоторых социальных групп.

Недоумение от распада социалистической системы, возникшее у сторонников идеологии социализма, стимулировало начать пересмотр их экономико-теоретической системы. Отказываться от марксизма они не стали, но смогли позволить себе критиковать И. В. Сталина и назвать реальный социализм тоталитарно-бюрократическим режимом. Реформы 1990-х гг. также вызывали не симпатии, а обеспокоенность. Например, А. В. Бузгалин в 1993 г. так охарактеризовал положение дел в российской экономике и экономической науке: «Ситуация в нашем Отечестве такова, что дальнейшее движение методом проб и ошибок чревато перерастанием кризиса в катастрофу. Между тем ни старая политическая экономия, ни традиционный „экономикс“ не обладают достаточной „разрешающей способностью“, чтобы дать вразумительные, теоретически обоснованные и конкретные (т. е. целостные, системные, а не эмпирически ограниченные) рекомендации практике» (Бузгалин, 1993. С. 42). Для решения указанной проблемы требуется разработка новой парадигмы экономической теории.

Уже в 1992 г., задолго до завершения реформ, появился один из популярных в дальнейшем теоретических нарративов о рыночных реформах: «Рыночные реформы прошли успешно в Китае и неудачно в России». Согласно Дж. Россу, основной ошибкой российского правительства была ориентация на экспорт, а не на

внутренний рынок и связи с бывшими республиками Советского Союза. Также ошибочно не учитывалась специфика двойственной экономики: монополизация в ряде отраслей и наличие немонополизированного сектора. Дж. Росс делает вывод, что «...в России при той экономической политике, которая проводится правительством, сдвиг относительных цен в сторону продукции монополизированного сектора разрушает немонополизированный сектор, который в результате становится неспособным отвечать потребительскому спросу» (Росс, 1992. С. 47).

В дальнейшем, при расширении популярности дирижистской идеологии, вновь получают распространение нарративы о преимуществах централизованного (индикативного или даже директивного) планирования. В исследовании Л. И. Кочуровой и соавторов подчеркивается важная роль государства. «Государство – единое экономическое пространство, управлять которым должно само государство из федерального центра на принципах развитого рынка. Никакого реального развития без целостного стратегического планирования (долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного), причем планирования из единого национального хозяйственного центра, быть не может» (Кочурова и др., 2020. С. 51). Примечательно, что авторы не видят противоречия между работой рыночного механизма и государственного управления. «Развитый рынок – совершенная модель национальной экономики. Его можно построить только на основе рыночного управления со стороны государства как крупными госкорпорациями, так и предприятиями малого и среднего бизнеса, так как у государства есть возможность согласовать государственный сектор экономики с законами рынка» (Кочурова и др., 2020. С. 49).

Ряд неолиберальных нарративов получил большую известность в негативном контексте или в карикатурном виде в работах критиков неолиберализма. К таким нарративам относятся «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус».

В одной из наиболее цитируемых статей, касающихся «шоковой терапии», В. М. Полтерович охарактеризовал ее таким образом: «Шоковая терапия – единовременное и радикальное изменение системы институтов» (Полтерович, 2009. С. 4). По мнению исследователя, «попытки „шоковым методом“ внедрить рыночные институты в 1990-е годы» (Полтерович, 2009. С. 16) оказались безуспешными.

В одной из наиболее цитируемых статей, посвященных «невидимой руке рынка», ей дана следующая трактовка: «В качестве альтернативы сталинщине выдвигается исключительно модель экономического праволиберального толка, символ веры которой – невидимая рука рынка, которая якобы все сама расставит по своим местам, даст каждому инициативному человеку простор для инноваций, частных собственников сделает эффективными, а экономику – интенсивно развивающейся» (Бузгалин, 2014. С. 53). В данном случае неолиберальный нарратив «перехватывается» сторонником социализма и выставляется в нарочито глупом виде. Более адекватная трактовка «невидимой руки» учитывает историю данной концепции, что представлено в статье Ю. В. Таранухи: «“Невидимая рука” – стихийная сила, регулирующая направленность действий частного интереса. <...> Это выражение применяется для обоснования тезиса, что стихийный способ координации хозяйственной деятельности предпочтительнее прямого участия уполномоченных лиц или органов» (Тарануха, 2018. С. 166).

Нарратив «Вашингтонского консенсуса» хорошо описан в книге В. М. Полтеровича «Элементы теории реформ» (Полтерович, 2007. С. 29). Этот нарратив критикуется в работах сторонников идеологии дирижизма. По мнению С. Ю. Глазьева, «применение идеологии „Вашингтонского консенсуса“ повлекло за собой разрушительные последствия в практике экономического реформирования» (Глазьев, 1998. С. 41). Сторонников же «Вашингтонского консенсуса», которые бы выступали в его защиту, найти сложно.

Нарратив «монетаризма и контроля денежной массы» был распространен как среди сторонников, так и критиков неолиберализма. Например, в статье Н. Ноздрань постулируется: «Анализ динамики денежной массы имеет особое значение при выработке ориентиров кредитно-денежной политики» (Ноздрань, 1993. С. 96). При этом в статье Н. Ноздрань и И. Березина имеется спорное утверждение о неспособности государства контролировать денежную массу, так как центральный банк не может отказать в кредитах коммерческим банкам (Ноздрань, Березин, 1993). Проблема в том, что в практике реформ теория монетаризма и контроль денежной массы (по денежному правилу М. Фридмана) не осуществились. Даже если бы их попытались применить, то для этого нужно было бы учесть кризисные обстоятельства. В условиях падения объемов производства любой положительный прирост денежной массы должен вести к росту уровня цен. Даже если денежная масса будет снижаться, но медленнее падения производства, то уровень цен должен расти. А если

наблюдается гиперинфляция и развитие бартера, то мы не можем принимать за константы спрос на деньги и скорость обращения денег. Несмотря на ограниченную применимость, монетаристский нарратив присутствовал в ходе обсуждения реформ, в то же время не получили популярности либеральные идеи австрийской школы о частных деньгах (предложенных Ф. А. фон Хайеком (Хайек, 1996)) или металлических деньгах (возрождение золотого стандарта предлагал М. Н. Ротбард (Rothbard, 1983)).

В условиях глобализации получила признание теория сравнительных преимуществ. Неолиберальная идеология, поддерживающая свободу международной торговли, допускала то, что специализация на экспорте сырья и импорте готовых товаров выгодна России благодаря ее природным ресурсам. Однако нарратив типа «мы все купим за нефтяные деньги» является скорее карикатурной критикой неолиберализма.

Первоначально в ходе реформ наибольшее внимание уделялось макроэкономическим аспектам, при этом задача состояла в стабилизации экономики. Процесс приватизации хотя и происходил в некоторых формах, но его завершение затягивалось. Затем институциональные аспекты реформ стали считаться крайне важными, и вопрос о приватизации стал объектом дискуссий. Основная аргументация в пользу приватизации имела утилитарный характер: в ходе приватизации собственность достанется тем людям, которые наиболее эффективно будут ее использовать; соответственно, будут расти инвестиции, выпуск продукции и благосостояние. «Потребность в приватизации назрела потому, что прежний собственник – государство, демонстрируя свою полную несостоятельность и неэффективность в управлении имуществом, довел экономику страны до полного банкротства. Смена собственника стала необходима как спасение от общенационального краха, как прорыв к эффективным методам управления экономикой» (Чубайс, 2000. С. 130). Но уже в 1992 г. российские экономисты понимали, что приватизация преследует также политические цели. Тем не менее нарратив «приватизации для создания эффективных собственников» стал преобладающей экономической аргументацией. Идея приватизации как восстановления справедливости (возвращения народу национализированной собственности) не получила распространения. Распространенная трактовка собственности и приватизации основывалась на идеях неинституциональной экономики (теорема Коуза), а не на идеях австрийской школы (принцип гомстеда).

С течением времени в ходе реформ на смену неолиберальным нарративам стали приходить дирижистские. Идея эффективного собственника была так трансформирована, что государство стало рассматриваться как эффективный собственник институтов развития. С точки зрения дирижизма государство может быть более эффективным собственником стратегических активов: Роснано, Ростеха, ВЭБа как инструментов государственной промышленной политики. В Стратегии-2020 имеется положительное отношение к национальным проектам, модернизации и инновационной экономике. Обоснование состоит в том, что «страна не может жить почти исключительно за счет экспорта сырьевых ресурсов...» (Мау, Кузьминов, 2013. С. 8).

Все большее внимание к институциональным аспектам реформирования и учету национальной специфики воплотилось в нарративе «выращивания институтов». «Создаваемые институты должны сопрягаться с другими институтами, опираться на них и, в свою очередь, служить опорой для других» (Клейнер, 2005. С. 10). То есть должна быть обеспечена комплементарность институтов.

Нарратив мобилизационной экономики (концентрации ресурсов на приоритетных направлениях), которая ранее противопоставлялась инновационной экономике, в последнее время стал приобретать все большую популярность. Противопоставление мобилизации и развитию инноваций исчезает: «Необходимость расширения производства военной техники и вооружений с компонентами пятого технологического уклада влечет за собой создание новой мобилизационной экономики» (Южаков, 2023. С. 176).

С недавнего времени (с 2010–2020 гг.) распространяются нарративы экологизма как элемента геополитической стратегии. Отношение российских исследователей к идеологии экологизма разделилось, но общепризнано его западное происхождение. Например, Н. Г. Жаворонкова и Ю. Г. Шпаковский приходят к выводу, что экологический диктат со стороны ЕС и США направлен против России и других стран с сырьевой специализацией. «Сегодня, как ни странно, решающим направлением развития правовой системы в России является серьезное давление, вызванное отчасти требованиями западных правительств и международных организаций соответствовать „мировым стандартам“. Защита окружающей среды и климатическая политика, представляющие так называемую зеленую повестку, подаются как одна из визитных карточек ЕС, позиционирующего себя как лидера природоохранного законодательства и природоохранной политики в мире» (Жаворонкова, Шпаковский, 2021. С. 57). Однако в качестве ответа на этот диктат экологизма обычно

рассматривается дальнейшее расширение государственного регулирования. «Ввиду существенных угроз для национальной экономики от последствий изменения климата и ужесточения международных требований к карбоноёмкости экспорта России нельзя ограничиваться полумерами и рассматривать дальнейшее развитие инструментов климатического регулирования в качестве составного элемента экологической политики» (Яковлева, 2021. С. 16).

Новейшей тенденцией (после 2022 г.) на идеологическом ландшафте также является распространение нарратива «экономики Русской цивилизации». Согласно Е. В. Балацкому и Н. А. Екимовой, идеология Русской цивилизации должна выдвинуть лозунг: «Порядок. Единство. Духовность» (Балацкий, Екимова, 2022. С. 86), а экономический девиз Русской цивилизации «выглядит как триада „Надежность. Масштабирование. Креативность“» (Балацкий, Екимова, 2022. С. 86). Этот нарратив может быть отнесен к идеологии особого пути.

Заключение

В заключение можно сделать следующие теоретико-методологические выводы о соотношении идеологии и политики:

1. Существуют различия между мыслью, словом и действием.
2. Экономисты могут наблюдать только провозглашаемую приверженность некоторой идеологии. Если настоящая приверженность некоторой идеологии не демонстрируется, то она остается недоступна эмпирическому познанию (непознаваема) для экономистов.
3. Субъекты политики могут как следовать, так и не следовать провозглашенной ими идеологии при реализации политики. Их цели могут как быть в согласии с провозглашаемой ими идеологической позицией, так и отличаться от нее.
4. Экономическая политика является продуктом компромиссов между властными группами и не определяется целями какого-либо одного субъекта.
5. Цели экономической политики могут достигаться или не достигаться, но рассматриваться через призму теоретических нарративов, которые ассоциировались с теми или иными реформами.

В экономических исследованиях существуют две противоположные точки зрения относительно влияния идей и идеологий на выбор экономической политики. Согласно одной точке зрения, идеи оказывают определяющее влияние на выбор политики. Согласно другой точке зрения, политика определяется интересами акторов, которые используют идеи в качестве своих инструментов. Некоторые авторы стремятся предложить компромиссный подход, когда, например, в модели с разнородными акторами одни акторы относятся к идеям инструментально, а другие – пассивно воспринимают предложенные идеи.

Анализ соотношения между изменением преобладающей идеологии в научных статьях по экономике и динамикой реформ в России свидетельствует скорее об опережающей динамике идей в исследованиях по сравнению с проводимой политикой.

Рассмотренный в настоящей статье пример с инфляцией показывает, что, согласно неолиберальной идеологии и в соответствии с провозглашенными целями рыночных реформ, государство должно было активно бороться с инфляцией. Однако реализация на практике рекомендаций монетаризма была невозможной. Реальная идеологическая принадлежность реформаторов дискуссионна. На практике рыночные реформы 1990-х гг. в России привели к продолжительной и высокой инфляции, о чем свидетельствуют данные о динамике индекса потребительских цен.

Наиболее важные теоретические нарративы, которые сопровождали российские экономические реформы: «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус», «приватизация и эффективные собственники», «монетаризм и контроль денежной массы», «теория сравнительных преимуществ», «государство как эффективный собственник институтов развития», «мобилизационная экономика», «национальные проекты», «модернизация и инновационная экономика», «экономика Русской цивилизации», «выращивание институтов», «экологизм как элемент геополитической стратегии». Между теоретическими нарративами и экономическими реформами не существует устойчивой причинной связи, но можно сказать, что теоретические нарративы часто являются оправданием реформ как в академическом сообществе, так и в общественном дискурсе.

Список литературы

- Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 14(3), 74–90. EDN: FOTHWL. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090
- Бузгалин, А. (1993). Отечественная экономическая теория: от кризиса к новой парадигме? *Вопросы экономики*, 1, 42–52.
- Бузгалин, А. В. (2014). Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма». *Проблемы современной экономики*, 51(3), 53–55. EDN: TAJXXZ
- Виханский, О. (1992). Кто поведет к рынку. *Вопросы экономики*, 1, 10–18.
- Вольчик, В. В. (2024). Идеология и нарративная экономика. *Terra Economicus*, 22(3), 21–33. EDN: VJZETQ. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33
- Вольчик, В. В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 17(2), 133–145. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145>
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Марьян, П. А., Скрябин, М. В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 16(4), 42–59. EDN: CPKSVH. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059
- Гайдар, Е. Т. (2013а). Либерализм: Без демократии не получится. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 7, с. 105–110). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013б). Россия и реформы. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 31–43). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013с). Трудный путь от социализма. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 43–62). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013д). Удастся ли затормозить гиперинфляцию? *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 74–76). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т., Матюхин, Г. Г. (2013). Меморандум об экономической политике Российской Федерации. *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. (Т. 6, с. 10–31). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Глазьев, С. Ю. (1998). «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России. *Экономическая наука современной России*, 5, 39–46. EDN: IBCCBF
- Григорьев, Л. М. (2012). Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории. *Мир России. Социология и этнология*, 1, 11–23. EDN: OPJRPJ
- Жаворонкова, Н. Г., Шпаковский, Ю. Г. (2021). Зарубежная нормативная экспансия в экологическом регулировании. *Lex russica*, 74(6), 56–67. EDN: QCYZPL. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.056-067
- Кейнс, Дж. М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. Москва: Эксмо. EDN: QSKYFV
- Клейнер, Г. Б. (2005). Модернизация экономики и «выращивание» институтов: взгляд «снизу». В кн. *Модернизация экономики и выращивание институтов* (Т. 1). Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Кочурова, Л. И., Харлампенков, Е. И., Клещевский, Ю. Н., Энгель, С. Л., Андреев, В. В. (2020). Особенности развития экономики России на современном этапе. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 17(6), 45–53. EDN: RSNAQV. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-6-45-53
- Лушин, С., Пашковский, В. (1992). Инфляционные процессы в экономике страны, истоки и перспективы. *Вопросы экономики*, 2, 3–12.
- Мау, В. А., Кузьминов, Я. И. (2013). *Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мизес, Л. (2001). *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Мизес, Л. (2005). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Ноздрань, Н. (1993). Денежные агрегаты: опыт переходного периода в России. *Вопросы экономики*, 11, 96–103.
- Ноздрань, Н., Березин, И. (1993). Денежные агрегаты: теория и практика. *Вопросы экономики*, 6, 30–39.
- Пахомов, А. А. (2021). Рыночный статус российской экономики: вопросы теории и практики. *Экономическое развитие России*, 28(6), 12–17. EDN: NIQVLL
- Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика. EDN: QSJZAV
- Полтерович, В. М. (2009). Проблема формирования национальной инновационной системы. *Экономика и математические методы*, 45(2), 3–18. EDN: JXOYBD
- Полтерович, В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 55–65. EDN: YWIMXL
- Полтерович, В. М. (2022). Экономическая теория и формирование человеческих качеств. *AlterEconomics*, 19(2), 201–211. EDN: QWOTRA. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.1
- Ракитская, Г. (1992). Власть трудящихся в хозяйстве как составная часть социальной защищенности. *Вопросы экономики*, 7, 29–36.
- Росс, Дж. (1992). Почему экономическая реформа потерпела крах в Восточной Европе и России, а в Китае увенчалась успехом? *Вопросы экономики*, 11, 42–52.

- Тамбовцев, В. Л. (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты. *Вопросы экономики*, 5, 26–45. EDN: IWUNPH. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45
- Тамбовцев, В. Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия. *Вопросы экономики*, 10, 5–27. EDN: KNZARS. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-5-27
- Тарануха, Ю. В. (2018). «Невидимая рука» Адама Смита: содержание и роль. *Общественные науки и современность*, 6, 162–173. EDN: VPHYZSG. DOI: 10.31857/S086904990002758-5
- Фридман, М. (1982). *Капитализм и свобода*. New York: Chalidze Publications.
- Хайек, Ф. (1989). Конкуренция как процедура открытия. *Мировая экономика и международные отношения*, 12, 5–14.
- Хайек, Ф. А. фон. (1996). *Частные деньги*. Москва: Институт национальной модели экономики.
- Хаиткулов, Р. Г., Шестаков, Д. Е. (2012). Российские экономические реформы: история эволюции концепций. *Мир России. Социология. Этнология*, 1, 54–78. EDN: OPJRQN
- Чубайс, А. Б. (2000). *Рождение хозяина. Приватизация по-русски*. Москва: Вагриус.
- Шумпетер, Й. (2012). Наука и идеология. В кн. Д. Хаусман (ред.), *Философия экономики*. Антология. Москва: Изд. Института Гайдара.
- Шкаратан, О. И. (2006). Комментарии. В докл. Л. М. Григорьев, *Хронология реформ. Препринт WP11/2006/01* (с. 34). Москва: ГУ ВШЭ.
- Шмелев, Н. (1992). Ближайшие приоритеты. *Вопросы экономики*, 1, 3–9.
- Южаков, В. А. (2023). Мобилизационная экономика: в будущее через прошлое. *Вестник Челябинского государственного университета*, 481(11), 176–187. EDN: JBKGVY. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187
- Яковлева, Е. Н. (2021). Управление климатической безопасностью экономики: теоретические и прикладные аспекты. *Вестник университета*, 11, 14–23. EDN: DOMLPC. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-11-14-23
- Ash, E., Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2021). Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics. *NBER Working Paper*, 29474. <http://www.nber.org/papers/w29474>
- Berman, E. (2022). *Thinking like an economist: how efficiency replaced equality in U.S. public policy*. Princeton University Press.
- Markey-Towler, B. (2019). The Competition and Evolution of Ideas in the Public Sphere: a New Foundation for Institutional Theory. *Journal of Institutional Economics*, 15(1), 27–48. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000061>
- Mikloš, I. (2021). Three Models of Post-Communist Transformation and Lessons Learned. *Central European Business Review*, 10(2-special), 43–61. EDN: KKAZQL. DOI: 10.18267/j.cebr.277
- Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas versus Interests in Policymaking. *NBER Working Paper*, 24467. <http://www.nber.org/papers/w24467>
- Roos, M., & Reccius, M. (2024). Narratives in Economics. *Journal of Economic Surveys*, 38(2), 303–341. EDN: WBQHOW. DOI: 10.1111/JOES.12576
- Rothbard, M. N. (1983). *The Mystery of Banking*. New York: Richardson and Snyder, Dutton.
- Svetlova, E. (2022). AI Meets Narratives: the State and Future of Research on Expectation Formation in Economics and Sociology. *Socio-Economic Review*, 20(2), 841–861. EDN: JJKJMA. DOI: 10.1093/ser/mwab033
- Tuckett, D., Holmes, D., Pearson, A., & Chaplin, G. (2020). Monetary Policy and the Management of Uncertainty: A Narrative Approach. *Bank of England, Staff Working Paper No. 870*.

References

- Ash, E., Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2021). Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics. *NBER Working Paper*, 29474. <http://www.nber.org/papers/w29474>
- Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). Social Contract in Russia: Before and After 2022. *Journal of Institutional Studies*, 14(3), 74–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090>
- Berman, E. (2022). *Thinking like an economist : how efficiency replaced equality in U.S. public policy*. Princeton University Press.
- Buzgalin, A. (1993). Russian economic theory: from crisis to new paradigm? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 42–52. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V. (2014). Renewal of Russian Economic System: Necessity of Rejection of “Market Fundamentalism”. *Problems of Modern Economics*, 51(3), 53–55. (In Russ.).
- Chubais, A. B. (2000). *Birth of a host. Russian-style privatization*. Moscow: Vagrius Publishing house. (In Russ.).
- Friedman, M. (1982). *Capitalism and Freedom*. New York: Chalidze Publications. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T. (2013a). Liberalism: no way without democracy. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 7, pp. 105–110). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T. (2013b). Russia and reforms. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 31–43). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).
- Gaidar, Ye.T. (2013c). Difficult way from socialism. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 43–62). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).

- Gaidar, Ye. T. (2013d). Is it possible to slow down hyperinflation? *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 74–76). Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T., & Matyukhin, G. G. (2013). Memorandum on the economic policy of the Russian Federation. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 10–31). Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Glazyev, S. Yu. (1998). “Washington consensus” and scientific-technical progress in Russia. *Economics of Contemporary Russia*, 5, 39–46. (In Russ.).
- Grigoriev, L. M. (2012). Chronology of reforms. Economic reforms of the end of the 29th century: experience and lessons of modern history. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 11–23. (In Russ.).
- Hayek, F. (1989). Competition as a Procedure of Discovery. *World Economy and International Relations*, 12, 5–14. (In Russ.).
- Hayek, F. A. von. (1996). *Denationalisation of Money*. Moscow: Institute for National Model of the Economy. (In Russ.).
- Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest, and Money. Selected works*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Khaitkulov, R. G., & Shestakov, D. E. (2012). Russian economic reforms: history of the evolution of concepts. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 54–78. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (2005). Modernizing economy and “cultivating” institutions: a view “from beneath”. In *Modernizing economy and cultivating institutions* (Vol. 1). Moscow: HSE Publishing house. (In Russ.).
- Kochurova, L. I., Kharlampenkov, E. I., Kleshchevskiy, Yu. N., Engel, S. L., & Andreev, V. V. (2020). Specific Features of Russian Economy Development on the Current Stage. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 17(6), 45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-6-45-53>
- Lushin, S., & Pashkovsky, V. (1992). Inflation processes in the country’s economy: sources and prospects. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 3–12. (In Russ.).
- Markey-Towler, B. (2019). The Competition and Evolution of Ideas in the Public Sphere: a New Foundation for Institutional Theory. *Journal of Institutional Economics*, 15(1), 27–48. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000061>
- Mau, V. A., & Kuzminov, Ya. I. (2013). *Strategy-2020: New model of growth – new social policy. Finalized report on the results of expert estimation of the topical issues of Russia’s social-economic strategy up to 2020. Book 1*. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Mikloš, I. (2021). Three Models of Post-Communist Transformation and Lessons Learned. *Central European Business Review*, 10(2-special), 43–61. <https://doi.org/10.18267/j.cebr.277>
- Mises, L. (2001). *Theory and history: Interpretation of social-economic evolution*. Moscow: UNITY-DANA Publishing house. (In Russ.).
- Mises, L. (2005). *Human activity: treaty on economic theory*. Chelyabinsk: Sotsium Publishing house. (In Russ.).
- Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas versus Interests in Policymaking. *NBER Working Paper*, 24467. <http://www.nber.org/papers/w24467>
- Nozdran, N. (1993). Monetary aggregates: experience of transitional period in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 96–103. (In Russ.).
- Nozdran, N., & Berezin, I. (1993). Monetary aggregates: theory and practice. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 30–39. (In Russ.).
- Pakhomov, A. A. (2021). Market Status of Russian Economy: Some Aspects of Theory and Practice. *Russian Economic Development*, 28(6), 12–17. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. Moscow: Ekonomika Publishing house. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2009). Forming the national innovative system. *Economics and Mathematical Methods*, 45(2), 3–18. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2017). Developing the strategies of social-economic development: science versus ideology. *Issues of Economic Theory*, 1, 55–65. (In Russ.).
- Rakitskaya, G. (1992). Ergatocracy in economy as a constituent of social protection. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 29–36. (In Russ.).
- Roos, M., & Reccius, M. (2024). Narratives in Economics. *Journal of Economic Surveys*, 38(2), 303–341. <https://doi.org/10.1111/JOES.12576>
- Ross, J. (1992). Why did economic reform fail in Eastern Europe and Russia and succeed in China? *Voprosy Ekonomiki*, 11, 42–52. (In Russ.).
- Rothbard, M. N. (1983). *The Mystery of Banking*. New York: Richardson and Snyder, Dutton.
- Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. In D. Hausman (Ed.), *Philosophy of Economics*. Moscow: Izd. Instituta Gaydara.
- Shkaratan, O. I. (2006). Comments. In L. M. Grigoriev, *Chronology of Reforms. Preprint WP11/2006/01* (p. 34). Moscow: HSE Publishing house. (In Russ.).
- Shmelev, N. (1992). Closest priorities. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 3–9. (In Russ.).
- Svetlova, E. (2022). AI Meets Narratives: the State and Future of Research on Expectation Formation in Economics and Sociology. *Socio-Economic Review*, 20(2), 841–861. <https://doi.org/10.1093/ser/mwab033>
- Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas and Interests, Economic Policy and Institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 26–45. (In Russ.).
- Tambovtsev, V. L. (2024). Economic ideology: Versions of the concept’s acceptations and application. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 5–27. (In Russ.).
- Taranukha, Yu. V. (2018). Adam Smith’s “Invisible Hand”: Content and Role. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 162–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086904990002758-5>
- Tuckett, D., Holmes, D., Pearson, A., & Chaplin, G. (2020). Monetary Policy and the Management of Uncertainty: A Narrative Approach. *Bank of England, Staff Working Paper No. 870*.

- Vikhansky, O. (1992). Who will lead towards the market? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 10–18. (In Russ.).
- Volchik, V. V. (2024). Ideology and Narrative Economics. *Terra Economicus*, 22(3), 21–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33>
- Volchik, V. V. (2025). Ideological Drift in Russian Economic Science. *Journal of Institutional Studies*, 17(2), 133–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145>
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Marian, P. A., & Skryabin, M. V. (2024). An Empirical Study of the Ideological Component in Russian Economic Science. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 42–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059>
- Yakovleva, E. N. (2021). Managing economic climate security: theoretical and applied aspects. *Vestnik universiteta*, 11, 14–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-14-23>
- Yuzhakov, V. A. (2023). Mobilization Economy: Into the Future through the Past. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 481(11), 176–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187>
- Zhavoronkova, N. G., & Shpakovsky, Yu. G. (2021). Foreign Regulatory Expansion in Environmental Regulation. *Lex russica*, 74(6), 56–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.056-067>

Вклад авторов

В. В. Вольчик – концепция статьи, работа с научной литературой, качественный анализ источников, выделение и анализ теоретических нарративов.

И. М. Ширяев – концепция статьи, качественный анализ источников, анализ теоретических нарративов, работа с научной литературой.

Author's contribution

V. V. Volchik – the article concept, working with scientific literature, qualitative analysis of sources, distinguishing and analyzing theoretical narratives.

I. M. Shiryayev – the article concept, qualitative analysis of sources, analysis of theoretical narratives, working with scientific literature.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.07.2025
 Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 17.08.2025
 Дата принятия в печать / Accepted 18.08.2025

Ю. Р. Туманян¹,
М. А. Корытцев¹,
А. В. Ипатова¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Геоэкономика и неолиберализм: теория, методология, практика

Контактное лицо:

Туманян Юрий Рафаэлович, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет

E-mail: yrtumanyan@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-05020-139X>

Web of Science Researcher ID: 57190981379

eLIBRARY SPIN-код: 4128-8341

Корытцев Максим Александрович, доктор экономических наук, доцент, Южный федеральный университет

E-mail: mkorytcev@sfedu.ru

Web of Science Researcher ID: B-6021-2017

eLIBRARY SPIN-код: 5797-3811

Ипатова Анна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет

E-mail: avipatova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6317-8071>

Web of Science Researcher ID: M-5989-2013

eLIBRARY SPIN-код: 8963-4865

Аннотация

Цель: выявление диалектического противоречия между геоэкономикой и неолиберализмом в условиях роста геоэкономической конкуренции и изменения характера международной экономической политики, суть которого на практике проявляется в одновременном течении двух разнонаправленных процессов – глобализации и регионализации.

Методы: для достижения исследовательской цели использовались преимущественно качественные методы анализа и смешанные (междисциплинарные) подходы, позволяющие обеспечить глубокое понимание современных экономических процессов, включая историографический обзор, анализ ключевых геоэкономических проектов и инструментов политики, а также исследование конфликта между неолиберальными и геоэкономическими парадигмами.

Результаты: выявлен многоаспектный характер понятия «геоэкономика», показана суть конфликта между неолиберализмом и геоэкономикой на современном этапе; выявлена основная тенденция геоэкономической политики: внешнеэкономическая деятельность многих стран, несмотря на неолиберальную составляющую, все чаще строится с опорой на геоэкономическую политику для достижения глобального влияния за счет новейших технологий, динамических инноваций и обеспечения безопасности страны; показаны основные проекты геополитических игроков (китайская инициатива «Один пояс – один путь», европейская программа «Глобальные ворота»), ориентированные на геоэкономические отношения и укрепление стратегических позиций и технологического суверенитета: определены основные инструменты геоэкономической политики.

Научная новизна: впервые системно исследовано диалектическое противоречие между геоэкономикой и неолиберализмом, что позволило разработать методологический инструментарий для анализа современных глобальных экономических процессов.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для разработки внешнеэкономической политики, учитывающей баланс между глобализацией и регионализацией, а также для оценки эффективности геоэкономических инструментов в условиях современных вызовов. Основные выводы исследования также могут быть использованы для изучения современных глобальных процессов в мировой экономике и политике.

Ключевые слова:

экономическая теория, геоэкономика, геоэкономическая политика, неолиберализм, глобализация, регионализация, количественные и качественные методы анализа, геоэкономические проекты, геоэкономическая политика, инструменты геоэкономической политики

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Туманян, Ю. Р., Корытцев, М. А., Ипатова, А. В. (2025). Геоэкономика и неолиберализм: теория, методология, практика. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 488–502. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.488-502>

Scientific article

Yu. R. Tumanyan¹,

M. A. Koryttsev¹,

A. V. Ipatova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Geo-economics and neoliberalism: theory, methodology, practice

Contact:

Yuri R. Tumanyan, Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Southern Federal University
E-mail: yrtumanyan@sfedu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-05020-139X>
Web of Science Researcher ID: 57190981379
eLIBRARY SPIN-code: 4128-8341

Maxim A. Koryttsev, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Southern Federal University
E-mail: mkoryttsev@sfedu.ru
Web of Science Researcher ID: B-6021-2017
eLIBRARY SPIN-code: 5797-3811

Anna V. Ipatova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Southern Federal University
E-mail: avipatova@sfedu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6317-8071>
Web of Science Researcher ID: M-5989-2013
eLIBRARY SPIN-code: 8963-4865

Abstract

Objective: to identify the dialectical contradiction between geo-economy and neoliberalism under the increasing geo-economic competition and the changing nature of international economic policy, the essence of which in practice manifests itself in the simultaneous course of two multidirectional processes – globalization and regionalization.

Methods: to achieve the research goal, mainly qualitative methods of analysis and mixed (interdisciplinary) approaches were used, providing a deep understanding of modern economic processes. They include a historiographical overview, analysis of key geo-economic projects and policy instruments, as well as a study of the conflict between neoliberal and geo-economic paradigms.

Results: the multidimensional nature of the “geo-economy” concept is revealed; the essence of the conflict between neoliberalism and geo-economics at the present stage is shown. The main trend of geo-economic policy is revealed: foreign economic activity of many countries, despite its neoliberal component, is increasingly based on geo-economic policy to achieve global influence through the latest technologies, dynamic innovations and ensuring the country security. The main

projects of geopolitical actors (the Chinese “One Belt, One Road” initiative, the European “Global Gateway” program) focus on geo-economic relations and strengthening strategic positions and technological sovereignty. The main instruments of geo-economic policy are identified.

Scientific novelty: for the first time, the dialectical contradiction between geo-economy and neoliberalism was systematically investigated, which allowed the development of methodological tools for analyzing modern global economic processes.

Practical significance: the study results can be used to develop a foreign economic policy that takes into account the balance between globalization and regionalization, as well as to assess the effectiveness of geo-economic instruments in the face of modern challenges. The main conclusions can also be used to study modern global processes in the global economy and politics.

Keywords:

economic theory, geo-economy, geo-economic policy, neoliberalism, globalization, regionalization, quantitative and qualitative methods of analysis, geo-economic projects, geo-economic policy, tools of geo-economic policy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Tumanyan, Yu. R., Koryttsev, M. A., & Ipatova, A. V. (2025). Geo-economics and neoliberalism: theory, methodology, practice. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 488–502. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.488-502>

Введение

Понятие геоэкономики не является однозначным, поскольку может рассматриваться как отрасль науки, как концепция формирования внешнеэкономической стратегии страны и как субъект международных отношений.

Геоэкономика как *отрасль науки* формируется под воздействием экономических, географических и политических факторов.

На глобальном же уровне геоэкономика, изучая международные политико-экономические отношения, основывается на исследовании взаимодействия вышеперечисленных факторов и их сочетании в стратегии развития государства. Такой подход позволяет рассматривать геоэкономику как *концепцию* внешнеполитической стратегии государства, опирающейся на объективное состояние международных экономических отношений на конкретном этапе развития страны. А при реализации целей и задач внешнеэкономической стратегии государства геоэкономика может формировать инструменты геоэкономической политики государства.

Геоэкономика как *субъект международных отношений* выступает внешним фактором суверенитета страны (экономического, финансового, технологического, информационного), проявляющегося в реализации внешнеэкономической стратегии и управлении экономической политикой для достижения национальных социально-экономических целей.

Изначально в геоэкономике значительную роль играл географический фактор. В силу этого именно экономическая география выступает субдисциплиной, описывающей и объясняющей абсолютное и относительное (по отношению к другим странам) местоположение экономической деятельности, а также потоки информации, ресурсов (природных и трудовых), товаров и услуг, которые органически связывают отдельные местные рынки, региональные и национальные экономики¹ (Смирнов, 2014). Она возникла в конце XIX в. в виде коммерческой географии, изучающей характер экономики страны и отношения между ее природной и кадровой базами. Таким образом, география производства определенных товаров была основана на конкретной фактологии, а не на экономических принципах. Однако в дальнейшем эта ситуация изменилась. Экономическая география, вдохновленная более ранними исследованиями А. Вебера (1926) и В. Кристаллера (Christaller, 1964), все больше внимания стала обращать на социально-экономическое развитие региона.

¹ Плисецкий, Е. Л. (2007). Коммерческая география России: Территориальная организация производства рынка: учеб. пособие. Москва: КноРус.

Новое поколение ученых в области экономической географии начало искать последовательные закономерности в экономическом ландшафте стран, где производители стали действовать рационально на основе имеющихся ресурсов, расположения своих рынков, транспортных издержек, связанных с перемещением этих ресурсов, в том числе мигрантов, готовой продукции и т. д. (Brenner et al., 2010). В дальнейшем географическое положение, его различие, вошло в предмет их исследований, поскольку экономические географы собирали и анализировали количественные данные о всевозможных производителях товаров для идентификации пространственных закономерностей и/или отклонения от них. В этой связи особое внимание уделялось описанию и разъяснению процесса принятия пространственных решений фирмами, трудовыми ресурсами, в том числе мигрантами. Этот подход стал основой так называемой региональной науки, которая была связана с государственной политикой и решением социально-экономических проблем (Coleman, 2013).

История геоэкономики развивалась на протяжении десятилетий и определялась важными геополитическими событиями и экономическими изменениями огромных масштабов. Одними из первых, кто начал изучать факторы геоэкономики, были представители исторической школы. Примером может служить теория Фридриха Листа об индустриализации и опоре на собственные силы².

После окончания Второй мировой войны заключение Бреттон-Вудского соглашения в 1944 г. стало важной вехой в установлении новой международной валютной системы и глобальных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Эти институты сыграли решающую роль в международных экономических отношениях и в стабилизации послевоенной мировой экономики.

В период холодной войны геополитическая напряженность между США и СССР изменила геоэкономику, при этом торговая и экономическая помощь использовались как инструменты политического влияния и для привлечения союзников по всему миру. Эдвард Люттвак еще в 1990 г. определил вектор движения к геоэкономике: «Все, похоже, теперь согласны с тем, что методы торговли вытесняют военные методы – с располагаемым капиталом вместо огневой мощи, гражданскими инновациями вместо военно-технического прогресса и проникновением на рынок вместо гарнизонов и баз» (Luttwak, 1990).

Многие экономисты сегодня соглашались с позицией Э. Люттвака о том, что в условиях глобализации финансовые инструменты становятся приоритетным фактором геоэкономики. Доказательством чего является активное использование международными финансовыми институтами различных спекулятивных активов для успешного преодоления национальных барьеров государств (Туманян и др., 2018).

В последней четверти прошлого века глобализация экономики и мировых экономических отношений стала доминирующим явлением как результат развития неолиберальной политики и идей. Крах коммунизма в Восточной Европе и рост экономического неолиберализма привели к значительному увеличению глобальной торговли и экономической взаимозависимости между странами.

Основная идея неолиберализма, как резюмировал Дэвид Харви, заключалась в том, что «благосостояние человека может быть наилучшим образом повышено путем высвобождения индивидуальных предпринимательских свобод и навыков в институциональных рамках, характеризующихся сильными правами частной собственности, свободными рынками и свободной торговлей» (Харви, 2007. С. 144). На практике это означало приватизацию, дерегулирование и жесткую экономию производственных и финансовых ресурсов. После экономического спада 1970-х гг. неолибералы и их ведущие политики (М. Тэтчер и Р. Рейган), по сути, стремились обратить вспять капитализм всеобщего благосостояния, существовавший в начале XX в. Они начали массово «сокращать государство и уменьшать систему социального обеспечения» (Хайек, 2006. С. 226).

В дальнейшем приверженцы идей Хайека считали, что для того, чтобы избежать повторения «исторических» неудач, необходимо выстроить иные отношения между государством и рынком. В отличие от классического либерализма рынок будет рассматриваться не как естественная и отдельная сфера, а как «принцип, форма и модель» для государства. Как и кейнсианцы, неолиберальные мыслители поддерживали государственное вмешательство, но с целью сохранения рыночной конкуренции, которая, как считалось, является показателем либеральной демократии (Lemke, 2001. Р. 193). Этот новый либерализм рассматривался как

² Ф. Лист считал покровительственную систему возможной только там, где существуют необходимые для развития промышленности условия, в том числе закругленность территории, густое население, богатство естественных сил природы, прогрессирующее земледелие, высокая степень цивилизации и политическое развитие.

путь к стабильному послевоенному международному экономическому порядку: теоретически он признавал необходимость государственного вмешательства без ущерба для свободы личности (Slobodian, 2018. P. 128).

Вслед за изменениями, внесенными политиками, неолиберализм стал быстро распространяться и насаждаться во всем остальном мире. Он был глобализирован через международные финансовые институты, а также через политическое и экономическое давление, прежде всего США. Многие страны (в том числе Россия, Китай и др.) либерализовали свои экономики, чтобы приспособиться – по крайней мере, в некоторой степени и с переменным успехом – к новой глобальной системе. Это оказало глубокое влияние практически на все аспекты человеческой жизни. Действительно, как пишет Харви, неолиберальная идеология с тех пор «стала гегемонистской формой дискурса». Он продолжает, что это оказывает «всепроникающее воздействие на образ мышления до такой степени, что оно стало частью здравого смысла, которым многие из нас интерпретируют, живут и понимают мир» (Харви, 2007. С. 148).

Нобелевский лауреат М. Фридман в своей доктрине предполагал, что те, кто не сосредотачивается на акционерной стоимости, являются «невольными марионетками интеллектуальных сил, которые подрывают основы свободного общества в последние десятилетия» (Фридман, 2006), а социальная ответственность, например хорошее отношение к рабочим, кроме сосредоточения внимания на акционерной стоимости, равносильно тому, как если бы руководитель облагал налогом своих акционеров, «тратя их деньги» на свои личные убеждения. Он считал экономическую свободу (государство, которое не вмешивается в экономические вопросы) необходимой для политической свободы.

Несмотря на различия в подходах, в вышеупомянутых дискурсах неолиберализма есть важные совпадения. Все они разделяют убеждение, что неолиберализм является доминирующей мировой системой (Peck, & Tickell, 2002). Тем не менее некоторые авторы рассматривают его как корень системных форм глобального неравенства, которые, как считается, являются не столько результатом индивидуального выбора или ответственности, сколько фундаментально неравным распределением политической власти и ресурсов (Карнаух, 2003; Hilgers, 2011).

Таким образом, глобализация экономических отношений стала доминирующим явлением. Распад социалистического блока и рост экономического неолиберализма привели к значительному увеличению глобальной торговли и экономической взаимозависимости между странами.

В 1990-е и 2000-е гг. возникают новые геоэкономические проблемы, в том числе стремительный взлет Китая как мировой экономической державы, расширение международной торговли под опекой Всемирной торговой организации и ожесточенные научные дебаты о важнейшей роли финансовых институтов в современном мире (Holslag, 2016; Hsiung, 2009; Lee, 2020).

После глобального финансового кризиса 2008 г. геоэкономика претерпевает значительные изменения, связанные с пересмотром экономической политики и возрождением так называемого экономического национализма и протекционизма в некоторых регионах³.

В XXI в. геоэкономика приобретает центральную роль в силовых стратегиях государств. Это приводит к использованию экономических санкций, жесткой конкуренции за природные и технологические ресурсы, а также к возникающим геоэкономическим проблемам, таким как кибербезопасность и цифровизация экономики, и все это как конечная цель – укрепление национальной безопасности.

Цель настоящего исследования – выявление диалектического противоречия между геоэкономикой и неолиберализмом в условиях роста геоэкономической конкуренции и изменения характера международной экономической политики.

Достижению поставленной цели будет способствовать решение следующих задач:

- выявить многоаспектный характер понятия «геоэкономика» на основании историографического обзора литературы;
- показать суть конфликта между неолиберализмом и геоэкономикой на современном этапе и возможность его разрешения;
- определить основные инструменты геоэкономической политики.

³ Pearse, W. (2021, March 16). A Critique of Neoliberalism. INOMICS, <https://inomics.com/insight/a-critique-of-neoliberalism-1379580>; Rodrick, D. (2017, November 14). The fatal flaw of neoliberalism: it's bad economics. The Guardian. <https://www.theguardian.com/news/2017/nov/14/the-fatal-flaw-of-neoliberalism-its-bad-economics>; Ostry, J. D. (2016, June). Neoliberalism: Oversold? International Monetary Fund. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/06/pdf/ostry.pdf>

Методология исследования

Долгое время в экономической науке не находили широкого применения качественные методы анализа экономических процессов и явлений. Основными инструментами исследований являлись статистические показатели, позволяющие количественно подтверждать тенденции и выявлять закономерности (Атаева, Овезмурадов, 2023). Сегодня все чаще на передний план выходят качественные методы, которые стали приобретать все большую популярность в плюралистической и так называемой гетеродоксальной экономике, т. е. там, где изучение экономических принципов рассматривается вне традиционных и общепринятых экономических школ⁴. Так, например, использование качественных методов необходимо для исследования природы конкретного экономического кризиса или закономерности, а следовательно, для понимания его сути, что крайне важно при разработке антикризисных и социально-экономических мероприятий (Стрыгин, 2015).

Есть три основных методологических аспекта, которые определяют значение качественных подходов к исследованиям.

Во-первых, качественные методы характеризуют диалектические отношения, которые складываются в процессе взаимодействия между объективной реальной общественной практикой и субъективными институциональными структурами.

Во-вторых, использование качественных методов позволяет погрузиться в глубину исследуемого явления или предмета, а значит, понять и объяснить скрытые стороны их сущности. Переход от понимания к объяснению позволяет сосредоточиться на причинно-следственных связях изучаемых отношений и явлений, представляя объективную реальность системой, основанной на правилах, существующих независимо от поведения экономических субъектов (индивидов).

В-третьих, методологическая «плюрализация» экономики посредством качественных, а также смешанных (междисциплинарных) подходов может обеспечить глубокое понимание экономических процессов.

Каков же вклад качественных методов в анализ конкретного экономического явления, тенденции, структуры, кластера, рынка и т. д., который позволяет провести адекватную экономическую политику в период многофакторности современных проблем? В этом контексте геоэкономическая политика представляет особый интерес, поскольку в настоящее время она претерпевает фундаментальные изменения. Характер изменений беспрецедентен, поскольку мировой экономический порядок значительно изменился за последнее столетие (особенно с момента возникновения диалектического противоречия между процессами глобализации и регионализации). Причины в следующем:

1. Изменения в практике хозяйствования представляют значительные проблемы для устоявшейся экономической политики, одновременно требуя творческих решений от экономистов как новой волны, так и старой школы. Решение этой проблемы и понимание того, как позиции геоэкономической политики согласуются с неолиберальными, индивидуальными парадигматическими перспективами и отношениями власти в обществе. Здесь можно выделить два аспекта: а) концептуализацию экономических отношений и б) перспективы экономической политики.

2. Экономическая политика (геоэкономика или неолиберализм) в ее многомерности и многонаправленности, вследствие расширения качественных подходов к исследованию, уделяет особое внимание нарративам об экономике и ее зеленом переходе. Здесь конкурентоспособность определяется на дискурсивном и институциональном уровнях. Практика показывает, что ранее устоявшиеся убеждения о связи между конкурентоспособностью и процветанием, а также современные существующие мировые экономические структуры подвергаются сомнению. В то же время возникают новые политико-экономические идеи и инструменты, которые включают в себя геоэкономическую логику. Циркуляция идей регулируется общественными отношениями, при этом политико-экономические интересы играют решающую роль, а институты создают зависимости от направлений решений (Пономарева, 2016).

3. Для понимания того, почему одни экономические субъекты (страны, регионы, фирмы) развиваются эффективнее, чем другие, важна не только оценка их экономической динамики. Большое значение приобре-

⁴ Басовский, Л. Е. (2017). История и методология экономической науки: учеб. пособие (2-е изд., испр. и доп.). Москва: ИНФРА-М.

тает качественный анализ происходящих процессов, чему способствуют применение качественных методов анализа ключевых показателей и индексов эффективности. Такой подход позволяет определить направление экономической политики в сторону геоэкономики или неолиберализма.

Таким образом, мы можем выделить три потенциальные роли качественных исследований в тенденциях современной экономике:

- во-первых, качественные исследования могут служить важным дополнением к количественным показателям экономических процессов. С качественной точки зрения экономика обладает лишь ограниченным пониманием своих объектов наблюдения, поскольку экономика и экономическая практика индивидуальных или коллективных субъектов часто предполагаются, а не тщательно изучаются. Исследования в первую очередь фокусируются на причинно-следственной связи между конкретными переменными и их эффектами;

- во-вторых, с учетом онтологической множественности социальной реальности качественные исследовательские подходы способствуют лучшему пониманию экономических процессов и их исторически обусловленного характера. Анализируя текущие события в современных обществах, качественные исследования дополняют критическую социальную науку и стремятся реинтегрировать традиционное понимание экономической науки в современную экономику;

- в-третьих, качественные исследования могут повысить рефлексивность академической экономической науки. Они опираются на размышления экономистов о собственной позиции по отношению к объекту своего исследования, тем самым повышая их осведомленность о властных структурах и институтах в рамках дисциплины, а также понимание связи между наукой и обществом и особой роли экономики в нем. Таким образом, качественные исследования предоставляют методологический инструментарий для адекватных и объективных объяснений и выводов о сущности протекания экономических процессов в современном развитии общества.

Результаты исследования

Конфликт между геоэкономикой и неолиберализмом

С методологических позиций в геоэкономике исследуются мероприятия, проводимые странами и их институтами, продвигающие и реализующие экономические интересы в конкретно сложившейся международной ситуации. При таком подходе геоэкономика является частью геополитики, поскольку экономические результаты зачастую способствуют достижению стратегических политических целей. Поэтому сегодня геоэкономика занимает важное место при проведении активной национальной стратегической политики во внешнеэкономической деятельности государства, выводя на передний план геополитические мероприятия (использование экономических санкций, жесточайшей конкуренции за ресурсы), а также необходимость своевременной реакции на периодически возникающие новые геоэкономические проблемы (Nölke et al., 2015). К последним можно отнести проблемы, связанные с внедрением и всемерным использованием цифровых технологий, кибербезопасности, цифрового «шпионажа», а также к другим негативным аспектам и последствиям цифровизации экономики. Конечная цель – укрепление национальной безопасности государства (Хлопов, 2020. С. 23).

Некоторые проекты крупных геополитических игроков (Китай, Индия, Европейский союз, США), по сути, можно отнести к геоэкономическим проектам.

Китай запустил инициативу «Один пояс – один путь» как амбициозный геоэкономический проект, который предполагает масштабные инвестиции в инфраструктуру в странах, расположенных вдоль сухопутных и морских путей, которые соединяют Китай с Европой, Центральной Азией, Африкой и другими регионами. Этот проект направлен на расширение экономического и политического влияния Китая, создание новых рынков для китайских компаний, установление более тесных дипломатических связей и гарантирование доступа к природным ресурсам.

Параллельно с предыдущей инициативой запущен проект «Сделано в Китае 2025», который представляет собой китайскую экономическую стратегию, направленную на то, чтобы к 2025 г. стать мировым лидером в высокотехнологичных секторах. Этот проект направлен на стимулирование инноваций и внутреннего производства в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии и устойчи-

вые источники энергии, снижение зависимости от иностранных технологий, развитие отечественной промышленности и повышение глобальной конкурентоспособности, на укрепление связей и стимулирование экономического роста.

Индия также применяет геоэкономический подход к своим соседям и регионам. Проект «Соседство и региональные действия» предполагает расширение экономических связей со странами Южной и Юго-Восточной Азии, способствуя инвестициям и торговле. Индия особенно заинтересована в конкуренции с Китаем в регионе, установлении экономического и торгового партнерства, чтобы уравновесить влияние Китая.

Проект «Маусам» – инициатива Министерства культуры Индии, координируемая Национальным центром искусств Индиры Ганди (IGNCA) в сотрудничестве с Археологической службой Индии и Национальным музеем, целью которой является углубление понимания культурных ценностей. Проект исследует, как муссоны, морские пейзажи и культурные маршруты формируют взаимодействие, распространяя общие системы знаний, традиции и технологии вдоль морских путей; предполагает создание новых маршрутов и морских сетей, соединяющих прибрежные районы Индийского океана. Проект направлен на укрепление связей между странами бассейна Индийского океана, способствует более глубокому пониманию культурных ценностей и проблем, одновременно изучая национальные культуры в их региональном «морском» контексте.

Европейский союз стремится укреплять свои геоэкономические позиции: предполагает продвижение единого европейского рынка, создание мощного экономического блока, торговых соглашений и политики для формирования экономических отношений с другими странами. Кроме того, ЕС разрабатывает экономическую политику, ориентированную на технологический и экологический суверенитет, создание автономии в сфере искусственного интеллекта и перехода к зеленой экономике.

Проект «Глобальные ворота» – инициатива Европейского союза, запущенная с целью содействия развитию инфраструктуры по всему миру с упором на стратегические регионы ЕС и направленная на улучшение связей, разработку устойчивых инфраструктурных проектов и содействие торговле и инвестициям в партнерстве с другими странами и регионами, усиление присутствия ЕС на международной арене, расширение его экономических и торговых отношений и вклад в глобальное развитие путем продвижения высококачественных и устойчивых инфраструктурных проектов в таких секторах, как транспорт, энергетика и цифровизация. Инициатива является частью усилий ЕС, направленных на то, чтобы играть ведущую роль на мировой арене и укреплять экономические отношения с партнерами по всему миру.

Соединенные Штаты Америки используют геоэкономику для продвижения своих интересов и влияния. Это включает в себя использование экономических санкций для давления на враждебные режимы, такие как Россия и Иран. Кроме того, США стремятся укрепить свои экономические и торговые союзы, такие как трансатлантическое партнерство, для формирования глобальных норм и стандартов.

Проект «Закон о чипах»: закон 2021 г., направленный на укрепление полупроводниковой промышленности в США, снижение зависимости от других стран в производстве чипов, повышение национальной безопасности и стимулирование частных инвестиций в производство полупроводников. Закон обеспечивает существенное финансирование для строительства предприятий по производству микросхем в США и поощряет государственно-частное партнерство. Это критически важно, учитывая глобальный дефицит полупроводников и стратегическую важность этих компонентов для экономики и безопасности США. Короче говоря, Закон о чипах направлен на то, чтобы сделать страну более автономной в производстве полупроводников и укрепить ее внутреннюю промышленность.

Проект «План обновления инфраструктуры» – инициатива Правительства США – предполагает обновление инфраструктуры с целью модернизации транспортной сети, улучшения качества водоснабжения, инвестиций в источники чистой энергии и расширения доступа к высококачественному скоростному Интернету для оживления базовых структур, стимулирования экономического роста и создания новых возможностей трудоустройства.

Проект «Закон о снижении инфляции» также был инициирован Правительством США и направлен на борьбу с инфляцией и укрепление экономики. Он предполагает налоговые льготы и стимулы для компаний вместе с увеличением государственных расходов в таких областях, как инфраструктура, энергетика и образование, стремится снизить стоимость продуктов и услуг, особенно в контексте устойчивого развития энергетического сектора.

Перечисленные проекты показывают, что для достижения эффекта от реализации экономической политики страны недостаточно выстраивать ее только на общеэкономических принципах; в условиях глобализации необходимо также учитывать возможные последствия от наличия (или отсутствия) технологического суверенитета.

Геоэкономическая политика, направленная на обеспечение технологического суверенитета страны, прежде всего, связана со стимулированием и регулированием отечественных и иностранных инвестиций в новейшие технологии. Регулирование прямых инвестиций должно способствовать ускорению передачи новых технологий и промышленной реструктуризации за счет превышения темпов роста капиталовложений в технологические секторы экономики над темпами роста мировой торговли. В свою очередь, стимулирование инвестиций в разработку и реализацию высокотехнологичных проектов будет способствовать повышению общенациональной производительности труда, усиливая конкурентные позиции страны в геополитическом пространстве⁵.

Страны со слабой вовлеченностью в геоэкономические отношения (например, Швейцария, Австралия, Новая Зеландия, Япония) демонстрируют обратную тенденцию: стремление к протекционизму и сохранению «экономического изоляционизма». Это сторонники так называемого нового меркантилизма: защищая собственное производство, можно обеспечить развитие местного бизнеса и поддержать современное высокотехнологичное отечественное производство⁶. Критики же «нового меркантилизма» полагают, что защита неэффективных отраслей и технологий может привести к рыночным диспропорциям, в том числе и на макроуровне, а также к торговым конфликтам между странами (Гладкий, Писаренко, 2013).

При разных подходах стран к экономической политике очевидно, что их геоэкономическая стратегия должна разрабатываться и реализовываться с учетом конъюнктурных изменений и степени участия страны в геоэкономических и геополитических процессах, что способствует балансу государства между глобальным и региональным развитием⁷ (Herman, 2022).

Поскольку в экономической и политической жизни многих стран продолжают господствовать неолиберальные идеи и концепции, то возникает своеобразный конфликт между геоэкономикой и неолиберализмом, выражающийся на практике в диалектическом противоречии: с одной стороны, продолжается процесс глобализации, с другой – регионализации. Каждый из этих процессов имеет свои преимущества и издержки (Alamy & Dixon, 2021). Так, благодаря глобализации санкции становятся менее эффективными, а вероятность экономических кризисов возрастает. Тогда как при регионализации страна может проводить эффективную социально-экономическую политику и сбалансированную внешнеэкономическую деятельность, но при этом становится более чувствительной к внешним санкциям.

Как известно, концепция неолиберализма проповедует минимизацию государственного вмешательства в экономику и функционирование свободной конкуренции и рынков. Другими словами, в основе методологии неолиберальной теории лежит концепция достижения экономической эффективности и экономического роста через свободное движение капитала и защищаемой конкуренции (Aalbers, 2013). В постулатах неолиберализма экономика как базисный элемент общества имеет первостепенное значение и определяет геоэкономическую политику государства. Ее конечная цель – экономический рост и развитие, а все остальные мероприятия – это средства достижения этой цели.

В геоэкономике же методология исследования базируется на сложных процессах взаимодействия различных факторов (экономических, пространственных и политических) во внешней деятельности. Она призвана найти механизм разрешения проблем с учетом политико-экономических последствий этих решений (Angel et al., 2020). Если в неолиберализме концепция национальной безопасности государства практически находится на задворках социально-экономической политики, то в рамках геоэкономики она имеет первостепенное значение (Collier, 2011; 2012). Другими словами, концепция национальной безопасности – это конечная цель, а экономика – одно из средств достижения этой цели.

⁵ Bai, J., Barwick, P., Cao, S., & Li, S. (2022). Quid Pro Quo, Knowledge Spillover and Industrial Quality Upgrading: evidence from the chinese auto industry. NBER Working Paper No. 27644 NBE; Choi, J., & Levchenko, A. A. (2023). The Long-Term Effects of Industrial Policy. NBER, No. 29263.

⁶ См., например, Tarasyuk, V. M. (2008). Trends in the territorial development of Russia. Internal Geoeconomics. State Power and Local Government, 5, 20–23.

⁷ Hanson, G., & Rodrik, D. (2023). How Does Place Based Policy Work? Reimagining the Economy Program. Harvard Kennedy School.

Таким образом, неолиберализм отдает приоритет экономике, а геоэкономика, не отрицая значимости экономики, – комплексу факторов, влияющих на геополитическую мощь страны. Конфликт между двумя методологическими подходами возникает тогда, когда неолиберальные стратегии свободных рынков и неограниченной конкуренции сталкиваются с соображениями национальной безопасности в рамках геоэкономики.

В настоящее время в условиях растущей конкуренции в глобальном масштабе наблюдается тенденция пересмотра и переоценки многими странами постулатов неолиберализма в пользу геоэкономических идей, таких как поиск самодостаточности в критически важных секторах экономики и защита стратегических ресурсов и отраслей (Третьякова, 2010; Gertz & Evers, 2020). Геоэкономика пытается найти альтернативу неолиберализму. Это становится очевидным в таких мерах, как торговые тарифы, экспортные ограничения и контроль за иностранными инвестициями и т. д.

Инструменты геоэкономической политики

Сегодня все чаще применяются различные экономические, политические, административные и финансовые инструменты и стратегии, способствующие ускорению геополитической динамики. К ним можно отнести субсидии и тарифные барьеры, политику поощрения и санкций, а также превращение экономики в объект уже геополитической конкуренции (Игнатьева, Исаев, 2018. С. 12). В настоящее время любой инструмент геоэкономической политики может быть адаптирован к внешнеэкономическим и политическим задачам, поэтому список ее потенциальных инструментов является открытым. Инструменты внутренней экономической политики также могут иметь геополитические последствия, даже если они используются без учета геополитических целей⁸. Таким образом, поскольку геоэкономические инструменты используются для целей, связанных не только с геоэкономикой, но и с геополитикой, возникают некоторые трудности их применения с учетом целей внешнеполитической деятельности. Эта двусмысленность может быть полезна, когда государства хотят оказать экономическое давление на другие страны, но при этом сохраняют определенный уровень внешнеэкономических и политических отношений или во избежание претензий со стороны ВТО и других подобных организаций⁹.

Возникают экономические войны, которые иногда проводятся как элемент открытого конфликта (военного и политического). Экономическая составляющая таких конфликтов, безусловно, важна, а геоэкономическая политика в этом контексте является дополнением, а не заменой других инструментов конфликта. Можно отметить, что меркантилистские экономические идеи (Helleiner, 2021) также могут служить поводом для всевозможных конфликтов, хотя и в этом случае инструменты геоэкономической политики используются для достижения экономических целей.

Возникают важные вопросы, связанные с пригодностью и эффективностью инструментов геоэкономики для достижения целей внешней политики и безопасности. В научной литературе по международным отношениям достаточно давно ведутся дебаты об эффективности экономических санкций как инструмента внешней политики (Hufbauer et al., 2009). Так, например, санкции часто критикуют за их неэффективность, особенно в тех случаях, когда они не изменили поведения со стороны подсанкционных стран. Это, в свою очередь, часто рассматривается как пример более широких ограничений масштабов и потенциала геоэкономического государственного управления (Petri, 2021). Однако более широкое прочтение, предложенное Д. Болдуином, показывает, что санкции могут быть эффективными в плане подачи сигналов или наложения расходов на других участников (Baldwin, 2003). Санкции также могут быть менее дорогостоящими, чем такие альтернативы, как открытая война. Например, санкции в отношении Ирана могут не привести к достижению целей США и ЕС в отношении его ядерной программы, но, вероятно, обойдутся дешевле, чем военные действия,

⁸ Например, доминирующая роль доллара США в мировой экономике означает, что изменения в денежно-кредитной политике США влияют на мировую экономику. Эти международные побочные эффекты могут в некоторой степени дестабилизировать экономику стран с формирующимся рынком и способствовать внутренней политической нестабильности, что, в свою очередь, может иметь геополитические последствия. Тем не менее Федеральная резервная система США имеет исключительно внутреннюю направленность, когда определяет политику, отражающую ее уставные полномочия (Lee et al., 2018).

⁹ Примером может служить конкретное использование Китаем инструментов геоэкономической политики против Австралии, которое обычно напрямую не связывается Китаем на официальном уровне с внешней политикой Австралии. Но Китай заявляет о своем недовольстве политическими позициями Австралии как по официальным, так и по неофициальным каналам. Так называемое экономическое запугивание часто маскируется формальными юридическими и нормативными требованиями (Beeson, 2018).

независимо от их эффективности. Продуктивность и эффективность инструментов геоэкономики необходимо оценивать в конкретном стратегическом контексте.

Инструменты торговой политики, такие как тарифы, квоты, антидемпинговые и компенсационные пошлины и субсидии, могут использоваться как в геоэкономических, так и во внутренних экономических и политических целях. Важным инструментом в геоэкономике является введение высоких тарифных барьеров, таких как импортные пошлины. Они используются как ответные меры на политику других стран или как инструмент влияния на международную торговлю.

Поскольку выгоды от торговли являются взаимными, ограничения на торговлю становятся дорогостоящими для обеих сторон. Эти издержки являются причиной того, что многосторонние торговые правила и торговые соглашения направлены на ограничение их использования. Однако соображения внешней политики и безопасности могут перевешивать соображения экономических издержек. Например, относительно недавние ограничения Китая на импорт из Австралии железной руды, вероятно, нанесли ущерб китайским производителям и потребителям, чьи интересы были принесены в жертву целям внешней политики Китая.

Многие страны стали использовать экономические субсидии как один из основных способов поддержки национальных стратегических отраслей с целью получения конкурентных преимуществ в ключевых секторах экономики – новейшие технологии, энергетические ресурсы и современное производство. Прежде всего, это приводит к стимулированию экономического роста, но может иметь и важные геополитические последствия, поскольку страны, субсидирующие свою промышленность, могут занять лидирующие позиции в мировых секторах, влияя на баланс сил на международной арене (Смирнов, 2014. С. 26).

Подход, связанный со стимулирующими преференциями или же со сдерживающими ограничениями, предполагает их использование для воздействия на другие страны. Например, стимулы могут включать благоприятные торговые соглашения, финансовую помощь или доступ к рынкам, в то время как ограничениями могут быть экономические санкции, торговые ограничения или даже дипломатическое давление.

Контроль над входящими и исходящими иностранными инвестициями является еще одним инструментом геоэкономической политики. Страны иногда пересматривают как объемы иностранных инвестиций, так и их структуру по отношению к конкретной стране. Например, относительно недавно США и Китай провели фильтрацию иностранных инвестиций в ответ на возросший их профиль в обе страны, а также чтобы сбалансировать экономические выгоды с учетом проблем экономической безопасности (Lee et al., 2018).

Можно в качестве инструмента отметить и иностранную помощь. Государство, которое ее предоставляет, как правило, преследует внешнеполитическую цель, а также использует этот инструмент для мотивации экономического развития. Например, помощь Австралии в южной части Тихого океана, хотя и преследует цель содействия экономическому развитию, также направлена на то, чтобы обезопасить регион от влияния внешних сил, таких как Китай. Неудивительно, что и Китай рассматривает свою официальную помощь другим странам в целях развития таким же образом.

Еще одним инструментом является геоэкономическое принуждение. Периодически возникают ситуации, когда страна вполне способна мобилизовать свой значительный (при наличии) экономический потенциал для достижения своих геополитических интересов, при этом эффективно используя геоэкономическое принуждение как инструмент государственного управления.

Крупнейшие экономические державы мира осознают риски, связанные с переходом к экономическому порядку, в котором правила имеют меньшее значение, чем властные мероприятия. Поэтому страны начинают активно устранять свои экономические и финансовые уязвимости¹⁰.

Геоэкономическая политика принуждения может иметь как негативный, так и позитивный характер. Негативная политика направлена на преднамеренный выход (или угрозу выхода) из традиционных торговых и финансовых отношений для достижения более широких внешнеполитических целей (Jaeger, 2022. Р. 9). Позитивная политика предлагает (или обещает обеспечить) углубление экономических и финансовых отно-

¹⁰ Например, Китай переходит к «двойной циркуляции» (т. е. к меньшей зависимости от международной экономики), Европейский союз стремится к «стратегической автономии», а Соединенные Штаты сосредоточены на устранении своих геоэкономических уязвимостей путем ограничения рисков в цепочке поставок. В то же время все три геоэкономических субъекта стали использовать геоэкономическую уязвимость других стран для достижения различных политических целей, таких как наказание за нарушения прав человека или военные действия.

шений. Все геоэкономические меры так или иначе влекут за собой издержки или приносят выгоды. Например, ужесточение экспортного контроля может быть направлено на изменение поведения страны-объекта, а может просто лишить другую страну (или компанию) доступа к передовым технологиям, что соответствует цели замедления технологического развития этой страны или ослабления ее национальной безопасности.

Геоэкономическое принуждение существует в двух формах: непосредственно принуждение и сдерживание. Принуждение направлено на то, чтобы заставить другую сторону предпринять определенные действия. Сдерживание же состоит в том, чтобы убедить другую сторону воздержаться от совершения определенных действий. Соответственно, сдерживание можно осуществлять: а) путем отрицания (лишения принуждающего лица возможности или выгод от его собственной геоэкономической деятельности) или б) путем наказания (причинения неприемлемых издержек принуждаемому субъекту). Как показывает практика, принуждение осуществить труднее, чем сдерживание. Одна из причин этого, по нашему мнению, может заключаться в том, что страны, принимающие целевые решения, могут с большей неохотой признать потерю, чем отказаться от выгоды. Поэтому они будут сопротивляться изменению своей политики, несмотря на значительные экономические потери.

Заключение

Современные процессы, происходящие в мировых глобальных отношениях, носят системный, цивилизационный характер. Они проявляются из глубинных противоречий, возникающих в ходе развития общественно-экономических отношений. Попытки стран бороться с этими недостатками приводят к соперничеству, в том числе двух глобальных подходов: неолиберального и геоэкономического. Между этими концепциями возникает диалектическое противоречие, которое связано с продолжающимся господством неолиберальных идей, не позволяющих полностью реализовывать геоэкономическую политику в условиях современных тенденций и закономерностей развития мировой экономики. Несмотря на сохраняющиеся неолиберальные идеи и подходы, в практике большинства стран рассматривают геоэкономику как важный фактор геополитической конкуренции. Здесь верховенство принадлежит новейшим технологиям и динамическим инновациям, которые играют центральную роль в глобальном влиянии. Это можно увидеть на примере промышленной политики стран при продвижении стратегических секторов, обеспечении автономии в таких важных областях, как искусственный интеллект и кибербезопасность. Наконец, геоэкономика стала важной составляющей внешнеэкономической политики, поскольку страны конкурируют за превосходство и влияние не только в экономике, но и других сферах.

Таким образом, можно констатировать, что по мере усиления соперничества между крупными в экономическом отношении странами использование геоэкономики будет только возрастать. Какая концепция (геоэкономика или неолиберализм) в итоге окажется доминирующей в долгосрочной перспективе, покажет практика.

Список литературы

- Атаева, Г. Б., Овезмурадов, Ю. Д. (2023). Современные тенденции и вызовы в экономических науках: исследование основ и перспектив. *Матрица научного познания*, 5(1), 162–164.
- Вебер, А. (1926). Теория размещения промышленности (с приложением работы Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.») (изложил и перевел Н. Морозов, под ред. и с пред. Н. Баранского). Ленинград, Москва: Книга.
- Гладкий, Ю. Н., Писаренко, С. В. (2013). «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» – основные понятия геополитики. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 154, 129–137.
- Игнатьева, И. Ф., Исаев, Б. А. (2018). Геоэкономика как структурный элемент геополитики. *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. 5. Политология*, 44, 213–223. EDN: XYKKKL. DOI: 10.17223/1998863X/44/21
- Карнаух, В. К. (2003). Глобализация: критика неолиберального подхода. В сб. *Глобализация в социально-философском измерении: сборник материалов конференции* (с. 47–51). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество.
- Кочетов, Э. Г. (2006). Геоэкономическая парадигма (основы высоких геоэкономических технологий по гармонизации мира и новое «поле» для междоцивилизационного глобального договора/диалога). *Безопасность Евразии*, 4(26), 560–578. EDN: IJBTXJ
- Пономарева, С. И. (2016). Методологические проблемы формализации экономической теории. *Journal of New Economy*, 1(63). <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-formalizatsii-ekonomicheskoy-teorii>

- Смирнов, Ф. А. (2014). Деконструкция мировой финансово-экономической архитектуры. Часть 3.2 геополитика, геоэкономика, геофинансы. *Новый университет*, 3(37), 4–16. EDN: SAHCMF
- Стрыгин, А. В. (2015). Геоэкономика: от метода познания к методу действия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 2, 7–13.
- Третьякова, С. А. (2010). Альтерглобализм и неолиберальная глобализация в современном политическом процессе. *Проблемы современной экономики*, 4, 414–415.
- Туманян, Ю. Р., Ищенко-Падукова, О. А., Мовчан, И. В. (2018). Геоэкономика в системе междисциплинарных исследований. *Terra Economicus*, 16(4), 144–153. EDN: YRPOAH. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-144-153
- Фридман, М. (2006). *Капитализм и свобода* (пер. с англ. В. Козловского). Москва: Фонд Либер. миссия, Новое изд-во.
- Хайек, Ф. (2006). *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. Moscow: ИРИСЭН.
- Харви, Д. (2007). *Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение* (пер. с англ. Н. С. Брагиной). Москва: Поколение.
- Хлопов, О. А. (2020). Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций. *Вестник Евразийской науки*, 12(2), 14–25.
- Aalbers, M. (2013). Neoliberalism is dead... long live neoliberalism! *International Journal of Urban and Regional Research*, 37(3), 1083–1090. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12065>
- Alamy, I., & Dixon, A. D. (2021). Uneven and combined state capitalism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(1), 72–99. <https://doi.org/10.1177%2F0308518X211037688>
- Angel, S., Immenkamp, B., Lazaru, E., Saulnier, J., & Wilson, A. (2020, October 21). Towards “strategic autonomy”: the EU in a changing geopolitical environment. European Parliament. <https://doi.org/10.2861/60568>
- Baldwin, D. A. (2003). Prolegomena to Thinking about Economic Sanctions and Free Trade. *Chicago Journal of International Law*, 4(2), Article 4. <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol4/iss2/4>
- Beeson, M. (2018). Geoeconomics with Chinese characteristics: the BRI and China’s evolving grand strategy. *Economic and Political Studies*, 6(3), 240–256. <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1498988>
- Brenner, N., Peck, J., & Theodore, N. (2010). Variegated neoliberalization: geographies, modalities, pathways. *Global Networks*, 10(2), 182–222. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2009.00277.x>
- Brenne, N., & Theodore, N. (2002). Cities and the Geographies of “Actually Existing Neoliberalism”. In N. Brenne, & N. Theodore (Eds.), *Spaces of Neoliberalism*. Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444397499.ch1>
- Christaller, W. (1964). Some Considerations Of Tourism Location In Europe: The Peripheral Regions-Underdeveloped Countries-Recreation Areas. *Papers in Regional Science, Wiley Blackwell*, 12(1), 95–105. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5597.1964.tb01256.x>
- Coleman, W. (2013). What was ‘new’ about neoliberalism? *Economic Affairs*, 33(1), 78–92. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0270.2012.02192.x>
- Collier, S. J. (2011). *Post-Soviet social: neoliberalism, social modernity, biopolitics*. Princeton: University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400840427>
- Collier, S. J. (2012). Neoliberalism as big Leviathan, or...? A response to Wacquant and Hilgers. *Social Anthropology*, 20(2), 186–195. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2012.00195.x>
- Foucault, T. (2010). Limit Order Markets. In R. Cont (Ed.), *Encyclopedia of Quantitative Finance*. <https://doi.org/10.1002/9780470061602.eqf18017>
- Gertz, G., & Evers, M. M. (2020). Geo-economic competition: Will state capitalism win? *The Washington Quarterly*, 43(2), 117–136. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1770962>
- Helleiner, E. (2021). *Neo-mercantilists: a global intellectual history*. Cornell University Press.
- Herman, P. R. (2022). A pragmatic approach to estimating nondiscriminatory non-tariff trade costs. *Review of International Economics*, 30(4), 1258–1287. EDN: VMBQMI. DOI: 10.1111/roie.12604
- Hilgers, M. (2011). The three anthropological approaches to neoliberalism. *International Social Science Journal*, 61(202), 351–364. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.2011.01776.x>
- Holslag, J. (2016). Geoeconomics in a globalized world: the case of China’s export policy. *Asia Europe Journal*, 14(2), 173–184.
- Hsiung, J. C. (2009). The Age of Geoeconomics, China’s Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration. *Journal of Chinese Political Science*, 14(2), 113–133. <https://doi.org/10.1007/s11366-009-9045-y>
- Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered* (3rd Edition (paper)). Peterson Institute Press: All Books, Peterson Institute for International Economics, Number 4129.
- Jaeger, M. (2022, March). Geoeconomic Policy Development for Europe. *DGAP Executive Summary*, 7, February.
- Lee, M. (2020). The Belt and Road Initiative: geo-economics and Indo-Pacific security competition. *International Affairs*, 96(1), 169–187. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz240>
- Lee, S.-O., Wainwright, J., & Glassman, J. (2018). Geopolitical economy and the production of territory: The case of US–China geopolitical-economic competition in Asia. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 50(2), 416–436. <https://doi.org/10.1177/0308518x17701727>
- Lemke, T. (2001). ‘The birth of bio-politics’: Michel Foucault’s lecture at the Collège de France on neo-liberal governmentality. *Economy and Society*, 30(2), 190–207. <http://dx.doi.org/10.1080/03085140120042271>

- Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics, Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, 20, 17–23.
- Nölke, A., Ten Brink, T., Klaar, S., & May, K. (2015). Domestic Structures, Foreign Economic Policy, and Global Economic Order: Implications of the Rise of Large Emerging Economies. *European Journal of International Relations*, 21(3), 538–567. <https://doi.org/10.1177/1354066114553682>
- Peck, J., & Tickell, A. (2002). Neoliberalizing Space. *Antipode*, December 16. <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00247>
- Petri, J. (2021). From national markets to global providers of financial infrastructures: exchanges, infrastructures and structural power in global finance. *New Political Economy*, 26(4), 574–597. EDN: WTRTZA. DOI: 10.1080/13563467.2020.1782368
- Slobodian, Q. (2018). *Globalists: the end of empire and the birth of neoliberalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

References

- Aalbers, M. (2013). Neoliberalism is dead... long live neoliberalism! *International Journal of Urban and Regional Research*, 37(3), 1083–1090. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12065>
- Alamy, I., & Dixon, A. D. (2021). Uneven and combined state capitalism. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 55(1), 72–99. <https://doi.org/10.1177%2F0308518X211037688>
- Angel, S., Immenkamp, B., Lazaru, E., Saulnier, J., & Wilson, A. (2020, October 21). Towards “strategic autonomy”: the EU in a changing geopolitical environment. European Parliament. <https://doi.org/10.2861/60568>
- Ataeva, G. B., & Ovezmyradov, Y. D. (2023). Contemporary trends and challenges in economic sciences: exploring foundations and perspectives. *Matricza nauchnogo poznaniya*, 5(1), 162–164. (In Russ.).
- Baldwin, D. A. (2003). Prologamena to Thinking about Economic Sanctions and Free Trade. *Chicago Journal of International Law*, 4(2), Article 4. <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol4/iss2/4>
- Beeson, M. (2018). Geoeconomics with Chinese characteristics: the BRI and China’s evolving grand strategy. *Economic and Political Studies*, 6(3), 240–256. <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1498988>
- Brenner, N., Peck, J., & Theodore, N. (2010). Variegated neoliberalization: geographies, modalities, pathways. *Global Networks*, 10(2), 182–222. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2009.00277.x>
- Brenne, N., & Theodore, N. (2002). Cities and the Geographies of “Actually Existing Neoliberalism”. In N. Brenne, & N. Theodore (Eds.), *Spaces of Neoliberalism*. Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444397499.ch1>
- Christaller, W. (1964). Some Considerations Of Tourism Location In Europe: The Peripheral Regions-Underdeveloped Countries-Recreation Areas. *Papers in Regional Science*, Wiley Blackwell, 12(1), 95–105. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5597.1964.tb01256.x>
- Coleman, W. (2013). What was ‘new’ about neoliberalism? *Economic Affairs*, 33(1), 78–92. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0270.2012.02192.x>
- Collier, S. J. (2011). *Post-Soviet social: neoliberalism, social modernity, biopolitics*. Princeton: University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400840427>
- Collier, S. J. (2012). Neoliberalism as big Leviathan, or..? A response to Wacquant and Hilgers. *Social Anthropology*, 20(2), 186–195. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2012.00195.x>
- Foucault, T. (2010). Limit Order Markets. In R. Cont (Ed.), *Encyclopedia of Quantitative Finance*. <https://doi.org/10.1002/9780470061602.eqf18017>
- Friedman, M. (2006). *Capitalism and Freedom*. Moscow: Fond Liber. missiya, Novoeizd-vo. (In Russ.).
- Gertz, G., & Evers, M. M. (2020). Geo-economic competition: Will state capitalism win? *The Washington Quarterly*, 43(2), 117–136. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1770962>
- Gladky, Yu., & Pisarenko, S. “Geopolitical construction” and “geopolitical potential” as the basic concepts of geopolitics. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 154, 129–137. (In Russ.).
- Harvey, D. (2007). *A Brief History of Neoliberalism: topical interpretation*. Moscow: Pokoleniye. (In Russ.).
- Helleiner, E. (2021). *Neo-mercantilists: a global intellectual history*. Cornell University Press.
- Herman, P. R. (2022). A pragmatic approach to estimating nondiscriminatory non-tariff trade costs. *Review of International Economics*, 30(4), 1258–1287. EDN: VMBQMI. DOI: 10.1111/roie.12604
- Hilgers, M. (2011). The three anthropological approaches to neoliberalism. *International Social Science Journal*, 61(202), 351–364. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.2011.01776.x>
- Holslag, J. (2016). Geoeconomics in a globalized world: the case of China’s export policy. *Asia Europe Journal*, 14(2), 173–184.
- Hsiung, J. C. (2009). The Age of Geoeconomics, China’s Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration. *Journal of Chinese Political Science*, 14(2), 113–133. <https://doi.org/10.1007/s11366-009-9045-y>
- Hufbauer, G. C., Schott, J. J., & Elliott, K. A. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered* (3rd Edition (paper)). Peterson Institute Press: All Books, Peterson Institute for International Economics, Number 4129.
- Ignatyeva, I. F., & Isaev, B. A. (2018). Geo-economics as a structural element of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya*, 44, 213–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/44/21>
- Jaeger, M. (2022, March). Geoeconomic Policy Development for Europe. *DGAP Executive Summary*, 7, February.

- Karnaukh, V. K. (2003). Globalization: critique of neoliberal approach. In *Globalization in social-philosophical dimension: collection of conference works* (pp. 47–51). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russ.).
- Khlopov, O. A. (2020). Geoeconomics as an analytical approach in the study of modern global trends. *The Eurasian Scientific Journal*, 12(2), 14–25. (In Russ.).
- Kochetov, E. G. (2006). Geoeconomic paradigm (principles of high geoeconomic technologies for global harmonization and a new “field” for inter-civilizational global treaty/dialogue). *Bezopasnost Evrazii*, 4(26), 560–578. (In Russ.).
- Lee, M. (2020). The Belt and Road Initiative: geo-economics and Indo-Pacific security competition. *International Affairs*, 96(1), 169–187. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz240>
- Lee, S.-O., Wainwright, J., & Glassman, J. (2018). Geopolitical economy and the production of territory: The case of US-China geopolitical-economic competition in Asia. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 50(2), 416–436. <https://doi.org/10.1177/0308518x17701727>
- Lemke, T. (2001). ‘The birth of bio-politics’: Michel Foucault’s lecture at the Collège de France on neo-liberal governmentality. *Economy and Society*, 30(2), 190–207. <http://dx.doi.org/10.1080/03085140120042271>
- Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics, Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, 20, 17–23.
- Nölke, A., Ten Brink, T., Klaar, S., & May, K. (2015). Domestic Structures, Foreign Economic Policy, and Global Economic Order: Implications of the Rise of Large Emerging Economies. *European Journal of International Relations*, 21(3), 538–567. <https://doi.org/10.1177/1354066114553682>
- Peck, J., & Tickell, A. (2002). Neoliberalizing Space. *Antipode*, December 16. <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00247>
- Petri, J. (2021). From national markets to global providers of financial infrastructures: exchanges, infrastructures and structural power in global finance. *New Political Economy*, 26(4), 574–597. EDN: WTRTZA. DOI: 10.1080/13563467.2020.1782368
- Ponomareva, S. I. (2016). Methodological issues of formalizing economic theory. *Journal of New Economy*, 1(63). (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-formalizatsii-ekonomicheskoy-teorii>
- Slobodian, Q. (2018). *Globalists: the end of empire and the birth of neoliberalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Smirnov, F. A. (2014). Deconstruction of the global financial-economic architecture. Part 3.2 geopolitics, geoeconomics, geofinance. *New University: Economics and Law*, 3(37), 4–16. (In Russ.).
- Strygin, A. V. (2015). Geo-economics: method of cognition to the method steps. *RUDN Journal of Economics*, 2, 7–13. (In Russ.).
- Tretyakova, S. A. (2010). Alter-globalism and neoliberal globalization under the modern political process. *Problems of Modern Economics*, 4, 414–415. (In Russ.).
- Tumanyan, Yu. R., Ishchenko-Padukova, O. A., & Movchan, I. V. (2018). Geo-economics in interdisciplinary researches system. *Terra Economicus*, 16(4), 144–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-144-153>
- von Hayek. (2006). *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*. Moscow: IRISSEN.
- Weber, A. (1926). *Theory of industry location (with Schlier’s work “German Industry since 1860”)*. Leningrad, Moscow: Kniga. (In Russ.).

Вклад авторов

Все авторы внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования

The author’s contributions

All authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 22.07.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 24.08.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.503-523>

УДК / UDC 330.1:338.124:338.24:65.016.7

JEL: D2, H12, L2

Е. А. Буранова¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Набережные Челны, Россия

Этапы превентивного институционального антикризисного управления на предприятии

Буранова Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры управления,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: buranova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6881-8277>

Researcher ID: R-3784-2018

eLIBRARY SPIN-код: 8259-5963

Аннотация

Цель: определение этапов превентивного институционального антикризисного управления на предприятии для повышения эффективности управления потенциальными кризисами.

Методы: абстрактно-логический метод и его приемы: анализ, синтез, сравнение, аналогия, восхождения от абстрактного к конкретному, формализация и моделирование.

Результаты: систематизированы этапы превентивного антикризисного управления предприятием, выделяемые зарубежными и отечественными исследователями. Выявлены ключевые пробелы существующих моделей, в частности, отсутствие в них учета институциональных факторов, цикличности процесса и описания перехода к реактивной фазе. Определена оптимальная последовательность реализации превентивного институционального антикризисного управления на предприятии, которая, в отличие от классической линейной модели, позволяет гибко адаптироваться к результатам анализа и выбирать наиболее релевантные сценарии действий. Предложено разделение системы превентивного мониторинга на два формата: сокращенный (без учета институциональных факторов и экономики региона) и широкий (с их учетом). Разработана принципиальная схема процесса превентивного институционального антикризисного управления, включающая алгоритмы действий в альтернативных ситуациях.

Научная новизна: заключается в выделении новых этапов: корректировка действий по итогам контроля, комплекс мер при переходе к реактивному управлению, распознавание проблем и выявление возможностей, провокативное институциональное антикризисное управление на предприятии, а также «пилотные меры» по устранению угроз и реализации возможностей. Институциональный характер управления подчеркнут через связь с региональной средой, диагностику стиля управления и неформальных взаимоотношений. Впервые раскрыто содержание и предложены понятия для новых блоков этапов: «превентивный мониторинг» и «провокативное антикризисное управление».

Практическая значимость: реализация предложенных новых этапов превентивного антикризисного управления позволит предприятиям своевременно и адекватно реагировать на предвестники и предпосылки кризисов, устраняя их на ранней стадии с существенно меньшими затратами по сравнению с классическим реактивным управлением.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, превентивное антикризисное управление, этапы превентивного антикризисного управления, институциональное антикризисное управление на предприятии, ИАУП

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Буранова, Е. А. (2025). Этапы превентивного институционального антикризисного управления на предприятии. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 503–523. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.503-523>

Scientific article

E. A. Buranova¹

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Naberezhniye Chelny, Russia*

Stages of preventive institutional crisis management at an enterprise

Elena A. Buranova, Senior Lecturer of the Department of Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: buranova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6881-8277>

Researcher ID: R-3784-2018

eLIBRARY SPIN-code: 8259-5963

Abstract

Objective: to identify the stages of preventive institutional crisis management in an enterprise to improve the effectiveness of potential crisis management.

Methods: abstract-logical method and its techniques: analysis, synthesis, comparison, analogy; ascent from the abstract to the concrete; formalization and modeling.

Results: the stages of preventive anti-crisis management of the enterprise, identified by foreign and Russian researchers, were systematized. The key gaps of the existing models were identified, particularly, the lacking consideration of institutional factors, process cyclicity, and described transition to the reactive phase. The optimal sequence of implementation of preventive institutional crisis management at the enterprise was determined, which, unlike the classical linear model, allows flexible adaptation to the analysis results and selection of the most relevant scenarios. It is proposed to divide the preventive monitoring system into two formats: abbreviated (without taking into account institutional factors and the regional economy) and broad (taking them into account). A schematic diagram of the preventive institutional crisis management process was developed, including algorithms in alternative situations.

Scientific novelty: it consists in identifying new stages: adjusting actions based on the control results; a set of measures during the transition to reactive management; recognizing problems and identifying opportunities; provocative institutional crisis management at the enterprise; and pilot measures to eliminate threats and implement opportunities. The institutional nature of management is emphasized through the links with the regional environment and the diagnosis of management style and informal relationships. For the first time, the content was disclosed and concepts for new blocks of stages were proposed, namely, “preventive monitoring” and “provocative crisis management”.

Practical significance: the implementation of the proposed new stages of preventive crisis management will allow enterprises to respond promptly and adequately to the precursors and prerequisites of crises, eliminating them at an early stage with significantly lower costs compared to classical reactive management.

Keywords:

regional and branch economics, preventive crisis management, stages of preventive crisis management, institutional crisis management at an enterprise, PICME

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Buranova, E. A. (2025). Stages of preventive institutional crisis management at an enterprise. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 503–523. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.503-523>

Введение

В условиях санкционного давления на Россию и активной реализации российской санкционной и анти-санкционной политики (Кособуцкая и др., 2023. С. 6; Манушин, 2023. С. 781; Малкина, Балакин, 2024. С. 295) возрастает важность системного исследования возможностей превентивного антикризисного управления. Так, современная нестабильная внешняя среда обуславливает необходимость применения заблаговременных действий по снижению вероятности банкротства предприятий. В этой связи понимание процесса осуществления превентивного антикризисного управления становится ключевым элементом любых антикризисных действий предприятия. Особый вклад в успешность превентивного антикризисного управления вносит учет институциональных аспектов. Дело в том, что в современной «блоковой» мировой экономике¹ (Манушин, 2023) усилилось влияние неэкономических факторов на российскую экономику, неучет которых может привести предприятие к банкротству. Особенно важным является их учет на стадии превентивного антикризисного управления, так как именно в процессе его реализации проводится предварительное распознавание потенциальных кризисов (в китайской трактовке – «опасностей и возможностей»), которые возникают в российской экономике и активно влияют на деятельность предприятий. В то же время превентивное институциональное антикризисное управление предприятиями (далее – ИАУП) не изучается ни российскими, ни зарубежными учеными. Внимание этапам превентивного институционального антикризисного управления, соответственно, также не уделяется. В результате исследователи, интересующиеся данным вопросом, вынуждены изучать этапы превентивного антикризисного управления и дополнять их с учетом институциональных аспектов. При этом они обычно не углубляются в изучение антикризисного управления и превентивного антикризисного управления, что ведет к утрате ряда ключевых этапов превентивного антикризисного управления предприятием.

В настоящий момент понятие «антикризисное управление» эволюционировало от его очень узкого понимания как «реагирование на непредвиденные обстоятельства, когда уже некогда что-нибудь планировать»², до непрерывного антикризисного управления, когда антикризисный менеджмент есть даже на «здоровом» предприятии для управления потенциальным кризисом (Перевозникова, Святенко, 2023. С. 9; Чернов, Бобылева, 2023; Егоров, 2024. С. 760; Кучумов, Богров, 2024. С. 85; Golubev, 2024. P. 53; Marinova-Stoyanova, 2024; Petroia, Suvorova, 2024 и др.). Обзор понятия «антикризисное управление предприятием» с выявлением в нем типичных ошибок представлен в работе Е. А. Бурановой (2015. С. 13–19). Все это ведет к восприятию превентивного антикризисного управления как бесконечного процесса, который предполагает постоянный поиск и диагностику потенциальных кризисов и определение необходимости вмешательства антикризисного управляющего. При отсутствии такой необходимости непрерывный поиск кризисов продолжается. При обнаружении будущих потенциальных проблем и возможностей превентивное антикризисное управление переходит в реактивное.

Позиции зарубежных ученых относительно понятия антикризисного управления обобщены в работах В. Г. Никитенко (2013. С. 179), Д. В. Манушина (2015. С. 52). В. Г. Никитенко отмечает, что зарубежные ученые в основном рассматривают антикризисное управление как составляющую связей с общественно-

¹ Под ней понимается образование в мировой экономике групп стран, имеющих тесные внутригрупповые экономические, политические и иные связи и более слабые связи с государствами, входящими в другие блоки (Манушин, 2023). К настоящему моменту проявилось два основных блока государств: БРИКС+ и США с союзниками.

² Файншмидт, Е. А. (2010). Зарубежная практика антикризисного управления: учебное пособие. Москва: Издательство РАГС. EDN: RBAERP. С. 27.

стью и акцент делают на его коммуникативном аспекте (Никитенко, 2013. С. 179). Д. В. Манушин считает, что понятие антикризисного управления гораздо шире понятия коммуникаций, поскольку «ряд действий можно осуществить без коммуникаций» (Манушин, 2015. С. 52). Без затрат времени на коммуникации, например, могут быть осуществлены резервирование финансовых средств, оптимизация складских запасов, ABC-анализ дебиторов, антикризисная диагностика, антикризисное планирование и другие меры (при наличии у антикризисного управляющего необходимых полномочий и исходной информации), временное сокращение рабочих часов или иные операции, механизм которых отработан и для их реализации достаточно дать соответствующий сигнал.

Обобщая обзоры, представленные в работах исследователей относительно сущности антикризисного управления предприятием (Никитенко, 2013. С. 179; Манушин, 2015. С. 52; Буранова, 2016. С. 47–49), следует указать на ряд отличий во взглядах отечественных и зарубежных авторов:

- зарубежный подход чаще предлагает использование инновационных технологий, диверсификацию и реинжиниринг бизнес-процессов; отечественные предприятия больше придерживаются оборонительной стратегии, направленной на сокращение затрат и оптимизацию ресурсов;
- в работах ученых из других стран акцент делался на проактивном подходе к управлению рисками и важности стратегического планирования; в России же основное внимание акцентировалось на реактивные меры и оперативное реагирование на кризисы;
- большое внимание в зарубежном антикризисном управлении отводится корпоративной культуре, антикризисной команде, коммуникациям с сотрудниками и контрагентами; в российском управлении кризисами этим аспектам не уделяется существенного внимания;
- исследования зарубежных авторов указывают на приоритет демократического стиля управления даже в периоды явного кризиса; российские антикризисные управляющие тяготеют к авторитарному стилю управления.

При критической оценке этих позиций выявлен приоритет российского подхода перед зарубежным. Так, в период явного кризиса, в условиях неблагоприятной внешней среды и нехватки времени более рациональны авторитарные действия, а не создание команды и принятие компромиссных и согласованных со всеми ее участниками решений. В экстренной критической ситуации гораздо важнее сохранить бизнес, чем делать ставку на внедрение инноваций. В то же время заблаговременное понимание сути будущих проблем может дать время на поиск инновационных решений для устранения потенциального кризиса.

При широком взгляде на антикризисное управление исследователями часто выделяется превентивное антикризисное управление. Вопросы превентивного антикризисного управления изучаются учеными достаточно длительное время, с тех пор как пришло понимание того, что применение антикризисных мероприятий тогда, когда кризис уже произошел, малоэффективно. В то же время при его изучении акцент обычно делается на понятии и содержании превентивного антикризисного управления (Ансофф, 1989. С. 124; Patterson, 1993. Р. 47; Дюжилова, 2012. С. 64; Кондратьева, 2014. С. 103; Сударева, Волков, 2021. С. 226; Ряховская, Кован, 2024. С. 10)³; особенностях и задачах (Сударева, Волков, 2021. С. 226; Третьяков, 2022. С. 53; Рыков 2017. С. 126); целях и мероприятиях (Быков, 2006. С. 69, Оборин, Мартиросян, 2021. С. 43); методах (Овчаренко, Халамбалян, 2024. С. 72), инструментах (Шенягин, 2014. С. 75; Рыков, 2016. С. 84; Рыльщикова и др., 2018. С. 79; Нестерова, 2019. С. 83; Сударева, Волков, 2021. С. 227; Чэнь, 2024. С. 1468); проблемах превентивного антикризисного управления и способах их решения (Жамалетдинова, Кокурин, 2019. С. 154).

Вопросы же построения этапов превентивного антикризисного управления, несмотря на существенное возрастание интереса именно к превентивному управлению как в зарубежных, так и в отечественных работах, поднимаются в небольшом количестве исследований (Littlejohn, 1983; Kash, & Darling, 1998. Р. 181; Bernstein, 2004; Coombs, 2007; Вишневская, 2008. С. 155; Неверов, 2009. С. 62; Колбасенко, Лепчук, 2014. С. 117; Valackiene, 2010. Р. 102; Поленов, 2023. С. 236). К сожалению, в этапах, изучаемых в указанных работах, отражены не все

³ Круглова, Н. Ю. (2009). Антикризисное управление: учебное пособие. Москва: КНОРУС. С. 17; Распопов, В. М., Распопов, В. В. (2012). Превентивное антикризисное управление: учебное пособие. Москва: НИЦ «Инфра-М». С. 35; Керимов, В. Э. (2013). Бухгалтерский учет в условиях антикризисного управления: учебное пособие. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». С. 15; Шведова, Н. Ю., Черненко, В. А. (2023). Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов (4-е изд., пер. и доп.). Москва: Юрайт. С. 135.

классические функции управления; последовательность представленных этапов требует корректировки; нет оценки результативности превентивного антикризисного управления; не отражается переход к реактивному антикризисному управлению при необходимости. Из-за этого антикризисным управляющим обычно приходится ориентироваться либо на классические этапы антикризисного управления (Jaques, 2010. Р. 12; Ряховская, Кован, 2013. С. 65; Буранова, 2018. С. 63; Mikušová & Horváthová, 2019. Р. 1849), в которых упоминаются вопросы превентивного антикризисного управления, либо на механизмы превентивного антикризисного управления (Шенягин, 2014. С. 75; Нестерова, 2019. С. 83; Сударева, Волков, 2021. С. 227; Чэнь, 2024. С. 1468), в рамках которых процесс превентивного антикризисного управления представлен весьма схематично. Все это ведет к тому, что на практике в лучшем случае осуществляются только отдельные элементы этапов превентивного антикризисного управления. Например, диагностика финансового положения предприятия и выявление наиболее важных стейкхолдеров; подготовка персонала к изменениям и реализация превентивных мер по снижению вероятности наступления кризисного события. В результате отсутствия полного и достаточного плана действий, когда предприятие еще «здорово», руководство предприятий зачастую начинает управлять кризисом в период реактивного антикризисного управления, когда спасти предприятие гораздо труднее, чем на этапе превентивного антикризисного управления. По нашему мнению, превентивное ИАУП является основным этапом антикризисного управления на предприятии. Дело в том, что, если превентивное ИАУП эффективно, то необходимость применения реактивного антикризисного управления значительно ниже.

Важно отметить, что в период, предшествующий второй волне явных санкций⁴ проявились неочевидные проблемы превентивного антикризисного управления, связанные со стремлением индивида всегда находиться в зоне комфорта, т. е. неготовностью руководителей предприятий меняться, отрицанием ими очевидных тенденций непрерывного ужесточения санкций, игнорированием провокаций во внешней среде и предупреждений руководства своей страны. Эта проблема во многом связана с инерцией мышления и инерционностью действий многих руководителей предприятий и является частью институциональных проблем антикризисного управления. Все это обуславливает важность изучения процессов превентивного антикризисного управления во взаимосвязи с институциональными факторами, на него влияющими.

Е. А. Бурановой в 2015 г. было предложено понятие институционального антикризисного управления предприятием на основе изучения сущности «антикризисного управления», «институтов», «институциональной среды» и «институционального управления» (Буранова, 2015. С. 15). Позже Н. Ю. Чехонин рассмотрел этот аспект в рамках региона и предложил понятие «институциональное антикризисное управление регионом» (Чехонин, 2022. С. 687).

Понятие институционального антикризисного управления предприятием автором сформулировано как «совокупность антикризисных мер, направленных на устранение потенциального и реального кризиса на предприятии, путем совершенствования правил, регулирующих как внутренние взаимоотношения сотрудников, так и взаимоотношения с их контрагентами, с учетом воздействия институциональной среды. При чем должно быть учтено как прямое, так и косвенное ее влияние на преодоление явного кризиса, снижение его отрицательных последствий и дальнейшее институционально-экономическое развитие предприятия» (Буранова, 2015. С. 22). Переход на институциональное антикризисное управление предприятием позволяет учитывать внутренние и внешние институциональные факторы его деятельности, принимать более эффективные антикризисные управленческие решения. В то же время предложенная трактовка дает слабое понимание специфики применения институциональных факторов и вызовов в условиях реализации этапов превентивного антикризисного управления на предприятии, что требует дополнительного их изучения.

Типологиям эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) институциональных вызовов для предприятия посвящают свои работы многие исследователи, начиная с классических работ Р. Коуза (Coase, 1937), О. Уильямсона (Williamson, 1975), А. Алчиана и Г. Демсетца (Alchian & Demsetz, 1972), которые рассматривают предприятие как совокупность контрактов, формирующих внутренние и внешние нормы и правила его поведения.

Следует согласиться с позицией Е. В. Бирюкова о том, что постоянно усложняющиеся финансово-экономические условия деятельности предприятий, их кооперационные и конкурентные взаимодействия требуют

⁴ Первая волна явных санкций обрушилась на Россию в 2014 г., а вторая – в 2022-м.

приобщения их к новым ценностям и знаниям, к новым нормам и правилам поведения, к корректировке формальных правил и неформальных норм (Бирюков, 2022. С. 127).

Исследованию понятия «институциональные факторы» («институциональные вызовы») посвящены работы Abercrombie⁵, Иншакова и Фролова (2010), Устиновой (2020. С. 188), Дончевской с соавт. (2021. С. 279); изучению внутренних и внешних институциональных факторов, влияющих на устойчивое развитие предприятий, в условиях трансформации экономики посвящены работы Имамвердиевой (2021. С. 3286), Баймухаметовой (2021), Русановой (2024. С. 83); исследованию институциональных изменений, связанных с цифровизацией, – работы Warschauer (2003), Иншакова (2020. С. 9); Гаджиагаева с соавт. (2021), Черняковой (2022), Ардизинба с соавт. (2023), Ефремова (2024).

Обобщив работы, посвященные исследованию институциональных вызовов для предприятия, можно представить следующую обобщенную типологию этих вызовов.

Эндогенные институциональные вызовы, которые возникают внутри организации и могут быть связаны с различными аспектами ее функционирования, можно разделить:

- на организационную структуру – изменения в структуре управления, недостаточная гибкость или неэффективные коммуникации могут привести к внутренним конфликтам, замедлению бизнес-процессов;
- корпоративную культуру – сопротивление изменениям со стороны сотрудников, отсутствие мотивации и вовлеченности могут стать серьезными препятствиями для дальнейшего развития;
- управленческие процессы – неправильные управленческие решения, отсутствие четкой стратегии или недостаточная квалификация управленческого состава могут негативно сказаться на эффективности деятельности предприятия;
- ресурсы и компетенции – недостаток необходимых ресурсов (финансовых, кадровых, материальных) или отсутствие ключевых компетенций может ограничить возможности предприятия.

Институциональные экзогенные вызовы, которые возникают в результате изменений во внешней среде, можно разделить:

- на экономические факторы – колебания валютных курсов, инфляция, изменения в налоговой политике и экономическая нестабильность могут повлиять на финансовое состояние предприятия;
- политические факторы – изменения в законодательстве, политическая нестабильность, санкции или коррупция могут создать дополнительные риски для бизнеса;
- социальные факторы – изменения в потребительских предпочтениях, демографические изменения и социальные тренды могут потребовать от предприятия адаптации своих продуктов и услуг;
- технологические факторы – быстрые изменения в технологиях и цифровизация требуют постоянного обновления бизнес-процессов и внедрения инноваций.

Все выявленные институциональные факторы и вызовы необходимо оценить на возможность и необходимость их учета в процессе превентивного антикризисного управления. Особое внимание следует уделить управленческим процессам, возможностям, желаниям и инерционности мышления руководителей российских предприятий. Важность всех этих действий обусловлена тем, что «в 2022 году российские предприниматели столкнулись с ранее невиданным по своим масштабам комплексом проблем: разрыв сетей поставок, формировавшихся в течение многих лет, закрытие доступа к отдельным внешним рынкам сбыта, трудности с осуществлением транснациональных расчетов, утрата возможности использования иностранного программного обеспечения (включая поддержку и обновление программного обеспечения, критически значимого для функционирования отдельных видов оборудования), кратное уменьшение объемов иностранных инвестиций» (Пудовкина, Богданов, 2023. С. 54).

В связи с постоянно растущими масштабами эндогенных и экзогенных вызовов для предприятий растет и потребность в эффективном антикризисном управлении, причем в большей степени именно превентивном.

В то же время многим нерешенным проблемам этапов превентивного ИАУП в современной экономике не уделяется должного внимания:

1. Превентивное ИАУП и, соответственно, его этапы учеными и экспертами не изучаются. Некоторые исследователи иногда упоминают институциональные аспекты (подготовка антикризисной команды или

⁵ Abercrombie, N., Hill, S., & Turner, B. (1994). The Dictionary of Sociology. London: Penguin Group.

антикризисные коммуникации), но не осуществляют системный учет институциональных компонентов с выделением институционализма как одного из ключевых приоритетов превентивного антикризисного управления. В связи с тем, что внутренние и внешние институциональные факторы всегда влияют на деятельность предприятия, практики либо вынуждены самостоятельно изучать эти факторы (как это выше сделал автор исследования) и процесс их влияния на предприятие в рамках превентивного ИАУП (см. рис.), либо их не учитывать, из-за чего существенно снижается достоверность полученной информации и эффективность реализуемых действий.

2. В существующих исследованиях не представлена полноценная, достаточная, многовариантная, бесконечная и цикличная последовательность действий при превентивном антикризисном управлении, содержащая меры по диагностике, планированию, организации, контролю результатов в логичной последовательности и в различных ситуациях. Так, основным бессрочно осуществляемым этапом превентивного ИАУП должно стать создание системы методов распознавания, оценки и прогнозирования проблем и поиска возможностей. Для минимизации расходов на этот процесс предлагается использовать современные цифровые возможности. Например, правильно настроенный искусственный интеллект позволит постоянно мониторить внешнюю и внутреннюю среду предприятия, своевременно распознавать кризисные ситуации и заблаговременно информировать о них руководство компании. К сожалению, в настоящее время превентивное антикризисное управление проводится эпизодически, последовательность действий в его рамках обычно нерациональная, а иногда и ошибочная, что ведет к излишним затратам, слишком медленной реакции на кризис и создает предпосылки для принятия неверных решений. Из-за этого превентивное ИАУП многими учеными и практиками недооценивается или игнорируется.

3. Многие ученые указывают на наличие связи между превентивным и реактивным антикризисным управлением, но в процессе изучения его этапов превентивное антикризисное управление рассматривается само по себе, а процесс конкретных действий при переходе к реактивному антикризисному управлению (при наличии необходимости в этом) не раскрывается. В результате практики либо воспринимают превентивное антикризисное управление «вещью в себе», не имеющей практического применения, либо вынуждены самостоятельно выстраивать схемы переходов от превентивного к реактивному ИАУП.

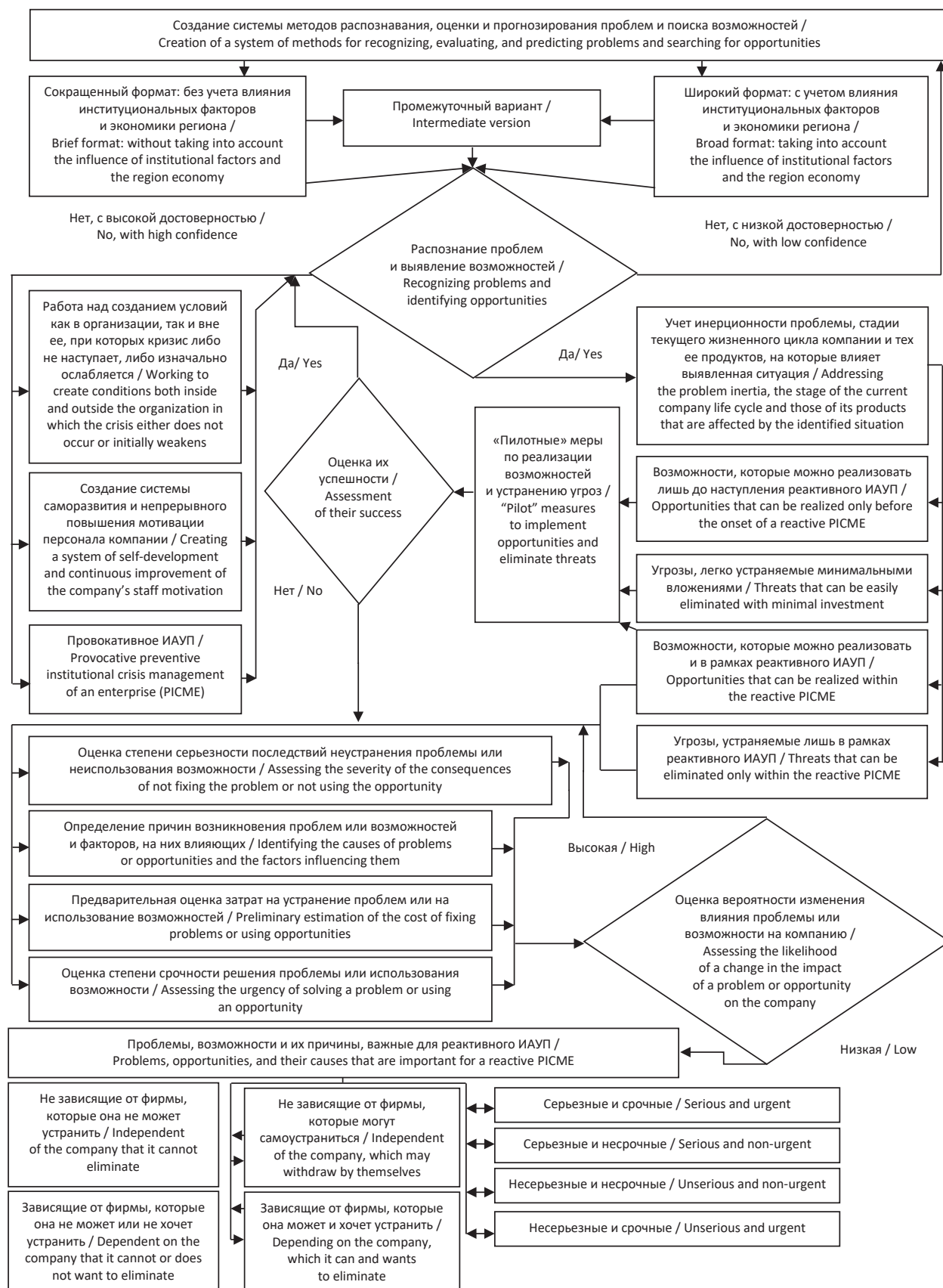
4. Не учитывается активная деятельность региональных властей по поддержке предприятий в современных санкционных условиях. Так, руководство многих предприятий ранее вполне обоснованно не уделяло им внимания. Это было связано с относительно невысокой региональной господдержкой. Например, в Республике Татарстан длительное время одним из основных вариантов господдержки было субсидирование до 50 % от стоимости оборудования⁶ или компенсация всей или части суммы процентов за кредит по инновационным, сельскохозяйственным и иным проектам. Эксперты отмечали, что до 2020 г. господдержка оказывалась очень многим заявителям, но большинство из них получали субсидирование около 10 % от стоимости оборудования, а субсидирование процентной ставки по кредитам осуществлялось в диапазоне от 50 до 100 %. В настоящее время ассортимент региональной господдержки существенно расширен (в том числе значительное внимание уделено нефинансовым мерам господдержки⁷), но руководители предприятий по инерции не изучают и не используют появившиеся возможности развития компании, предоставляемые государством. В результате руководство компаний не видит перспективных возможностей развития в кризисных условиях и региональным властям сложнее направлять развитие экономики региона на приоритетные для них направления деятельности.

5. В существующих исследованиях не раскрывается содержание превентивного мониторинга⁸ в разных ситуациях и для разных предприятий. Действия, предлагаемые другими учеными на этапе «диагностика

⁶ Об утверждении Порядка отбора субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан для предоставления государственной поддержки в форме субсидий: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 416 от 19 июня 2013 г. (2013); Об утверждении Порядка предоставления в 2023 году субсидий из бюджета Республики Татарстан на возмещение части затрат промышленных предприятий, связанных с приобретением нового оборудования: Постановление Кабинета Министров РТ № 1188 от 27 сентября 2023 г. (2023).

⁷ Меры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса в 2025 году. (2025). Министерство экономики Республики Татарстан. <https://mert.tatarstan.ru/meri-podderzhki-subektov-msp-v-2023-godu.htm>

⁸ Система наблюдения, анализа, прогнозирования, направленная на предотвращение возможных проблем или угроз, прежде чем они возникнут, и на поиск возникающих возможностей.

Этапы превентивного ИАУП

Stages of preventive institutional crisis management of an enterprise (PICME)

(анализ)» (см. табл.) нацелены на получение поверхностных результатов анализа (без выявления проблем и поиска благоприятных возможностей для развития) и не указывают на важность их прогнозирования.

6. Не исследуется и не применяется провокативное антикризисное управление в превентивном антикризисном управлении. Некоторые его элементы (например, стресс-тестирование) достаточно известны, но их взаимосвязь и предпочтительные условия их реализации в рамках антикризисного управления не раскрываются. В результате применения предложенного автором комплексного подхода в данной области появится возможность своевременно обнаруживать и предвосхищать кризис, в том числе в ситуации, когда существует низкая вероятность его возникновения на предприятии.

В этой связи целью статьи являются определение и подробное раскрытие этапов превентивного ИАУП.

Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:

- систематизация этапов превентивного антикризисного управления предприятием, выделяемых различными исследователями;
- определение этапов превентивного институционального антикризисного управления предприятием;
- подробное раскрытие каждого из представленных этапов для облегчения их практического применения.

Результаты исследования

Обзор, обобщение и систематизация этапов превентивного антикризисного управления предприятием

При изучении работ, раскрывающих процесс превентивного антикризисного управления, обнаружены такие общеизвестные этапы превентивного антикризисного управления, как диагностика (анализ, мониторинг, контроллинг) состояния предприятия; создание и подготовка антикризисной команды; антикризисное прогнозирование и планирование; принятие превентивных управленческих решений. Обобщим и систематизируем этапы превентивного антикризисного управления, выделяемые различными исследователями, в таблице.

Последовательность этапов, представленная автором в таблице, не везде отражает ту последовательность, которая была изначально предложена исследователями, т. е. она скорректирована. Например, Р. Ф. Литлджон выделил шесть этапов антикризисного управления: построение структуры антикризисной модели; выбор антикризисной команды; подготовка команды; диагностика кризисной ситуации; антикризисный план и управление кризисом (Littlejohn, 1983). В результате у него создание антикризисной команды предшествует этапу диагностики. Такая же ситуация в исследованиях Т. Дж. Кэш и Дж. Р. Дарлинг (Kash & Darling, 1998), Дж. Бернштейн (Bernstein, 2004), В. Т. Кумбс (Coombs, 2007). У А. Н. Ряховской разработка планов действий предшествует мониторингу и диагностике (Ряховская, Кован, 2013). В то время как диагностика состояния предприятия в любом случае должна предшествовать и созданию антикризисной команды (в зависимости от выявленных проблем могут меняться специалисты, входящие в команду), и разработке планов действий (планы также могут существенно отличаться в зависимости от выявленных угроз или возможностей).

Не все классические этапы управления (планирование, организация, мотивация, контроль) представлены исследователями в своих работах. Из таблицы видно, что акцент сделан на диагностике состояния предприятия и меньше уделено внимания действиям по результатам этой диагностики. Так, если диагностика показала достаточно устойчивое финансовое и рыночное положение предприятия или, напротив, очень низкую финансовую устойчивость, низкую рентабельность или ее отсутствие, низкую конкурентоспособность, то непонятно, какие действия должен предпринимать руководитель. Ведь вся система превентивного антикризисного управления в разных ситуациях будет существенно отличаться. Об антикризисной команде, ее обучении, работе со стейхолдерами говорится в основном в работах зарубежных авторов. Такие важные моменты, как корректировка действий по итогам осуществляемого контроля и действия при переходе к реактивному антикризисному управлению, либо не отражены, либо представлены очень размыто.

Кроме того, превентивное антикризисное управление воспринимается многими исследователями как преактивное – подготовительное к управлению в ситуации явного кризиса (Littlejohn, 1983; Kash & Darling, 1998; Bernstein, 2004; Coombs, 2007; Valackiene, 2010). Другими словами, эти ученые считают, что неизбежность последующего реактивного ИАУП уже предreshена. В этой связи и возникают на этом этапе такие действия, как собрание команды (ей же нужно платить ежемесячно зарплату, а если кризиса на предприятии не будет очень долго?), составление альтернативных планов (ситуация же постоянно меняется, и если кризис не выявлен, то зачем составлять несколько вариантов планов, которые все равно скоро устареют) и т. п.

Систематизация этапов превентивного антикризисного управления предприятием

Systematizing the stages of preventive institutional crisis management of an enterprise

Этап / Stage	Содержание этапа / Stage content	Авторы / Authors
Диагностика (анализ) / Diagnostics (analysis)	Сбор и обработка информации / Collecting and processing information	Н. А. Поленов (2023)
	Диагностика реального состояния предприятия (Организация непрерывного наблюдения за состоянием системы) / Diagnosing the actual condition of the enterprise (Organizing continuous monitoring of the system status)	Р. Ф. Литлджон (Littlejohn, 1983); Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2015); О. Е. Колбасенко (Колбасенко, Лепчук, 2014); А. Н. Ряховская, С. Е. Кован (2013); О. В. Вишневская (2008)
	Выявление наиболее важных стейкхолдеров (Правильное определение заинтересованных лиц и их перспектив) / Identification of the most important stakeholders (Correct identification of stakeholders and their prospects)	Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2010); Т. Джакус (Jaques, 2010)
	Выявление внешних факторов, которые способствуют развитию кризисного состояния предприятия / Identification of external factors that contribute to the crisis condition of the enterprise	О. Е. Колбасенко (Колбасенко, Лепчук, 2014)
	Выявление множества вероятных состояний предприятия, которые могут оказать неблагоприятное влияние на его деятельность / Identification of the set of probable conditions of the enterprise that may have an adverse impact on its activities	О. Е. Колбасенко (Колбасенко, Лепчук, 2014); А. Н. Ряховская, С. Е. Кован (2013)
	Выявление «сигнальных» показателей и их критических значений, на основании которых можно обнаружить появление негативных факторов / Identification of "signal" indicators and their critical values, on which basis negative factors can be detected	А. Н. Ряховская, С. Е. Кован (2013)
Создание и подготовка антикризисной команды / Creating and training an anti-crisis team	Контроллинг внешней и внутренней среды и финансово-экономической деятельности предприятия / Controlling the external and internal environment and financial and economic activities of the enterprise	А. В. Неверов (2009)
	Выбор и создание антикризисной команды / Selecting and creating an anti-crisis team	Р. Ф. Литлджон (Littlejohn, 1983); Т. Дж. Кэш и Дж. Р. Дарлинг (Kash & Darling, 1998); Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2010); В. Т. Кумбс (Coombs, 2007);
	Подготовка антикризисной команды (Определение представителей всех направлений антикризисных коммуникаций и их обучение) / Training the anti-crisis team (Identifying representatives in all areas of anti-crisis communications and their training)	Р. Ф. Литлджон (Littlejohn, 1983); Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2010); В. Т. Кумбс (Coombs, 2007)
Подготовка к реализации превентивных управленческих решений / Preparing for the implementation of preventive managerial decisions	Реализация систематического организационного обучения / Implementing systematic organizational training	Т. Джакус (Jaques, 2010)
	Построение структуры антикризисной модели / Building the anti-crisis model structure	Р. Ф. Литлджон (Littlejohn, 1983)
	Разработка антикризисного плана на различные сценарии развития событий / Developing an anti-crisis plan for various scenarios	Р. Ф. Литлджон (Littlejohn, 1983); Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2010); В. Т. Кумбс (Coombs, 2007)
	Заблаговременная проработка вариантов неблагоприятного развития событий и подробного плана действий на случай появления негативных явлений / Early elaboration of options for an unfavorable development of events and a detailed plan of action in case of negative phenomena	А. Н. Ряховская, С. Е. Кован (2013)
	Назначение стратегических групп для сценарного анализа / Appointment of strategic groups for scenario analysis	Т. Дж. Кэш и Дж. Р. Дарлинг (Kash & Darling, 1998);
	Определение средств достижения поставленных целей / Determining the means to achieve the set goals	Дж. Бернстейн (Bernstein, 2004); А. Валаскини (Valackiene, 2015)
Принятие превентивных управленческих решений / Making preventive managerial decisions	Моделирование последствий превентивного управленческого решения / Modeling the consequences of a preventive management decision	А. В. Неверов (2009)
	Разработка проектов сообщений для общественности в случае наступления того или иного кризиса / Developing draft messages for the public in the event of a crisis	В. Т. Кумбс (Coombs, 2007)
	Создание эффективной системы реагирования на первые сигналы кризиса (Заблаговременное применение мер по устранению или ослаблению причин вероятных кризисных явлений на предприятии) / Creating an effective system for responding to the first signs of a crisis (Early application of measures to eliminate or mitigate the causes of possible crisis events at the enterprise)	Т. Джакус (Jaques, 2010); О. Е. Колбасенко (Колбасенко, Лепчук, 2014)
	Принятие превентивного управленческого решения, его реализация и контроль / Adopting the preventive managerial decision, implementing and controlling it	Н. А. Поленов (2023)
	Устранение системных причин потенциальных кризисов / Addressing the systemic causes of potential crises	Т. Джакус (Jaques, 2010)
	Применение превентивных механизмов нейтрализации начинающегося кризиса / Implementing preventive mechanisms to neutralize the emerging crisis	О. В. Вишневская (2008)

В результате несвоевременно собранная антикризисная команда сама может стать причиной кризиса на предприятии, так как снижает его конкурентоспособность. Из-за этого руководители российских предприятий превентивным антикризисным управлением обычно не занимаются или реализуют малое число этих этапов в рамках реактивного антикризисного управления. В этой связи восприятие превентивного антикризисного управления как подготовительного этапа к реактивному слишком узко и ведет к тому, что этапы, предложенные зарубежными учеными, обычно не применяются в России.

Внешняя среда и ее влияние, особенно в современных реалиях, также недостаточно исследуются учеными. В российской практике, если имеются какие-то угрозы, может создаваться комиссия, которая оценивает внутренние и внешние риски. В то же время в реальности такая комиссия (если она вообще создается, так как часто времени нет даже на ее создание) способна обнаружить и раскрыть только очевидные угрозы и проблемы. Дело в том, что в ситуации явного кризиса времени для масштабных исследований и обсуждения альтернативных планов очень мало, так как в первую очередь именно оперативная реакция на кризис способна предотвратить банкротство на предприятии.

Определение этапов превентивного институционального антикризисного управления на предприятии

Превентивное ИАУП изначально должно быть направлено на предотвращение кризиса. С одной стороны, это очевидно, но ученые, исследующие этот вопрос, рассматривают превентивное ИАУП как подготовку к кризису. В то время как лишь предложенный подход, т. е. превентивное управление как предотвращение кризиса, а не подготовка к нему, раскрывает верный процесс превентивного ИАУП.

Все предложенные этапы превентивного ИАУП далее подробно раскрыты с учетом влияния экономики региона.

Процесс превентивного ИАУП начинается с этапа превентивного мониторинга, заключающегося в создании системы методов распознавания, оценки и прогнозирования проблем и поиска возможностей. Превентивный мониторинг на каждом предприятии реализуется в разных масштабах (в зависимости от размера предприятия, степени угрозы со стороны внешней среды (периоды явного и скрытого кризиса), личного отношения руководителя к важности этой системы и т. п.), и сложно выделить стандартную систему, которую нужно применять на каждом предприятии. В этой связи предполагается превентивный мониторинг рассматривать в двух вариантах: расширенном и сокращенном.

Сокращенный формат: без учета влияния институциональных факторов и экономики региона применяется в подавляющем большинстве случаев. В реальной жизни руководство предприятия не изучает влияние институциональных⁹ факторов на предприятие. Это связано с инерцией мышления и ошибочным представлением о том, что раз предприятие существует и приносит прибыль, то что-то изучать и потом менять не нужно. В течение последних 10–15 лет дисциплина «Институциональная экономика» вошла в программы подготовки во многих вузах, но поколение экономистов, способных учесть влияние институциональных факторов, еще не перешло в высший менеджмент компаний. В этой связи руководство компаний должно либо повысить свою квалификацию, пройдя соответствующие курсы переподготовки, либо начать привлекать к стратегическому и тактическому управлению молодых экономистов, понимающих специфику влияния институциональных факторов на предприятие. Отсутствие учета влияния экономики региона означает не только игнорирование изучения угроз во внешней среде, но и невыявление возможностей, которые предоставляет государство для развития бизнеса в приоритетных для него направлениях: низкие ставки кредита для отдельных отраслей, гранты, возможность изменить налоговые условия (например, воспользоваться инвестиционными вычетами) и т. п. С одной стороны, это логично делать, так как в этом ничего сложного нет, но с другой – обычно это не делается.

Широкий формат: с учетом влияния экономики региона включает максимальный состав методов распознавания, оценки и прогнозирования проблем и поиска возможностей как во внутренней, так и во внешней среде предприятия, который можно реализовать предприятию, не опасаясь того, что наличие этой системы

⁹ Опираясь на трактовку Д. Норта, в данном исследовании под институтами будут пониматься «правила игры» в обществе (формальные и неформальные правила). Под формальными будут пониматься нормы поведения, закрепленные в письменном виде и защищенные властными структурами (законы или внутренние требования в организациях). Под неформальными правилами будут пониматься общепринятые условности (традиции, общественное мнение) и этические кодексы поведения людей (Плотников, Жигунов, 2014. С. 170).

станет для него убыточной. Так, любое предприятие независимо от того, есть какие-либо угрозы его положению или нет, должно применять определенную систему методов распознавания, оценки и прогнозирования проблем и поиска возможностей, без которых никак нельзя обойтись (например, с использованием SWOT-анализа). В том числе для поиска возможностей ИАУП. Важно, что эти антикризисные меры можно реализовать лишь на стадии превентивного ИАУП, так как при реактивном ИАУП они уже либо невозможны, либо менее актуальны. Все это позволит прогнозировать эндогенные институциональные вызовы для предприятия и успешнее им противостоять.

В этой связи наличие на рисунке двух вариантов превентивного ИАУП (сокращенный и широкий форматы) показывает, что предприятия, по-разному осуществляющие этап диагностики и прогнозирования, по-разному подойдут и к решению возникших проблем и обнаружат разное число имеющихся возможностей. В процессе превентивного институционального антикризисного управления на предприятии малоактивные на начальном его этапе предприятия, скорее всего, не будут осуществлять провокативное ИАУП. В результате даже при выявлении проблем и возможностей руководство этих фирм может не захотеть устранять выявленные проблемы и реализовывать обнаруженные перспективные возможности.

Подобная логика мышления руководителей традиционно игнорируется в академической среде. В рамках этапов превентивного антикризисного управления эти достаточно часто встречающиеся ситуации¹⁰ вообще никем не упоминаются. В этой связи демонстрация того, что данная логика существует и она весьма широко распространена, уже само по себе является нестандартным подходом к превентивному антикризисному управлению. При этом подробное раскрытие этой ситуации в рамках предложенных этапов превентивного ИАУП является существенной научной новизной.

Эта система методов должна позволить диагностировать факторы институциональной среды региона, в котором работает предприятие (экономические и социальные; формальные и неформальные); качество управления регионом, в котором функционирует предприятие; взаимоотношения предприятия с контрагентами; факторы внутренней институциональной среды предприятия (социальные, организационные, экономические); неформальные взаимоотношения сотрудников предприятия и взаимоотношения с контрагентами.

Широкий формат обычно применяется тогда, когда у руководства возникает подозрение о возможных проблемах предприятия. Учитывая, что подозрения обычно возникают при реальных проблемах, расширенный вариант начинают разрабатывать и применять тогда, когда уже поздно это делать. Все это обуславливает важность предварительной его разработки. Это позволит не только бороться с внутренними институциональными вызовами, но и заранее подготовиться к влиянию экзогенных институциональных вызовов.

Скорее всего, после понимания важности институциональных аспектов большинство фирм будут реализовывать промежуточный вариант, который предполагает создание промежуточной системы методов, подходящей конкретно для анализируемого предприятия в конкретной ситуации, в которой оно сейчас находится. Промежуточную систему превентивного мониторинга каждое предприятие должно создать самостоятельно путем исключения ненужных им действий, предложенных в рамках широкого формата.

При сборе данных могут использоваться такие источники, как мнения экспертов, литература из общественного сектора, проекты нормативно-правовых актов, прогнозы профессиональных и торговых ассоциаций, университетов, опросы, тематические фокус-группы, оценка продукта, выпускаемого конкурентом (действующие уровни качества, надежность работы, стратегия ремонта, основные типы поломок, легкость пользования, приспособляемость к изменениям среды, точность, себестоимость и т. п.), инженерный анализ, анализ услуг, предоставляемых конкурентом (оценивается время ожидания, удобство пользования, чистота, процесс обслуживания клиента, уровень шума, стоимость услуг, точность, компетентность и уровень знаний служащих, надежность, предсказуемость). Каждый источник необходимо предварительно оценить на предмет: надежности и точности, доступности, стоимости, охвата, актуальности, полезности, пригодности для использования, уровня дублирования.

Предлагаемая автором основная цель превентивного ИАУП – не решить, а наилучшим образом распознать проблему, оценив степень ее серьезности, скорость ее развития, факторы, на нее влияющие, ее причины

¹⁰ Например, ЦБ РФ в январе 2024 г. обнаружил, что 20 % компаний с максимальной загрузкой не собирались инвестировать в наращивание производственного оборудования (Манушин, 2024b).

и возможные последствия. Решается эта проблема на этом этапе, лишь если она попадает в группу проблем, которые легко подавить малыми средствами в зародыше. В том числе и потому, что резерв средств, выделяемых на превентивное ИАУП, традиционно мал или вообще отсутствует. В этой связи реализация предложенной схемы кардинально отличается от имеющихся подходов. Так, другие ученые не предлагают использовать бессрочно осуществляемые разные форматы диагностики. Схемы по выявлению зародыша проблемы с целью его устранения на этапе превентивного ИАУП тоже никем не предусмотрены. Предложенный подход выгоден, так как для его реализации, скорее всего, будет достаточно одного специалиста, который будет заниматься только этими вопросами, а прибыль, полученная от реализации выявленной возможности, или сокращенные затраты из-за своевременного выявления зародыша проблемы будут существенно превышать затраты на содержание данного специалиста.

После распознавания проблем и выявления возможностей нами представлены два варианта возможного развития событий: «Нет, с высокой достоверностью» и «Нет, с низкой достоверностью» (см. рис.).

Так, «Нет, с высокой достоверностью» – это высокий уровень уверенности в том, что кризис в ближайшее время не наступит, поэтому можно выявлять скрытые кризисы, первопричины проблем предприятия, предпосылки будущих кризисов и прочее и осуществлять серьезную работу по их устранению, решая важные, но не срочные проблемы. В период явного кризиса на их решение обычно не хватает ни времени, ни денег, не говоря о том, что одновременное устранение причин и следствий проблем может привести к приостановке деятельности компании, что в явный кризис совершенно нежелательно.

В то время как «Нет, с низкой достоверностью» – это низкий уровень уверенности в том, что кризис в ближайшее время не наступит, поэтому серьезных и длительных преобразований в деятельности компании лучше не проводить, а работать над устранением проблем, решение которых займет относительно небольшое время. Если же затеять серьезное преобразование, в середине которого вас застанет кризис, то, скорее всего, предприятию будет хуже, чем если бы оно ничего не делало.

Раскрытие разных схем действий при разной вероятности возникновения явного кризиса не предлагает ни один из изученных исследователей. В то время как при осуществлении практической деятельности без этого никак не обойтись.

Второй целью превентивного антикризисного управления является создание условий как в организации, так и вне ее, при которых кризис либо не наступает, либо изначально ослабляется.

Третьей целью превентивного ИАУП является создание системы саморазвития персонала в организации, для того чтобы работники, повысив свой профессиональный уровень в относительно спокойный период, смогли реализовать свои достижения либо в период явного кризиса, либо до его образования, заранее выведя свою организацию из-под возможного удара.

Провокативное ИАУП логичнее всего реализовывать лишь в рамках превентивного ИАУП. В его рамках в том числе реализуется и тренировка антикризисной команды (Буранова, 2021, с. 78). Провокативное антикризисное управление на этапе превентивного управления можно определить как комплекс мероприятий нестандартного, активного, провокационного характера, который будет способствовать отработке действий в подобных ситуациях, отбору наиболее стрессоустойчивого персонала, тренировке антикризисной команды.

Также следует указать на некоторые отличия действий в области провокативного антикризисного управления и стресс-тестирования. Провокативное антикризисное управление более активно и ориентировано на действия, тогда как стресс-тестирование чаще всего является аналитическим процессом. Провокативное управление фокусируется на подготовке к кризисам через симуляции и практические кейсы, а стресс-тестирование – на оценке потенциальных рисков и уязвимостей. Провокативное управление должно привести к улучшению навыков команды и повышению их готовности к кризису, а стресс-тестирование помогает выявить финансовые и операционные риски.

Отдельно следует отметить, что определение «провокативное антикризисное управление» предложено автором исследования. В поисковых системах подобная формулировка отсутствует. Достаточно хорошо известно лишь слово «провокативное», но оно обычно применяется в языкознании, философии, искусствоведении, медийных и исторических исследованиях; весьма редко оно используется в психологических, политических, социальных и правовых исследованиях. С позиции экономики провокативный аспект исследован только одним ученым (Буранова, 2021), но в данной работе изучаются суть и виды провокативного антикризисного управления, а применительно к этапам антикризисного управления провокативное управление не рассматривалось.

Если в превентивном ИАУП после мониторинга возникнет ситуация, когда проблема распознана и хорошо изучена, то могут появиться четыре основные вероятностные «ветки»:

- возможности, которые можно реализовать лишь до наступления реактивного ИАУП;
- возможности, которые можно реализовать и после наступления реактивного ИАУП;
- угрозы, легко устранимые с минимальной суммой вложения;
- угрозы, устранимые лишь в рамках реактивного ИАУП.

Если в результате успешных «пилотных» мер возможности реализованы, а угрозы устранены на 100 % и не может быть улучшений в текущей ситуации, то мы возвращаемся к этапу распознавания проблем и выявления возможностей.

Если же не все угрозы устранены и остались еще возможности, которыми предприятие может воспользоваться, то начинается этап выявления проблем и предварительного рассмотрения разных вариантов их устранения: оценка степени серьезности последствий неустранения проблемы или неиспользования возможности; определение причин возникновения проблем или возможностей и факторов, на них влияющих; предварительная оценка затрат на устранение проблем или на использование возможностей; оценка степени срочности решения проблемы или использования возможности. Специалисты по современной российской антисанкционной политике указывают на предоставление государством множества возможностей для развития предприятий (Кособуцкая и др., 2023. С. 6; Манушин, 2024а. С. 55; Малкина, Балакин, 2024. С. 295), что подтверждает важность учета не только угроз (классический подход), но и возможностей (современный подход).

Оценка вероятности изменения влияния проблемы или возможности на компанию позволяет принять решение либо о продолжении диагностических процедур и возможностях устранения проблем, либо введении реактивных мер антикризисного управления.

На рисунке все проблемы, которые будут решаться в рамках реактивного ИАУП, были разделены на зависящие от компании и те, устранить которые она не может, это чаще всего проблемы, связанные с изменением внешней среды, экзогенными институциональными вызовами. Для проблем, которые могут самоустраниться, необходимо создать условия, при которых она может быстрее самоустраниться, если же проблему устранить нет возможности, то необходима подготовка предприятия к банкротству. В отдельную группу следует выделить проблемы, которые компания может, но не хочет устранять. Например, в процессе изучения антисанкционного управления обнаружено, что в 2023 г. 20 % организаций, достигших максимального уровня загрузки своих основных средств, не будут вкладываться в развитие своего производства¹¹ (Манушин, 2024b. С. 342). К группе проблем, которые компания хочет и потенциально может решить, но в реальности они ею не решаются, можно отнести проблемы некомпетентности руководства организации; несогласованность действий собственников и/или руководителей предприятия; нерешенные конфликты с контрагентами фирмы, которые обострились в период санкционных или иных кризисов; возникновение институциональных препятствий, которые не должны были возникнуть при нормальном функционировании экономики (неофициальные административные барьеры, низкая мотивация госслужащих, саботаж чиновников, институциональные противоречия (Иншаков, Фролов, 2010; Манушин, 2016; Устинова, 2020; Гаджиагаев и др., 2021; Дончевская и др., 2021; Пудовкина, Богданов, 2023), теневая экономика (Кособуцкая и др., 2023) и т. п.). Для проблем, решение которых полностью зависит от антикризисного управления, возможно три исхода: устранение проблемы; включение их в «банк проблем» (если проблемы несерьезные и несрочные); подготовка предприятия к банкротству, если такой исход более целесообразен в данной ситуации.

Выявленные в процессе превентивного ИАУП проблемы, требующие решения в рамках реактивного управления, являются связующим звеном между превентивным и реактивным ИАУП в том случае, когда без реактивного ИАУП невозможно обойтись. В то же время смещение акцента с неизбежности реактивного ИАУП на признание способности компании устранить кризис на стадии превентивного ИАУП (в рамках этапа «Пилотные» меры по реализации возможностей и устранению угроз») является преимуществом предложенных автором этапов. В результате выделение этих групп проблем облегчит процесс реактивного ИАУП, так как будет проведена предварительная работа по группировке и идентификации возможных проблем и вариантов развития.

¹¹ См. сноску 10.

Научная новизна представленной последовательности действий при превентивном институциональном антикризисном управлении предприятием заключается в следующем.

1. Представление подробной и достаточной последовательности действий при превентивном институциональном антикризисном управлении. Обычно исследователями этап превентивного антикризисного управления либо упускается, а рассматривается только ситуация явного кризиса, либо превентивное управление трактуется как отдельный этап без подробного описания действий при управлении потенциальным кризисом. Выделены новые этапы превентивного антикризисного управления: корректировка действий по итогам осуществляемого контроля и действия при переходе к реактивному антикризисному управлению. Уточнены такие этапы, как распознавание проблем и выявление возможностей, провокативное ИАУП, «пилотные» меры по реализации возможностей и устранению угроз. Новизной этих этапов является уточнение формулировок и содержания этих элементов, а также выделение их в отдельные этапы процесса превентивного ИАУП.

2. Особо следует отметить новизну добавления институциональной логики развития событий в предложенных этапах, которая начинается с разделения системы превентивного мониторинга на сокращенный формат (без учета и с учетом институциональных факторов и экономики региона), «ветки» событий с провокативным управлением и его отсутствием, признанием того, что итоговым действием может быть решение руководства предприятия об игнорировании проблемы из-за нежелания ею заниматься. Подобный подход часто реализуется в реальной жизни, но игнорируется в академической среде. Кроме того, институциональный характер превентивного антикризисного управления отражен в таких его элементах, как связь антикризисного управления с институциональной региональной средой; диагностика стиля управления, неформальных взаимоотношений сотрудников предприятия и взаимоотношений предприятия с контрагентами; подготовка руководителей и сотрудников к изменениям за счет провокативного антикризисного управления; целенаправленное выявление институтов, способствующих достижению целей антикризисного управления, и институтов, препятствующих этому. Важно отметить, что все изученные авторы концентрируются на раскрытии формальных схем превентивного антикризисного управления, а акцент на неформальные процессы взаимодействия факторов превентивного ИАУП впервые сделан в данной статье. Ключевым элементом учета институциональных факторов на практике является переход высшего руководства компании от удовлетворенности текущей позицией предприятия к его постоянному развитию. В этой связи первым шагом в данной области является повышение квалификации ключевых руководителей компании по вопросам институциональной экономики. При наличии инициативы высшего менеджмента компании проведение остальных операций¹² будет относительно несложным процессом.

3. Обоснована необходимость реализации именно указанной последовательности действий превентивного антикризисного управления. При этом она рассмотрена в контексте того, что все эти шаги направлены на выявление проблем и предварительное рассмотрение разных вариантов их устранения. В предложенной автором схеме не просто прописаны традиционные последовательные (линейные) этапы, а впервые раскрыт алгоритм действий в альтернативных ситуациях.

4. Представлено оригинальное видение превентивного ИАУП. Сначала через осуществляемые форматы диагностики внешней и внутренней среды предприятия (их отличием является возможный бессрочный их характер и допустимость их существования без реактивного ИАУП). Потом через схемы по выявлению зародыша проблемы с целью его устранения на этапе превентивного ИАУП (новизной является детализация нестандартной схемы, в рамках которой признается возможность реализации антикризисных мер на этапе превентивного ИАУП, но только для устранения зародыша проблемы и «пилотного» характера). В заключение осуществляется подготовка проблем для реактивного ИАУП, которые невозможно решить в рамках превентивного ИАУП. В то время как традиционным подходом является рассмотрение превентивного антикризисного управления как подготовительного этапа реактивного антикризисного управления, исходя из предположения, что реактивное антикризисное управление неизбежно будет осуществлено в ближайшем

¹² Например, опрос сотрудников о стиле управления и в области институциональной подоплеки работы с контрагентами, выявление и корректировка неформальных правил в организации, обучение провокативному управлению, создание системы стимулирования развития компании.

будущем. Соответственно, переходные действия по формированию групп проблем не осуществляются. Это связано с тем, что другие ученые либо превентивное антикризисное управление рассматривается как «вещь в себе» без раскрытия схем взаимосвязи с реактивным антикризисным управлением, либо упоминают некоторые элементы превентивного антикризисного управления в составе реактивного антикризисного управления, не раскрывая процесс взаимодействия между ними.

5. Учтены современные изменения в антикризисном управлении, обусловленные наложением на Россию санкций и активизацией деятельности региональных властей по поддержке предприятий в новых условиях.

6. Раскрыто содержание двух новых блоков этапов превентивного ИАУП вплоть до предложения их понятий (превентивный мониторинг и провокативное антикризисное управление в области превентивного управления кризисом).

Заключение

В результате выявленная последовательность действий в рамках превентивного ИАУП связывает современные представления о кризисе (Имамвердиева, 2021; Манушин, 2021; 2020; Шабанова и др., 2023; Егоров, 2024; Овчаренко, Халамбалян, 2024; Ряховская, Кован, 2024. С. 5) с теорией и практикой антикризисного управления, что подтверждает достоверность и практическую применимость предложенных этапов превентивного ИАУП. Предложенный процесс превентивного ИАУП позволит лучше понять имеющиеся представления о превентивном антикризисном управлении на предприятии с учетом влияния на него региональных и институциональных аспектов. Реализация предложенных новых этапов превентивного антикризисного управления позволит предприятиям своевременно и правильно реагировать на предвестники и предпосылки кризисов и устранять их на ранней стадии, затрачивая на этот процесс существенно меньше средств, чем на классическое реактивное антикризисное управление. К дальнейшим направлениям исследования можно отнести уточнение классических подходов к антикризисному управлению предприятием с учетом раскрытой автором специфики превентивного ИАУП.

Список литературы

- Ансофф, И. (1989). *Стратегическое управление*. Москва: Экономика. EDN: TEHUCH
- Ардизинба, А. А., Новиков, В. В., Новиков, В. В. и др. (2023). *Экономика и право: монография*. Чебоксары: Среда. EDN: FSSQQN. DOI: 10.31483/a-10501
- Баймухаметова, А. Ж. (2021). Институционально-экономическая среда инновационного предпринимательства в Казахстане. *Статистика, учет и аудит*, 1(80), 126–132. EDN: QAGMXL
- Бирюков, Е. В. (2022). Теории современного предприятия: новые направления развития. *Экономическое возрождение России*, 4(74), 121–131. EDN: MHYOJS. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-4-74-121-131
- Буранова, Е. А. (2015). Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление предприятием». *Финансы и кредит*, 32, 11–25. EDN: UGAWLZ
- Буранова, Е. А. (2018). Обзор и оценка этапов антикризисного управления в отечественных и зарубежных исследованиях. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, 2, 63–76. EDN: ORRDZX. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10016
- Буранова, Е. А. (2021). Провокативное антикризисное управление. *Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты: сб-к научных трудов* (Т. 1, с. 76–80). Казань: Издательство «Познание» КИУ. EDN: UHEECB
- Буранова, Е. А. (2016). Обзор зарубежных исследований сущности кризиса, антикризисного управления и институционального антикризисного управления. В сб. *Наука сегодня: вызовы и решения: материалы Международной научно-практической конференции* (с. 47–50). Вологда: ООО «Маркер». EDN: VJALOJ
- Быков, А. А. (2006). Целевые критерии превентивного антикризисного управления в бизнес-системах. *Белорусский экономический журнал*, 2, 64–75. EDN: WZZGWT
- Вишневская, О. В. (2008). Антикризисное управление предприятием: к разработке модели превентивного механизма идентификации финансовых состояний. *Менеджмент и бизнес-администрирование*, 3, 152–161. EDN: PETMUT
- Гаджагаев, С. А., Джабраилов, З. Р., Цинпаева, Ф. С. (2021). Институциональные вызовы развития цифровой экономики в России. *Экономика и предпринимательство*, 7(132), 332–334. EDN: MYINKW. DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.057
- Дончевская, Л. В., Каменский, А. Ю., Фролова, О. В. (2021). Институциональные вызовы в проблематике обеспечения экономической безопасности общества. *Russian Economic Bulletin*, 4(5), 277–283. EDN: IUSPME

- Дюжилова, О. М. (2012). Антикризисное управление как рестабилитационная фаза системного преобразования предприятия. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*, 1–2, 64–67. EDN: RYYDRJ
- Егоров, С. О. (2024). Инструменты реализации стратегии антикризисного управления предприятием. *Вестник Академии знаний*, 3(62), 758–760. EDN: FSZHOD
- Ефремов, А. (2024). Эволюция институционального механизма цифровизации управления АПК Республики Беларусь в контексте новых вызовов. *Аграрная экономика*, 5(348), 17–27. EDN: XRDGBA. DOI: 10.29235/1818-9806-2024-5-17-27
- Жамалетдинова, А. А., Кокурин, Д. И. (2019). Особенности превентивного антикризисного управления на предприятиях. В сб. *Инвестиции, строительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения: материалы IX Международной научно-практической конференции* (с. 150–156). Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет. EDN: HUKMSH
- Имамвердиева, М. И. (2021). Система факторов формирования устойчивого развития промышленных предприятий. *Креативная экономика*, 15(8), 3283–3294. EDN: NYRKDT. DOI: 10.18334/ce.15.8.113143
- Иншаков, О. В., Фролов, Д. П. (2010). Эволюционная перспектива экономического институционализма. *Вопросы экономики*, 9, 63–77. EDN: MTVUOD. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-9-63-77
- Иншакова, Е. И. (2020). Формирование экосистемы цифровой экономики Российской Федерации: институциональный аспект. *Вестник Волгоградского гос. университета. Экономика*, 22(4), 5–17. EDN: SKIQKR. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.4.1
- Колбасенко, О. Е., Лепчук, А. А. (2014). Превентивное антикризисное управление как инструмент профилактики кризисной ситуации на предприятии. *Наука и общество*, 1(16), 113–118. EDN: RLTOVW
- Кондратьева, К. В. (2014). Состояние и проблемы развития антикризисного управления на предприятиях промышленности. *Вестник Пермского университета*, 4, 99–107. EDN: TCRULF
- Кособуцкая, А. Ю., Канапухин, П. А., Трещевский, Ю. И., Макетче, Ф. К. (2023). Оценка перспективности антисанкционных мер на макро- и мезоуровнях: теоретический и экспертный подходы. *Теоретическая экономика*, 4(100), 63–78. EDN: UWLRCU
- Кучумов, А. В., Богров, И. В. (2024). Проектный подход как инновационная форма организации антикризисного управления компанией. *Технико-технологические проблемы сервиса*, 3(69), 85–89. EDN: XBBAYA
- Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2024). Тенденции развития Российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. EDN: UOTQRV. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.287-313
- Манушин, Д. В. (2015). Обзор и уточнение понятия «антикризисное управление макроэкономикой». *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, 37, 51–64. EDN: ULKFML
- Манушин, Д. В. (2016). Новый взгляд на понятие и особенности экономических противоречий. *Инновации*, 10, 74–85. EDN: ZCHVGN
- Манушин, Д. В. (2020). Оценка и совершенствование антикризисных планов в России и мире в условиях пандемии COVID-19. Специфика управления кризисом в государстве. *Актуальные проблемы экономики и права*, 14(4), 697–732. EDN: WSPPXV. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732
- Манушин, Д. В. (2021). Новый взгляд на понятия макроэкономический и экономический кризис: общий, приоритетный и институциональный подход. *Финансы и кредит*, 27(10), 2282–2313. EDN: SVPQJU. DOI: 10.24891/fc.27.10.2282
- Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. EDN: ZROIEW. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799
- Манушин, Д. В. (2024a). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: Последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. EDN: OTFHYP. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.36-69
- Манушин, Д. В. (2024b). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 332–368. EDN: RDSWYW. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.332-368
- Неверов, А. В. (2009). Особенности формирования модели превентивного антикризисного управления промышленным предприятием. *Российское предпринимательство*, 10–2.
- Нестерова, О. С. (2019). Развитие превентивного антикризисного инструментария корпоративного управления: дис. ... канд. экон. наук. EDN: FAYFYM
- Никитенко, В. Г. (2013). Понятие антикризисного управления в работах российских и зарубежных авторов. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 5, 178–180. EDN: RAFPPH
- Оборин, М. С., Мартиросян, М. Р. (2021). Банкротство как риск и инструмент превентивного реагирования в предпринимательской деятельности. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 3, 35–47. EDN: FHWVCE. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-35
- Овчаренко, Р. К., Халамбалян, Е. В. (2024). Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 1, 67–75. EDN: ZNRLHM. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-67-75
- Перевозникова, Е. В., Святенко В. А. (2023). Анализ диаметрально противоположной целевой направленности антикризисного управления и обычного управления. *Сборник научных работ серии «Экономика»*, 31, 145–156. EDN: OHNLTY.

Плотников, В. А., Жигунов, В. П. (2014). Институты и их влияние на экономический рост. *Известия Юго-Западного государственного университета*, 5, 170–178. EDN: TCUFZN

Поленов, Н. А. (2023). Российская практика применения превентивного антикризисного управления. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 13(3-1), 234–241. EDN: BQQUVP. DOI: 10.34670/AR.2023.67.99.025

Пудовкина, О. Е., Богданов, А. Д. (2023). Институциональные формы поддержки предпринимательства в условиях глобальных вызовов. *Проблемы развития предприятий: теория и практика*, 1, 54–59. EDN: ZTRZVM. DOI: 10.46554/PEDTR-22-2023-1-pp.54

Рыков, И. Ю. (2016). Использование методов кластерного анализа финансовых показателей деятельности организации в превентивном антикризисном управлении. *Вестник Российского университета кооперации*, 3, 83–87. EDN: XGRRYH

Рыков, И. Ю. (2017). Теоретико-методические подходы к определению текущего этапа развития организации и предпосылок к переходным периодам в превентивном антикризисном управлении. *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика*, 1(47), 125–130. EDN: YIONKZ

Рыльщикова, С. А., Мерзликина, Г. С., Дубинина, Н. А. (2018). Организационные инновации как «новый старый» инструмент превентивного антикризисного управления предприятием: региональный аспект. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 3, 78–88. EDN: UZCMVE. DOI: 10.24143/2073-5537-2018-3-78-88

Ряховская, А. Н., Кован, С. Е. (2013). Трансформация антикризисного управления в современных экономических условиях. *Эффективное антикризисное управление*, 5(80), 62–73. EDN: RRURML

Ряховская, А. Н., Кован, С. Е. (ред.) (2024). *Антикризисное управление как основа формирования механизма устойчивого развития бизнеса: монография*. Москва: ИНФРА-М.

Сударева, А. А., Волков, Л. В. (2021). Превентивное антикризисное управление: определение, особенности, задачи и инструменты. *Стратегии бизнеса*, 9(7), 225–228. EDN: ZQBPFX. DOI: 10.17747/2311-7184-2021-7-225-228

Третьяков, О. В. (2022). Формирование информационной системы антикризисного мышления топ-менеджеров компаний как элемента культуры превентивного антикризисного управления. *Евразийское пространство: экономика, право, общество*, 4, 52–59. EDN: NPPRIO

Устинова, К. А. (2020). Теоретические основы исследования институциональных факторов экономического развития. *Журнал экономической теории*, 17(1), 187–197. EDN: LKWFJU. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-1.15

Чернов, А. М., Бобылева, А. С. (2023). Анализ факторов внутренней и внешней среды организации в контексте разработки системы антикризисного управления и финансовой политики организации. *Modern Economy Success*, 2, 332–337. EDN: YPDTQO

Чернякова, М. М. (2022). Институциональные предпосылки государственного регулирования агропромышленного комплекса в условиях цифровизации. В сб. *Современные тренды экономического развития. Национальные цели и приоритеты: материалы конференции* (с. 41–46). Новосибирск: Сибирский институт управления. EDN: ETDZNC

Чехонин, Н. Ю. (2022). Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление регионом». *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 677–701. EDN: ACEQXC. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.4.677-701

Чэнь, Г. (2024). Антикризисное управление компанией в современных условиях. *Экономика и социум*, 6-1(121), 1466–1470. EDN: GELUCU

Шабанова, Л. Б., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. и др. (2023). *Антикризисное управление в современной национальной и региональной экономике*. Казань: Издательство «Познание» КИУ.

Шенягин, В. П. (2014). Механизм и инструментарий превентивного антикризисного управления. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*, 21(144), 67–81. EDN: TLCQNX

Alchian, A., & Demsetz, H. (1972). Production, information costs, and economic organization. *The American Economic Review*, 62(5), 777–795.

Bernstein, J. (2004). The 10 Steps of Crisis Communications. *Crisis Response, prevention, planning and, Training*, 106.

Coase, R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4, 386–405. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x>

Coombs, W. T. (2007). *Crisis management and communications*. Institute for public relations.

Golubev, A. (2024). Evolution of anti-crisis management of the organization in modern conditions. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 5(2), 48–56. EDN: DPJCFH. DOI: 10.52957/2782-1927-2024-5-2-48-56

Jaques, T. (2010). Reshaping crisis management: The challenge for organizational design. *Organization Development Journal*, 28(1), 9.

Kash, T. J., & Darling, J. R. (1998). Crisis management: prevention, diagnosis and intervention. *Leadership & Organization Development Journal*, 19(4), 179–186. EDN: EBFNEF. DOI: 10.1108/01437739810217151

Littlejohn, R. F. (1983). *Crisis management: A team approach (AMA management briefing)*. AMA Membership Publications Division, American Management Associations.

Marinova-Stoyanova, M. (2024). A model for strategic preventive anti-crisis management in transport companies. *AIP Conference Proceedings*, 3104, 020013. <https://doi.org/10.1063/5.0199841>

Mikušová, M., & Horváthová, P. (2019). Prepared for a crisis? Basic elements of crisis management in an organization. *Economic research-Ekonomska istraživanja*, 32(1), 1844–1868.

Patterson, B. (1993). Crises impact on reputation management. *Public Relations Journal*, 49(11), 47–48.

Petroia, A., & Suvorova, I. (2024). *Improvement of Anti-Crisis Management System of An Enterprise*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4940653>

- Rusanova, E. S. (2024). The influence of the institutional factor on business processes in the field of construction production. *Техноэкономика*, 3(1(8)), 81–90. EDN: HHOBFV. DOI: 10.57809/2024.3.1.8.8
- Valackiene, A. (2010). Efficient corporate communication: decisions in crisis management. *Engineering Economics*, 66(1).
- Warschauer, M. (2003). *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. Political Science. The MIT Press. EDN: QODFEH. DOI: 10.7551/MITPRESS/6699.001.0001
- Williamson, O. (1975). *Markets and hierarchies: analysis and antitrust implications*. New York: Free Press.

References

- Alchian, A., & Demsetz, H. (1972). Production, information costs, and economic organization. *The American Economic Review*, 62(5), 777–795.
- Ansoff, I. (1989). *Strategic Management*. Moscow: Economika. (In Russ.).
- Ardizinba, A. A., Novikov, V. V., Novikov, V. V. et al. (2023). *Economics and Law: monograf*. Cheboksary: Sreda. (In Russ.). <https://doi.org/10.31483/a-10501>
- Baimukhametova, A. (2021). Institutional and economic environment of innovative entrepreneurship in Kazakhstan. *Statistics, Accounting and Audit*, 1(80), 126–132. (In Russ.).
- Bernstein, J. (2004). The 10 Steps of Crisis Communications. *Crisis Response, prevention, planning and, Training*, 106.
- Biryukov, E. V. (2022). Modern Enterprise Theories: New Directions for Development. *Economic Revival of Russia*, 4(74), 121–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-4-74-121-131>
- Buranova, E. A. (2015). Specifying the concept of institutional crisis management of an enterprise. *Finance and Credit*, 32, 11–25. (In Russ.).
- Buranova, E. A. (2016). Review of foreign research of the crisis essence, anti-crisis management and institutional anti-crisis management. In *Science today: challenges and solutions: works of International scientific-practical conference* (pp. 47–50). Vologda: Marker. (In Russ.).
- Buranova, E. A. (2018). Review and assessment of crisis management's stages in Russian and international studies. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2, 63–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10016>
- Buranova, E. A. (2021). Provocative anti-crisis management. In *Scientific research: fundamental and applied aspects: collection of scientific works* (Vol. 1, pp. 76–80). Kazan: Poznaniye. (In Russ.).
- Bykov, A. (2006). Target criterion of preventive antirecessionary management in business-systems. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2, 64–75. (In Russ.).
- Chehonin, N. Yu. (2022). Specifying the notion of “Institutional anti-crisis management of a region”. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 677–701. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.677-701>
- Chen, G. (2024). Anti-crisis management of the company in modern conditions. *Economika i Socium*, 6-1(121), 1466–1470. (In Russ.).
- Chernov, A. M., & Bobyleva, A. S. (2023). Analysis of factors of the internal and external environment of the organization in the context of the development of an anti-crisis management system and financial policy of the organization. *Modern Economy Success*, 2, 332–337. (In Russ.).
- Chernyakova, M. M. (2022). Institutional prerequisites of state regulation of agricultural-industrial complex under digitalization. In *Modern trends of economic development. National goals and priorities: conference works*. Novosibirsk: Sibirskiy Institut Upravleniya. (In Russ.).
- Coase, R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4, 386–405. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x>
- Coombs, W. T. (2007). *Crisis management and communications*. Institute for public relations.
- Donchevskaya, L. V., Kamenskiy, A. Yu., & Frolova, O. V. (2021). Institutional challenges in the problems of ensuring the economic safety of society. *Russian Economic Bulletin*, 4(5), 277–283. (In Russ.).
- Dyuzhilova, O. (2012). Crisis management as restabilization stage of the company system transformation. *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*, 1–2, 64–67. (In Russ.).
- Efremov, A. (2024). Evolution of the institutional mechanism of digitalization of management of the agroindustrial complex of the Republic of Belarus in the context of new challenges. *Agrarian Economics*, 5(348), 17–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2024-5-17-27>
- Egorov, S. O. (2024). Tools for implementing the company's anti-crisis management strategy. *Vestnik Akademii Znaniy*, 3(62), 758–760. (In Russ.).
- Gadzhiaev, S. A., Dzhabrailov, Z. R., & Zinpaeva, F. S. (2021). Institutional challenges for the development of digital economies in Russia. *Economika i Predprinimatelstvo*, 7(132), 332–334. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2021.132.7.057>
- Golubev, A. (2024). Evolution of anti-crisis management of the organization in modern conditions. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 5(2), 48–56. <https://doi.org/10.52957/2782-1927-2024-5-2-48-56> <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.15>

- Imamverdieva, M. I. (2021). The system of factors affecting the sustainable development of industrial enterprises. *Creative Economy*, 15(8), 3283–3294. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.15.8.113143>
- Inshakov, O., & Frolov, D. (2010). Economic Institutionalism: An Evolutionary Perspective. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 63–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-9-63-77>
- Inshakova, E. (2020). Formation of the Ecosystem of the Digital Economy of the Russian Federation: Institutional Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 22(4), 5–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.4.1>
- Jaques, T. (2010). Reshaping crisis management: The challenge for organizational design. *Organization Development Journal*, 28(1), 9.
- Kash, T. J., & Darling, J. R. (1998). Crisis management: prevention, diagnosis and intervention. *Leadership & Organization Development Journal*, 19(4), 179–186. <https://doi.org/10.1108/01437739810217151>
- Kolbasenko, O. E., & Lepchuk, A. A. (2014). Preventive crisis management as a tool for preventing crisis. *Nauka i Obshchestvo*, 1(16), 113–118. (In Russ.).
- Kondrateva, K. V. (2014). State and problems of crisis-proof management in industrial enterprises. *Perm University Herald. Economy*, 4, 99–107. (In Russ.).
- Kosobutskaya, A. Yu., Kanapukhin, P. A., Treshchevsky, Y. I., & Maketsche, F. C. (2023). Assessing the prospects of anti-sanctions measures at the macro and meso-levels: theoretical and expert approaches. *Teoreticheskaya Ekonomika*, 4(100), 63–78. (In Russ.).
- Kuchumov, A. V., & Bogrov, I. V. (2024). Project approach as an innovative form of the crisis management organization of a company. *Techniko-Tekhnologicheskie Problemy Servisa*, 3(69), 85–89. (In Russ.).
- Littlejohn, R. F. (1983). *Crisis management: A team approach (AMA management briefing)*. AMA Membership Publications Division, American Management Associations.
- Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>
- Manushin, D. V. (2015). Overviewing and clarifying the concept of crisis management in macroeconomics. *Financial Analytics: Science and Experience*, 37, 51–64. (In Russ.).
- Manushin, D. V. (2016). A new look at the concept and features of economic contradictions. *Innovations*, 10, 74–85. (In Russ.).
- Manushin, D. V. (2020). Evaluating and improving the anti-crisis plans in Russia and worldwide under COVID-19 pandemics. Specific features of crisis management in the state. *Actual Problems of Economics and Law*, 14(4), 697–732. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732>
- Manushin, D. V. (2021). A fresh look at the concepts of economic and macroeconomic crises: General, priority, and institutional approach. *Finance and Credit*, 27(10), 2282–2313. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/fc.27.10.2282>
- Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799>
- Manushin, D. V. (2024a). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
- Manushin, D. V. (2024b). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3: analysis of anti-crisis measures, managing Russian sanctions and anti-sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 332–368. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368>
- Marinova-Stoyanova, M. (2024). A model for strategic preventive anti-crisis management in transport companies. *AIP Conference Proceedings*, 3104, 020013. <https://doi.org/10.1063/5.0199841>
- Mikušová, M., & Horváthová, P. (2019). Prepared for a crisis? Basic elements of crisis management in an organization. *Economic research-Ekonomska Istraživanja*, 32(1), 1844–1868.
- Nesterova, O. S. (2019). *Development of preventive anti-crisis tools for corporate management*: Cand. Sci. (Economics) thesis. (In Russ.).
- Neverov, A. V. (2009). Features of forming the model of preventive anti-crisis management of an industrial enterprise. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 10–2. (In Russ.).
- Nikitenko, V. G. (2013). Notion of anti-crisis management in the works of Russian and foreign authors. *Actualniye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 5, 178–180.
- Oborin, M. S., & Martirosyan, M. R. (2021). Bankruptcy as a risk and a tool for preventive response in entrepreneurial activity. *Intellect. Innovations. Investments*, 3, 35–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-3-35>
- Ovcharenko, R. K., & Khalambashyan, E. V. (2024). Anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 1, 67–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-67-75>
- Patterson, B. (1993). Crises impact on reputation management. *Public Relations Journal*, 49(11), 47–48.
- Perevoznikova, E. V., & Syvatenko, V. A. (2023). Analysis of the diametrically opposite target orientation of anti-crisis management and conventional management. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Ekonomika"*, 31, 145–156. (In Russ.).
- Petroia, A., & Suvorova, I. (2024). *Improvement of Anti-Crisis Management System of An Enterprise*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4940653>

- Plotnikov, V. A., & Zhigunov, V. P. (2014). Institutions and their impact on economic growth. *Proceedings of the Southwest State University*, 5, 170–178. (In Russ.).
- Polenov, N. A. (2023). Russian practice of application of preventive crisis management. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 13(3-1), 234–241. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.67.99.025>
- Pudovkina, O. E., & Bogdanov, A. D. (2023). Institutional forms of business support in the context of global challenges. *Problemy Razvitiya Predpriyatij: Teoriya i Praktika*, 1, 54–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.46554/PEDTR-22-2023-1-pp.54>
- Rusanova, E. S. (2024). The influence of the institutional factor on business processes in the field of construction production. *Technoeconomics*, 3(1(8)), 81–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.57809/2024.3.1.8.8>
- Ryakhovskaya, A. N., & Kovan, S. E. (2013). Crisis management transformation under modern economic conditions dedicated to twenty years of crisis management in Russia. *Effektivnoye Antikrizisnoye Upravleniye*, 5(80), 62–73. (In Russ.).
- Ryakhovskaya, A. N., & Kovan, S. E. (2024). *Anti-crisis management as a basis for the formation mechanism for sustainable business development*: monograph. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
- Rykov, I. Yu. (2016). Cluster analysis methods applying of financial performance organizations in preventive crisis management. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 3, 83–87. (In Russ.).
- Rykov, I. Yu. (2017). Theoretical and methodological approaches to the determination of the current stage of development the backgrounds for the transition periods in preventive crisis management. *Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economy*, 1(47), 125–130. (In Russ.).
- Rylshchikova, S., Dubinina, N., & Merzlikina, G. (2018). Organizational innovations as a “new old” tool of crisis preventive operation of business: regional aspect. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series Economics*, 3, 78–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-3-78-88>
- Shabanova, L. B., Taisheva, G. R., Enikeev, Sh. I. et al. (2023). *Anti-crisis management in the modern national and regional economy*. Kazan: Poznanie. (In Russ.).
- Shenyagin, V. (2014). Mechanism and tools of preventive crisis management. *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, 21(144), 67–81.
- Sudareva, A. A., & Volkov, L. V. (2021). Preventive anti-crisis management: definition, features, tasks and tools. *Strategii Biznesa*, 9(7), 225–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-7-225-228>
- Tretyakov, O. V. (2022). Formation of the information system of anti-crisis thinking of top managers of companies as an element of the culture of preventive anti-crisis management. *Evrasiyskoye Prostranstvo: Ekonomika, Pravo, Obshchestvo*, 4, 52–59. (In Russ.).
- Ustinova, K. A. (2020). Theoretical basis for research of institutional factors for economic development. *Russian Journal of Economic Theory*, 17(1), 187–197. (In Russ.).
- Valackiene, A. (2010). Efficient corporate communication: decisions in crisis management. *Engineering Economics*, 66(1).
- Vishnevskaya, O. V. (2008). A company's anti-recessionary management: to the development of an identification preventive mechanism model of financial circumstances. *Menedzhment i biznes-administririrovanie*, 3, 152–161. (In Russ.).
- Warschauer, M. (2003). *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. Political Science. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/MITPRESS/6699.001.0001>
- Williamson, O. (1975). *Markets and hierarchies: analysis and antitrust implications*. New York: Free Press.
- Zhamaletdinova, A. A., & Kokurin, D. I. (2019). Features of preventive anti-crisis management at enterprises. In *Investments, construction, real estate as drivers of social-economic development of a territory and improving the standard of living of the population: works of the 9th International scientific-practical conference* (pp. 150–156). Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 03.11.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 13.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 15.08.2025

М. Ю. Малкина¹

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тенденции развития российской промышленности и ее отраслей в период новых антироссийских санкций

Малкина Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и методологии, руководитель Центра макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: mmuri@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Web of Science Researcher ID: M-2681-2017

Scopus ID: 57195256085

eLIBRARY SPIN-код: 5055-0218

Аннотация

Цель: выявление отраслевых тенденций динамики промышленного производства в России, оценка вклада разных отраслей, а также факторов физического объема и цен в рост стоимости отечественной промышленности и ее отраслей в период новых антироссийских санкций (2022–2024 гг.).

Методы: исследование основано на данных Росстата о стоимости отгруженных товаров и индексах объемов производства по четырем укрупненным видам экономической деятельности и детализированным отраслям промышленности. Используются методы факторного анализа, декомпозиции темпов роста по отраслям и метод Дивизиа для разложения прироста стоимости на факторы изменения объемов выпуска и цен.

Результаты: определены тенденции изменения стоимости промышленного производства в первые три года новых антироссийских санкций. Показано, что для обрабатывающей отрасли наиболее сложным оказался 2022 г., после чего начался восстановительный рост. Для добывающей отрасли наибольший негативный эффект санкций пришелся на 2023 г., после чего также наметилось некоторое восстановление. В конкретных отраслях промышленности ситуация была весьма различной. Отраслевая декомпозиция темпов роста стоимости промышленного производства позволила установить отрасли, внесшие наибольший вклад в повышение и снижение темпов роста промышленного производства в каждом исследуемом году. Факторная декомпозиция темпов роста стоимости промышленного производства с использованием метода Дивизиа выявила, что в 2022 г. наибольший вклад в темп роста стоимости вносил ценовой фактор. В 2023 г. влияние обоих факторов (объема и цен) было сопоставимым, хотя ценовой фактор все-таки был преобладающим. В 2024 г. вклад ценового фактора снова вырос, что свидетельствует о некотором перегреве экономики. Определены и объяснены различия влияния фактора цен и фактора физических объемов производства в конкретных отраслях. Для 2023 и 2024 гг. установлена слабая обратная связь между изменением цен и объемов в отраслях промышленности, из чего сделан вывод о преобладании экономики предложения над экономикой спроса в этом периоде.

Научная новизна: впервые для российской экономики представлен детальный анализ динамики отраслей промышленности за три года новых антироссийских санкций, получены оценки вклада различных отраслей в рост стоимости промышленного производства в стране, а также вклада факторов цен и физических объемов производства в общую стоимость промышленности и ее отраслей.

Практическая значимость: полученные данные могут быть полезными при управлении структурными сдвигами в промышленности, разработке эффективной промышленной политики, направленной на противодействие жесткому санкционному режиму.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, российская промышленность, добывающая отрасль, обрабатывающая отрасль, инфраструктурные отрасли, детализированные отрасли промышленности, антироссийские санкции, тенденции, факторный анализ, декомпозиция, метод Дивизия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малкина, М. Ю. (2025). Тенденции развития российской промышленности и ее отраслей в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 524–544. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.524-544>

Scientific article

M. Yu. Malkina¹

¹ *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

Trends in the development of Russian industry and its branches during the new anti-Russian sanctions

Marina Yu. Malkina, Dr. Sci. (Econ.), Professor, of the Department of Economic Theory and Methodology, Head of the Center for Macro- and Microeconomics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: mmuri@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>
Web of Science Researcher ID: M-2681-2017
Scopus ID: 57195256085
eLIBRARY SPIN-code: 5055-0218

Abstract

Objective: to identify sector-related trends in the industrial production dynamics in Russia; to assess the contribution of various sectors, as well as factors of physical volume and prices growth in the value of the Russian industry and its sectors under the new anti-Russian sanctions (2022-2024).

Methods: the study is based on Rosstat data on the cost of shipped goods and production volume indices for four aggregated types of economic activity and detailed industrial sectors. We used factor analysis, decomposition of growth rates by sector, and the Divisia method to decompose value gains into factors of changes in output and prices.

Results: the author identified trends in the cost of industrial production in the first three years of the new anti-Russian sanctions. The year 2022 is shown to be the most difficult for the manufacturing industry, after which recovery growth began. For the extractive industry, the greatest negative effect of sanctions occurred in 2023, after which some recovery also started. The situation was very different in specific industries. The sectoral decomposition of the growth rates of the cost of industrial production allowed identifying the industries that made the greatest contribution to the increase and decrease in the growth rates of industrial production in each year under study. Factor decomposition of the growth rate of industrial production using the Divisia method revealed that in 2022 the price factor made the greatest contribution to the growth rate of cost. In 2023, the impact of both factors (volume and prices) was comparable, although the price factor was still predominant. In 2024, the contribution of the price factor increased again, which indicates some overheating of the economy. The differences between the influence of the price factor and the factor of physical production volumes in specific industries were identified and explained. For 2023 and 2024, a weak reverse correlation was established between changes in prices and volumes in industrial sectors. The author concludes that the supply economy prevailed over the demand economy in that period.

Scientific novelty: for the first time for the Russian economy, a detailed analysis of the dynamics of industrial sectors over the three years of new anti-Russian sanctions is presented; the contribution of various sectors to the growth of the cost of industrial production in the country is estimated, as well as the contribution of price factors and physical production volumes to the total cost of industry and its sectors.

Practical significance: the data obtained can be useful in managing structural shifts in industry and developing an effective industrial policy aimed at countering the harsh sanctions regime.

Keywords:

regional and sectoral economy, Russian industry, extractive sectors, manufacturing sectors, infrastructure sectors, detailed industrial sectors, anti-Russian sanctions, trends, factor analysis, decomposition, Divisia method

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkina, M. Yu. (2025). Trends in the development of Russian industry and its branches during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 524–544. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.524-544>

Введение

Промышленность является одной из основных отраслей российской экономики. На четыре укрупненных вида экономической деятельности (далее – ВЭД), которые она объединяет («Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений»), в 2023 г. приходилось 28,7 % всей произведенной в стране добавленной стоимости в текущих ценах (по оценке за 2024 г., эта доля выросла до 28,9 %)¹. В отрасли в 2023 г. было задействовано 18,9 % всех занятых², использовалось 22,2 % всех основных фондов, оцененных по полной учетной стоимости, и 16,8 % – оцененных по остаточной стоимости (по предварительным данным за 2024 г., 23,1 и 17,5 %)³. Промышленность обеспечивала в 2023 г. 54,8 % всех налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации (в 2024 г. – 55,7 %)⁴.

Промышленность в России является высокодиверсифицированной. В частности, на долю ВЭД добывающей отрасли в 2023 г. приходилось 41,2 % всей добавленной стоимости, созданной в четырех ВЭД промышленности, на долю ВЭД обрабатывающих производств – 49,4 % добавленной стоимости (по предварительным данным за 2024 г., 40,7 и 50,4 % соответственно, т. е. доля обработки увеличилась, а добычи снизилась)⁵. В России достаточно развиты нефтепереработка, черная и цветная металлургия, машиностроение и металлообработка, химическая отрасль, пищевая промышленность и пр.

Новые антироссийские санкции, введенные после начала Россией специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г., в значительной степени ударили по российской промышленности. Только за три года (2022–2024 гг.) так называемыми недружественными странами было введено 15 пакетов антироссийских санкций (на начало июня 2025 г. – уже 17 пакетов), которые включали запреты и ограничения на экспорт и импорт отдельных товаров, технологий, взаимодействие с отдельными российскими организациями. Отключение России от системы международных платежей *SWIFT* нарушило налаженную систему платежей в экономике, что в первое время оказалось весьма болезненным для бизнеса, работающего с зарубежными партнерами.

Предприятия разных отраслей по-разному отреагировали на санкции, что зависело как от наличия и жесткости ограничений, введенных против них и/или отрасли, так и от степени и характера их включенности

¹ Росстат. Официальная статистика. Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

² Росстат. Официальная статистика. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. https://rosstat.gov.ru/labour_force

³ Росстат. Официальная статистика. Основные фонды и другие нефинансовые активы. <https://rosstat.gov.ru/folder/14304>

⁴ Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Данные по формам статистической налоговой отчетности. https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

⁵ Росстат. Официальная статистика. Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

в мирохозяйственные связи. За три года санкций предприятия российской промышленности выработали различные стратегии адаптации к новому режиму (импортозамещение, поиск новых торговых партнеров, рынков сбыта, развитие параллельного импорта и пр.). Государство всесторонне помогало промышленным предприятиям, обеспечивая предприятия ВПК заказами, продолжая финансировать крупные инвестиционные проекты. В результате уже в 2023 г. в промышленности начался восстановительный рост, который продолжился в 2024 г.

Поскольку новые санкции и рост государственного спроса на продукцию военно-промышленного комплекса в условиях СВО несли существенные отраслевые эффекты, представляет особый интерес сравнительный анализ тенденций роста отраслей российской промышленности в первые три года нового санкционного режима. Важно выяснить, какие отрасли в разные годы обеспечили наибольший рост российской промышленности, а какие вносили отрицательный вклад в этот рост и как тенденции менялись со временем. В связи с тем, что рост стоимостных объемов производства в отрасли включает влияние цен и объемов, необходимо провести декомпозицию роста промышленного производства по этим двум факторам и выявить взаимосвязи между ними.

Целью настоящего исследования является установление отраслевых тенденций динамики промышленного производства в России в период новых антироссийских санкций (2022–2024 гг.), оценка вклада разных отраслей, а также факторов физического объема и цен в рост стоимости отечественной промышленности и ее отраслей в первые три года новых антироссийских санкций.

Гипотезы исследования: 1. Реакция отраслей российской промышленности на санкционный шок и степень их приспособления к новому санкционному режиму отличались масштабом и временной асинхронностью. 2. По итогам трех лет промышленность достигла перегретого состояния и перехода в состояние «экономики предложения», когда меры по стимулированию спроса в большей степени вызывают рост цен, чем объемов производства.

Обзор исследований

Исследованию динамики российской промышленности и ее отраслей в период СВО и новых антироссийских санкций посвящен ряд работ отечественных и зарубежных авторов. Например, в работе Малкиной (2024) с использованием данных российских регионов проведены анализ и моделирование темпов роста объема промышленного производства в первые два года новых санкций. Показана разная реакция на новый санкционный режим в 2022 и 2023 гг. регионов, специализирующихся на добывающей и обрабатывающей промышленности. На основе построения эконометрических моделей определены факторы, влияющие на рост промышленного производства в российских регионах в каждом изучаемом периоде. В работе Федоровой и Неврединова (2024) с использованием алгоритма случайного леса и *GARCH*-моделирования исследовано влияние санкций на промышленные отраслевые индексы Мосбиржи: *MOEXEU* (электроэнергетика), *MOEXCH* (химия и нефтехимия), *MOEXOG* (нефть и газ).

Ряд работ посвящен оценке влияния новых санкций на развитие российской экономики, ее отдельных секторов и регионов. Например, Чернявский и Чепель (2025) с использованием таблиц «затраты – выпуск», расчета прямых и полных коэффициентов затрат и мультипликаторов осуществили оценивание влияния экспортных и импортных санкций на основные макропоказатели и доходы консолидированного бюджета РФ. Фурманов и Туровец (2024) оценили влияние санкций, введенных в 2022 г., на динамику объемов производства сегментов российской обрабатывающей промышленности, в связи с чем выделены шесть сегментов в зависимости от прогнозных оценок эффектов санкций. В работе Зубаревич (2025) представлен анализ влияния санкций на развитие российских регионов в 2022–2024 гг. в зависимости от их экономической специализации. Показано, что среди добывающих регионов в наибольшей степени пострадали специализирующиеся на добыче угля, а среди регионов с развитой обрабатывающей промышленностью – специализирующиеся на лесопереработке, черной и цветной металлургии. Наибольший рост отмечался в регионах с развитым военно-промышленным комплексом.

В некоторых работах исследуется влияние нового санкционного режима на развитие отдельных отраслей промышленности и их приспособление к этому режиму. Разными авторами анализировались тенденции в нефтяной отрасли (Каукин и др., 2023), угольной отрасли (Overland & Loginova, 2023), золотодобывающей

промышленности (Гальцева, Шарыпова, 2023), лесной промышленности (Гордеев, Пыжев, 2023; Пыжев, 2025), машиностроении (Андрюшин, Григорьев, 2022), фармацевтической отрасли (Доржиева, 2022; Гусев, Юревич, 2023), подшипниковой промышленности (Шулепов, 2025) и др. Исследователи указывают, что новые антироссийские санкции в значительной степени подорвали эффективность энергетического сектора России, тогда как санкции до эпидемии COVID-19 ухудшали показатели главным образом неэнергетических компаний (Huynh et al., 2025).

Некоторые исследователи изучали динамические и структурные сдвиги в промышленности в период санкций. Например, Землянский и Чуженькова (2025) проанализировали изменение зависимости от импорта российских регионов и отраслей промышленности. Они пришли к выводу о снижении общей импортозависимости российской экономики в 2022–2023 гг. почти в 1,5 раза, изменении ее географии. Наибольшее снижение импортозависимости произошло в производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (–26,13 %), а также производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (–17,48 %). Однако есть и такие отрасли промышленности, где импортозависимость несколько выросла, например, производство табачных изделий (+4,29 %), производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии (+0,74 %) (там же).

В статье Григоренко с соавт. (2024) разработана динамическая факторная модель для анализа структурных изменений в динамике промышленного производства в России в период санкций. Согласно результатам проведенного исследования, главными факторами развития промышленности являются ожидания бизнеса, дефицит квалифицированной рабочей силы и барьеры в международной торговле.

В ряде других работ также исследовались проблемы развития отраслей российской промышленности в условиях санкций. Например, в работе Аукционек и Батяевой (2023) на основе данных опроса, проведенного «Российским экономическим барометром», представлен анализ широкого круга экономических показателей российских промышленных предприятий в первой половине 2023 г., выявлены наиболее значимые факторы, сдерживающие производство и капитальные вложения. В частности, согласно данным опроса, 20 % предприятий ожидали через ближайшие 12 месяцев возникновение дефицита производственных мощностей, 48 % – недостаток рабочей силы.

В настоящее время дефицит квалифицированных кадров является одним из серьезных ограничений для роста обрабатывающей промышленности, даже при наличии спроса на продукцию, в том числе со стороны государства. Так, в работе Голиковой с соавт. (2025) на основе регрессионного анализа данных опроса 1 860 российских предприятий обрабатывающей промышленности, проведенного в 2022 г., установлено, что недостаток квалифицированных рабочих чаще всего испытывают эффективные, растущие и интегрированные в глобальную экономику компании, однако компании с более высоким технологическим уровнем ощущают дефицит квалифицированных рабочих в меньшей степени. Эффективным способом преодоления дефицита кадров является внедрение капиталоемких технологий, позволяющих существенно повысить производительность труда.

В работе Гнидченко (2025) оценен уровень экспортного потенциала России, ее отраслей и регионов с учетом сбытовых, логистических и производственных ограничений. При этом установлено, что 2/3 диверсификационного экспортного потенциала блокируется производственными и сбытовыми ограничениями и более 1/4 инерционного потенциала – производственными ограничениями.

В ряде исследований изучался вопрос о механизмах, формах, факторах приспособления промышленных предприятий к новому санкционному режиму, причинах их успеха или неудач. В этом плане следует особо отметить серию работ, написанных по результатам социологического опроса руководителей предприятий обрабатывающей отрасли промышленности, проведенного в августе – ноябре 2022 г. Институтом анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ. На основе анализа данных опроса, в частности, установлена связь оценки последствий санкционного режима со степенью и характером зависимости исследуемых компаний от импорта, а также от структуры рынков сбыта (Кузнецов, Голикова, 2023).

В работе Кузык и Симачева (2023) по итогам вышеупомянутого опроса анализировались стратегии адаптации предприятий разных размеров к санкционному режиму, среди которых: переключение на новых поставщиков, сокращение издержек, инновационное взаимодействие с государством и др. В другом исследовании (Симачев и др., 2023) выявлены четыре квазистратегии реагирования предприятий обрабатывающей промышленности на санкции: 1) сокращение производства, занятости и инвестиций; 2) упрощение продукции

для снижения зависимости от импорта, поиск новых рынков; 3) изменение каналов поставок материалов, комплектующих; 4) разработка новых продуктов и технологий, цифровизация, расширенное взаимодействие с государством. В статье Казун и Муковнина (2024) на основе анализа данных того же социологического опроса установлено, что участие российских компаний обрабатывающей промышленности в бизнес-ассоциациях в 2022 г. оказывало положительное влияние на их скорость приспособления к санкционному режиму, в том числе поиск новых поставщиков и сокращение издержек. Согласно исследованию Земцова с соавт. (2023), положительное влияние на рост предприятий малого и среднего бизнеса как показателя деловой активности в российских регионах в первый год новых санкций оказывали развитость сектора IT-услуг и большая экономическая автономия (отсутствие на входе сильных связей с недружественными странами).

На приспособление отдельных российских регионов к новым санкциям и рост производства в них оказывало влияние развитие новых торговых связей со странами Востока (Изотов, 2024), сотрудничества с Китаем в некоторых отраслях, в частности, в электронной промышленности (Зайнуллин и др., 2025). Согласно результатам эконометрического моделирования, полученным Земцовым с соавт. (2023), положительным фактором развития ряда российских регионов в первый год санкций было соседство с Грузией и Азербайджаном. Другими исследователями (Tyazhelnikov & Romalis, 2024) показано, что увеличение контрабанды и сомнительных международных торговых потоков через третьи страны также стало одной из стратегий приспособления к новым санкциям российских компаний, зависящих от внешнеторговых связей. Построение структурной гравитационной модели позволило авторам установить уровень контрабанды в размере примерно 11–17 % от объема торговых потоков до эмбарго.

На санкции реагировали не только объемы производства в промышленности и масштабы внешней торговли, но и цены. Причем цены на разные товары показывали разную степень реакции на шоки, что было связано с эффектом переноса валютного курса (Benchimol & Palumbo, 2024).

Следует отметить, что иностранные компании, имевшие связи с Россией, также понесли определенные убытки в связи с уходом из России, прекращением или ограничением отношений. Некоторые из них активно разрабатывали новые стратегии взаимодействия и сотрудничества с российскими компаниями (Balyuk & Fedyk, 2023; Tosun et al., 2024).

В отдельных зарубежных исследованиях рассматривались способы приспособления российских промышленных предприятий к новому режиму международного взаимодействия. Например, в статье Duong с соавт. (2025) с использованием выборки из 13 319 российских компаний с 1994 по 2022 г. показано, что в период ужесточения санкционного режима крупные энергетические компании, находящиеся под санкциями, стали создавать большие запасы в связи с проблемами сбыта продукции на международных рынках.

В ряде работ исследовались принципы построения новой промышленной политики в России, нацеленной на приспособление к новым глобальным вызовам (Симачев и др., 2022).

Отдельно стоит отметить исследования, посвященные методологическим вопросам оценки влияния санкций на промышленное производство. Например, Каукин и Миллер (2022, 2023) представили авторский подход к более корректной интерпретации тенденций российской промышленности, основанный на выделении во временных рядах официальных данных календарной, сезонной, нерегулярной и трендовой составляющих. В работе Полбина и Шумилова (2022) для оценки влияния факторов на рост отраслей промышленности построены эконометрические модели разных типов, проведено сравнение точности прогнозов моделей, основанных на временных рядах и панельных данных.

В исследовании Ведева с соавт. (2024) разработана и апробирована методика оценки изменения потенциала импортозамещения в российской промышленности, в основе которой лежат шесть групп факторов роста отечественной промышленности. В статье Кочиной (2023) с помощью предложенной авторской методики осуществлена многокритериальная оценка технологического суверенитета трех отраслей российской промышленности (химической, электронной и пищевой), выявлены их сильные и слабые стороны.

Таким образом, предшествующие исследования уделяли важное внимание факторам чувствительности и приспособления российской промышленности к новому санкционному режиму, ограничениям и возможностям, которые содержит в себе новый режим. Настоящее исследование дополняет эти работы в части подробного структурного анализа отраслевых тенденций в российской промышленности за три последовательных года новых санкций, а также декомпозиции роста стоимости промышленного производства по отраслям и факторам изменения физического объема производства и цен.

Данные и методы

В настоящем исследовании использовались официальные данные Росстата за 2021–2024 гг. по следующим показателям, характеризующим развитие российской промышленности и ее отраслей:

1. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по «чистым» видам деятельности (тыс. руб.)⁶: V_t . На основе этого показателя рассчитывались годовые индексы роста стоимостных объемов промышленности и ее отраслей: $I_{vt} = V_t / V_{t-1}$. Темпы прироста стоимостных объемов промышленности и ее отраслей (в %):

$$g_{vt} = (I_{vt} - 1) \times 100. \quad (1)$$

2. Индексы объемов производства по отдельным видам экономической деятельности и отраслям промышленности Российской Федерации (к соответствующему периоду предыдущего года)⁷: I_{qt} . Темпы прироста физических объемов промышленности и ее отраслей (в %):

$$g_{qt} = (I_{qt} - 1) \times 100. \quad (2)$$

3. На основе индексов стоимости и физического объема рассчитывался индекс роста цен по отдельным видам экономической деятельности и отраслям промышленности Российской Федерации:

$$I_{pt} = I_{vt} / I_{qt}. \quad (3)$$

Темпы прироста цен в промышленности и ее отраслях (в %):

$$g_{pt} = (I_{pt} - 1) \times 100. \quad (4)$$

Методика декомпозиции темпов прироста стоимости промышленного производства по отраслям

1. Вклад каждой i -й отрасли (подотрасли) в прирост стоимости промышленного производства в t -м периоде (в %) определялся следующим образом:

$$w_{vit} = \alpha_{vit-1} \times g_{vit}, \quad (5)$$

где $\alpha_{vit-1} = V_{it-1} / V_{t-1}$ – доля i -й отрасли (подотрасли) в стоимостных объемах промышленности в предыдущем ($t - 1$) периоде, так что суммарная доля всех отраслей:

$$\sum_{i=1}^n \alpha_{vit-1} = 1; \quad g_{vit} - \text{темпы прироста стоимостных объемов производства в } i\text{-й отрасли (подотрасли)}$$

$$\text{в } t\text{-м периоде; } \sum_{i=1}^n w_{vit} = g_{vit}.$$

2. Структура вклада отраслей в общий прирост стоимости промышленного производства (в %):

$$s_{vit} = (w_{vit} / g_{vt}) \times 100, \quad (6)$$

так что: $\sum_{i=1}^n s_{vit} = 100\%$.

Применение этой методики позволяет ответить на вопрос, какие отрасли обеспечили рост, а какие падение промышленного производства в каждом году.

⁶ Росстат. Официальная статистика. Предпринимательство. Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

⁷ Там же.

Методика декомпозиции темпов прироста стоимости промышленного производства по факторам

В качестве факторов роста стоимостных объемов промышленности рассматриваются физические объемы производства и цены. Для декомпозиции мультипликативной функции $I_{vt} = I_{qt} \times I_{pt}$ применяется метод Дивизиа, впервые предложенный в работе Solow (1956) для оценки факторной производительности. Заметим, что этот метод и его различные модификации ранее успешно применялись в ряде исследований, где объясняемая переменная представлена в виде факторной мультипликативной или смешанной функции (Vaninsky, 2014; Fraumeni et al., 2019; Boratyński, 2021; Rivera-Niquepa et al., 2023).

1. Доля фактора физических объемов производства в приросте стоимостных объемов производства в каждой i -й отрасли (подотрасли):

$$s_{qit} = \ln(I_{qit}) / \ln(I_{vit}). \quad (7)$$

2. Доля фактора цен в приросте стоимостных объемов производства в каждой i -й отрасли (подотрасли):

$$s_{pit} = \ln(I_{pit}) / \ln(I_{vit}), \quad (8)$$

так что $s_{qit} + s_{pit} = 1$.

3. Вклад физических объемов производства в прирост стоимостных объемов производства в каждой i -й отрасли (подотрасли), %:

$$w_{qit} = s_{qit} \times g_{vit}. \quad (9)$$

4. Вклад цен в прирост стоимостных объемов производства в каждой i -й отрасли (подотрасли), %:

$$w_{pit} = s_{pit} \times g_{vit}, \quad (10)$$

так что $w_{qit} + w_{pit} = 100\%$.

Применение этой методики позволяет ответить на вопрос, за счет каких факторов произошли рост или падение в отраслях промышленности и в промышленности в целом в каждом году и во всем исследуемом периоде.

Результаты исследования**Анализ тенденций роста промышленного производства в 2022–2024 гг.**

В стоимостном выражении в 2022 г. рост промышленного производства в России составил 7,44 %, в 2023 г. – 9,02 %, а в 2024 г. – уже 16,05 %. Этот рост был обеспечен как изменением физических объемов производства, так и изменением цен. Кроме того, в четырех ВЭД, включаемых в промышленность, рост был крайне неравномерным. Например, в добывающей отрасли он составил 13,63 % в 2022 г., 2,53 % в 2023 г. и 15,83 % в 2024 г. Иными словами, наиболее сложным для добычи оказался второй год новых санкций, после чего произошло достаточно успешное приспособление к новым шокам. Для обрабатывающей отрасли, наоборот, наиболее стрессовым оказался первый год санкций, а в последующие два года произошло быстрое восстановление. Темп роста в обрабатывающей промышленности в 2022 г. составил 5,52 % (в основном обеспечивался за счет роста цен), в 2023 г. он вырос до 11,45 %, а в 2024 г. – до 17,05 %.

Вклад различных ВЭД в общий рост стоимости промышленного производства зависел как от собственных темпов роста этих ВЭД, так и от их доли в общем объеме производства в базовом году (формула (5)). На рис. 1 показаны результаты декомпозиции темпа роста промышленности по четырем укрупненным ВЭД в трех годах новых санкций. Из рис. 1 и сопутствующих расчетов ясно, что в 2022 г. добывающая и обрабатывающая промышленности вносили сопоставимый вклад в рост промышленного производства в России, обеспечив 46,6 и 48,9 % всего прироста стоимостных объемов объединенной отрасли промышленности соответственно. В 2023 г. ситуация кардинальным образом изменилась: 82,1 % всего прироста промышленного производства обеспечила обрабатывающая промышленность, а на долю добывающей отрасли пришлось всего 7,5 %. В 2024 г. лидирующая роль обрабатывающей промышленности сохранилась, ее вклад в прирост стоимости промышленного производства составил 70,2 %. Но при этом произошло определенное восстановление добывающей отрасли, и она обеспечила 25 % прироста стоимости промышленного производства.

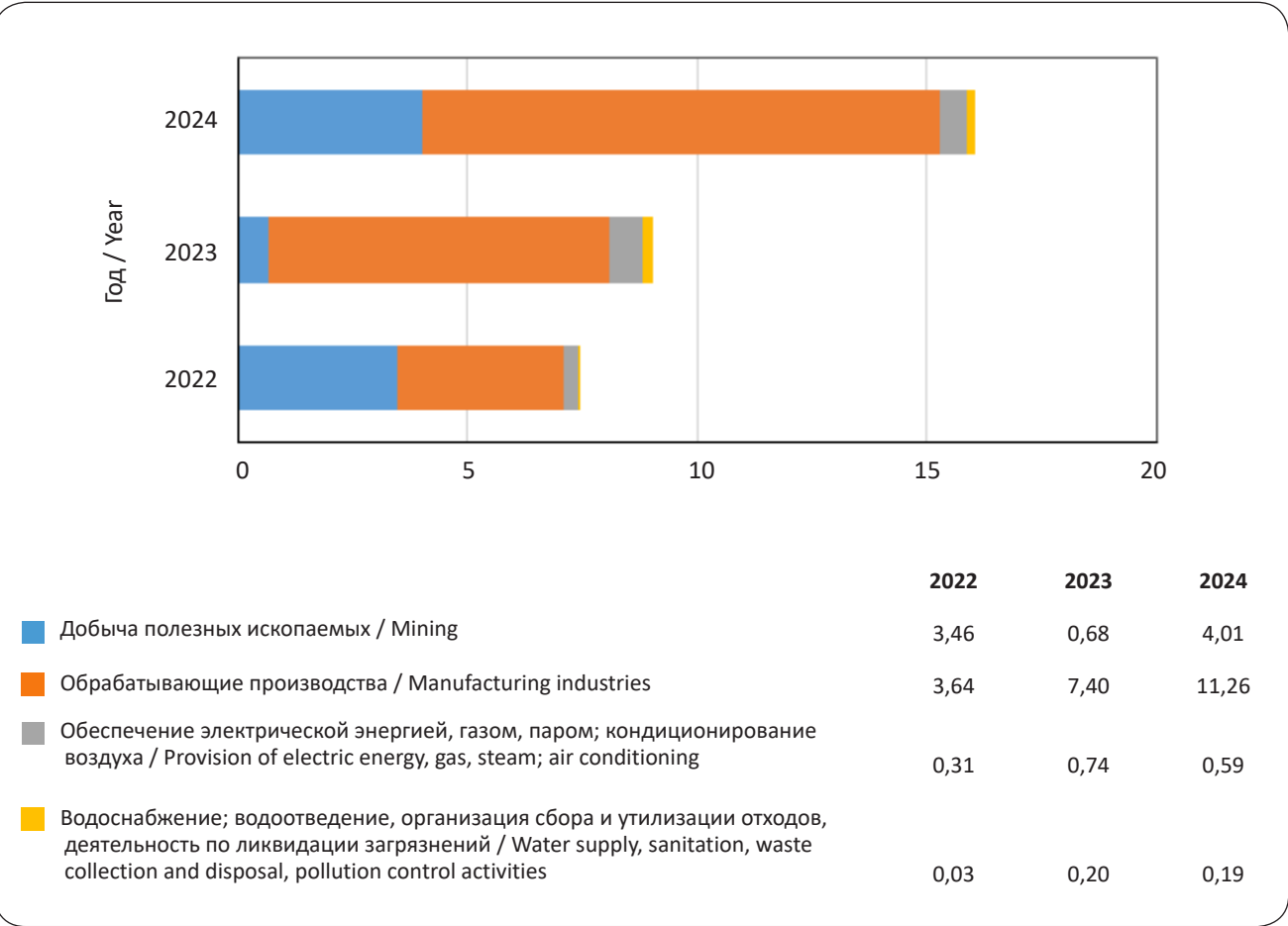

Рис. 1. Вклад укрупненных ВЭД в рост стоимости промышленного производства в России, процентных пунктов

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Fig. 1. Contribution of enlarged groups of foreign economic activity to the increase in the value of industrial production in Russia, pp.

Source: author’s development based on Rosstat data. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Что касается ВЭД инфраструктурных отраслей, в 2022 и 2024 гг. их вклад в рост стоимости промышленного производства не превышал 5 %. Однако в 2023 г. он составил 10,4 %, что объясняется в основном опережающими темпами роста электроэнергетики (10,9 % в 2023 г. против 4,5 % в 2022 г. и 8,62 % в 2024 г.). Заметим, что инфраструктурные и обеспечивающие отрасли в среднем должны расти такими же темпами, как промышленность в целом. В то же время на их темпы влияют структурные сдвиги в промышленности и технологические сдвиги в самой энергетике, приводящие к изменению средней энергоемкости промышленности. Кроме того, опережающий рост стоимости энергетики может объясняться опережающим ростом цен в отрасли.

Анализ темпов роста в отраслях промышленности и их вклада в общие темпы роста добывающей и обрабатывающей промышленности

Далее проведем детализированный структурный анализ динамики стоимостных объемов в добывающей и обрабатывающей промышленности, чтобы выяснить, за счет каких отраслей произошел рост стоимости производства в укрупненных ВЭД. Данные о темпах роста в отраслях представлены в табл. 1. Декомпозиция вклада различных отраслей в рост стоимостных объемов добывающей и обрабатывающей отраслей, проведенная с помощью формул (5) и (6), представлена на рис. 2 и 3.

Таблица 1

Темпы роста стоимости конкретных отраслей промышленности, %
Table 1. Growth rate of the value of specific industries, %

Отрасль / Industry	Год / Year		
	2022	2023	2024
Добыча полезных ископаемых / Mining	13,63	2,53	15,83
Добыча угля / Coal mining	31,61	-18,26	-12,36
Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа / Oil and petroleum (associated) gas extraction	11,07	5,96	18,88
Добыча природного газа и газового конденсата / Natural gas and gas condensate extraction	83,41	-10,51	15,00
Добыча и обогащение железных руд / Iron ores mining and processing	-42,70	-1,09	24,52
Добыча руд цветных металлов / extraction of non-ferrous metal ores	-8,05	24,94	38,53
Добыча камня, песка и глины / Mining of stone, sand and clay	28,61	15,19	19,62
Добыча полезных ископаемых, не включенных в другие группировки / Mining of minerals not included in other groups	-0,29	12,12	-15,80
Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых / Services in mining	-8,39	12,54	14,57
Обрабатывающие производства / Manufacturing industries	5,52	11,45	17,05
Производство пищевых продуктов / Production of food	16,31	9,76	15,45
Производство напитков / Production of drinks	20,40	11,39	19,57
Производство табачных изделий / Production of tobacco products	2,89	12,96	18,34
Производство текстильных изделий / Production of textile items	7,73	16,36	22,41
Производство одежды / Production of clothes	33,83	23,85	35,35
Производство кожи и изделий из кожи / Production of leather and leather items	28,14	21,96	7,44
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения / Processing of wood and production of goods of wood and cork, except furniture; production of items of straw and materials for weaving	-17,24	-2,98	20,36
Производство бумаги и бумажных изделий / Production of paper and paper items	3,46	1,16	19,58
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации / Printing and reproduction of recorded media	12,55	7,77	13,32
Производство кокса и нефтепродуктов / Production of coke and petroleum products	7,11	3,81	11,72
Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and chemical products	13,42	-4,44	14,26
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии / Production of medications and materials used for medical and veterinary purposes	-18,90	8,21	13,47
Производство резиновых и пластмассовых изделий / Production of resin and plastic items	11,35	8,38	18,28
Производство прочих неметаллической минеральной продукции / Production of other non-metal mineral production	14,12	13,40	16,45
Производство металлургическое / Metallurgic production	0,23	8,82	6,10
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of ready metal items, except machines and equipment	16,04	33,55	36,49
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical items	14,36	31,28	37,70
Производство электрического оборудования / Production of electric equipment	10,95	33,81	12,00
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки / Production of machines and equipment not included into other groups	13,36	32,07	19,02
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов / Production of automobile vehicles, trailers and semi-trailers	-40,74	23,54	35,11
Производство прочих транспортных средств и оборудования / Production of other vehicles and equipment	2,25	29,63	25,06
Производство мебели / Production of furniture	7,51	8,46	25,82
Производство прочих готовых изделий / Production of other ready items	10,74	17,96	26,73
Ремонт и монтаж машин и оборудования / Maintenance and installation of machines and equipment	7,52	16,81	17,03
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха / Provision of electric energy, gas, steam; air conditioning	4,51	10,94	8,62
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Water supply; sanitation, waste collection and disposal, pollution control activities	1,54	11,57	10,50
Промышленность в целом / Industrial sector as a whole	7,44	9,02	16,05

Примечание. Данные по показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по "чистым" видам деятельности».

Note. Data by the indicator “Shipped goods of own production, performed works and services (excluding VAT, excise taxes and similar mandatory payments) by ‘pure’ types of activity”.

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Source: author’s development based on Rosstat data. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Как свидетельствуют данные табл. 1, подъем в добывающей отрасли в 2022 г. был обусловлен в основном ростом добычи природного газа и газового конденсата – темп прироста отрасли в этом году составил 83,4 %. По нашим расчетам, эта отрасль обеспечила 53,5 % прироста добывающей отрасли. Более того, она способствовала росту всего промышленного производства в стране почти на четверть (точнее, 24,9 %). Гораздо меньшими темпами росла отрасль добычи нефти и нефтяного попутного газа, но в силу своей большой доли она обеспечила 47,1 % роста добывающей отрасли и 21,9 % роста всего промышленного производства в стране. При высоких темпах роста (+31,6 % в 2022 г.) вклад отрасли добычи угля оказался скромнее из-за малой доли в структуре производства добывающей отрасли. Угольная отрасль способствовала 21,1 % прироста добывающей отрасли и 9,8 % прироста всего промышленного производства 2022 г. При этом отмечался существенный спад в добыче и обогащении железных руд, меньший спад в добыче цветных металлов. Иными словами, в 2022 г. российская промышленность росла в основном за счет производства и экспорта энергоресурсов и даже укрепила свои позиции в этой сфере. Однако в 2023 г. произошла некоторая смена приоритетов.

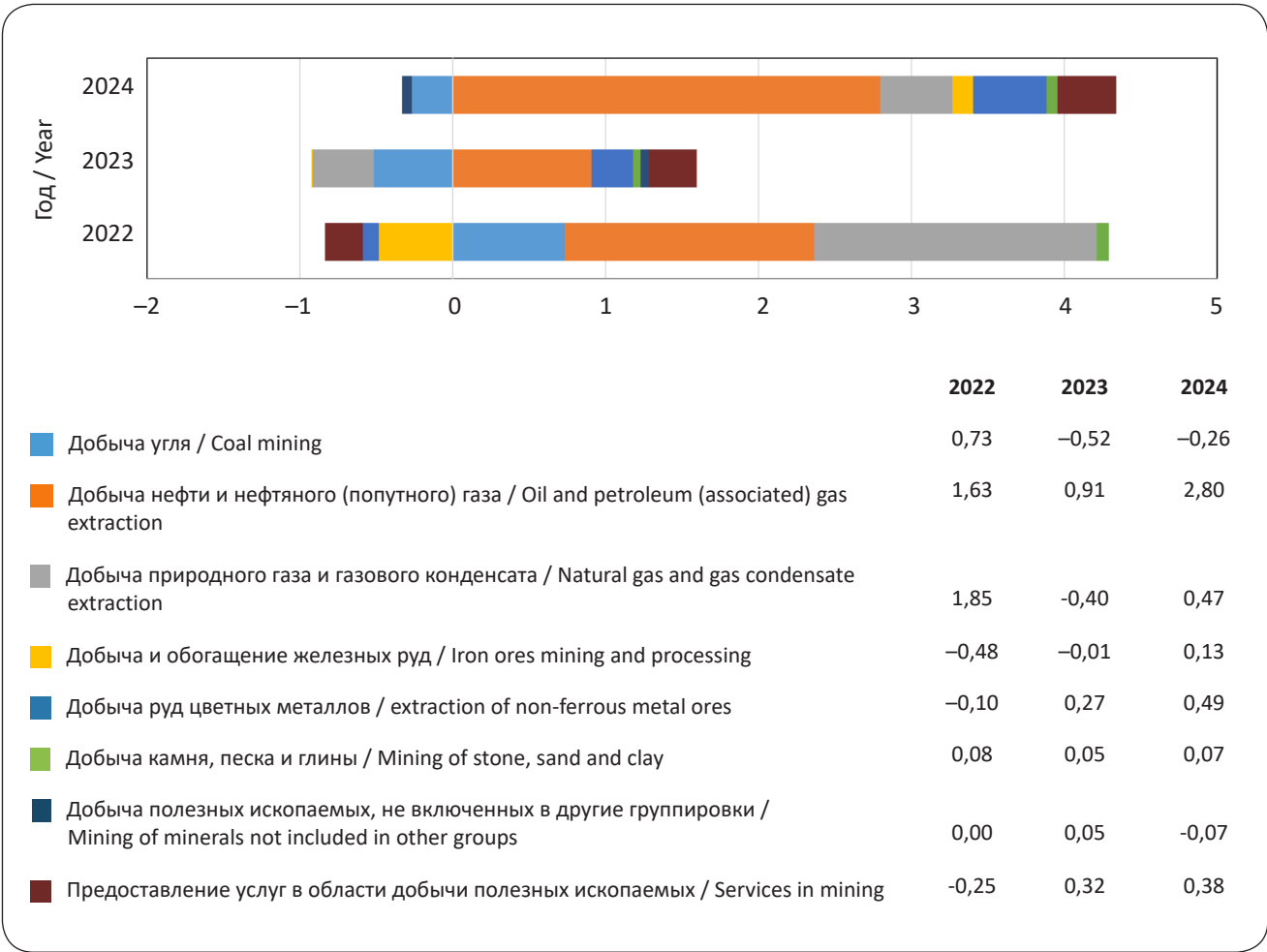
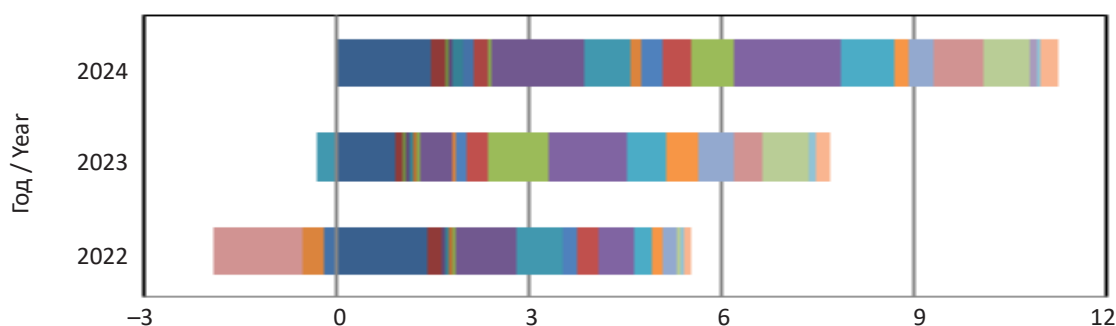

Рис. 2. Вклад отдельных отраслей в рост стоимости производства ВЭД «Добыча полезных ископаемых», процентных пунктов

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Fig. 2. Contribution of individual industries to the increase in the value of production in the “Mining” foreign economic activity, pp.

Source: author’s development based on Rosstat data. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

	2022	2023	2024
Производство пищевых продуктов / Production of food	1,45	0,94	0,23
Производство напитков / Production of drinks	0,21	0,13	0,23
Производство табачных изделий / Production of tobacco products	0,01	0,04	0,05
Производство текстильных изделий / Production of textile items	0,03	0,06	0,09
Производство одежды / Production of clothes	0,08	0,07	0,12
Производство кожи и изделий из кожи / Production of leather and leather items	0,03	0,02	0,01
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения / Processing of wood and production of goods of wood and cork, except furniture; production of items of straw and materials for weaving	-0,20	-0,03	0,16
Производство бумаги и бумажных изделий / Production of paper and paper items	0,05	0,02	0,025
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации / Printing and reproduction of recorded media	0,04	0,03	0,05
Производство кокса и нефтепродуктов / Production of coke and petroleum products	0,93	0,50	1,45
Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and chemical products	0,75	-0,26	0,74
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии / Production of medications and materials used for medical and veterinary purposes	-0,28	0,09	0,15
Производство резиновых и пластмассовых изделий / Production of resin and plastic items	0,21	0,16	0,35
Производство прочей неметаллической минеральной продукции / Production of other non-metal mineral production	0,32	0,32	0,41
Производство металлургическое / Metallurgic production	0,03	0,94	0,65
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of ready metal items, except machines and equipment	0,55	1,65	1,67
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical items	0,25	0,59	0,86
Производство электрического оборудования / Production of electric equipment	0,15	0,48	0,21
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки / Production of machines and equipment not included into other groups	0,23	0,59	0,42
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов / Production of automobile vehicles, trailers and semi-trailers	-1,42	0,45	0,77
Производство прочих транспортных средств и оборудования / Production of other vehicles and equipment	0,06	0,69	0,70
Производство мебели / Production of furniture	0,03	0,03	0,10
Производство прочих готовых изделий / Production of other ready items	0,04	0,06	0,10
Ремонт и монтаж машин и оборудования / Maintenance and installation of machines and equipment	0,10	0,23	0,25

Рис. 3. Вклад отдельных отраслей в рост стоимости производства ВЭД «Обрабатывающие производства», процентных пунктов

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Fig. 3. Contribution of individual industries to the increase in the value of production in the “Manufacturing industries” foreign economic activity, pp.

Source: author’s development based on Rosstat data. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Второй год новых санкций (2023 г.) оказался для добывающей отрасли наименее успешным. Год ознаменовался серьезным спадом в добыче природного газа (–10,5 %), что привело к снижению роста промышленного производства в стране на 0,4 процентного пункта. Еще более существенный спад отмечался в угольной отрасли, в результате которого промышленность потеряла еще 0,5 процентного пункта роста. Темпы прироста добычи нефти сократились почти в два раза, но при этом существенно увеличилось производство цветных металлов (+24,9 % в 2023 г.). Также выросло «предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых», заметно снизились темпы роста отрасли «добыча камня, песка и глины».

В третьем году санкций (2024) добывающая отрасль взяла реванш. Наиболее высокими темпами росли добыча руд цветных металлов и добыча железных руд. Они обеспечили соответственно 12,1 и 3,4 % всего прироста стоимости добывающей промышленности. За счет этих двух отраслей промышленность в целом приросла на 0,49 и 0,13 процентного пункта. Также высокими темпами росла добыча нефти и нефтяного газа. Эта отрасль обеспечила 70 % всего прироста добывающей отрасли, а также 2,8 процентного пункта из 16,05 % прироста стоимости промышленного производства в стране. При этом производство угля в стоимостном выражении продолжало сокращаться.

Далее перейдем к анализу тенденций в обрабатывающей отрасли российской промышленности (табл. 1 и рис. 3). В 2022 г., не очень благоприятном для отрасли в целом, наиболее высокими темпами росли легкая и пищевая промышленность. Пищевая промышленность обеспечила 45,9 % всего прироста обрабатывающих производств. А легкая промышленность при более высоких темпах роста в силу меньшей доли в объемах промышленного производства – только 3,6 %. В сумме они дали прирост стоимости промышленного производства в стране в размере 1,8 процентного пункта. Рост пищевой промышленности в основном объяснялся активными процессами импортозамещения.

В то же время в 2022 г. отмечалось сокращение почти на 41 % производства автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, что в немалой степени было связано с уходом из России иностранных автопроизводителей, проблемами с поставками автокомпонентов из-за рубежа. По этой причине российская промышленность в целом потеряла 1,4 процентного пункта роста. Также существенный спад отмечался в производстве лекарственных средств и материалов (–18,9 %), что может быть объяснено как дефицитом импортных составляющих, так и уменьшением спроса на лекарства после прохождения пандемии. Также пострадала деревообработка (–17,2 %), что может быть связано с нарушением поставок древесины и изделий из дерева за границу, в основном в европейские страны. Так, по данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2022 г. экспорт древесины из России упал на 24,3 %⁸.

Структура вклада отраслей в прирост обрабатывающей промышленности, как уже отмечалось, зависит не только от темпов их роста, но и от доли в базовом году. Согласно нашим расчетам, кроме пищевой промышленности, значительный положительный вклад в прирост стоимости обрабатывающих производств в 2022 г. обеспечило производство кокса и нефтепродуктов (25,5 %), за ним следует производство химических веществ и химических продуктов (20,6 %), далее производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (15,2 %).

В 2023 г., гораздо более благоприятном для обрабатывающей промышленности, опережающими темпами росли производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (темпы прироста 33,6 %), производство компьютеров, электронных и оптических изделий (31,3 %), производство электрического оборудования (33,8 %), производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (32,1 %), производство прочих транспортных средств и оборудования (29,6 %). Высокие темпы роста показала легкая промышленность, произошло некоторое восстановление производства автотранспортных средств, хотя оно все еще было значительно ниже уровня 2021 г. (–26,8 %). Немногие обрабатывающие отрасли закончили 2023 г. с отрицательным ростом (в основном производство химических веществ и химических продуктов, деревообработка). С учетом структуры производства наибольший вклад в прирост обрабатывающей промышленности в этом году внесло производство готовых металлических изделий (16,9 %), за ним следовало металлургическое производство (12,7 %) и производство прочих транспортных средств и оборудования

⁸ Экспорт из РФ древесины и продукции из нее в 2022 году упал на 24,3 %. (2023, 13 марта). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/business/890776>

(9,3 %). Они обеспечили прирост стоимости промышленного производства на 1,25; 0,94 и 0,69 процентного пункта соответственно.

В еще более благоприятный для российской промышленности 2024 г. лидерами роста остались ряд прежних производств (производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство одежды). Однако высокие темпы роста показали также «производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов», где происходил восстановительный рост, «производство мебели», «производство прочих готовых изделий». Восстановительный рост начался в деревообработке, производстве химических веществ и химических продуктов. Наименьшими темпами росло металлургическое производство, которое и в предыдущем 2023 г. показывало темпы роста заметно ниже средних по обрабатывающей отрасли. Следует особо отметить, что в 2024 г. ни в одном из рассматриваемых обрабатывающих производств не отмечалось спада стоимостных объемов.

В 2024 г. наибольший вклад в прирост обрабатывающей отрасли внесли «производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования» (14,8 %), производство пищевых продуктов (13,1 %), производство кокса и нефтепродуктов (12,9 %). Они обеспечили соответственно 1,67; 1,48 и 1,45 процентного пункта из 16,05 % прироста стоимости промышленного производства в стране в этом году.

Анализ вклада факторов физических объемов производства и цен в рост стоимости промышленного производства в целом и в разрезе отраслей

В табл. 2 представлены результаты декомпозиции роста стоимостных объемов производства по факторам: изменение физических объемов и изменение цен (расчет по формулам (7)–(10)).

Таблица 2

Вклад факторов объема и цен в темпы прироста стоимости отдельных отраслей промышленности, процентного пункта

Table 2. Contribution of volume and price factors to the value growth rates of individual industries, pp.

Отрасль / Industry	Год / Year					
	2022		2023		2024	
	Q	P	Q	P	Q	P
Добыча полезных ископаемых / Mining	1,59	12,05	–1,02	3,54	–0,97	16,80
Добыча угля / Coal mining	–1,74	33,35	0,27	–18,53	1,21	–13,57
Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа / Oil and petroleum (associated) gas extraction	1,26	9,81	н/д	н/д	н/д	н/д
Добыча природного газа и газового конденсата / Natural gas and gas condensate extraction	0,00	83,41	н/д	н/д	н/д	н/д
Добыча и обогащение железных руд / Iron ores mining and processing	–5,07	–37,62	–3,13	2,04	–0,67	25,19
Добыча руд цветных металлов / extraction of non-ferrous metal ores	1,14	–9,20	0,22	24,72	7,78	30,75
Добыча камня, песка и глины / Mining of stone, sand and clay	8,65	19,96	3,59	11,59	–1,54	21,16
Добыча полезных ископаемых, не включенных в другие группировки / Mining of minerals not included in other groups	7,04	–7,33	–12,11	24,23	1,01	–16,80
Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых / Services in mining	4,85	–13,24	3,55	8,99	1,28	13,29
Обрабатывающие производства / Manufacturing industries	0,31	5,21	8,81	2,64	8,84	8,22
Производство пищевых продуктов / Production of food	1,18	15,13	6,70	3,06	3,70	11,76
Производство напитков / Production of drinks	7,13	13,28	1,16	10,23	9,84	9,73
Производство табачных изделий / Production of tobacco products	–7,25	10,14	–11,20	24,16	–3,09	21,43
Производство текстильных изделий / Production of textile items	–4,02	11,75	3,92	12,44	4,13	18,28
Производство одежды / Production of clothes	10,11	23,72	15,78	8,07	6,69	28,65
Производство кожи и изделий из кожи / Production of leather and leather items	8,00	20,14	16,04	5,92	–3,48	10,92
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения / Processing of wood and production of goods of wood and cork, except furniture; production of items of straw and materials for weaving	–9,60	–7,64	–1,59	–1,39	4,52	15,84

Отрасль / Industry	Год / Year					
	2022		2023		2024	
	Q	P	Q	P	Q	P
Производство бумаги и бумажных изделий / Production of paper and paper items	-0,20	3,67	2,19	-1,03	5,97	13,62
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации / Printing and reproduction of recorded media	13,44	-0,90	6,34	1,43	4,59	8,73
Производство кокса и нефтепродуктов / Production of coke and petroleum products	-0,62	7,73	2,52	1,30	-2,24	13,96
Производство химических веществ и химических продуктов / Production of chemical substances and chemical products	-2,59	16,01	4,96	-9,39	3,27	11,00
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии / Production of medications and materials used for medical and veterinary purposes	8,02	-26,92	-0,42	8,62	17,64	-4,17
Производство резиновых и пластмассовых изделий / Production of resin and plastic items	0,21	11,14	8,01	0,36	0,87	17,41
Производство прочей неметаллической минеральной продукции / Production of other non-metal mineral production	4,09	10,03	0,95	12,45	4,65	11,80
Производство металлургическое / Metallurgic production	-0,80	1,03	3,08	5,74	-1,24	7,34
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования / Production of ready metal items, except machines and equipment	13,56	2,48	27,17	6,38	35,46	1,03
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий / Production of computers, electronic and optical items	9,61	4,74	38,18	-6,90	29,83	7,87
Производство электрического оборудования / Production of electric equipment	1,15	9,80	21,74	12,07	6,77	5,23
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки / Production of machines and equipment not included into other groups	-0,75	14,11	8,98	23,09	-2,99	22,01
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов / Production of automobile vehicles, trailers and semi-trailers	-45,42	4,68	16,53	7,01	17,82	17,29
Производство прочих транспортных средств и оборудования / Production of other vehicles and equipment	-2,15	4,39	29,07	0,56	29,06	-4,00
Производство мебели / Production of furniture	10,54	-3,03	11,34	-2,88	8,34	17,48
Производство прочих готовых изделий / Production of other ready items	1,77	8,97	13,67	4,29	7,42	19,31
Ремонт и монтаж машин и оборудования / Maintenance and installation of machines and equipment	-2,73	10,26	5,28	11,53	3,41	13,62
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха / Provision of electric energy, gas, steam; air conditioning	0,51	4,00	0,00	10,94	2,37	6,24
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Water supply; sanitation, waste collection and disposal, pollution control activities	-3,28	4,82	0,32	11,26	-0,11	10,60
Промышленность в целом / Industrial sector as a whole	0,72	6,72	4,40	4,62	4,85	11,20

Примечание. Q – вклад темпов роста физических объемов производства, P – вклад темпов роста цен в рост стоимости промышленного производства.

Note. Q is the contribution of physical production volumes, P is the contribution of prices to the growth in the cost of industrial production.

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Source: author's development based on Rosstat data. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Анализ полученных результатов факторной декомпозиции свидетельствует о том, что в 2022 г. рост стоимости промышленности в основном был обеспечен за счет ценового фактора (6,72 из 7,44 процентного пункта, или 90,3 % всего прироста). В добыче полезных ископаемых вклад ценового фактора составил 88,4 %, в обрабатывающей отрасли – 94,4 %, в электроэнергетике – 88,7 %, в водоснабжении весь рост был обеспечен за счет ценового фактора, тогда как физические объемы производства в этом ВЭД уменьшились. Наибольший рост цен произошел в ряде добывающих отраслей – добыче природного газа и конденсата, до-

быче угля, что объясняется благоприятной конъюнктурой на рынках энергоносителей, а также в добыче камня и песка. Большая ценовая составляющая роста отмечалась также в некоторых отраслях легкой промышленности: производстве одежды и производстве кожи и изделий из кожи, что может быть связано с изменением валютного курса и процессами импортозамещения.

Физические объемы в наибольшей степени выросли в производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (причем вклад этого фактора в общий рост стоимости отрасли составил 84,5 %). В полиграфической промышленности весь прирост стоимости был обеспечен за счет роста объемов производства (+13,44 процентного пункта), тогда как средние цены снизились. Существенное снижение цен наблюдалось также в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии, где оно в значительной степени перекрыло рост объемов производства. Отрицательный вклад обоих факторов в рост стоимости отмечался в добыче и обогащении железных руд. В обработке древесины снижение цен также сопровождалось снижением объемов производства, что свидетельствовало о существенных проблемах в отрасли. В производстве мебели снижение цен более чем в три раза было перекрыто положительным эффектом роста объемов производства. Наибольший спад физических объемов производства отмечался в производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, где он обеспечил 45,42 процентного пункта снижения стоимости производства в отрасли, тогда как положительный вклад ценового фактора оказался существенно ниже – 4,68 процентного пункта.

Анализируя тенденции 2022 г., следует особо отметить отсутствие корреляции между изменением цен и физических объемов производства в анализируемых отраслях. Разнообразие тенденций в отраслях промышленности в первый год санкций объясняется их разной включенностью в мирохозяйственные связи, разной краткосрочной реакцией на санкционный шок и разной скоростью приспособляемости к нему.

В 2023 г. объемы промышленного производства выросли в большей степени, а цены в меньшей степени, чем в 2022 г. Более того, их вклад в рост стоимости промышленного производства оказался сопоставимым. Ценовой фактор обеспечил 51,25 % общего прироста стоимости промышленности, а фактор роста объемов производства – 48,7 %. Ценовая составляющая роста стоимости оказалась определяющей и существенной в добыче руд цветных металлов и добыче прочих полезных ископаемых, что может быть объяснено ростом спроса на металлы внутри страны и дефицитом металлопроката на мировых рынках. Также рост цен полностью обеспечил рост стоимости табачных изделий и большую часть роста стоимости машин и оборудования, не включенных в другие группировки.

В то же время фактор увеличения физического объема производства в 2023 г. оказался существенным в производстве компьютеров (притом что средние цены на них снизились), обеспечил практически весь рост стоимости в производстве прочих транспортных средств и оборудования (98,1 % всего прироста), большую часть роста стоимости в производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (81 %). Вклад фактора физических объемов производства также был достаточно большим и определяющим в производстве электрического оборудования, автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, производстве одежды, кожи и изделий из кожи. В то же время продолжилось падение производства отечественных табачных изделий на фоне роста цен на них. В производстве угля отмечалось существенное падение цен при стагнации объемов производства.

Наконец, в 2023 г. стоит отметить слабую обратную корреляцию между темпами роста цен и объемов производства в рассматриваемых отраслях промышленности ($R = -0,35$).

В 2024 г. ценовой фактор снова оказался определяющим, он обеспечил 69,8 % всего роста стоимости промышленности, тогда как вклад фактора физического объема производства оказался меньшим более чем в два раза – 30,2 %. Добыча росла исключительно за счет ценового фактора, ее объемы производства падали. Обрабатывающие производства почти в равной степени росли за счет обоих факторов: вклад ценового фактора составил 48,2 %, фактора физического объема производства – 51,8 %. По сравнению с 2023 г. ситуация в обрабатывающей промышленности в этом плане улучшилась. В инфраструктурных отраслях по-прежнему ценовой фактор обеспечивал большую часть или весь рост стоимости.

Рост физических объемов производства в 2024 г. оказался наиболее существенным фактором в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (79,1 % всего прироста стоимости отрасли), производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (97,2 % роста стоимости отрасли), обеспечил весь прирост стоимости прочих транспортных средств и оборудования. Ценовой фактор роста оказался

наиболее существенным в добыче черных и цветных металлов, камня, песка и глины, а также в легкой промышленности (в производстве одежды, текстильных изделий) и пищевой промышленности (прежде всего в производстве табачных изделий). В производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов влияние обоих факторов (объема и цен) оказалось существенным и паритетным (их вклад в прирост отрасли составил 50,8 и 49,2 % соответственно).

Как и в 2023-м, в 2024 г. отмечалась слабая обратная корреляция темпов роста цен и объемов производства в рассматриваемых отраслях промышленности ($R = -0,32$). Разнонаправленное изменение цен и объемов в последние два (из рассматриваемых) года санкций свидетельствует о преобладании в отраслях промышленности состояния экономики предложения. Однако в 2022 г. в половине исследуемых отраслей наблюдалось однонаправленное изменение цен и объемов, что скорее свидетельствует в пользу экономики спроса в них. Заметим, что в 2023 и 2024 гг. таких отраслей было даже больше.

Заключение

В настоящем исследовании с использованием официальных данных Росстата выявлены различия в динамике стоимостных объемов промышленного производства для четырех видов экономической деятельности, относящихся к промышленности, а также для детализированных отраслей внутри добывающей и обрабатывающей промышленности в первые три года новых антироссийских санкций. Показано, что для обрабатывающей отрасли наиболее сложным оказался 2022 г., после чего начался восстановительный рост, для добывающей отрасли наибольший негативный эффект санкций пришелся на 2023 г., после чего также наметилось некоторое восстановление. В детализированных отраслях промышленности ситуация различалась, а также менялась в рассматриваемом периоде.

В 2022 г. основным драйвером промышленного роста была добыча нефти и газа (в силу благоприятной конъюнктуры на рынках энергоносителей в условиях разразившегося энергетического кризиса в Европе и отложенного эффекта санкций), а также пищевая промышленность, где проходили интенсивные процессы импортозамещения. Наибольший отрицательный вклад в рост промышленного производства в этом году внесло автомобилестроение (по причине ухода иностранных автопроизводителей и возникновения проблем с импортом автокомпонентов), а также добыча цветных и черных металлов.

В 2023 г. наибольший вклад в рост стоимости промышленности внесли металлургия, производство готовых металлических изделий, производство машин и оборудования, прочих транспортных средств. Также существенен вклад в рост стоимости промышленности пищевой отрасли, производства нефти и нефтяного газа, электроэнергетики. Наибольший отрицательный вклад в рост стоимости промышленности в этом году внесли добыча угля, природного газа, а также производство основных химических веществ и удобрений.

В 2024 г. наиболее значительный вклад в рост стоимости промышленного производства внесла добыча нефти и нефтяного попутного газа. Заметно вырос вклад в рост стоимости промышленного производства пищевой отрасли, производства готовых металлических изделий, автотранспортных средств, компьютеров и оптических средств. Начался восстановительный рост в деревообрабатывающей и химической промышленности.

Таким образом, гипотеза 1 о разной уязвимости отраслей российской промышленности к санкционным шокам и их разной степени приспособления к новому санкционному режиму как по масштабу, так и во времени подтвердилась. Это означает заметное влияние нового санкционного режима на устойчивость российской промышленности и структурные сдвиги в ней.

С использованием метода Дивизии проведена декомпозиция темпов роста отраслей промышленности по факторам изменения физического объема и цен. В результате установлено, что в 2022 г. ценовой фактор был преобладающим, в 2023 г. его эффект лишь незначительно превосходил влияние фактора роста объемов производства, в 2024 г. вклад ценового фактора снова увеличился. Выявлены и объяснены различия во влиянии фактора цен и физических объемов производства в конкретных отраслях, что косвенно свидетельствует о потенциале роста одних отраслей и перегреве других. Для 2023 и 2024 гг. установлена слабая обратная связь между изменением цен и объемов в отраслях промышленности.

Таким образом, в исследовании подтверждена гипотеза 2 – о том, что по итогам трех лет промышленность достигла перегретого состояния и перехода в состояние «экономики предложения», когда меры по

стимулированию спроса в большей степени вызывают рост цен, чем рост объемов производства, однако в конкретных отраслях ситуация отличается.

Результаты исследования могут быть полезными при управлении структурными сдвигами в промышленности, а также при разработке эффективной промышленной политики, направленной на противодействие жесткому санкционному режиму.

Список литературы

- Андрюшин, С. А., Григорьев, Р. А. (2022). Обрабатывающая промышленность России, антикризисные меры, кредитный перегрев и предложения для банка России в условиях новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 294–314. EDN: BFRLIU. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.2.294-314
- Аукуционек, С. П., Батяева, А. Е. (2023). Экономическая ситуация в промышленности в первой половине 2023 г. *Экономическое развитие России*, 30(9), 28–32. EDN: ZXIBJE
- Ведев, А. Л., Еремкин, В. А., Ковалева, М. А., Тузов, К. А. (2024). Оценка изменения потенциала импортозамещения в российской промышленности. *Экономическое развитие России*, 31(10), 43–54. EDN: KHXJJD
- Гальцева, Н. В., Шарыпова, О. А. (2023). Золотодобывающая промышленность России: санкционные шоки. *Пространственная экономика*, 19(2), 70–93. EDN: UXBNYG. DOI: 10.14530/se.2023.2.070-093
- Гнидченко, А. А. (2025). Оценка экспортного потенциала России с учетом сбытовых, логистических и производственных ограничений. *Вопросы экономики*, 3, 5–28. EDN: OQMXKK. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-3-5-28
- Голикова, В. В., Муковнин, С. К., Казун, А. П., Ершова, Н. В. (2025). Дефицит квалифицированных рабочих в обрабатывающей промышленности: следствие неэффективности фирм или препятствие для роста эффективных? *Вопросы экономики*, 2, 39–65. EDN: GYDBJA. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-2-39-65
- Гордеев, Р. В., Пыжев, А. И. (2023). Перепутье российской лесной промышленности. *ЭКО*, 5, 169–191. EDN: TBWTDI. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-5-169-191
- Григоренко, И. В., Монастырёв, М. Д., Русскова, Е. Г. (2024). Применение динамической факторной модели для анализа адаптации промышленности РФ к санкциям. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*, 26(4), 162–178. EDN: BNTDHF. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2024.4.13
- Гусев, А. Б., Юревич, М. А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения. *Terra Econoticus*, 21(3), 17–31. EDN: SSZDBG. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31
- Доржиева, В. В. (2022). Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 6, 68–78. EDN: PXZQFD. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_68_78
- Зайнуллин, С. Б., Костюхин, Ю. Ю., Цзо Шэнли, Чжан Яци. (2025). Международное сотрудничество в развитии электронной промышленности в России и Китае. *Экономическое развитие России*, 32(4), 9–13. EDN: XMCRNY
- Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. (2025). Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1 (66), 282–290. EDN: OYFRAB. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_282-290
- Земцов, С. П., Барина, В. А., Михайлов, А. А. (2023). Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России. *Экономическая политика*, 18(2), 44–79. EDN: RGUWPN. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79
- Зубаревич, Н. В. (2025). Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1(66), 274–281. EDN: SUZWO. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281
- Изотов, Д. А. (2024). Влияние интеграционных и геополитических факторов на торговлю Дальнего Востока России с зарубежным рынком. *Пространственная экономика*, 20(2), 40–70. EDN: AKCORE. DOI: 10.14530/se.2024.2.040-070
- Казун, А. П., Муковнин, С. К. (2024). Бизнес-ассоциации и адаптация к санкциям российских обрабатывающих предприятий: 2018 vs. 2022 годы. *Вопросы экономики*, 6, 44–72. EDN: FUWMZR. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-44-72
- Каукин, А. С., Миллер, Е. М. (2022). Динамика промышленного производства во втором квартале 2022 г. *Экономическое развитие России*, 29(9), 24–28. EDN: ANVBEE
- Каукин, А. С., Миллер, Е. М. (2023). Динамика промышленного производства в четвертом квартале 2022 г. *Экономическое развитие России*, 30(4), 24–28. EDN: JPYCQZ
- Каукин, А. С., Миллер, Е. М., Косарев, В. С. (2023). Перспективы российской нефтяной отрасли в условиях санкций. *Экономическая политика*, 18(3), 82–109. EDN: ICQSCI. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-3-82-109
- Кочина, С. К. (2023). Диагностика уровня технологического суверенитета отраслей российской промышленности. *Экономическое развитие России*, 30(10), 32–40. EDN: ZDZSRO
- Кузнецов, Б. В., Голикова, В. В. (2023). Руководители обрабатывающих предприятий России о санкционных ограничениях и уязвимости к ним. *ЭКО*, 9, 33–51. EDN: JLGWI. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-33-51
- Кузык, М. Г., Симачев, Ю. В. (2023). Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 60(3), 172–180. EDN: SPDHBN. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180

- Малкина, М. Ю. (2024). Промышленность российских регионов в условиях новых антироссийских санкций. *Пространственная экономика*, 20(3), 39–66. EDN: DNNMZK. DOI: 10.14530/se.2024.3.039-066
- Полбин, А. В., Шумилов, А. В. (2022). Об использовании моделей панельных данных для прогнозирования темпов роста отраслей российской обрабатывающей промышленности. *Экономическое развитие России*, 29(2), 15–19. EDN: XRDSQX
- Пыжев, А. И. (2025). Адаптация российской лесной промышленности к постсоветской структурной трансформации экономики и санкционному кризису последних лет. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 80–99. EDN: NRYZSE. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.80-99
- Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А., Кузык, М. Г. (2022). Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений. *Вопросы экономики*, 6, 5–25. EDN: MWJYSR. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-5-25
- Симачев, Ю. В., Яковлев, А. А., Голикова, В. В., Городный, Н. А., Кузнецов, Б. В., Кузык, М. Г., Федюнина, А. А. (2023). Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования. *Вопросы экономики*, 12, 5–30. EDN: WZDCOU. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30
- Федорова, Е. А., Невредин, А. Р. (2024). Влияние санкций на отраслевые индексы. *Финансы: теория и практика*, 28(6), 17–33. EDN: PEJFMR. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-17-33
- Фурманов, К. К., Туровец, Ю. В. (2024). Оценка влияния внешних шоков на развитие обрабатывающей промышленности. *Проблемы прогнозирования*, 5(206), 128–140. EDN: VIIKON. DOI: 10.47711/0868-6351-206-128-140
- Чернявский, А. В., Чепель, А. А. (2025). Оценка влияния экспортных и импортных санкций на российскую экономику с использованием таблиц «затраты – выпуск». *Вопросы экономики*, 3, 29–47. EDN: VLHMCM. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-3-29-47
- Шулепов, А. А. (2025). Возрождение подшипниковой промышленности РФ – важный элемент на пути к технологическому суверенитету страны. *Экономическое развитие России*, 32(1), 89–96. EDN: AJKYVK
- Balyuk, T., & Fedyk, A. (2023). Divesting under Pressure: U.S. firms' exit in response to Russia's war against Ukraine. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1253–1273. EDN: SUNWYX. DOI: 10.1016/j.jce.2023.08.001
- Benchimol, J., & Palumbo, L. (2024). Sanctions and Russian online prices. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 225, 483–521. EDN: SIMGZE. DOI: 10.1016/j.jebo.2024.07.013
- Boratyński, J. (2021). Decomposing structural decomposition: The role of changes in individual industry shares. *Energy Economics*, 103, 105587. EDN: VEUTSF. DOI: 10.1016/j.eneco.2021.105587
- Duong, K. T., Huynh, L. D. T., & Nguyen, Q. M. P. (2025). Sanctions and inventories: Evidence from Russian energy firms. *Energy Economics*, 146, 108497. DOI: 10.1016/j.eneco.2025.108497
- Fraumeni, B. M., He J., Li H., & Liu Q. (2019). Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014. *Journal of Comparative Economics*, 47(4), 853–866. DOI: 10.1016/j.jce.2019.06.003
- Huynh, L. D. T., Hoang, K., & Ongena, S. (2025). The impact of foreign sanctions on firm performance in Russia. *The British Accounting Review*, 101586. EDN: EKRWUU. DOI: 10.1016/j.bar.2025.101586
- Overland, I., Loginova, J. (2023). The Russian coal industry in an uncertain world: Finally pivoting to Asia? *Energy Research & Social Science*, 102, 103150. EDN: ARXHJH. DOI: 10.1016/j.erss.2023.103150
- Rivera-Niquepa, J. D., Rojas-Lozano, D., De Oliveira-De Jesus, P. M., & Yusta, J. M. (2023). Methodology for selecting assessment periods of Logarithmic Mean Divisia Index decomposition techniques. *Energy Strategy Reviews*, 50, 101241. EDN: DOTJRH. DOI: 10.1016/j.esr.2023.101241
- Solow, R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 70, 65–94.
- Tosun, O. K., Eshraghi, A., & Vigne, S. A. (2024). Firms Entangled in Geopolitical Conflicts: Evidence from the Russia-Ukraine War. *Journal of International Money and Finance*, 147, 103137. EDN: CDFRMV. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2024.103137
- Tyazhelnikov, V., & Romalis, J. (2024). Russian counter-sanctions and smuggling: Forensics with structural gravity estimation. *Journal of International Economics*, 152, 104014. EDN: CZDMVR. DOI: 10.1016/j.jinteco.2024.104014
- Vaninsky, A. (2014). Factorial decomposition of CO2 emissions: A generalized Divisia index approach. *Energy Economics*, 45, 389–400. DOI: 10.1016/j.eneco.2014.07.008

References

- Andryushin, S. A., & Grigoryev, R. A. (2022). Processing industry of Russia, anticrisis measures, credit excess and offers for the Bank of Russia under new anti-Russia sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 294–314. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.294-314>
- Aukutsionek, S. P., & Batyaeva, A. Ye. (2023). Economic Situation in the Industry in H1 2023. *Russian Economic Development*, 30(9), 28–32. (In Russ.)
- Balyuk, T., & Fedyk, A. (2023). Divesting under Pressure: U.S. firms' exit in response to Russia's war against Ukraine. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1253–1273. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.08.001>

- Benchimol, J., & Palumbo, L. (2024). Sanctions and Russian online prices. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 225, 483–521. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.07.013>
- Boratyński, J. (2021). Decomposing structural decomposition: The role of changes in individual industry shares. *Energy Economics*, 103, 105587. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105587>
- Cherniavsky, A. V., & Chepel, A. A. (2025). The input – output analysis of the impact of trade sanctions on the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 29–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-29-47>
- Dorzheva, V. V. (2022). State policy of import substitution as a factor in the development of the pharmaceutical industry in Russia: impact of sanctions and steps to success. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 6, 68–78. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_68_78
- Duong, K. T., Huynh, L. D. T., & Nguyen, Q. M. P. (2025). Sanctions and inventories: Evidence from Russian energy firms. *Energy Economics*, 146, 108497. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2025.108497>
- Fedorova, E. A., & Nevredinov, A. R. (2024). Impact of Sanctions on Industry Indices. *Finance: Theory and Practice*, 28(6), 17–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-17-33>
- Fraumeni, B. M., He, J., Li, H., & Liu, Q. (2019). Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014. *Journal of Comparative Economics*, 47(4), 853–866. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2019.06.003>
- Furmanov, K. K., & Turovets, Yu. V. (2024). Assessing the Impact of External Shocks on the Development of the Manufacturing Industry. *Problemy Prognozirovaniya*, 35(5), 697–706. (In Russ.). <https://doi.org/10.1134/S1075700724700230>
- Galtseva, N. V., & Sharypova, O. A. (2023). Russia's gold mining industry: sanctions shocks. *Spatial Economics*, 19(2), 70–93. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093>
- Gnidchenko, A. A. (2025). Estimating Russia's export potential taking into account sales, logistics and production constraints. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 5–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-3-5-28>
- Golikova, V. V., Mukovnin, S. K., Kazun, A. P., & Ershova, N. V. (2025). Shortage of skilled workforce in manufacturing: A consequence of firms ineffectiveness or an obstacle for the growth of effective firms? *Voprosy Ekonomiki*, 2, 39–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-2-39-65>
- Gordeev, R. V., & Pyzhev, A. I. (2023). The Crossroads of the Russian Timber Industry. *ECO*, 5, 169–191. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-5-169-191>
- Grigorenko, I. V., Monastirev, M. D., & Russkova, E. G. (2024). Application of the Dynamic Factor Model for Analyzing the Adaptation of the Industry in the Russian Federation to Sanctions. *Journal of Volgograd State University. Economics*, 26(4), 162–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.4.13>
- Gusev, A. B., & Yurevich, M. A. (2023). The sovereignty of Russia in the area of pharmaceuticals: Challenges and opportunities. *Terra Economicus*, 21(3), 17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31>
- Huynh, L. D. T., Hoang, K., Ongena, S. (2025). The impact of foreign sanctions on firm performance in Russia. *The British Accounting Review*, 101586. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2025.101586>
- Izotov, D. A. (2024). Impact of Integration and Geopolitical Factors on Trade of the Russian Far East. *Spatial Economics*, 20(2), 40–70. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.040-070>
- Kaukin, A. S., & Miller, E. M. (2022). Industrial Production Dynamics in Q2 2022. *Russian Economic Development*, 29(9), 24–28. (In Russ.).
- Kaukin, A. S., & Miller, E. M. (2023). Industrial Production Dynamics in Q4 2022. *Russian Economic Development*, 30(4), 24–28. (In Russ.).
- Kaukin, A., Miller, E., & Kosarev, V. (2023). Prospects for Russian oil and refining industries under sanctions. *Economic Policy*, 18(3), 82–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-3-82-109>
- Kazun, A. P., & Mukovnin, S. K. (2024). Business associations and the adaptation of Russian manufacturing enterprises to sanctions: 2018 vs. 2022. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 44–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-6-44-72>
- Kochina, S. K. (2023). Diagnostics of the Level of Technological Sovereignty of Industry in Russia. *Russian Economic Development*, 30(10), 32–40. (In Russ.).
- Kuznetsov, B. V., & Golikova, V. V. (2023). Russian Manufacturing Executives on Sanctions Restrictions and Vulnerability to Them. *ECO*, 9, 33–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-9-33-51>
- Kuzyk, M. G., & Simachev, Yu. V. (2023). Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions. *Journal of the New Economic Association*, 60(3), 172–180. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2023_3_172-180
- Malkina, M. Yu. (2024). Industry of Russian Regions Under New Anti-Russian Sanctions. *Spatial Economics*, 20(3), 39–66. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.3.039-066>
- Overland, I., & Loginova, J. (2023). The Russian coal industry in an uncertain world: Finally pivoting to Asia? *Energy Research & Social Science*, 102, 103150. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103150>
- Polbin, A. V., & Shumilov, A. V. (2022). Forecasting Output Growth of Russian Manufacturing Industries Using Panel Data Models. *Russian Economic Development*, 29(2), 15–19. (In Russ.).
- Pyzhev, A. I. (2025). Adaptation of the Russian forestry industry to the post-Soviet structural transformation of the economy and the recent sanctions crisis. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 80–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.80-99>

Rivera-Niquepa, J. D., Rojas-Lozano, D., De Oliveira-De Jesus, P. M., & Yusta, J. M. (2023). Methodology for selecting assessment periods of Logarithmic Mean Divisia Index decomposition techniques. *Energy Strategy Reviews*, 50, 101241. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2023.101241>

Shulepov, A. A. (2025). The revival of the bearing industry in the Russian Federation is an important element on the path to the country's technological sovereignty. *Russian Economic Development*, 32(1), 89–96. (In Russ.).

Simachev, Yu. V., Fedyunina, A. A., & Kuzyk, M. G. (2022). Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 5–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25>

Simachev, Yu. V., Yakovlev, A. A., Golikova, V. V., Gorodnyi, N. A., Kuznetsov, B. V., Kuzyk, M. G., & Fedyunina, A. A. (2023). Russian industrial companies under the “second wave” of sanctions: Response strategies. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 5–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-5-30>

Solow, R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 70, 65–94.

Tosun, O. K., Eshraghi, A., & Vigne, S. A. (2024). Firms Entangled in Geopolitical Conflicts: Evidence from the Russia-Ukraine War. *Journal of International Money and Finance*, 147, 103137. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2024.103137>

Tyazhelnikov, V., & Romalis, J. (2024). Russian counter-sanctions and smuggling: Forensics with structural gravity estimation. *Journal of International Economics*, 152, 104014. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104014>

Vaninsky, A. (2014). Factorial decomposition of CO2 emissions: A generalized Divisia index approach. *Energy Economics*, 45, 389–400. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2014.07.008>

Vedev, A. L., Eremkin, V. A., Kovaleva, M. A., & Tuzov, K. A. (2024). Assessment of changes in import substitution potential in Russian industry. *Russian Economic Development*, 31(10), 43–54. (In Russ.).

Zainullin, S. B., Kostyukhin, Yu. Yu., Zuo Shengli, & Zhang Yaqi (2025). International Cooperation in the Development of the Electronics Industry in Russia and China. *Russian Economic Development*, 32(4), 9–13. (In Russ.).

Zemlyanskii, D. Yu., & Chuzhenkova, V. A. (2025). Production dependence on imports in the Russian regions after 2022. *Journal of the New Economic Association*, 66(1), 282–290. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290

Zemtsov, S. P., Barinova, V. A., & Mikhailov, A. A. (2023). Sanctions, exit of foreign companies and business activity in the Russian regions. *Economic Policy*, 18(2), 44–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>

Zubarevich, N. V. (2025). The impact of sanctions on the development of Russian regions in 2022–2024. *Journal of the New Economic Association*, 66(1), 274–281. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_274-281

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 08.06.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.07.2025

Дата принятия в печать / Accepted 11.07.2025

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.545-571>

УДК / UDC [332.1:001.895](470+571)

JEL: O3, R11, R12, R5

А. А. Победин^{1, 2}¹ Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия² Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Пространственный анализ потенциала умной специализации регионов России: выявление трансрегиональных центров роста

Победин Александр Александрович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; докторант кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина
 E-mail: pobedin-aa@ranepa.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-596X>
 Web of Science Researcher ID: F-8552-2019
 eLIBRARY SPIN-код: 9430-0520

Аннотация

Цель: разработка и апробация методики выявления трансрегиональных центров роста на основе умной специализации, позволяющей идентифицировать территориальные кластеры с высоким инновационным потенциалом и определить пространственные закономерности межрегионального взаимодействия в контексте обеспечения технологического суверенитета России.

Методы: исследование основано на комплексном анализе данных официальной статистики и экспертных оценок. Использованы методы подтверждающего факторного анализа для расчета интегрального индекса потенциала умной специализации, учитывающего научный потенциал, образовательную инфраструктуру, цифровизацию, инновационную активность, финансирование НИОКР, рынок труда, внешнеэкономическую деятельность и государственное регулирование. Для оценки пространственной автокорреляции применены глобальный и локальный индексы Морана, а также метод «горячих точек».

Результаты: установлена значительная пространственная автокорреляция между регионами России (глобальный индекс Морана – 0,457); выявлены 12 трансрегиональных центров роста первого порядка (Пермский край, Санкт-Петербург, Москва, Ульяновская, Самарская, Томская области, Республика Татарстан, Нижегородская, Калужская, Московская, Свердловская, Новосибирская области), 12 центров второго порядка и 28 территорий в зоне их влияния, формирующих ядро умной специализации России; определено, что наиболее устойчивые территориальные кластеры формируются при интеграции регионов с различными типами отраслевой специализации; для отдельных центров роста идентифицирован «эффект тени», препятствующий диффузии инноваций и трансферу технологий.

Научная новизна: разработана методика, объединяющая анализ индивидуальных характеристик региональных инновационных систем и сетевых эффектов пространственных взаимодействий. Впервые применен комплексный подход к оценке умной специализации с учетом межрегиональных связей, что способствует формированию адаптивной региональной политики.

Практическая значимость: методика позволяет дифференцировать меры государственной поддержки для территориальных кластеров. Результаты могут быть использованы при разработке стратегий пространственного развития и региональных программ инновационного роста. Выявленные центры роста служат основой для координации межрегиональных проектов и оптимизации ресурсного распределения.

Ключевые слова:

отраслевая и региональная экономика, умная специализация, трансрегиональные центры роста, инновационный потенциал, инновационная экосистема, пространственное развитие, межрегиональное взаимодействие, индекс Морана, диффузия инноваций, цифровая трансформация, региональная политика, экономика знаний, пятерная спираль, инновационная политика

Финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по проекту AP19679796 «Исследование факторов развития регионов с учетом межрегиональных связей и государственного регулирования».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Победин, А. А. (2025). Пространственный анализ потенциала умной специализации регионов России: выявление трансрегиональных центров роста. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 545–571. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.545-571>

Scientific article

A. A. Pobedin^{1, 2}

¹ *Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia*

² *Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Spatial analysis of the smart specialization potential of Russian regions: identifying trans-regional growth centers

Aleksandr A. Pobedin, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Doctoral student at the Department of Theory, Methodology and Legal Support of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin
E-mail: pobedin-aa@ranepa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-596X>
Web of Science Researcher ID: F-8552-2019
eLIBRARY SPIN-code: 9430-0520

Abstract

Objective: to develop and test a methodology for identifying trans-regional growth centers based on smart specialization. This allows identifying territorial clusters with high innovation potential and spatial patterns of interregional interaction in the context of ensuring Russia's technological sovereignty.

Methods: the study is based on a comprehensive analysis of official statistics and expert assessments. The methods of confirmatory factor analysis were used to calculate the integral index of smart specialization potential, which takes into account scientific potential, educational infrastructure, digitalization, innovation activity, R&D financing, labor market, foreign economic activity, and government regulation. The global and local Moran indices, as well as the “hot points” method, were used to estimate spatial autocorrelation.

Results: significant spatial autocorrelation between the regions of Russia was revealed (global Moran index – 0.457). The author identified 12 first-order transregional growth centers (Perm region, St. Petersburg, Moscow, Ulyanovsk, Samara, Tomsk regions, Republic of Tatarstan, Nizhny Novgorod, Kaluga, Moscow, Sverdlovsk, Novosibirsk regions), 12 second-order centers and 28 territories in their zone of influence, forming the core of smart specialization in Russia.

It was determined that the most stable territorial clusters appear when regions with different types of industry specialization are integrated. For individual growth centers, a “shadow effect” was identified that prevents the diffusion of innovations and technology transfer.

Scientific novelty: the author developed a methodology that combines the analysis of individual characteristics of regional innovation systems and network effects of territorial interactions. For the first time, an integrated approach to the assessment of smart specialization was applied, taking into account interregional relations, which contributes to the formation of an adaptive regional policy.

Practical significance: the methodology allows differentiating state support measures for territorial clusters. The results can be used in the elaboration of territorial development strategies and regional innovation growth programs. The identified growth centers serve as the basis for coordinating interregional projects and optimizing resource allocation.

Keywords:

sectoral and regional economy, smart specialization, trans-regional growth centers, innovative potential, innovation ecosystem, territorial development, interregional interaction, Moran index, diffusion of innovations, digital transformation, regional policy, knowledge economy, quintuple spiral, innovation policy

Financial Support

The article was prepared as part of a grant from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan under the AP19679796 project “Study of regional development factors taking into account interregional relations and government regulation”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Pobedin, A. A. (2025). Spatial analysis of the smart specialization potential of Russian regions: identifying trans-regional growth centers. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 545–571. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.545-571>

Введение

В условиях нестабильности глобального рынка, в том числе связанной с усилением торгового противостояния между странами (Дегтерев и др., 2021) и эскалацией санкционных мер давления (Pobedin, 2022; Победин, Федулов, 2023; Timofeev et al., 2024), приоритетом экономического развития России становится обеспечение национального технологического суверенитета как основы экономической безопасности страны (Афанасьев, 2022; Голова, 2022). При этом одним из препятствий научно-технического развития является высочайшая степень дифференциации российских регионов по развитию научной и образовательной инфраструктуры (Батракова, 2021), а также привлекательности для инвестирования в высокотехнологичные стартап-проекты, что снижает возможности экономического роста (Абрамов и др., 2022; Земцов, 2022) и цифровой трансформации (Земцов и др., 2022). Это требует модернизации инструментария региональной политики и пространственного регулирования (Победин, 2024b), механизмов межрегиональной научно-технологической кооперации и интеграции регионов в единую национальную инновационную систему.

Особую актуальность в контексте обеспечения технологического суверенитета приобретает необходимость преодоления системных вызовов, сопряженных с потенциальным переходом к парадигме Индустрии 6.0, характеризующейся формированием интеллектуально-технологической иммерсивной гиперсвязанности и физико-когнитивно-эмоционального слияния виртуальных двойников в рамках симбиотических киберсоциальных метаэкосистем (Бабкин и др., 2025). В данном контексте принципиальное значение приобретает необходимость интеграции регионального потенциала в единую архитектуру ЧИМЭ-конвергенции («человек» – «искусственный сверхинтеллект» – «метаэкосистема»), что требует разработки принципиально новых методологических подходов к формированию территориальных образований, способных обеспечить

эффективную адаптацию региональных инновационных систем к экспоненциально ускоряющимся технологическим трансформациям (Кузьминых, Милицкая, 2022). Термины «Индустрия 6.0» и «ЧИМЭ-конвергенция» пока не получили широкого распространения в рамках экономической теории. Особенностью Индустрии 6.0 по сравнению с предшествующими этапами технологического развития является формирование среды, где происходит не просто интеграция технологий в человеческую деятельность, а качественная трансформация самих принципов существования социально-экономических систем через достижение синергетического эффекта от взаимодействия человека, искусственного интеллекта и материальной инфраструктуры в рамках единого метaprостранства. Концепция ЧИМЭ-конвергенции позволяет осуществить перестройку традиционных моделей инновационного развития на основе принципов самоадаптации и когнитивной пластичности территориальных экосистем, что создает возможность для опережающего реагирования региональных структур на новые технологические вызовы и формирования устойчивых конкурентных преимуществ в условиях глобальной технологической неопределенности.

К сожалению, существующие подходы к стимулированию инновационной активности хозяйствующих субъектов демонстрируют низкую результативность – менее 12 % отечественных предприятий декларируют вовлеченность в инновационную деятельность и лишь 5 % составляет доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции по РФ (Стрижакова, Стрижаков, 2023). Это определяет необходимость пересмотра административно-управленческих механизмов стимулирования инновационной активности и совершенствования бюджетных инструментов территориального выравнивания (Pobedin, 2024).

Перспективным подходом стратегического управления инновационным развитием регионов и повышения территориальной конкурентоспособности выступает концепция умной специализации (Победин, 2024a), направленная на выявление и развитие приоритетных видов экономической деятельности на основе уникальных региональных компетенций и ресурсного потенциала (Акбердина, Романова, 2021), формирование целостной экосистемы инноваций (Победин, Федулов, 2024), интегрирующей научно-исследовательский, производственный и образовательный потенциалы территорий в единый комплекс. Принципиальная особенность концепции умной специализации – акцент на необходимости комплексного учета взаимосвязей между территориальными системами различного уровня (Земцов, Барина, 2016), что обуславливает потребность в разработке соответствующего методологического аппарата идентификации и оценки потенциала пространственных ядер и центров роста (Дружинин, Кузнецова, 2024).

Реализация концепции умной специализации в российских условиях требует учета специфики институциональной среды (Ленчук, 2022), структурных особенностей региональных экономических систем и характера межрегиональных взаимодействий (Ефери, Куценко, 2021; Климанов и др., 2021). Особую значимость приобретает исследование феномена «диффузии инноваций» и формирования территориальных инновационных кластеров, аккумулирующих потенциал умной специализации смежных регионов (Плисецкий, 2023). Ключевую роль в реализации отмеченных процессов выполняют трансрегиональные центры роста, определяемые автором как субъекты Российской Федерации, оказывающие мультипликативное влияние на социально-экономическое развитие сопредельных территорий посредством диффузии инноваций, трансфера технологий, стимулирования инвестиционной активности, формирования интегрированных производственно-логистических цепочек, развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры и углубления кооперационных связей. Использование в качестве базовой территориальной единицы при выделении центров роста субъектов РФ связано с наличием у региональных органов власти широкого спектра административно-управленческих полномочий, доступом к значительным бюджетным ресурсам, в том числе в рамках федеральных целевых программ, а также расширенными возможностями по привлечению масштабных инвестиций и координации межрегиональных проектов (Крюков, Коломак, 2021), что в совокупности обеспечивает формирование в зоне влияния трансрегиональных центров единой экономической и научно-образовательной среды.

В рамках исследования тестируются следующие гипотезы: 1) существует статистически значимая пространственная автокорреляция между регионами России по показателям потенциала умной специализации; 2) регионы с высоким потенциалом умной специализации формируют территориальные кластеры, генерирующие положительные эффекты для смежных территорий; 3) регионы с различными типами отраслевой специализации в составе территориальных кластеров обеспечивают усиление инновационного потенциала кластерной системы в целом посредством диверсификации компетенций и механизмов межрегионального трансфера знаний и технологий.

Целью настоящего исследования являются разработка и апробация методики выявления трансрегиональных центров роста на основе умной специализации, позволяющей идентифицировать территориальные кластеры с высоким инновационным потенциалом и выявить пространственные закономерности межрегионального взаимодействия. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1) формирование системы показателей для комплексной оценки потенциала умной специализации региональных экономических систем; 2) расчет интегрального индекса потенциала умной специализации регионов России с применением процедуры факторного анализа; 3) выявление пространственных закономерностей распределения потенциала умной специализации на основе анализа пространственной автокорреляции; 4) идентификация и классификация трансрегиональных центров роста с учетом их влияния на территориально смежные регионы.

Теоретический обзор

Концепция умной специализации регионов, теоретический фундамент которой был заложен в работах Форей (Foray, 2015), Мак-Канна и Ортеги-Аргилеса (McCann & Ortega-Argilés, 2015), Бошмы (Boschma, 2013), а также исследованиях Каппелина (Cappellin, 2016), представляет собой инновационный подход к региональному развитию, основанный на выявлении и поддержке уникальных конкурентных преимуществ территорий с учетом их отраслевой структуры, научно-технического потенциала и институциональных особенностей (Акбердина, Романова, 2021; Мерзликина, 2021). В последние годы наблюдается существенная трансформация данной концепции, предполагающая расширение традиционного понимания умной специализации за счет включения аспектов межрегионального взаимодействия и формирования интегрированных пространственных систем (Лукин, 2022; Nikitaeva et al., 2022). Методологический инструментарий идентификации приоритетов умной специализации базируется на комплексном анализе отраслевой структуры региональных экономик, научно-технического потенциала территорий и институциональных условий инновационной деятельности, что особенно важно при адаптации данной концепции к российским условиям (Ефетин, Куценко, 2021).

Адаптация концепции умной специализации к институциональным особенностям российской региональной экономики требует учета специфики национальной инновационной системы, характеризующейся значительной ролью государственного сектора в финансировании научных исследований, пространственной фрагментацией инновационных процессов и существенной дифференциацией регионов по уровню инновационного развития (Королева, Бессонов, 2021; Ускова, Секушина, 2021). Интеграция принципов умной специализации в механизмы регионального стратегического планирования предполагает формирование адаптированной методологии выявления приоритетных направлений развития, учитывающей как глобальные технологические тренды, так и специфические характеристики региональных экономических систем (Meuer, 2021; Nikitaeva et al., 2022).

В современных исследованиях особое внимание уделяется роли университетов и научно-образовательных центров в формировании приоритетов умной специализации (Mascarenhas et al., 2021; Pinto, 2024). Университеты рассматриваются как ключевые участники процесса «предпринимательского открытия», обеспечивающие генерацию знаний, подготовку квалифицированных кадров и трансфер технологий в региональную экономику (Давыдова, 2022; Неборский, 2021), определяя в рамках научных исследований перспективные направления специализации (Aralica et al., 2022). Интенсификация взаимодействия университетов и бизнеса в контексте умной специализации способствует повышению инновационной активности региональных экономических систем и формированию устойчивых конкурентных преимуществ территорий (Усманов и др., 2021; Aksoy et al., 2022).

Особую значимость в контексте развития методологии умной специализации приобретает проблематика цифровизации как фактора трансформации структуры региональной экономики (Абрамов, Андреев, 2023; Зубарева, 2021), при этом внедрение цифровых технологий в различные отрасли способствует повышению производительности труда, оптимизации бизнес-процессов и формированию новых возможностей для инновационного развития территорий (Zhuravlev & Glukhov, 2021; Иноземцев, Линкина, 2022). Идентификация приоритетных направлений межрегионального сотрудничества в сфере цифровизации представляется важным элементом формирования интегрированных инновационных систем на основе принципов умной специализации (Булетова, Губин, 2023).

Многие исследования в области умной специализации акцентируют внимание на необходимости развития соответствующих навыков и компетенций для реализации приоритетов территориального развития (Буукуязісі, 2023). Анализ взаимосвязи между приоритетами умной специализации, структурой региональной экономики и компетенциями рабочей силы позволяет выявить потенциальные несоответствия между существующими и требуемыми навыками, что является важным аспектом планирования образовательных программ и политики занятости (Гайнанов, Мигранова, 2020; Исачкова и др., 2020).

Особую актуальность в контексте умной специализации приобретает проблематика трансрегионального взаимодействия и формирования интегрированных территориальных систем (Лукин, 2022; Осовин, 2021). Выявление и анализ межрегиональных цепочек создания стоимости позволяет идентифицировать перспективные направления кооперации территорий с различными типами специализации, что способствует повышению конкурентоспособности региональных экономических систем (Nomaler & Verspagen, 2024).

Анализ существующих методических подходов к оценке инновационного потенциала территорий (Кудряков, Федотова, 2024; Летягина, Перова, 2021; Мерзлякова и др., 2022) свидетельствует о преобладании дискретных моделей, рассматривающих регионы как изолированные единицы анализа без должного учета сетевых эффектов и пространственных зависимостей, что препятствует выявлению свойств региональных инновационных систем, возникающих в результате межтерриториальных взаимодействий.

Проведенный анализ исследовательской проблематики в сфере умной специализации свидетельствует о необходимости разработки комплексного методологического аппарата выявления территориальных кластеров и центров роста, учитывающего не только индивидуальные характеристики региональных инновационных систем, но и сетевые эффекты пространственных взаимодействий между ними (Крюков, Коломак, 2021).

Материалы и методы

Методика, используемая в настоящем исследовании, состоит из двух ключевых этапов: 1) расчета суммарного индекса потенциала умной специализации регионов; 2) анализа системы межрегиональной зависимости по показателям потенциала умной специализации.

В исследовании использовались данные официальной статистики (официальный сайт Росстата¹, Единая межведомственная информационно-статистическая система²), а также результаты оценки экспертами ВШЭ качества инновационной инфраструктуры регионов и регуляторной среды (Абашкин, 2021), анализ осуществлялся на основе данных за 2021 г. по 85 субъектам РФ.

В рамках первого этапа, исходя из имеющихся в наличии данных официальной статистики и экспертного сообщества, были отобраны показатели социально-экономического развития регионов, значимые для формирования умной специализации. Показатели сгруппированы в зависимости от факторов, определяющих потенциал умной специализации: развития науки, образования, рынка труда, внешнеэкономической деятельности и т. д. Указанные факторы, в свою очередь, были объединены в рамках факторов второго уровня и отнесены к категориям: «развитие инфраструктуры», «макрэкономические условия» и «государственное регулирование» (рис. 1).

Для определения значимости отдельных показателей и факторов была проведена процедура подтверждающего факторного анализа. Поскольку предварительный анализ данных показал, что по некоторым переменным распределение отличается от нормального, применялся метод диагонально-взвешенных наименьших квадратов (*Diagonally Weighted Least Squares*), рекомендованный для подобных случаев (Li, 2016).

Получены следующие значения параметров оценки: $CFI = 0,991$ (сравнительный индекс соответствия, пороговое значение $>0,9$), $TLI = 0,991$ (индекс Такера – Льюиса, пороговое значение $>0,9$), $RMSEA = 0,0215$ (среднеквадратическая ошибка аппроксимации, пороговое значение $<0,05$), что свидетельствует о высоком качестве факторной модели, на основе которой были рассчитаны субиндексы и индекс потенциала умной специализации в регионе. В качестве весовых коэффициентов были использованы абсолютные значения нормализованных факторных нагрузок, полученных в результате проведенного подтверждающего факторного анализа.

¹ Росстат. Официальный сайт. <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>

² Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://fedstat.ru/>

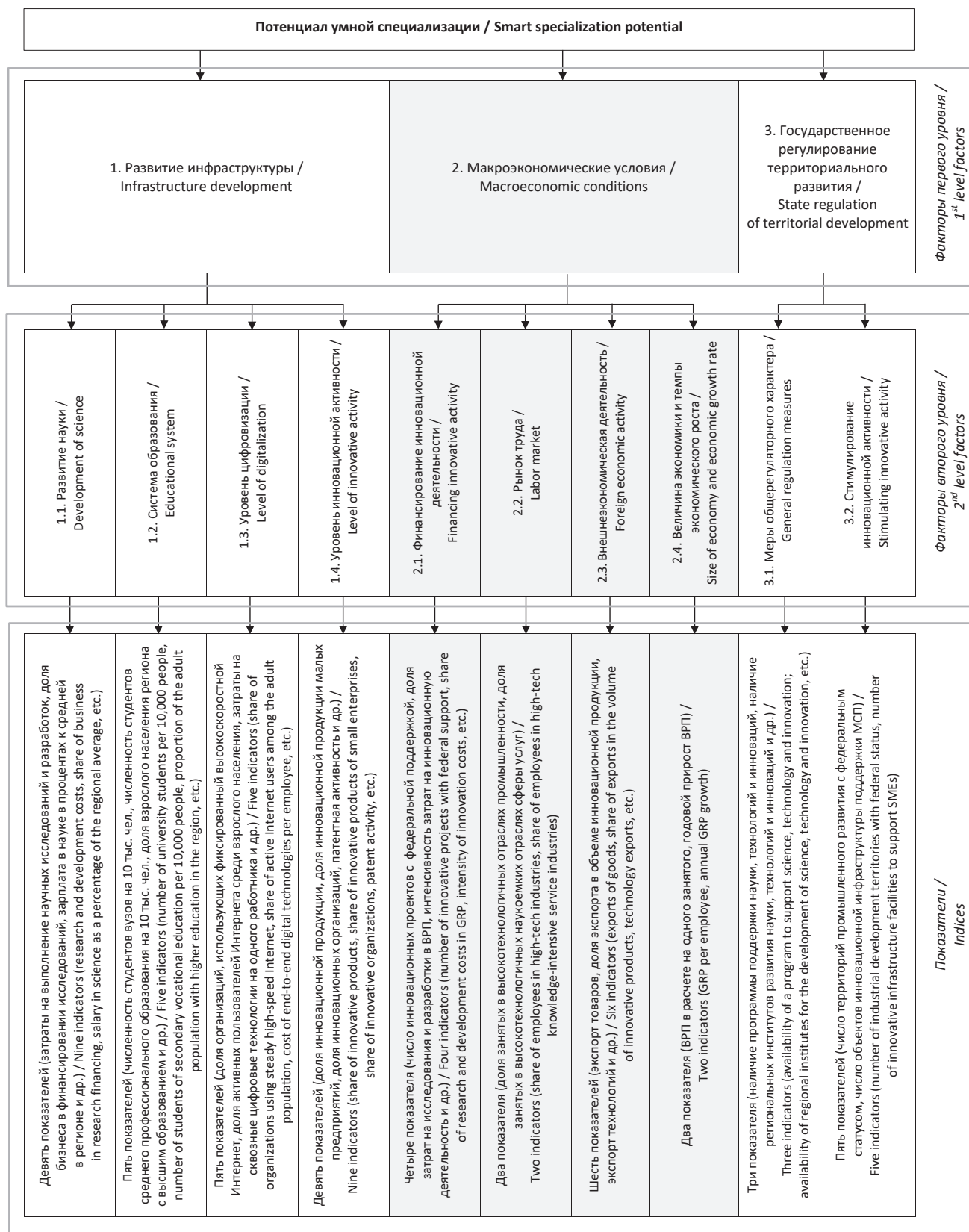

Рис. 1. Система показателей потенциала умной специализации регионов

Fig. 1. System of indicators of the regional smart specialization potential

Для расчета сводного индекса потенциала умной специализации использована следующая система формул.

1. Расчет интегрального индекса потенциала умной специализации регионов:

$$I = A + B + 0,95 \times C,$$

где A – субиндекс «Развитие инфраструктуры»; B – субиндекс «Макроэкономические условия»; C – субиндекс «Государственное регулирование территориального развития».

2. Субиндексы первого порядка.

2.1. Расчет субиндекса «Развитие инфраструктуры»:

$$A = 0,97 \times S + 0,84 \times E + D + 0,95 \times V,$$

где S – субиндекс научного потенциала; E – субиндекс образовательного потенциала; D – субиндекс цифровизации; V – субиндекс инновационной активности.

2.2. Расчет субиндекса «Макроэкономические условия»:

$$B = 0,85 \times F + L + 0,86 \times T + 0,2 \times G,$$

где F – субиндекс финансирования инноваций; L – субиндекс рынка труда; T – субиндекс внешнеэкономической деятельности; G – субиндекс величины экономики и роста.

2.3. Расчет субиндекса «Государственное регулирование территориального развития»:

$$C = R + 0,79 \times P,$$

где R – субиндекс мер регулирования; P – субиндекс стимулирования инноваций.

3. Субиндексы второго порядка:

3.1. Расчет субиндекса научного потенциала:

$$S = 0,6 \times s_1 + 0,35 \times s_2 + 0,22 \times s_3 + 0,67 \times s_4 + 0,52 \times s_5 + 0,35 \times s_6 + 0,22 \times s_7 + 0,58 \times s_8 + 0,2 \times s_9,$$

где s_1 – затраты на исследования и разработки на одного исследователя; s_2 – доля бизнеса в финансировании исследований; s_3 – зарплата в науке (% к средней по региону); s_4 – доля занятых в сфере исследований; s_5 – доля молодых исследователей; s_6 – доля исследователей с ученой степенью; s_7 – доля выпускников вузов, принятых в науку; s_8 – доля выпускников, принятых в аспирантуру; s_9 – публикационная активность.

3.2. Расчет субиндекса образовательного потенциала:

$$E = 0,69 \times e_1 + 0,06 \times e_2 + 0,24 \times e_3 + 0,3 \times e_4 + 0,07 \times e_5,$$

где e_1 – численность студентов вузов на 10 тыс. чел.; e_2 – численность студентов СПО на 10 тыс. чел.; e_3 – охват непрерывным образованием; e_4 – доля иностранных студентов; e_5 – доля взрослых с высшим образованием.

3.3. Расчет субиндекса цифровизации:

$$D = 0,81 \times d_1 + 0,3 \times d_2 + 0,22 \times d_3 + 0,27 \times d_4 + 0,14 \times d_5,$$

где d_1 – доля организаций с высокоскоростным Интернетом; d_2 – затраты на цифровые технологии на работника; d_3 – затраты на обучение цифровым навыкам; d_4 – затраты на ПО и базы данных; d_5 – доля активных пользователей Интернета.

3.4. Расчет субиндекса инновационной активности:

$$V = 0,48 \times v_1 + 0,23 \times v_2 + 0,23 \times v_3 + 0,68 \times v_4 + 0,61 \times v_5 + 0,61 \times v_6 + 0,8 \times v_7 + 0,64 \times v_8 + 0,33 \times v_9,$$

где v_1 – доля инновационной продукции; v_2 – инновации малых предприятий; v_3 – инновации с российскими разработками; v_4 – доля инновационных организаций; v_5 – доля малых инновационных предприятий; v_6 – техновооруженность исследователей; v_7 – патентная активность; v_8 – доля организаций с нематериальными активами; v_9 – приобретение прав на интеллектуальную собственность.

3.5. Расчет субиндекса финансирования инноваций:

$$F = 0,87 \times f_1 + 0,85 \times f_2 + 0,74 \times f_3 + 0,34 \times f_4,$$

где f_1 – число проектов с федеральной поддержкой; f_2 – объем федерального финансирования; f_3 – доля затрат на НИОКР в ВРП; f_4 – интенсивность затрат на инновации.

3.6. Расчет субиндекса рынка труда:

$$L = 0,63 \times l_1 + 0,64 \times l_2,$$

где l_1 – доля занятых в высокотехнологичной промышленности; l_2 – доля занятых в наукоемких услугах.

3.7. Расчет субиндекса внешнеэкономической деятельности:

$$T = 0,26 \times t_1 + 0,46 \times t_2 + 0,59 \times t_3 + 0,22 \times t_4 + 0,94 \times t_5 + 0,93 \times t_6,$$

где t_1 – экспорт товаров; t_2 – несырьевой экспорт; t_3 – экспорт услуг; t_4 – доля экспорта инновационной продукции; t_5 – патенты за рубежом; t_6 – экспорт технологий.

3.8. Формула для расчета субиндекса величины экономики и роста:

$$G = 0,19 \times g_1 + g_2,$$

где g_1 – ВРП на одного занятого; g_2 – годовой прирост ВРП.

3.9. Субиндекс мер общерегуляторного характера:

$$R = 0,4 \times r_1 + 0,4 \times r_2 + 0,67 \times r_3,$$

где r_1 – наличие закона о науке и инновациях; r_2 – наличие региональной программы поддержки; r_3 – наличие институтов развития.

3.10. Формула для расчета субиндекса стимулирования инноваций:

$$P = 0,47 \times p_1 + 0,56 \times p_2 + 0,78 \times p_3 + 0,56 \times p_4 + 0,28 \times p_5,$$

где p_1 – территории развития науки и технологий; p_2 – территории научно-образовательной деятельности; p_3 – территории инновационного развития; p_4 – территории промышленного развития; p_5 – объекты инфраструктуры поддержки малого бизнеса.

На основе значений сводного индекса и субиндексов, полученных с использованием предложенной методики, возможно не только проведение сравнительного анализа уровня инновационного развития регионов, но и выявление пространственных закономерностей межрегионального взаимодействия.

Для оценки пространственной автокорреляции использовался глобальный индекс Морана:

$$I = \frac{N}{\sum_i \sum_j w_{ij}} \times \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где I – глобальный индекс Морана; N – общее количество наблюдений; w_{ij} – элемент матрицы пространственных весов, соответствующий паре наблюдений i и j ; x_i и x_j – значения изучаемой переменной для наблюдений i и j ; $\bar{x}$ – среднее значение переменной.

Для выявления групп пространственно связанных территориальных объектов (территориальных кластеров) используется локальный индекс Морана (Anselin, 1995; Chen, 2013):

$$I_{Li} = \frac{N(x_i - \bar{x}) \sum_j w_{ij} (x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2},$$

где I_{Li} – локальный индекс Морана; N – общее количество наблюдений; w_{ij} – элемент матрицы пространственных весов, соответствующий паре наблюдений i и j ; x_i и x_j – значения изучаемой переменной для наблюдений i и j ; $\bar{x}$ – среднее значение переменной.

Индекс пространственной автокорреляции Морана (Anselin, 1988; Moran, 1948, 1950) определяет, в какой степени значение переменной (локализованное в пространственной системе координат) имеет сходство со значением этой же переменной, но локализованным в другой точке пространства. Показатель позволяет выяснить, распределены ли данные между пространственными единицами случайным образом (пространственно независимы) или имеются определенные закономерности. Индекс Морана может принимать значения в диапазоне от -1 до 1 , нулевое значение будет означать случайное распределение данных: чем ближе к единице, тем выше значение пространственной автокорреляции, положительные значения указывают на пространственную концентрацию похожих значений показателя. В этом отношении матрица смежности представляется более предпочтительным вариантом, хотя ряд исследователей с успехом применяют как метод построения весов с помощью обратных расстояний (Павлов, Королева, 2014; Патракова, 2021; Шаклеина, Шаклеин, 2022), так и матрицу смежности (Артамонов и др., 2021; Булярский и др., 2017; Мосалёв, 2022). Среди зарубежных исследований также успешно применяются оба указанных варианта расчета матрицы весов – как с использованием обратных расстояний (Castelli & Parenti, 2020; Chen, 2023; Wang и др., 2023), так и на основе смежности (Bautista-Hernández, 2020; Jackson et al., 2010).

В настоящем исследовании применялась бинарная матрица смежности, где веса принимают значение 1, если два региона имеют общую границу, и 0 в противном случае.

Дополнительная верификация результатов исследования проводилась с помощью метода «горячих точек» (Павлов, Королева, 2014), предусматривающего распределение территорий на четыре кластера в зависимости от соотношения значений локального индекса пространственной автокорреляции в конкретном регионе и средневзвешенного значения показателя в сопредельных территориях. Регионы включаются в кластер «горячие точки» (*HH*), если они демонстрируют высокие значения показателя и окружены территориями с аналогично высокими значениями; «высокие в холодном окружении» (*HL*) – при высоких собственных значениях показателя, но в окружении территорий с низкими значениями; «низкие в горячем окружении» (*LH*) – при низких собственных значениях показателя в окружении территорий с высокими значениями; «холодные точки» (*LL*) – если и сам регион, и его соседи характеризуются низкими значениями анализируемого показателя.

Расчеты проводились с использованием среды *Python* и инструментария библиотек *pandas* (*Python Data Analysis Library*, v. 2.2.0), *FactorAnalyzer* (v. 0.5.1) и *semopy* (*Structural Equation Models Optimization in Python* v.2), при предварительной оценке моделей применялся пакет *Mplus* (v.7), для оценки автокорреляции использовалась библиотека *PySAL* v. 2.3.5 в среде *Python*.

Авторская методика анализа трансрегиональных центров роста на основе умной специализации существенно отличается от других используемых методических подходов (Абашкин, 2021; Бабикова, Федосова, 2021; Волкова, Романюк, 2023; Мерзлякова, Гончаров, 2022). Ключевой особенностью является акцент на пространственное взаимодействие и группировку регионов с использованием пространственной автокорреляции, что позволяет выявить зависимости между потенциалом умной специализации соседних территорий и идентифицировать территориальные кластеры с высоким потенциалом инновационного развития. Интеграция факторного анализа с пространственным моделированием обеспечивает переход от статического ранжирования регионов к выявлению динамических взаимосвязей между территориями, позволяя сформировать многоуровневую классификацию центров роста.

Результаты

С использованием авторской методики для регионов РФ был рассчитан индекс потенциала умной специализации. Исходя из основных статистических характеристик массива полученных результатов (а также графического отображения в виде гистограммы), можно констатировать: значения индекса достаточно равномерно распределены вокруг среднего значения – 6,92 и медианы – 6,69 наряду с невысокими показателями асимметрии (0,30) и эксцесса (–0,04), распределение значений индекса достаточно близко к нормальному, что делает возможным использование этих данных для дальнейшего статистического анализа. Существенный размах значений индекса (минимум – 0,80, максимум – 14,29) в сочетании с высокими значениями показателя среднеквадратичного отклонения (2,73) и коэффициента вариации (39 %) позволяет констатировать наличие существенной территориальной дифференциации по потенциалу умной специализации между российскими регионами. Расчет статистических характеристик по всем субиндексам представлен в табл. 1.

Среди субиндексов максимальная дифференциация наблюдается по фактору «Рынок труда» (коэф. вариации – 69 %), минимальная – по фактору «Развитие инфраструктуры». Наиболее существенное отклонение медианы от среднего наблюдалось по фактору «Меры общерегуляторного характера».

К **лидерам** по значению факторов, определяющих потенциал умной специализации, можно отнести территории, где сводный индекс превысил значение 10, к этой группе в РФ можно отнести 12 регионов: Москву, Санкт-Петербург, Нижегородскую и Томскую области, Республику Татарстан, Московскую, Ульяновскую, Новосибирскую области, Пермский край, Самарскую, Калужскую и Свердловскую области. Это территории, претендующие на роль трансрегиональных центров умной специализации. **Примыкает к лидерам** группа регионов, где значения индекса выше 8, но не достигли 10: Тульская область, республики Башкортостан, Мордовия, Челябинская, Ростовская, Воронежская, Тюменская области, Красноярский край, Рязанская, Новгородская, Ярославская, Белгородская области, Чувашская Республика, Калининградская, Владимирская и Саратовская области. Перечисленные регионы, в зависимости от пространственных характеристик, могут являться центрами экономического роста на основе умной специализации либо относиться к ядру экономического роста, сформировавшегося вокруг центров (рис. 2, 3).

Таблица 1

**Основные статистические характеристики данных расчета субиндексов
и сводного индекса потенциала умной специализации по субъектам РФ, 2021 г.**

**Table 1. Key statistical characteristics of the calculation of subindexes
and composite index of smart specialization potential in the Russian Federation subjects, 2021**

Индекс и субиндексы* / Index and subindices*	Показатель / Indicator							Коэффициент вариации / Variation coefficient
	Среднее / Average	Стандартное откл. / Standard deviation	Мин. / Min	Макс. / Max	Медиан. / Median	Асим. / Asymmetry	Экссесс / Excess	
<i>I</i>	6,92	2,73	0,80	14,29	6,69	0,30	-0,04	0,39
<i>C</i>	1,65	0,82	0	3,56	1,55	0,20	-0,73	0,50
<i>B</i>	2,05	0,95	0,27	4,83	2,07	0,50	0,65	0,46
<i>A</i>	3,31	1,19	0,20	6,29	3,14	0,15	-0,12	0,36
<i>G</i>	0,40	0,16	0,05	1,07	0,37	1,17	3,27	0,41
<i>L</i>	0,33	0,23	0	0,82	0,29	0,51	-0,76	0,69
<i>P</i>	0,93	0,60	0	2,45	0,92	0,40	-0,54	0,64
<i>F</i>	0,79	0,40	0	2,18	0,76	0,91	2,46	0,51
<i>R</i>	0,91	0,44	0	1,46	0,79	-0,06	-0,94	0,48
<i>D</i>	0,49	0,19	0	1,15	0,48	0,09	1,32	0,39
<i>V</i>	1,72	0,67	0,19	3,34	1,72	-0,05	-0,49	0,39
<i>S</i>	0,78	0,42	0	1,78	0,74	0,45	-0,34	0,53
<i>T</i>	1,12	0,55	0,11	2,66	1,13	0,21	-0,05	0,50
<i>E</i>	0,50	0,18	0,05	1,08	0,49	0,35	1,08	0,35

I – интегральный индекс потенциала умной специализации; *C* – субиндекс «Государственное регулирование территориального развития»; *B* – субиндекс «Макроэкономические условия»; *A* – субиндекс «Развитие инфраструктуры»; *G* – субиндекс величины экономики и роста; *L* – субиндекс рынка труда; *P* – субиндекс стимулирования инноваций; *F* – субиндекс финансирования инноваций; *R* – субиндекс мер регулирования; *D* – субиндекс цифровизации; *V* – субиндекс инновационной активности; *S* – субиндекс научного потенциала; *T* – субиндекс внешнеэкономической деятельности; *E* – субиндекс образовательного потенциала.

I – integral index of smart specialization potential; *C* – subindex “State regulation of territorial development”; *B* – subindex “Macroeconomic conditions”; *A* – subindex “Infrastructure development”; *G* – subindex of economy size and growth; *L* – subindex of labor market; *P* – subindex of innovation promotion; *F* – subindex of funding innovations; *R* – subindex of regulatory measures; *D* – subindex of digitalization; *V* – subindex of innovative activity; *S* – subindex of scientific potential; *T* – subindex of foreign economic activity; *E* – subindex of educational potential.

Распределение лидеров (с индексом 10 и более) неравномерно по различным федеральным округам РФ (табл. 2), наибольшее количество таких территорий расположено в Приволжском федеральном округе (пять регионов), три региона – из Центрального ФО, два – из Сибирского ФО и по одному из Северо-Западного и Уральского. В Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах вообще не нашлось таких регионов, что подтверждает высокий уровень территориальной дифференциации, наблюдаемой как по субъектам РФ, так и федеральным округам.

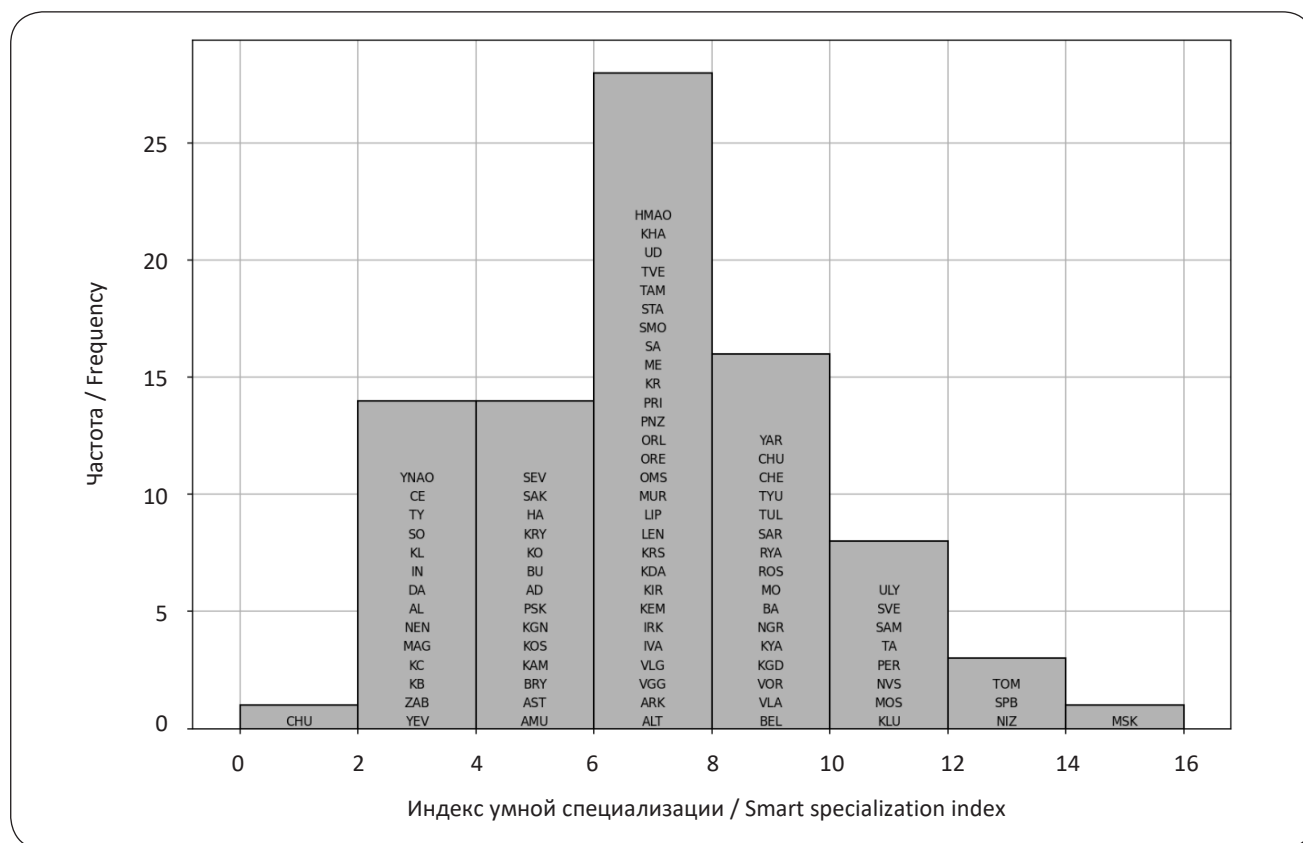

Рис. 2. Распределение индекса потенциала умной специализации в субъектах Российской Федерации, 2021 г.
Fig. 2. Distribution of the index of smart specialization potential in the Russian Federation subjects, 2021

AD – Республика Адыгея; AL – Республика Алтай; ALT – Алтайский край; AMU – Амурская область; ARK – Архангельская область; AST – Астраханская область; BA – Республика Башкортостан; BEL – Белгородская область; BRY – Брянская область; BU – Республика Бурятия; CE – Чеченская Республика; CHE – Челябинская область; CHU – Чувашская Республика; DA – Республика Дагестан; IN – Республика Ингушетия; IRK – Иркутская область; IVA – Ивановская область; KAM – Камчатский край; KB – Кабардино-Балкарская Республика; KC – Карачаево-Черкесская Республика; KDA – Краснодарский край; KEM – Кемеровская область; KGD – Калининградская область; KGN – Курганская область; KHA – Хабаровский край; HMAO – Ханты-Мансийский автономный округ; KIR – Кировская область; HA – Республика Хакасия; KL – Республика Калмыкия; KLU – Калужская область; KO – Республика Коми; KOS – Костромская область; KR – Республика Карелия; KRS – Курская область; KRY – Республика Крым; KYA – Красноярский край; LEN – Ленинградская область; LIP – Липецкая область; MAG – Магаданская область; ME – Республика Марий Эл; MO – Республика Мордовия; MOS – Московская область; MSK – Москва; MUR – Мурманская область; NEN – Ненецкий автономный округ; NGR – Новгородская область; NIZ – Нижегородская область; NVS – Новосибирская область; OMS – Омская область; ORE – Оренбургская область; ORL – Орловская область; PER – Пермский край; PNZ – Пензенская область; PRI – Приморский край; PSK – Псковская область; ROS – Ростовская область; RYA – Рязанская область; SA – Республика Саха (Якутия); SAK – Сахалинская область; SAM – Самарская область; SAR – Саратовская область; SO – Республика Северная Осетия – Алания; SEV – Севастополь; SMO – Смоленская область; SPB – Санкт-Петербург; STA – Ставропольский край; SVE – Свердловская область; TA – Республика Татарстан; TAM – Тамбовская область; TOM – Томская область; TUL – Тульская область; TVE – Тверская область; TY – Республика Тыва; TYU – Тюменская область; UD – Удмуртская Республика; ULY – Ульяновская область; VGG – Волгоградская область; VLA – Владимирская область; VLG – Вологодская область; VOR – Воронежская область; YNAO – Ямало-Ненецкий автономный округ; YAR – Ярославская область; YEV – Еврейская автономная область; ZAB – Забайкальский край.

AD – Republic of Adygea; AL – Republic of Altai; ALT – Altai territory; AMU – Amur region; ARK – Arkhangelsk region; AST – Astrakhan region; BA – Republic of Bashkortostan; BEL – Belgorod region; BRY – Bryansk region; BU – Republic of Buryatia; CE – Chechen Republic; CHE – Chelyabinsk region; CHU – Chuvash Republic; DA – Republic of Dagestan; IN – Republic of Ingushetia; IRK – Irkutsk region; IVA – Ivanovo region; KAM – Kamchatka territory; KB – Kabardino-Balkarian Republic; KC – Karachay-Cherkess Republic; KDA – Krasnodar territory; KEM – Kemerovo region; KGD – Kaliningrad region; KGN – Kurgan region; KHA – Khabarovsk territory; HMAO – Khanty-Mansiysk autonomous okrug; KIR – Kirov region; HA – Republic of Khakassia; KL – Republic of Kalmykia; KLU – Kaluga region; KO – Komi Republic; KOS – Kostroma region; KR – Republic of Karelia; KRS – Kursk region; KRY – Republic of Crimea; KYA – Krasnoyarsk territory; LEN – Leningrad region; LIP – Lipetsk region; MAG – Magadan region; ME – Republic of Mari El; MO – Republic of Mordovia; MOS – Moscow region; MSK – Moscow; MUR – Murmansk region; NEN – Nenets autonomous okrug; NGR – Novgorod region; NIZ – Nizhny Novgorod region; NVS – Novosibirsk region; OMS – Omsk region; ORE – Orenburg region; ORL – Oryol region; PER – Perm region; PNZ – Penza region; PRI – Primorsky territory; PSK – Pskov region; ROS – Rostov region; RYA – Ryazan region; SA – Republic of Sakha (Yakutia); SAK – Sakhalin region; SAM – Samara region; SAR – Saratov region; SO – Republic of North Ossetia-Alania; SEV – Sevastopol; SMO – Smolensk region; SPB – Saint Petersburg; STA – Stavropol territory; SVE – Sverdlovsk region; TA – Republic of Tatarstan; TAM – Tambov region; TOM – Tomsk region; TUL – Tula region; TVE – Tver region; TY – Republic of Tyva; TYU – Tyumen region; UD – Udmurt Republic; ULY – Ulyanovsk region; VGG – Volgograd region; VLA – Vladimir region; VLG – Vologda region; VOR – Voronezh region; YNAO – Yamalo-Nenets autonomous okrug; YAR – Yaroslavl region; YEV – Jewish autonomous region; ZAB – Trans-Baikal territory

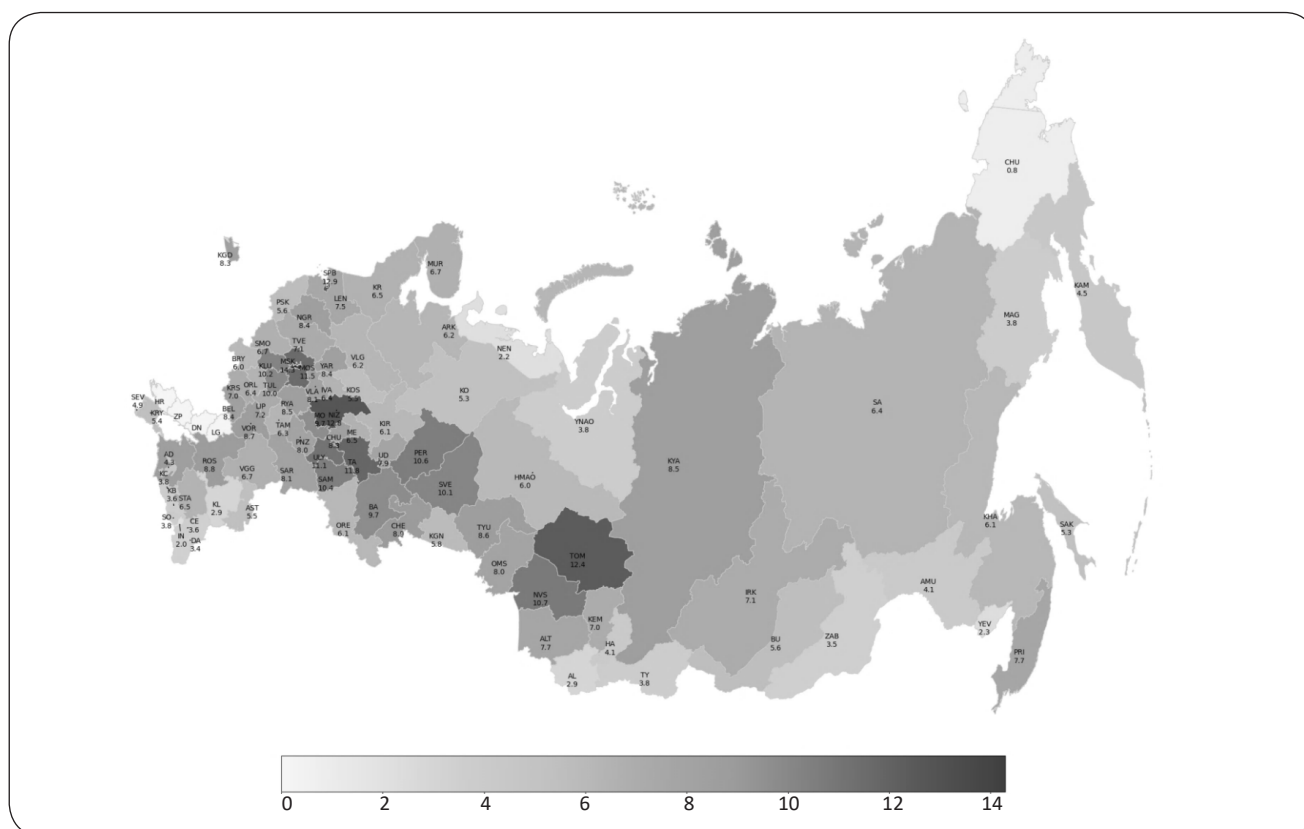

Рис. 3. Индекс потенциала умной специализации субъектов РФ, 2021 г.

Fig. 3. Index of smart specialization potential in the Russian Federation subjects, 2021

AD – Республика Адыгея; AL – Республика Алтай; ALT – Алтайский край; AMU – Амурская область; ARK – Архангельская область; AST – Астраханская область; BA – Республика Башкортостан; BEL – Белгородская область; BRY – Брянская область; BU – Республика Бурятия; CE – Чеченская Республика; CHE – Челябинская область; CHU – Чувашская Республика; DA – Республика Дагестан; DN – Донецкая область; HA – Республика Хакасия; HMAO – Ханты-Мансийский автономный округ; HR – Херсонская область; IN – Республика Ингушетия; IRK – Иркутская область; IVA – Ивановская область; KAM – Камчатский край; KB – Кабардино-Балкарская Республика; KC – Карачаево-Черкесская Республика; KDA – Краснодарский край; KEM – Кемеровская область; KGD – Калининградская область; KGN – Курганская область; KHA – Хабаровский край; KIR – Кировская область; KL – Республика Калмыкия; KLU – Калужская область; KO – Республика Коми; KOS – Костромская область; KR – Республика Карелия; KRS – Курская область; KRY – Республика Крым; KYA – Красноярский край; LEN – Ленинградская область; LG – Луганская область; LIP – Липецкая область; MAG – Магаданская область; ME – Республика Марий Эл; MO – Республика Мордовия; MOS – Московская область; MSK – Москва; MUR – Мурманская область; NEN – Ненецкий автономный округ; NGR – Новгородская область; NIZ – Нижегородская область; NVS – Новосибирская область; OMS – Омская область; ORE – Оренбургская область; ORL – Орловская область; PER – Пермский край; PNZ – Пензенская область; PRI – Приморский край; PSK – Псковская область; ROS – Ростовская область; RYA – Рязанская область; SA – Республика Саха (Якутия); SAK – Сахалинская область; SAM – Самарская область; SAR – Саратовская область; SEV – Севастополь; SMO – Смоленская область; SO – Республика Северная Осетия – Алания; SPB – Санкт-Петербург; STA – Ставропольский край; SVE – Свердловская область; TA – Республика Татарстан; TAM – Тамбовская область; TOM – Томская область; TUL – Тульская область; TVE – Тверская область; TY – Республика Тыва; TYU – Тюменская область; UD – Удмуртская Республика; ULY – Ульяновская область; VGG – Волгоградская область; VLA – Владимирская область; VLG – Вологодская область; VOR – Воронежская область; YNAO – Ямало-Ненецкий автономный округ; YAR – Ярославская область; YEV – Еврейская автономная область; ZAB – Забайкальский край; ZP – Запорожская область.

AD – Republic of Adygea; AL – Republic of Altai; ALT – Altai territory; AMU – Amur region; ARK – Arkhangelsk region; AST – Astrakhan region; BA – Republic of Bashkortostan; BEL – Belgorod region; BRY – Bryansk region; BU – Republic of Buryatia; CE – Chechen Republic; CHE – Chelyabinsk region; CHU – Chuvash Republic; DA – Republic of Dagestan; DN – Donetsk region; HA – Republic of Khakassia; HMAO – Khanty-Mansiysk autonomous okrug; HR – herson region; IN – Republic of Ingushetia; IRK – Irkutsk region; IVA – Ivanovo region; KAM – Kamchatka territory; KB – Kabardino-Balkarian Republic; KC – Karachay-Cherkess Republic; KDA – Krasnodar territory; KEM – Kemerovo region; KGD – Kaliningrad region; KGN – Kurgan region; KHA – Khabarovsk territory; KIR – Kirov region; KL – Republic of Kalmykia; KLU – Kaluga region; KO – Komi Republic; KOS – Kostroma region; KR – Republic of Karelia; KRS – Kursk region; KRY – Republic of Crimea; KYA – Krasnoyarsk territory; LEN – Leningrad region; LG – Lugansk region; LIP – Lipetsk region; MAG – Magadan region; ME – Republic of Mari El; MO – Republic of Mordovia; MOS – Moscow region; MSK – Moscow; MUR – Murmansk region; NEN – Nenets autonomous okrug; NGR – Novgorod region; NIZ – Nizhny Novgorod region; NVS – Novosibirsk region; OMS – Omsk region; ORE – Orenburg region; ORL – Oryol region; PER – Perm region; PNZ – Penza region; PRI – Primorsky territory; PSK – Pskov region; ROS – Rostov region; RYA – Ryazan region; SA – Republic of Sakha (Yakutia); SAK – Sakhalin region; SAM – Samara region; SAR – Saratov region; SEV – Sevastopol; SMO – Smolensk region; SO – Republic of North Ossetia–Alania; SPB – Saint Petersburg; STA – Stavropol territory; SVE – Sverdlovsk region; TA – Republic of Tatarstan; TAM – Tambov region; TOM – Tomsk region; TUL – Tula region; TVE – Tver region; TY – Republic of Tyva; TYU – Tyumen region; UD – Udmurt Republic; ULY – Ulyanovsk region; VGG – Volgograd region; VLA – Vladimir region; VLG – Vologda region; VOR – Voronezh region; YNAO – Yamalo-Nenets autonomous okrug; YAR – Yaroslavl region; YEV – Jewish autonomous region; ZAB – Trans-Baikal territory; ZP – Zaporozhie region.

Таблица 2

Распределение регионов с высоким потенциалом умной специализации по федеральным округам РФ
Table 2. Distribution of the regions with high smart specialization potential by the Russian federal districts

№	Федеральный округ / Federal district	Субъекты РФ со значением индекса потенциала умной специализации >10 / Russian Federation subjects with the index of smart specialization potential >10
1	Центральный / Central	Калужская область, Московская область, г. Москва / Kaluga region, Moscow region, Moscow
2	Северо-Западный / North-West	г. Санкт-Петербург / Saint Petersburg
3	Южный / South	–
4	Северо-Кавказский / North-Caucasian	–
5	Приволжский / Volga	Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская, Самарская, Ульяновская области / Republic of Tatarstan, Perm region, Nizhny Novgorod region, Samara region, Ulyanovsk region
6	Уральский / Ural	Свердловская область / Sverdlovsk region
7	Сибирский / Siberia	Новосибирская, Томская области / Novosibirsk region, Tomsk region
8	Дальневосточный / Far East	–

Отставание территорий Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного округов по уровню инновационного развития, к сожалению, носит хронический характер. В исследовании А. К. Луковцевой (2011), анализирующей параметры инновационного потенциала по данным 2000 и 2009 гг., территории перечисленных выше округов также отмечаются среди наиболее отстающих по таким показателям, как число организаций, выполняющих исследования и разработки; удельный вес организаций, выполняющих инновационную деятельность; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; численность исследователей с учеными степенями, затраты на НИОКР и затраты на технологические инновации. По мнению Луковцевой, среди причин неэффективного использования инновационного потенциала в отстающих округах, в частности Южном, – доминирование инвестиций в сырьевые отрасли (другие части экономики оказываются недостаточно конкурентоспособны по финансовым результатам), нескоординированность инновационных структур (в том числе дублирование функций отраслевых и вузовских подразделений, отсутствие эффективного взаимодействия власти, науки и бизнеса в инновационной сфере, недостаточное развитие инновационной инфраструктуры). К сожалению, большинство из указанных проблем остаются актуальными. С. В. Губарьков и Е. С. Тихомирова, рассматривая состояние инновационной среды в регионах Дальневосточного федерального округа, отмечают «слабую степень развития данного направления, несмотря на активную государственную инвестиционную политику и привлечение инвесторов в регион» (Губарьков, Тихомирова, 2020), перспективы решения проблем авторы также видят в развитии инновационной инфраструктуры, расширении стимулирующих мер со стороны государства и повышении качества инновационной политики регионов.

При анализе результатов расчета индекса потенциала умной специализации просматривается значительная неоднородность регионов РФ по данному показателю и достаточно выраженная группировка территорий с высокими значениями индекса (более 8) вокруг регионов-лидеров. Выделяются группы регионов с более высокими значениями индекса в Северо-Западном, Центральном ФО, две группы в Приволжском, Уральском (с частью территории Приволжского ФО) и в Сибирском ФО. Для подтверждения гипотезы о территориальной кластеризации по потенциалу умной специализации был проведен анализ пространственной автокорреляции (табл. 3).

Как следует из данных табл. 3, расчет показывает значительную положительную автокорреляцию, z -статистика и p -значение подтверждают статистическую значимость, следовательно, можно констатировать, что в РФ наблюдается существенное трансрегиональное влияние по факторам, определяющим потенциал умной специализации, гипотезу о наличии территориальной кластеризации по рассматриваемому признаку следует считать подтвержденной.

Таблица 3

Расчет и оценка значимости глобального индекса Морана (по индексу потенциала умной специализации, субъекты РФ, 2021)

Table 3. Calculation and assessment of the global Moran index (by the smart specialization potential index, Russian Federation subjects, 2021)

Показатель / Indicator	Значение / Value
Глобальный индекс Морана / Global Moran's index	0,457
z-статистика / z-statistic	6,044
p-значение / p-value	< 0,001

Визуализация пространственной автокорреляции представлена на диаграмме рассеяния, где четко замечен тренд, положительный наклон линии тренда (соответствует значению рассчитанного индекса Морана) свидетельствует о наличии прямой зависимости значений индекса потенциала умной специализации в территориально близких субъектах РФ.

Для уточнения состава и границ ядер умной специализации для каждого из анализируемых субъектов РФ был рассчитан локальный индекс Морана. Визуализация расчетов локального индекса Морана по субъектам РФ представлена на рис. 4.

Из диаграммы (рис. 4) следует, что для регионов с потенциалом умной специализации (в соответствии с рассчитанным ранее индексом) выше средних значений характерна прямая зависимость со значениями локального индекса Морана – иными словами, чем выше потенциал умной специализации, тем существеннее территориальное взаимовлияние в рассматриваемой сфере. Однако для территорий от значений индекса потенциала умной специализации ниже среднего значения по стране зависимость обратная: по этим территориям либо не наблюдается существенного взаимодействия в научно-технической сфере с соседями, либо такое взаимодействие носит неоднозначный характер. Соответственно, трансрегиональные центры экономического роста на основе умной специализации следует искать среди территорий с высоким значением индекса потенциала умной специализации – чем выше это значение, тем выше вероятность положительного влияния на рост потенциала умной специализации в соседних территориях (это подтверждается более высокими положительными значениями локального индекса Морана), что наиболее характерно, для территорий со значениями индекса потенциала умной специализации от 10 и выше. Среди территорий со значениями индекса умной специализации от 8 до 10 также имеются регионы, существенно влияющие на развитие соседей, но нужно дополнительно обращать внимание на значение локального индекса Морана – для некоторых из этих территорий указанный показатель принимает значение 0 или ниже, их следует исключить из перечня центров роста, положительно влияющих на развитие сопредельных регионов. В итоге можно выделить две категории трансрегиональных центров роста умной специализации – лидеры со значениями потенциала умной специализации от 10 и более (трансрегиональные центры роста первого порядка) и территории, имеющие более скромный потенциал умной специализации (значение индекса от 8 (включительно) до 10), но также способные положительно повлиять на процессы умной специализации в соседних территориях (центры экономического роста второго порядка). Наконец, имеется группа регионов, которые имеют среднее значение потенциала умной специализации (значение индекса от 6 (включительно) до 8) и находятся в зоне влияния центров первого или (и) второго порядка. В состав подобных территорий можно отнести смежные группы регионов, часть из которых имеют общие границы с центрами роста первого или второго порядка. Регионы всех указанных типов образуют ядро умной специализации в стране. Критерии классификации территорий для включения в ядро умной специализации, резюмирующее вышесказанное, представлены в табл. 4.

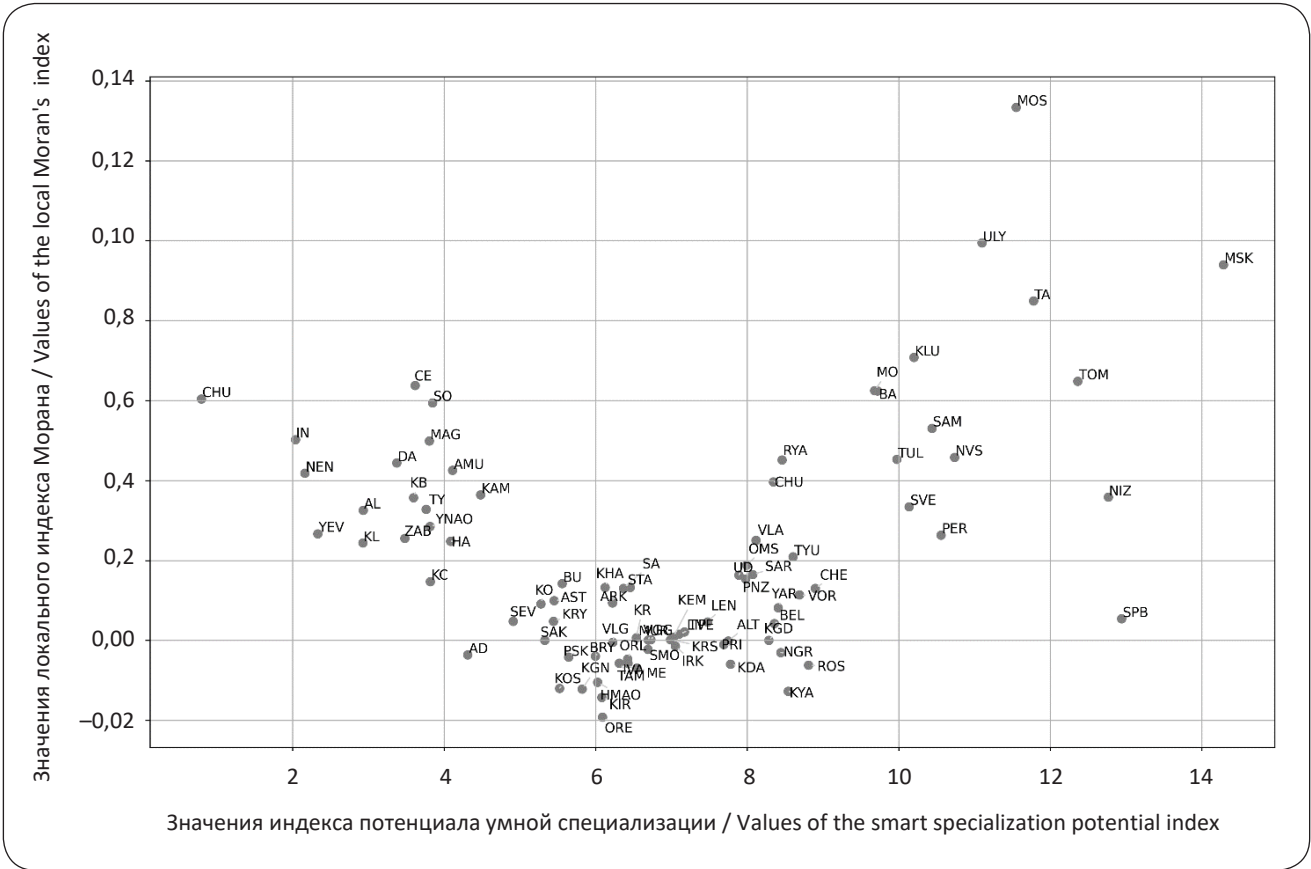

Рис. 4. Диаграмма рассеяния по значениям локального индекса Морана и индекса потенциала умной специализации по субъектам РФ (2021)

Примечание: условные обозначения регионов – см. рис. 2.

Fig. 4. Scattering diagram according to the local Moran index and the smart specialization potential index by the Russian Federation subjects (2021)

Note: symbols of the regions are shown in Fig. 2.

Таблица 4

Критерии включения территорий в состав ядра умной специализации
Table 4. Criteria for including territories into the smart specialization core

№	Тип территории в составе ядра / Type of the territory in the core	Индекс потенциала умной специализации / Smart specialization potential index	Локальный индекс Морана / Local Moran index	Иные условия / Other conditions
1	Центры роста первого порядка / 1 st order growth centers	≥ 10	> 0	–
2	Центры роста второго порядка / 2 nd order growth centers	$8 \leq x < 10$	> 0	–
3	Иные территории в составе ядра (зона влияния центров первого и второго порядка) / Other territories in the core (zone of influence of the 1st and 2nd order growth centers)	$6 \leq x < 8$	–	Смежные границы с другими территориями в составе ядра / Adjacent borders with other territories in the core

В соответствии с указанными критериями автором выделены центры роста первого, второго порядка и иные территории в составе ядра умной специализации (см. Приложение).

Большинство центров роста первого порядка смыкаются в локальные кластеры, взаимно усиливая потенциал умной специализации (рис. 5), исключениями здесь являются только Санкт-Петербург и Нижегородская область, причем в большинстве случаев в подобном кластере оказываются регионы с различными типами специализации. Так, Москва, Московская и Калужская области образуют территориальный кластер, характеризующийся высокой концентрацией обрабатывающих производств, интенсивным развитием сферы операций с недвижимым имуществом, а также значительным потенциалом в области информационных технологий, финансово-страховой и научно-технической деятельности; Татарстан, Ульяновская и Самарская области формируют кластер, в структуре экономики которого преобладают добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, а также водоснабжение и водоотведение; Пермский край и Свердловская область представляют собой кластер с доминированием добывающей промышленности и обрабатывающих производств при высоких показателях развития системы водоснабжения и электроэнергетики; Томская и Новосибирская области образуют кластер с выраженной специализацией на добыче полезных ископаемых, транспортно-логистической деятельности при одновременно высоком уровне развития социальной и сервисной инфраструктуры.

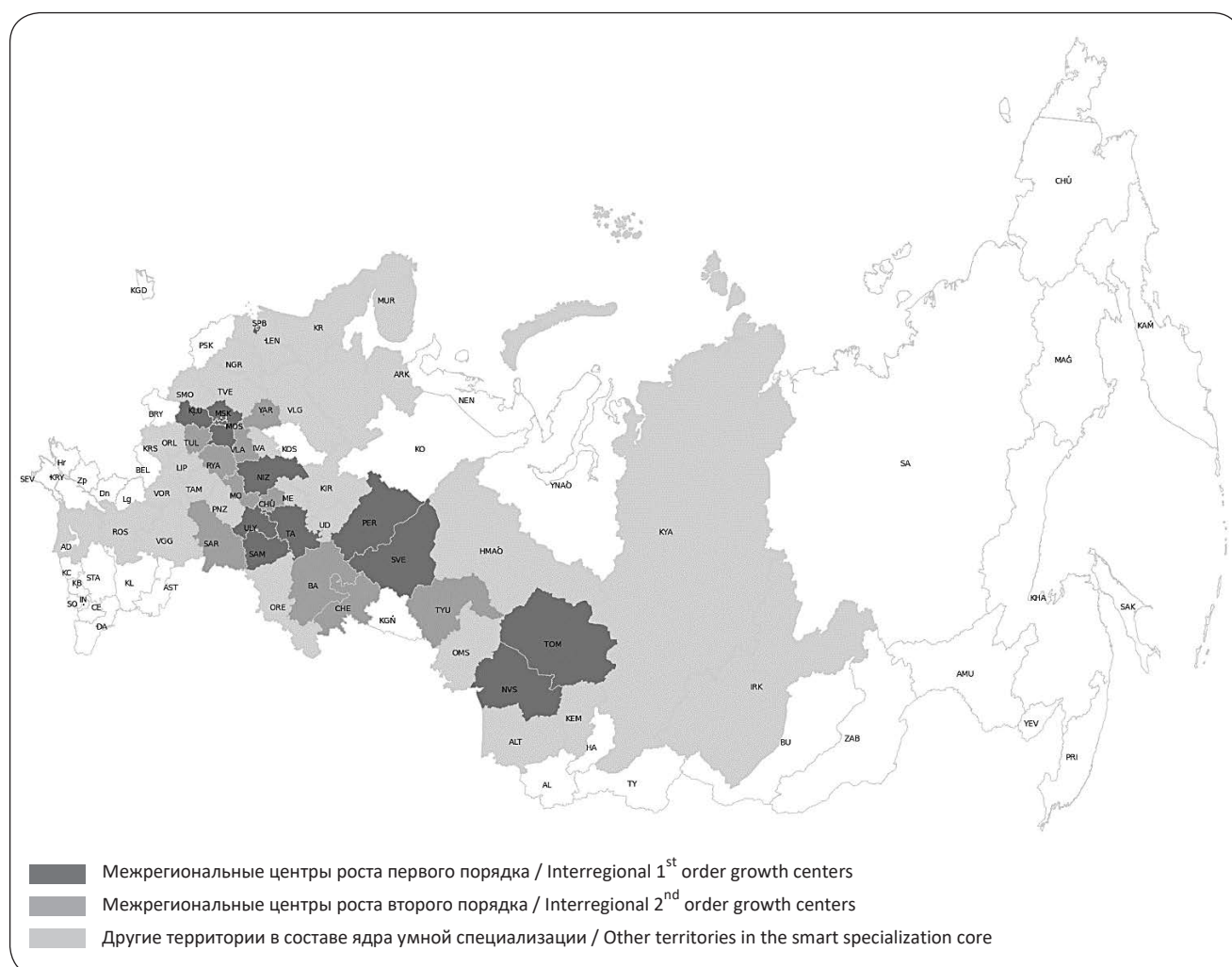

Рис. 5. Субъекты РФ в составе ядра умной специализации (2021)

Примечание: условные обозначения регионов – см. рис. 3.

Fig. 5. Russian Federation subjects in the smart specialization core (2021)

Note: symbols of the regions are shown in Fig. 3.

Наличие регионов различного типа в составе кластера способствует в результате межрегиональных связей усилению экономического потенциала регионов, предоставляя доступ к необходимым ресурсам, финансовым активам, товарам и услугам. Вместе с центрами роста второго порядка образуется макрокластер в составе Москвы, Московской, Ульяновской, Самарской, Томской, Калужской, Свердловской, Новосибирской, Нижегородской, Саратовской, Рязанской, Ярославской, Воронежской, Белгородской, Владимирской, Тульской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, республик Татарстан, Мордовия, Башкортостан и Чувашия, к которому тесно примыкает кластер Новосибирской и Томской областей. Наличие подобных структур дополнительно подтверждает гипотезу о существенном взаимовлиянии территорий при формировании потенциала умной специализации. Из состава центров роста первого порядка наиболее слабое влияние на сопредельные территории наблюдается у Санкт-Петербурга – даже в непосредственно примыкающей ко второй столице Ленинградской области индекс потенциала умной специализации лишь немного выше среднего уровня по стране, что может быть обусловлено как особенностями экономического развития и специализации Санкт-Петербурга, стимулирующими межтерриториальные взаимодействия прежде всего в сфере транспорта и логистики, так и «эффектом тени», когда наиболее перспективные кадры и наукоемкие производства концентрируются в Петербургской агломерации, приводя к оттоку населения, ресурсов из сопредельных территорий и снижая их конкурентоспособность (подобный эффект в Китае отмечен в исследовании Ю. Чжэнь (Zhen et al., 2023)).

Проведем дополнительную верификацию исследования методом «горячих точек» на основе сопоставления рассчитанных ранее значений локального индекса Морана (табл. 5).

Таблица 5

Анализ регионов методом горячих точек ($p < 0,1$)
Table 5. Analysis of region using hot point technique ($p < 0.1$)

Тип кластера / Cluster type	Регионы / Regions
Горячие точки (НН) / Hot points (НН)	Республика Татарстан, Московская, Ульяновская, Новосибирская, Самарская, Тульская области, республики Башкортостан, Мордовия, Тюменская, Рязанская области, Чувашская Республика, Владимирская, Саратовская, Омская, Пензенская области, Удмуртская Республика / Republic of Tatarstan, Moscow region, Ulyanovsk, Novosibirsk, Samara, Tula regions, Republic of Bashkortostan, Republic of Mordovia, Tyumen, Ryazan regions, Chuvash Republic, Vladimir, Saratov, Omsk, Penza regions, Udmurt Republic
Горячие в холодном окружении (НЛ) / Hot in a cold environment (НЛ)	Ростовская, Калининградская области / Rostov, Kaliningrad regions
Холодные в горячем окружении (ЛН) / Cold in a hot environment (ЛН)	Курганская, Кировская, Оренбургская, Ивановская области, Республика Марий Эл / Kurgan, Kirov, Orenburg, Ivanovo regions, Republic of Mari El
Холодные точки (ЛЛ) / Cold points (ЛЛ)	Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Магаданская область, Республика Северная Осетия – Алания, Амурская область, Камчатский край, Сахалинская область, Республика Крым, Хабаровский край, Республика Саха, Ставропольский край / Republic of Ingushetia, Chechen Republic, Magadan region, Republic of North Ossetia-Alania, Amur region, Kamchatka territory, Sakhalin region, Republic of Crimea, Khabarovsk territory, Republic of Sakha, Stavropol territory

Состав кластера горячих точек (НН) в значительной степени совпадает с центрами роста первого и второго порядка. Регионы – Республика Татарстан, Московская, Ульяновская области и другие – подтверждают статус трансрегиональных центров, положительно влияющих на соседние территории. Кроме того, в данном кластере оказались и некоторые регионы, отнесенные ранее к центрам роста второго порядка (Республика Башкортостан, Тульская область и др.), что также согласуется с предложенной выше методикой.

Регионы категории НЛ – Ростовская и Калининградская области, – обладая высоким потенциалом умной специализации, не оказывают существенного влияния на сопредельные территории, что связано, прежде всего, с географическими факторами (эксклавное расположение Калининградской области, приграничное положение Ростовской области). Данные регионы могут рассматриваться как локальные инновационные центры, требующие стимулирующих мер для усиления интеграционного потенциала.

Регионы кластера *LH* (Курганская, Кировская, Оренбургская, Ивановская области и Республика Марий Эл) демонстрируют низкий потенциал умной специализации вопреки близости к центрам роста, соответственно, в данном случае механизмы межрегионального трансфера технологий работают неэффективно ввиду наличия структурных барьеров, препятствующих диффузии инноваций. К подобным барьерам можно отнести несоответствие отраслевой структуры экономики данных регионов приоритетным направлениям развития смежных центров роста, недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры, слабую институциональную среду для поддержки предпринимательской активности, дефицит квалифицированных кадров, способных воспринимать и адаптировать новые технологические решения, а также низкую абсорбционную способность региональных производственных систем для внедрения инноваций. Соответственно, требуются дополнительные меры поддержки территорий данного кластера для интеграции с центрами роста на основе умной специализации и включения в территориальный каркас инновационного развития.

Холодные точки (*LL*) – Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Магаданская область и другие – характеризуются низким потенциалом умной специализации и окружены территориями с аналогичными характеристиками. Наличие обширных зон с низким инновационным потенциалом подтверждает высокую территориальную дифференциацию среди регионов РФ и указывает на необходимость специальных механизмов стимулирования для содействия постепенному расширению территориального ядра умной специализации.

Результаты верификации методом «горячих точек» подтверждают пространственные закономерности формирования территориальных инновационных кластеров и валидность разработанной методики идентификации трансрегиональных центров роста, повышая достоверность выводов и обеспечивая комплексное понимание трансрегионального взаимодействия территорий.

Обсуждение и выводы

Результаты проведенного исследования демонстрируют существенную зависимость между потенциалами умной специализации соседних территориальных единиц, что особенно отчетливо прослеживается вокруг регионов – лидеров научно-технологического развития. В ходе анализа удалось структурировать территориальную основу ядра умной специализации Российской Федерации, выделив: регионы-лидеры (центры роста первого порядка), территории со средними показателями потенциала (центры роста второго порядка) и прочие территориальные единицы в составе ядра, находящиеся в зоне влияния центров роста. Выявленные центры роста, как правило, формируют пространственные кластеры, способствующие взаимному усилению потенциала посредством межрегиональных взаимодействий и связей.

Была проведена эмпирическая верификация трех исследовательских гипотез. Во-первых, предположение о наличии пространственной зависимости между субъектами Российской Федерации по индикаторам потенциала умной специализации подтверждается значением глобального индекса Морана (0,457) при высоком уровне статистической достоверности ($p < 0,001$), что свидетельствует о существовании устойчивых территориальных закономерностей в распределении инновационного потенциала регионов. Во-вторых, гипотеза о формировании территориальных кластерных образований с положительными эффектами для прилегающих территорий верифицируется посредством расчета локальных индексов Морана, которые доказывают, что регионы с высоким потенциалом умной специализации, как правило, оказывают положительное воздействие на инновационную траекторию развития сопредельных территорий. Третья гипотеза, касающаяся взаимного усиления инновационного потенциала территориальных кластеров за счет диверсификации отраслевого профиля и диффузии инноваций, подтверждается идентифицированной в ходе исследования структурной композицией территориальных кластеров, интегрирующих регионы с различной отраслевой специализацией при сохранении целостности научно-образовательного пространства.

Особого внимания заслуживает феномен взаимодополняемости компетенций и ресурсного потенциала в выявленных территориальных скоплениях. К примеру, анализ структуры экономической специализации регионов, входящих в территориальные кластеры, демонстрирует, что наиболее высокие показатели инновационного развития наблюдаются в тех группах территорий, где присутствует разнообразие отраслевых компетенций при одновременном наличии взаимодополняющих элементов научно-образовательной инфраструктуры, что создает предпосылки преодоления так называемого ресурсного проклятья (Капица, 2014) отдельных регионов, поскольку интеграция территориальных инновационных систем на основе умной специализации способ-

ствует трансформации структуры региональной экономики через диверсификацию производства и развитие секторов с высокой добавленной стоимостью (Саблин, Кислицын, 2018), нивелируя негативные эффекты сырьевой зависимости и формируя институциональные механизмы устойчивого инновационного развития.

Механизмы трансфера знаний и технологий между центрами роста различного порядка и территориями, входящими в их зону влияния, характеризуются значительной гетерогенностью и детерминированы как институциональными особенностями региональных инновационных систем, так и структурными характеристиками экономики. Интенсивность трансрегионального инновационного взаимодействия в значительной степени определяется наличием сформированных коммуникационных каналов между научно-образовательными организациями, что актуализирует необходимость развития соответствующих институциональных механизмов координации научно-исследовательской деятельности на межрегиональном уровне. Для территорий, идентифицированных как центры роста первого порядка, приоритетное значение приобретает формирование институциональных механизмов распространения инноваций и трансфера технологий в прилегающие регионы, в то время как для территорий, входящих в зону влияния центров роста, ключевым направлением является адаптация передовых технологических решений с учетом специфики региональной экономики и формирование инфраструктуры, обеспечивающей интеграцию в межрегиональные инновационные экосистемы.

Отдельного внимания заслуживает выявленный в рамках исследования «эффект тени», проявляющийся в неравномерном распространении инновационного потенциала в территориальном окружении отдельных центров роста, в частности, Санкт-Петербурга (Гордеев и др., 2017). Сравнительный анализ с аналогичными феноменами, наблюдаемыми в других странах, в частности в Китае (Zhen et al., 2023), позволяет констатировать, что концентрация научно-технического потенциала в отдельных агломерациях может приводить к оттоку квалифицированных кадров и ресурсов из прилегающих территорий, снижая их инновационный потенциал. Данная закономерность требует разработки специализированных механизмов регионального выравнивания, направленных на преодоление негативных эффектов пространственной концентрации инновационной активности.

Разработанная методика выявления трансрегиональных центров роста на основе умной специализации позволяет идентифицировать территориальные кластеры с высоким потенциалом межрегионального взаимодействия и формировать дифференцированные меры государственной поддержки с учетом роли регионов в пространственной системе инновационных связей, что может быть использовано при подготовке стратегических документов федерального и регионального уровня, а также разработке мер региональной политики, нацеленных на укрепление формирующихся территориальных кластеров в составе ядра умной специализации РФ.

Список литературы

- Абашкин, В. Л., Абдрахманова, Г. И., Бредихин, С. В. и др. (2021). *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации* (Вып. 7). Москва: НИУ ВШЭ.
- Абрамов, В. И., Андреев, В. Д. (2023). Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 89–119. EDN: JOKUIR. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119
- Абрамов, В. И., Лаврентьев, И. А., Гремпель, В. О. (2022). Роль инноваций и стартапов в развитии экосистем. *Экономические науки*, 210, 97–100. EDN: BPOPZE. DOI: 10.14451/1.210.97
- Акбердина, В. В., Романова, О. А. (2021). Региональные аспекты индустриального развития: Обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования. *Экономика региона*, 17(3), 714–736. EDN: MPMMTQ. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1
- Артамонов, Н. В., Курбацкий, А. Н., Халимов, Т. М. (2021). Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов Российской Федерации. *Terra Economicus*, 19(2), 77–90. EDN: KJRGDA. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-77-90
- Афанасьев, А. А. (2022). Технологический суверенитет: Основные направления политики по его достижению в современной России. *Вопросы инновационной экономики*, 12(4), 2193–2212. EDN: GKXYMJ. DOI: 10.18334/vinec.12.4.116433
- Бабикина, А. В., Федосова, Т. В. (2021). Реверсивная модель инновационной экосистемы как инструмент интенсификации регионального технологического развития. *Экономика, предпринимательство и право*, 11(6), 1317–1332. EDN: LQOLCA. DOI: 10.18334/ep.11.6.112228

- Бабкин, А. В., Либерман, И. В., Клячек, П. М., Шкарупета, Е. В. (2025). Индустрия 6.0: Методология, инструментарий, практика. *п-Есопоту*, 18(1), 21–56. EDN: DIIDPP. DOI: 10.18721/JE.18102
- Батракова, Л. Г. (2021). Особенности постиндустриальной экономики и перспективы ее развития в регионах России. *Социально-политические исследования*, 58–69. EDN: FQVKEF. DOI: 10.20323/2658-428X-2021-1-10-58-69
- Булетова, Н. Е., Губин, А. М. (2023). Моделирование межрегиональных интеграционных процессов: Кластерный подход в условиях цифровизации. *Вопросы инновационной экономики*, 13(1), 521–534. EDN: UNBEHD. DOI: 10.18334/vines.13.1.117060
- Булярский, С. В., Сеницын, А. О., Цыганцов, А. В. (2017). Модель взаимодействия участников экономического кластера. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*, 1(57), 180–187. EDN: YIJHRT. DOI: 10.24147/1812-3988.2017.1.180-187
- Волкова, Н., Романюк, Э. (2023). Рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 2, 50–72. EDN: QBNXNT. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_50_72
- Гайнанов, Д. А., Мигранова, Л. И. (2020). Трансформация региональных рынков образовательных услуг и труда в условиях цифровой экономики. *Региональная экономика: теория и практика*, 8(479), 1430–1448. EDN: KQAOET. DOI: 10.24891/re.18.8.1430
- Голова, И. М. (2022). Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ. *Экономика региона*, 18(4), 1062–1074. EDN: FWFWSG. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-7
- Гордеев, В., Магомедов, Р., Михайлова, Т. (2017). Агломерационные эффекты в промышленности России. *Экономическое развитие России*, 24(8), 19–20. EDN: ZDPKJH
- Губарьков, С. В., Тихомирова, Е. С. (2020). Современное состояние и перспективы развития инновационной среды в субъектах Дальневосточного федерального округа. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 1(90), 79–87. EDN: KZOYTV. DOI: 10.24866/1815-0683/2020-1/79-87
- Давыдова, Т. Е. (2022). Предикторы успешного развития университета в инновационной экосистеме. *Организатор производства*, 30(1), 158–169. EDN: PBWYJK. DOI: 10.36622/VSTU.2022.12.19.015
- Деттерев, Д. А., Рамич, М. С., Цвык, А. В. (2021). США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 210–231. EDN: PXYZEE. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
- Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. (2024). Стратегия пространственного развития России: Векторы обновления. *Географический вестник*, 1(68), 15–26. EDN: IVYTNO. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26
- Ефери, Я. Ю., Куценко, Е. С. (2021). Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3, 75–110. EDN: FVNNBQ
- Земцов, С. П. (2022). Технологическое предпринимательство как фактор развития России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1(53), 212–223. EDN: LZWPSL. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-11
- Земцов, С. П., Барина, В. А. (2016). Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: От выравнивания к «умной специализации». *Вопросы экономики*, 10, 65–81. EDN: WQSXDR. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81
- Земцов, С. П., Демидова, К. В., Кичаев, Д. Ю. (2022). Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: Тенденции, факторы и влияние пандемии. *Балтийский регион*, 14(4), 57–78. EDN: LDZLAY. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-4
- Зубарева, Ю. В. (2021). Цифровая трансформация АПК - как элемент устойчивого развития региона. *International Agricultural Journal*, 64(5). EDN: VBZSHD. DOI: 10.24412/2588-0209-2021-10369
- Иноземцев, С. А., Линкина, А. В. (2022). Экономический и социальный эффект цифровой трансформации. *Вестник Воронежского института высоких технологий*, 1(40), 155–158. EDN: QQFZNK
- Исачкова, Л. Н., Жминько, Н. С., Стоякин, В. Ю. (2020). Системный подход к моделированию рынка труда. *Вестник Академии знаний*, 41(6), 137–141. EDN: IZRNDY. DOI: 10.24412/2304-6139-2020-10776
- Капица, Л. М. (2014). Природные ресурсы и социально-экономический прогресс. *Вестник МГИМО – Университета*, 4(37), 168–186. EDN: SUCLXF
- Климанов, В. В., Казакова, С. М., Яговкина, В. А. (2021). Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления. *Регионология*, 29(2(115)), 250–282. EDN: DRDSQO. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282
- Королева, Е. Н., Бессонов, И. С. (2021). Обоснование стратегических приоритетов развития малых предприятий в экономическом пространстве региона на принципах «умной специализации». *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 1, 22–31. EDN: YZJWFL. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-1-22
- Крюков, В. А., Коломак, Е. А. (2021). Пространственное развитие России: Основные проблемы и подходы к их преодолению. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 227(1), 92–114. EDN: QONSBV. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114
- Кудряков, Р. И., Федотова, Г. В. (2024). Инновационная экосистема как фактор устойчивого развития региональной экономики. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 14(1), 48–62. EDN: VETEEE. DOI: 10.21869/2223-1552-2024-14-1-48-62

- Кузьминых, Н. А., Милицкая, А. О. (2022). Система управления инновационным развитием региона в контексте цифровой трансформации. *Вопросы инновационной экономики*, 12(4), 2213–2230. EDN: TECNQG. DOI: 10.18334/vines.12.4.116800
- Ленчук, Е. Б. (2022). Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России. *Экономическое возрождение России*, 1(71), 58–65. EDN: JSHPNL. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65
- Летягина, Е. Н., Перова, В. И. (2021). Нейросетевое моделирование региональных инновационных экосистем. *Journal of New Economy*, 22(1), 71–89. EDN: HVNWFQ. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-1-4
- Лукин, Е. В. (2022). Регулирование межрегиональные цепочек добавленной стоимости: Проблемы анализа и моделирования. *Проблемы прогнозирования*, 33(1), 19–33. EDN: NFUGCS. DOI: 10.47711/0868-6351-190-19-33
- Луковцева, А. К. (2011). Особенности инновационного потенциала Южного федерального округа России. *Экономика. Налоги. Право*, 3, 29–43. EDN: NWAKPJ
- Мерзликина, Г. С. (2021). Концепция «Умной специализации» регионов: Уточнение принципов. *Вопросы инновационной экономики*, 11(3), 997–1014. EDN: FIAFQA. DOI: 10.18334/vines.11.3.113227
- Мерзлякова, Е. А., Гончаров, А. Ю., Грибов, Р. В. (2022). Современные особенности формирования и развития инновационного потенциала хозяйственных систем. *Организатор производства*, 30(3), 58–66. EDN: JFNCBX
- Мосалёв, А. И. (2022). Оптимальные пространственные форматы межрегионального экономического сотрудничества в рамках инновационной экономики. *Экономика региона*, 18(3), 638–652. EDN: EEPJWN. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-2
- Неборский, Е. В. (2021). Цифровая экосистема как средство цифровой трансформации университета. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(4). EDN: XIYFDQ. DOI: 10.15862/02PDMN421
- Осовин, М. Н. (2021). Обоснование приоритетных направлений межрегионального сотрудничества в сфере цифровизации сельского хозяйства. *Продовольственная политика и безопасность*, 8(2), 131–144. EDN: VQAXJA. DOI: 10.18334/prpb.8.2.112065
- Павлов, Ю. В., Королева, Е. Н. (2014). Пространственные взаимодействия: Оценка на основе глобального и локального индексов Морана. *Пространственная экономика*, 3, 95–110. EDN: SNZGYN. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110
- Патракова, С. С. (2021). Внутрорегиональная асимметрия: Исследование инструментами пространственного анализа. *Научный журнал НИУ ИТМО*, 3, 86–97. EDN: JFZBYZ. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-86-97
- Плисецкий, Е. Л. (2023). Структурные изменения в пространственном развитии России: Новые реалии. *Управленческие науки*, 13(3), 21–33. EDN: AYWNAO. DOI: 10.26794/2304-022X-2023-13-3-21-33
- Победин, А. А. (2024а). Стратегическое управление потенциалом умной специализации региона (на примере Свердловской области). *Вопросы управления*, 6(91), 75–92. EDN: IXRSRE
- Победин, А. А. (2024б). Теоретический базис формирования эффективной политики регионального развития. *Регион: системы, экономика, управление*, 2(65), 36–53. EDN: RNZTIZ. DOI: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-36-53
- Победин, А. А., Федулов, Д. В. (2023). Международные экономические санкции: Структура и сценарии реализации. *Вопросы управления*, 4(83), 20–32. EDN: SSAZKO
- Победин, А. А., Федулов, Д. В. (2024). Инновационная экосистема как драйвер регионального развития: Эволюция концепции и современные направления исследований. *Дискуссия*, 9(130), 60–71. EDN: HMNVQD
- Саблин, К. С., Кислицын, Д. В. (2018). Проблемы и перспективы использования инструментов инновационного развития для смены пространственной специализации ресурсных регионов. *Инновации*, 3(233), 63–71. EDN: YACMHZ
- Стрижакова, Е. Н., Стрижаков, Д. В. (2023). Развитие инновационной деятельности в Российской Федерации: Проблемы и перспективы. *Экономика науки*, 9(2), 31–46. EDN: CNWQUG. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-2-31-46
- Ускова, Т. В., Секушина, И. А. (2021). Стратегические приоритеты развития малых и средних городов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(1), 56–70. EDN: LLVQEK. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5
- Усманов, М. Р., Шушкин, М. А., Назаров, М. Г., & Крылов, П. А. (2021). Барьеры, препятствующие эффективному взаимодействию российских университетов и бизнес-компаний. *Университетское управление: практика и анализ*, 25(1), 83–93. EDN: GUTSJZ. DOI: 10.15826/umpra.2021.01.006
- Шаклеина, М. В., Шаклеин, К. И. (2022). Факторы регионального развития предпринимательства России: Оценка и роль пространственных взаимосвязей. *Экономические и социальные перемены*, 15(5), 118–134. EDN: FOGSTV. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.6
- Aksoy, A. Y., Pulizzotto, D., & Beaudry, C. (2022). University-Industry partnerships in the smart specialisation era. *Technological Forecasting and Social Change*, 176, 121438. EDN: GPURAC. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121438
- Anselin, L. (1988). *Spatial econometrics: Methods and models. Studies in operational regional science*. Springer Dordrecht. DOI: 10.1007/978-94-015-7799-1
- Anselin, L. (1995). Local indicators of spatial association – LISA. *Geographical Analysis*, 27, 93–115.
- Aralica, Z., Anić, I.-D., Škrinjaric, B., & Harmina, A. (2022). Exploring the researchers' performance in the selected thematic priority area within the Croatian Smart Specialisation Strategy. *Procedia Computer Science*, 211, 57–66. EDN: ZXXHSA. DOI: 10.1016/j.procs.2022.10.176
- Bautista-Hernández, D. A. (2020). Commuting inequality, role of urban structure, and identification of disadvantaged groups in the Mexico City metropolitan area. *Journal of Transport and Land Use*, 13(1), 159–183. EDN: XSMELE. DOI: 10.5198/jtlu.2020.1611
- Boschma, R. (2013). Constructing Regional Advantage and Smart Specialization: Comparison of Two European Policy Concepts. *Papers in Evolutionary Economic Geography (PEEG)*, Article 1322.

- Buyukyazici, D. (2023). Skills for smart specialisation: Relatedness, complexity and evaluation of priorities. *Papers in Regional Science*, 102(5), 1007–1031. EDN: WBXFYM. DOI: 10.1111/pirs.12756
- Cappellin, R. (2016). Innovation and investments in a regional cross-sectoral growth model: A change is needed in European cohesion policies. *56th Congress of the European Regional Science Association: "Cities & Regions: Smart, Sustainable, Inclusive?"*, 23–26 August 2016, Vienna, Austria, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve.
- Castelli, C., & Parenti, A. (2020). *Commuting in Europe: An inter-regional analysis on its determinants and spatial effects*. Fondazione Eni Enrico Mattei. DOI: 10.2139/ssrn.3726037
- Chen, Y. (2013). New approaches for calculating moran's index of spatial autocorrelation. *PLoS ONE*, 8(7), e68336. DOI: 10.1371/journal.pone.0068336
- Chen, Y. (2023). Spatial autocorrelation equation based on Moran's index. *Scientific Reports*, 13, 19296. EDN: MZVFFC. DOI: 10.1038/s41598-023-45947-x
- Foray, D. (2015). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. Routledge.
- Jackson, M. C., Huang, L., & Xie, Q. (2010). A modified version of Moran's I. *International Journal of Health Geographics*, 9, 33. EDN: AMEVAZ. DOI: 10.1186/1476-072x-9-33
- Li, C. H. (2016). The performance of ML, DWLS, and ULS estimation with robust corrections in structural equation models with ordinal variables. *Psychological Methods*, 21(3), 369–387. DOI: 10.1037/met0000093
- Mascarenhas, C., Marques, C. S., Ferreira, J. J., & Galvão, A. R. (2021). The Influence of Research and Innovation Strategies for Smart Specialization (RIS3) on University-Industry Collaboration. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(1), 82. EDN: EFDJDR. DOI: 10.3390/joitmc7010082
- McCann, P., & Ortega-Argilés, R. (2015). Smart specialization, regional growth and applications to European Union cohesion policy. *Regional Studies*, 49(8), 1291–1302. DOI: 10.1080/00343404.2013.799769
- Meyer, C. (2021). Integration of Baltic Small and Medium-Sized Ports in Regional Innovation Strategies on Smart Specialisation (RIS3). *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(3), 184. EDN: CDIKFF. DOI: 10.3390/joitmc7030184
- Moran, P. A. P. (1948). The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society. Series B*, 10(2), 243–251. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1948.tb00012.x
- Moran, P. A. P. (1950). Notes on continuous stochastic phenomena. *Biometrika*, 37(1/2), 17–23. EDN: ILMNB. DOI: 10.2307/2332142
- Nikitaeva, A. Y., Chernova, O. A., & Molapisi, L. (2022). Smart Territories as a Driver for the Transition to Sustainable Regional Development and Green Economy. *R-Economy*, 8(2), 120–134. EDN: GICODJ. DOI: 10.15826/recon.2022.8.2.010
- Nomaler, Ö., & Verspagen, B. (2024). Related or unrelated diversification: What is smart specialization? *Structural Change and Economic Dynamics*, 70, 503–515. EDN: OGWEEM. DOI: 10.1016/j.strueco.2024.05.019
- Pinto, H. (2024). Universities and institutionalization of regional innovation policy in peripheral regions: Insights from the smart specialization in Portugal. *Regional Resilience*, 16(1), 12659. EDN: VQMQNI. DOI: 10.1111/rsp3.12659
- Pobedin, A. A. (2022). Reconsidering Contemporary Classifications of Sanctions in the Light of the Russia Sanctions Regime. *R-Economy*, 8(3), 196–207. EDN: HRNREA. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.016
- Pobedin, A. A. (2024). Federal Intergovernmental Transfers in the Russian Federation: Experience and Results of Implementation. *R-Economy*, 10(2), 174–189. EDN: NZMHJJ. DOI: 10.15826/recon.2024.10.2.011
- Timofeev, I. N., Arapova, E. Y., & Nikitina, Yu. A. (2024). The Illusion of «Smart» Sanctions: The Russian Case. *Russia in Global Affairs*, 156–178. EDN: ABOBMW. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-156-178
- Wang, Y., Lv, W., Wang, M., Chen, X., & Li, Y. (2023). Application of improved Moran's I in the evaluation of urban spatial development. *Spatial Statistics*, 54, 100736. EDN: ZRLBWJ. DOI: 10.1016/j.spasta.2023.100736
- Zhen, Y., Shi, D., & Lu, Y. (2023). The impact of regional integration strategies on the formation of city regions and its agglomeration shadow: Evidence from the yangtze river delta, China. *Land*, 12(5), 1053. EDN: FRCPQN. DOI: 10.3390/land12051053
- Zhuravlev, D. M., & Glukhov, V. V. (2021). Strategizing of economic systems digital transformation: A driver on innovative development. *St.Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 14(2), 7–21. EDN: ECUAWV. DOI: 10.18721/JE.14201

References

- Abashkin, V. L. (2021). *Rating of innovative development of the Russian Federation subjects* (Iss. 7). HSE University. (In Russ.).
- Abramov, V. I., & Andreev, V. D. (2023). Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. *Public Administration Issues*, 1, 89–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>
- Abramov, V. I., Lavrentyev, I. A., & Grepel, V. O. (2022). The role of innovations and startups in ecosystem development. *Economic Sciences*, 210, 97–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.14451/1.210.97>
- Afanasyev, A. A. (2022). Technological sovereignty: the main policies to achieve it in modern Russia. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12(4), 2193–2212. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116433>

- Akberdina, V. V., & Romanova, O. A. (2021). Regional Industrial Development: Review of Approaches to Regulation and Determining of Priorities. *Economy of Region*, 17(3), 714–736. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-1>
- Aksoy, A. Y., Pulizzotto, D., & Beaudry, C. (2022). University-Industry partnerships in the smart specialisation era. *Technological Forecasting and Social Change*, 176, 121438. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121438>
- Anselin, L. (1988). Spatial econometrics: Methods and models. Studies in operational regional science. Springer Dordrecht. <https://doi.org/10.1007/978-94-015-7799-1>
- Anselin, L. (1995). Local indicators of spatial association—LISA. *Geographical Analysis*, 27, 93–115.
- Aralica, Z., Anić, I.-D., Škrinjaric, B., & Harmina, A. (2022). Exploring the researchers' performance in the selected thematic priority area within the Croatian Smart Specialisation Strategy. *Procedia Computer Science*, 211, 57–66. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.10.176>
- Artamonov, N. V., Kurbatsky, A. N., & Khalimov, T. M. (2021). Relationship between economic development and population age structure in the Russian regions. *Terra Economicus*, 19(2), 77–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-77-90>
- Babikova, A. V., & Fedosova, T. V. (2021). The reverse model of the innovation ecosystem as a tool for intensifying regional technological development.. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 11(6), 1317–1332. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.11.6.112228>
- Babkin, A. V., Liberman, I. V., Klachek, P. M., & Shkarupeta, E. V. (2025). Industry 6.0: Methodology, tools, practice. *π-Economy*, 18(1), 21–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JE.18102>
- Batrakova, L. G. (2021). Features of the post-industrial economy and prospects for its development in the regions of Russia. *Socio-Political Research*, 58–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-1-10-58-69>
- Bautista-Hernández, D. A. (2020). Commuting inequality, role of urban structure, and identification of disadvantaged groups in the Mexico City metropolitan area. *Journal of Transport and Land Use*, 13(1), 159–183. <https://doi.org/10.5198/jtlu.2020.1611>
- Boschma, R. (2013). Constructing Regional Advantage and Smart Specialization: Comparison of Two European Policy Concepts. *Papers in Evolutionary Economic Geography (PEEG)*, Article 1322.
- Buletova, N. E., & Gubin, A. M. (2023). Modeling of interregional integration processes: Cluster approach amidst digitalization. *Russian Journal of Innovation Economics*, 13(1), 521–534. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.13.1.117060>
- Bulyarsky, S. V., Sinitsyn, A. O., & Tsygantsov, A. V. (2017). Model of interaction of the economic cluster participants. *Herald of Omsk University. Ser. Economics*, 1(57), 180–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/1812-3988.2017.1.180-187>
- Buyukyazici, D. (2023). Skills for smart specialisation: Relatedness, complexity and evaluation of priorities. *Papers in Regional Science*, 102(5), 1007–1031. <https://doi.org/10.1111/pirs.12756>
- Cappellin, R. (2016). Innovation and investments in a regional cross-sectoral growth model: A change is needed in European cohesion policies. *56th Congress of the European Regional Science Association: "Cities & Regions: Smart, Sustainable, Inclusive?"*, 23–26 August 2016, Vienna, Austria, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve.
- Castelli, C., & Parenti, A. (2020). *Commuting in Europe: An inter-regional analysis on its determinants and spatial effects*. Fondazione Eni Enrico Mattei. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3726037>
- Chen, Y. (2013). New approaches for calculating moran's index of spatial autocorrelation. *PLoS ONE*, 8(7), e68336. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0068336>
- Chen, Y. (2023). Spatial autocorrelation equation based on Moran's index. *Scientific Reports*, 13, 19296. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-45947-x>
- Davydova, T. E. (2022). Predictors of successful university development in the innovation ecosystem. *Production Organizer*, 30(1), 158–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.12.19.015>
- Degterev, D. A., Ramich, M. S., & Tsvyk, A. V. (2021). U.S. – China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 210–231. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Druzhinin, A. G., & Kuznetsova, O. V. (2024). Spatial development strategy of Russia: update vectors. *Geographical Bulletin*, 1(68), 15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2024-1-15-26>
- Eferin, Y. Yu., & Kutsenko, E. S. (2021). Adjusting smart specialization concept for Russian regions. *Public Administration Issues*, 3, 75–110. (In Russ.).
- Foray, D. (2015). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. Routledge.
- Gainanov, D. A., & Migranova, L. I. (2020). Transforming the regional markets for learning services and labor in a digital economy. *Regional Economics: Theory and Practice*, 8(479), 1430–1448. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/re.18.8.1430>
- Golova, I. M. (2022). . Scientific and Technological Capacity of Regions as the Foundation for Technological Independence of the Russian Federation. *Economy of the Region*, 18(4), 1062–1074. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7>
- Gordeev, V., Magomedov, R., & Mikhailova, T. (2017). Agglomerative effects in Russian industry. *Russian Economic Developments*, 24(8), 19–20. (In Russ.)
- Gubarkov, S. V., & Tikhomirova, E. S. (2020). The current situation and prospects for the development of the innovation environment in the subjects of the Far Eastern Federal District. *Customs Policy of Russia in the Far East*, 1(90), 79–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1815-0683/2020-1/79-87>
- Inozemtsev, S. A., & Linkina, A. V. (2022). Economic and social effect of digital transformation. *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, 1(40), 155–158. (In Russ.).

- Isachkova, L. N., Zhminko, N. S., & Stoyakin, V. Yu. (2020). Systematic approach to modeling the labor market. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 41(6), 137–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10776>
- Jackson, M. C., Huang, L., & Xie, Q. (2010). A modified version of Moran's I. *International Journal of Health Geographics*, 9, 33. <https://doi.org/10.1186/1476-072x-9-33>
- Kapitsa, L. M. (2014). Natural resources and socio-economic progress. *MGIMO Review of International Relations*, 4(37), 168–186. (In Russ.).
- Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., & Yagovkina, V. A. (2021). Tools of Interregional Cooperation in the Public Administration System. *Regionology*, 29(2(115)), 250–282. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282>
- Koroleva, E. N., & Bessonov, I. S. (2021). Substantiation of strategic priorities for the development of small enterprises in the economic space of the region based on the principles of "smart specialization". *Intellect. Innovation. Investments*, 1, 22–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-22>
- Kryukov, V. A., & Kolomak, E. A. (2021). Spatial development of Russia: Main problems and approaches to overcoming them. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 227(1), 92–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114>
- Kudryakov, R. I., & Fedotova, G. V. (2024). Innovation ecosystem as a factor of sustainable development of the regional economy. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 14(1), 48–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-1-48-62>
- Kuzminykh, N. A., & Militskaya, A. O. (2022). Management system of regional innovative development amidst digital transformation. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12(4), 2213–2230. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116800>
- Lenchuk, E. B. (2022). Science and Technology Development as a Strategic National Priority of Russia. *Economic Revival of Russia*, 1(71), 58–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
- Letyagina, E. N., & Perova, V. I. (2021). Neural network modeling of regional innovation ecosystems. *Journal of New Economy*, 22(1), 71–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-1-4>
- Li, C. H. (2016). The performance of ML, DWLS, and ULS estimation with robust corrections in structural equation models with ordinal variables. *Psychological Methods*, 21(3), 369–387. <https://doi.org/10.1037/met0000093>
- Lukin, E. V. (2022). Regulation of interregional value chains: Problems of analysis and modeling. *Studies on Russian Economic Development*, 33(1), 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-19-33>
- Lukovtseva, A. K. (2011). Features innovative potential of the South Federal District of Russia. *Economika. Nalogi. Pravo*, 3, 29–43. (In Russ.).
- Mascarenhas, C., Marques, C. S., Ferreira, J. J., & Galvão, A. R. (2021). The Influence of Research and Innovation Strategies for Smart Specialization (RIS3) on University-Industry Collaboration. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(1), 82. <https://doi.org/10.3390/joitmc7010082>
- McCann, P., & Ortega-Argilés, R. (2015). Smart specialization, regional growth and applications to European Union cohesion policy. *Regional Studies*, 49(8), 1291–1302. <https://doi.org/10.1080/00343404.2013.799769>
- Merzlikina, G. S. (2021). Regional smart specialization concept: clarifying the principles. *Russian Journal of Innovation Economics*, 11(3), 997–1014. (In Russ.).
- Merzlyakova, E. A., Goncharov, A. Yu., & Gribov, R. V. (2022). Modern features of formation and development of innovation potential of economic systems. *Organizer of Production*, 30(3), 58–66. (In Russ.).
- Meyer, C. (2021). Integration of Baltic Small and Medium-Sized Ports in Regional Innovation Strategies on Smart Specialisation (RIS3). *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7(3), 184. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030184>
- Moran, P. A. P. (1948). The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society. Series B*, 10(2), 243–251. <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1948.tb00012.x>
- Moran, P. A. P. (1950). Notes on continuous stochastic phenomena. *Biometrika*, 37(1/2), 17–23. <https://doi.org/10.2307/2332142>
- Mosalyov, A. I. (2022). Optimal spatial models of interregional economic cooperation in the field of innovative economy. *Economy of the Region*, 18(3), 638–652. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-2>
- Neborsky, E. V. (2021). Digital ecosystem as a means of digital transformation of the university. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(4). (In Russ.). <https://doi.org/10.15862/02PDMN421>
- Nikitaeva, A. Y., Chernova, O. A., & Molapisi, L. (2022). Smart Territories as a Driver for the Transition to Sustainable Regional Development and Green Economy. *R-Economy*, 8(2), 120–134. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.2.010>
- Nomaler, Ö., & Verspagen, B. (2024). Related or unrelated diversification: What is smart specialization? *Structural Change and Economic Dynamics*, 70, 503–515. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.05.019>
- Osovin, M. N. (2021). Justification of interregional cooperation priority directions in agriculture digitalization. *Food Policy and Security*, 8(2), 131–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ppib.8.2.112065>
- Patrakova, S. S. (2021). Intraregional asymmetry: research with spatial analysis tools. *Scientific journal NRU ITMO*, 3, 86–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-3-86-97>
- Pavlov, Yu. V., & Koroleva, E. N. (2014). Spatial Interactions: Evaluation with the Help of Global and Local Moran's Index. *Spatial Economics*, 3, 95–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2014.3.95-110>
- Pinto, H. (2024). Universities and institutionalization of regional innovation policy in peripheral regions: Insights from the smart specialization in Portugal. *Regional Resilience*, 16(1), 12659. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12659>

- Plisetsky, E. L. (2023). Structural changes in the spatial development of Russia: New realities. *Management Sciences*, 13(3), 21–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-3-21-33>
- Pobedin, A. A. (2022). Reconsidering Contemporary Classifications of Sanctions in the Light of the Russia Sanctions Regime. *R-Economy*, 8(3), 196–207. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.016>
- Pobedin, A. A. (2024). Federal Intergovernmental Transfers in the Russian Federation: Experience and Results of Implementation. *R-Economy*, 10(2), 174–189. <https://doi.org/10.15826/recon.2024.10.2.011>
- Pobedin, A. A. (2024a). Region smart specialization potential strategic management (Sverdlovsk region case). *Management Issues*, 6(91), 75–92. (In Russ.).
- Pobedin, A. A. (2024b). Theoretical basis for the formation of an effective regional development policy. *Region: Systems, Economics, Management*, 2(65), 36–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-65-2-36-53>
- Pobedin, A. A., & Fedulov, D. V. (2023). International economic sanctions: Structure and implementation scenarios. *Management Issues*, 4(83), 20–32. (In Russ.).
- Pobedin, A. A., & Fedulov, D. V. (2024). Innovation ecosystem as a driver of regional development: Evolution of the concept and modern research directions. *Discussion*, 9(130), 60–71. (In Russ.)
- Sablin, K. S., & Kisilitsyn, D. V. (2018). Problems and perspectives of innovative development instruments using for spatial specialization shift of resource regions. *Innovations*, 3(233), 63–71. (In Russ.)
- Shakleina, M. V., & Shaklein, K. I. (2022). Drivers of Entrepreneurship Development in Russia's Regions: Assessment and the Role of Spatial Interrelations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 118–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.6>
- Strizhakova, E. N., & Strizhakov, D. V. (2023). Development of innovative activity in the Russian Federation: Problems and prospects. *Economics of Science*, 9(2), 31–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2023-9-2-31-46>
- Timofeev, I. N., Arapova, E. Y., & Nikitina, Yu. A. (2024). The Illusion of «Smart» Sanctions: The Russian Case. *Russia in Global Affairs*, 156–178. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-2-156-178>
- Uskova, T. V., & Sekushina, I. A. (2021). Strategic Priorities of Small and Medium Towns' Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 56–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5>
- Usmanov, M. R., Shushkin, M. A., Nazarov, M. G., & Krylov, P. A. (2021). Barriers to Effective Interaction of Russian Universities and Companies. *University Management: Practice and Analysis*, 25(1), 83–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.01.006>
- Volkova, N., & Romanyuk, E. (2023). Rating of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, 2, 50–72. (In Russ.). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_50_72
- Wang, Y., Lv, W., Wang, M., Chen, X., & Li, Y. (2023). Application of improved Moran's I in the evaluation of urban spatial development. *Spatial Statistics*, 54, 100736.
- Zemtsov, S. P. (2022). Technological entrepreneurship as a development factor of Russia. *Journal of the New Economic Association*, 1(53), 212–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11>
- Zemtsov, S. P., & Barinova, V. A. (2016). The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 65–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81>
- Zemtsov, S. P., Demidova, K. V., & Kichaev, D. Yu. (2022). Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic. *Baltic Region*, 14(4), 57–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
- Zhen, Y., Shi, D., & Lu, Y. (2023). The impact of regional integration strategies on the formation of city regions and its agglomeration shadow: Evidence from the yangtze river delta, China. *Land*, 12(5), 1053. <https://doi.org/10.3390/land12051053>
- Zhuravlev, D. M., & Glukhov, V. V. (2021). Strategizing of economic systems digital transformation: A driver on innovative development. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 14(2), 7–21. <https://doi.org/10.18721/JE.14201>
- Zubareva, Yu. V. (2021). Digital transformation of the agro-industrial complex-as an element of sustainable development of the region. *International Agricultural Journal*, 64(5). (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2588-0209-2021-10369>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список территорий в составе ядра умной специализации в РФ

Тип территорий	Перечень субъектов РФ
Центры роста первого порядка	Пермский край, Санкт-Петербург, Москва, Ульяновская, Самарская, Томская области, Республика Татарстан, Нижегородская, Калужская, Московская, Свердловская, Новосибирская области
Центры роста второго порядка	Саратовская область, Республика Мордовия, Рязанская, Ярославская, Воронежская области, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Белгородская, Владимирская, Тульская, Тюменская, Челябинская области
Иные территории в составе ядра (зона влияния центров первого и второго порядка)	Пензенская, Тамбовская, Вологодская, Тверская, Новгородская, Орловская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Архангельская, Ленинградская, Омская, Липецкая, Волгоградская, Ростовская области, Алтайский, Краснодарский края, Оренбургская, Курская области, Ставропольский край, Кемеровская, Смоленская, Кировская области, Красноярский край, Иркутская область, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Мурманская, Ивановская области, Республика Марий Эл

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.04.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.05.2025

Дата принятия в печать / Accepted 26.05.2025

М. А. Шайдуллин¹,

Е. И. Кадочникова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Эконометрическая оценка эффекта переноса валютного курса на потребительские цены: есть ли снижение?

Шайдуллин Марат Арсэнович, студент, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: marat.shaj@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-6137-2210>

Web of Science Researcher ID: NRB-7498-2025

Контактное лицо:

Кадочникова Екатерина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>

Web of Science Researcher ID: M-4027-2013

eLIBRARY SPIN-код: 5868-0889

Аннотация

Цель: измерение краткосрочного и долгосрочного эффектов переноса валютного курса на потребительские цены в современных российских реалиях, включая анализ асимметрии эффекта.

Методы: исследование основано на данных Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка РФ об индексе потребительских цен, обменном курсе доллара, валовом внутреннем продукте за период с 2000 по 2024 г. В исследовании использована модель авторегрессии с распределенным лагом (*ARDL – autoregressive distributed lags*) по типу модели коррекции ошибок (*ECM*).

Результаты: показана коинтеграционная связь между индексом потребительских цен, обменным курсом, разрывом ВВП, мировым трендом потребительских цен. Обнаружено превышение краткосрочного эффекта переноса над долгосрочным, усиление краткосрочного эффекта переноса валютного курса и ослабление долгосрочного эффекта после 2020 г. В сравнении с результатами ранее выполненных исследований за прошлые периоды времени наблюдается снижение неполного эффекта переноса валютного курса на потребительские цены и сокращение его волатильности. Сделан вывод о совокупной роли прямых и косвенных механизмов переноса валютного курса в увеличении краткосрочного эффекта независимо от режима денежно-кредитной политики; о влиянии режима инфляционного таргетирования, новой конфигурации внешнеэкономических связей и ослабивших традиционные каналы переноса структурных изменений в экономике на уменьшение долгосрочного эффекта переноса после 2020 г. Показана асимметрия валютного курса в долгосрочной перспективе, когда эффект снижения цен превосходит эффект роста цен.

Научная новизна: впервые для российской экономики представлена оценка эффекта переноса валютного курса и его асимметрии в условиях санкций и структурных изменений экономики после 2020 г.

Практическая значимость: представленные результаты могут быть полезными при разработке режимов денежно-кредитной политики, управлении структурой внешнеэкономических связей, разработке эффективной экономической политики в современных условиях.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, эффект переноса валютного курса, индекс потребительских цен, ИПЦ, ARDL, инфляционное таргетирование, модель авторегрессии с распределенным лагом, модель коррекции ошибок

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шайдуллин, М. А., Кадочникова, Е. И. (2025). Эконометрическая оценка эффекта переноса валютного курса на потребительские цены: есть ли снижение? *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 572–590. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.572-590>

Scientific article

M. A. Shaydullin¹,
E. I. Kadochnikova¹

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Econometric estimation of the effect of transferring currency exchange rate onto consumer prices: is there a decrease?

Marat A. Shaydullin, student, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: marat.shaj@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-6137-2210>

Web of Science Researcher ID: NRB-7498-2025

Contact:

Ekaterina I. Kadochnikova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory and Econometrics, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>

Web of Science Researcher ID: M-4027-2013

eLIBRARY SPIN-code: 5868-0889

Abstract

Objective: to measure the short- and long-term effects of currency exchange rate transfer on consumer prices in modern Russian realities with the analysis of the effect asymmetry.

Methods: the study is based on the Federal State Statistics Agency and the Russian Central Bank data on the consumer price index, dollar exchange rate, and gross domestic product for 2000-2024. The study uses the autoregressive distributed lags (ARDL) model similar to error correction model (ECM).

Results: the article shows cointegration relationship between the consumer price index, the exchange rate, the GDP gap, and the global consumer price trend. The research found excess of the short-term effect of the transfer over the long-term one, the strengthening of the short-term effect of the exchange rate transfer and the weakening of the long-term effect after 2020. In comparison with the results of previous studies over the past time periods, there is a decrease in the incomplete effect of the currency exchange rate transfer on consumer prices and a reduction in its volatility. To explain the results obtained, the author concludes that the direct and indirect mechanisms of exchange rate transfer play a combined role in increasing the short-term effect regardless of the monetary policy regime. It is shown that the inflation targeting regime, the new configuration of foreign economic relations and weakened traditional channels of economic structural changes transfer influence the reduction of the transfer long-term effect after 2020. The asymmetry of the exchange rate in the long term is proved, when the effect of lower prices exceeds the effect of rising prices.

Scientific novelty: for the first time, the article assesses the effect of currency exchange rate transfer and its asymmetry in the Russian economy under the sanctions and economic structural changes after 2020.

Practical significance: the presented results can be useful in developing monetary policy regimes, managing the structure of foreign economic relations, and developing effective economic policy in modern conditions.

Keywords:

regional and sectoral economy, currency exchange rate transfer effect, consumer price index, consumer price index, ARDL, inflation targeting, autoregressive distributed lags model, error correction model

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shaydullin, M. A., & Kadochnikova, E. I. (2025). Econometric estimation of the effect of transferring currency exchange rate onto consumer prices: is there a decrease? *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 572–590. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.572-590>

Введение

Эффект переноса валютного курса (*ERPT – Exchange Rate Pass Through*), сырьевых мировых цен и тарифов на потребительские цены и инвестиционную активность экономических агентов является одним из значимых факторов инфляции. Понимание механизма и силы этого эффекта играет решающую роль в формировании монетарной и фискальной политики.

Тенденции глобализации вызвали замедление скорости переноса внешних шоков на конечного потребителя в развитых странах (Floden & Wilander, 2006; Olivey, 2002), увеличили роль импорта в развивающихся странах. Шоки 2020–2023 гг. повсеместно вызвали рост инфляционного давления в мировой экономике и сократили роль импорта в потребительской корзине, в последние годы «практически во всех странах наблюдалось сокращение связи инфляции и обменного курса валюты» (Исаев, 2023).

В условиях современной России, переживающей санкционные ограничения, традиционные каналы ценового переноса могут ослабнуть из-за усиления государственного регулирования цен на основные группы товаров, трансформации цепочек поставок, ограничения доступа к внешним источникам финансирования в условиях дефицита валютной ликвидности. Проводимая Центральным банком политика плавающего обменного курса и инфляционного таргетирования в условиях внешних шоков подвергается критике, поскольку в случае значительного эффекта переноса колебаний валютного курса на внутренние цены избранная стратегия может существенно снижать свою эффективность (Смирнов, 2025). Сохраняется обнаруженная ранее асимметрия эффекта переноса, когда наблюдаются различия в положительном и негативном эффектах переноса валютного курса на рост потребительских цен, а укрепление рубля не приводит к снижению индекса в условиях расширения потребительского спроса на отечественные товары и слабой конкурентной среды (Гасанов, 2013; Пономарев, 2015), разрыва между предложением, поскольку внутренним производителям сложно быстро заполнить товарные ниши, и спросом (Смирнов, 2025).

Доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли в 2021 г. составила 40 % против 44 % в 2010 г., а импортных продовольственных товаров – 24 % против 34 %¹. В 2023 г. доля импорта в ВВП России снизилась до 19 % по сравнению с «досанкционным» уровнем 20,6 %². При этом индекс потребительских цен в декабре 2024 г. вырос до 109,52 % по сравнению с 107,42 % в декабре 2023 г.³, а индекс физического объема розничного товарооборота в декабре 2024 г. снизился до 105 % по сравнению с 110,7 % в декабре 2023 г.⁴ Относительно высокий уровень инфляции и уменьшение потребительского спроса

¹ ЕМИСС. Доля импорта в объеме товарных ресурсов розничной торговли по Российской Федерации. <https://rosstat.gov.ru/search?q=доля+импорта+в+потреблении>

² Как и почему снижается доля импорта в российской экономике. (2024, 10 августа). РБК. <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2024/66b518a89a7947309468e5ec>

³ ЕМИСС. Индекс потребительских цен (декабрь отчетного года к декабрю предыдущего года). <https://www.fedstat.ru/indicator/55396>

⁴ ЕМИСС. Индекс физического объема оборота розничной торговли. <https://www.fedstat.ru/indicator/31066>

в условиях импортозамещения товаров и сырья в современной российской экономике подчеркивают интерес к исследованиям эффекта переноса валютного курса: сохранится ли он на прежнем уровне? Определенный уровень диверсификации экономики, замещение потребностей внутренними производителями и политика таргетирования инфляции позволяют предположить гипотезу о снижении эффекта переноса валютного курса в российской экономике.

Целью данного исследования является эконометрическая оценка эффекта переноса валютного курса в современных российских реалиях на основе авторегрессионного подхода (*ARDL – autoregressive distributed lags*) по типу модели коррекции ошибок (*ECM*). Для достижения поставленной цели в исследовании выполнены следующие задачи: изучены результаты исследования эффекта переноса в странах с разным уровнем развития экономик, а также анализа макроэкономических условий, влияющих на полноту эффекта переноса валютного курса; изучены научные выводы об эффекте переноса в российской экономике; описаны временные ряды данных и их ограничения, сформулированы модель *ARDL* (n, p, q, r) в виде модели коррекции ошибок (*ECM*) и модифицированная модель *ARDL* (n, p, q, r) для измерения асимметрии переноса; выполнено сопоставление результатов моделирования с ранее полученными и их объяснение; сформулированы практические рекомендации.

Последующее повествование статьи включает следующие разделы: Обзор литературы, Методология и данные, Результаты исследования, Заключение. Первый раздел представляет обзор литературы в части исследования полноты и факторов эффекта переноса валютного курса в развитых и развивающихся странах, а также для российской экономики. Во втором разделе сформулированы используемые модели *ARDL* по типу *ECM*, изложены тесты качества подгонки и асимметрии эффекта переноса. В третьем разделе выполнено обсуждение результатов оценивания моделей. Заключение содержит выводы и практические рекомендации регуляторам, формирующим денежно-кредитную политику.

Обзор литературы. Механизм влияния колебаний обменного курса на ускорение инфляции состоит в росте цен импортных товаров и стоимости товаров отечественного производства на основе импортных сырья и материалов (прямой канал действия эффекта переноса), повышении спроса на отечественные товары, росте спроса на труд и заработных плат на территориях с подешевевшей валютой с целью экономии издержек (косвенный канал действия эффекта переноса) (Пономарев и др., 2014). Одним из ключевых вопросов является измерение полноты трансмиссирования обменного курса в потребительские цены. В теоретическом плане полная передача изменений курса в цены могла бы иметь место при выполнении закона единой цены, согласно которому при отсутствии торговых барьеров, издержек на транспортировку и других затрат один и тот же товар будет продаваться во всех странах по одинаковой цене. Однако множество рыночных и институциональных ограничений в реальной экономике крайне затрудняет выполнение данного закона. Обычно изменение обменного курса на 1 % приводит к изменению цен менее чем на 1 % (Бадасен и др., 2015).

В мировой экономической науке эффект переноса изучен достаточно подробно для развитых экономик (Taylor, 2000; Campa & Goldberg, 2005; McCarthy, 2007; Ozyurt, 2016) и в меньшей степени для переходных и развивающихся. На основе данных по 23 развитым странам – членам ОЭСР за период с 1975 по 2003 г. было показано, что эффект переноса является неполным, более высоким в долгосрочной перспективе (Taylor, 2000). На примере Германии, Франции, Италии и Испании за период 1992–2016 гг. путем векторных авторегрессий с байесовским подходом были обнаружены асимметричность и снижение эффекта переноса за счет снижения приобретенного промежуточного потребления в издержках производства (Comunale & Kupovac, 2017). В работе (Jašová et al., 2016) на основе динамической панельной *GMM*-регрессии был получен аналогичный результат о стабильно низком уровне эффекта переноса для 11 развитых стран за период с 1994 по 2015 г. Как правило, традиционным для эмпирических исследований является вывод о том, что в долгосрочной перспективе эффект переноса более выражен, чем в краткосрочной, является понижающимся, относительно низким и неполным.

Более высокие значения эффекта переноса наблюдаются в развивающихся экономиках (Larreau et al., 2016; Mihalješ & Klau, 2001). В частности, для Мозамбика установлено, что при изменении валютного курса на 10 % уровень инфляции возрастает в среднем на 4,2 % (Aisen et al., 2021). Для Республики Узбекистан обнаружено, что обесценивание обменного курса на 10 % привело к ускорению базовой инфляции на 28 % (Исаев, 2023). Для Колумбии на основе логистической модели векторной авторегрессии за период 2002–2015 гг. эффект переноса валютного курса на потребительские цены составил 13–21 % на горизонте одного года и достигает

40 % за четыре года (Rincón-Castro & Rodríguez-Niño, 2018). Для девяти развивающихся азиатских экономик для периода с 1994 по 2021 г. обнаружен неполный эффект переноса, который выше в долгосрочном периоде и снижается примерно с 2010 г. (Beirne et al., 2023). Для Лаоса по ежеквартальным данным за период 2012–2023 гг. на основе модели векторной авторегрессии получен вывод о наиболее сильном краткосрочном эффекте переноса валютного курса (Srithilat et al., 2024).

На дезагрегированных данных экономики Китая с 2000 по 2007 г. обнаружено, что средний эффект переноса на импортные цены составляет 73 %, а более высокое разнообразие источников импорта уменьшает эффект переноса и смягчает влияние финансовых ограничений на колебания валютного курса (Li et al., 2025).

Анализ макроэкономических условий, влияющих на полноту эффекта переноса валютного курса (степень монополизации отрасли, ценовая дискриминация, доля импорта в потреблении, режим денежно-кредитной политики, волатильность макросреды, структура платежного баланса), отмечает ключевую роль инфляционной среды (Taylor, 2000), инфляционное таргетирование заставляет экономических агентов сдерживать рост цен для сохранения конкурентных позиций (Taylor, 2000). На основе данных по 71 стране за период с 1979 по 2000 г. был сделан вывод о том, что более низкие темпы инфляции способствуют снижению степени эффекта переноса обменного курса в цены (Hakura & Choudhri, 2006). В работе Картаева и Якимовой (2018) на основе анализа межстрановых панельных данных показано, что переход к режиму инфляционного таргетирования способствует снижению эффекта переноса, в большей мере – в странах с развивающейся экономикой. Этот вывод согласуется с результатами в работе Dilla с соавторами (2017) на основе модели распределенных лагов по статистике 19 стран, использующих режим инфляционного таргетирования. По ежеквартальным данным 55 стран за период с 1998 по 2017 г. на основе моделей векторной авторегрессии получен вывод о том, что эффект переноса ниже в странах, которые сочетают гибкие режимы обменного курса и целевые показатели инфляции (Ha et al., 2020).

Аналогичные эмпирические работы проводились и для российской экономики, их авторы получали похожие выводы о снижении неполного эффекта переноса. Такие выводы объясняются антиинфляционной монетарной политикой (Картаев, Якимова, 2018) и низким уровнем конкуренции (Катаранова, 2010). Согласно векторной модели коррекции ошибок (*VECM*), для периода 1994–2008 гг. эффект переноса валютного курса на общий уровень потребительских цен составил 37 % (Кадыров, 2010), для периода 1998–2005 гг. – 35 % (Добрынская, 2007), для периода 2000–2012 гг. – 47,7 % (Пономарев и др., 2014). Более низкую оценку в 20 % показала модель распределенных лагов в период 2000–2008 гг. (Катаранова, 2010). Для периода с 2005 по 2020 г. обнаружен эффект переноса изменений валютного курса в размере 10,22 % на горизонте шести месяцев и 16,32 % на горизонте одного года (Хотулев, 2020).

Анализ отраслевых данных в 2000–2014 гг. с помощью *VECM* выявил факторы эффекта переноса валютного курса: низкий уровень рыночной конкуренции, большая доля импорта промежуточного потребления и комплектующих, низкая ценовая эластичность спроса на промышленную продукцию; обнаружил наибольший эффект в отрасли добычи полезных ископаемых (Пономарев, 2015). На примере статистических данных за период 2002–2017 гг. путем структурной векторной авторегрессии определено влияние валютного курса на потребительские цены, а период 2014–2017 гг. показал снижение эффекта переноса и подтвердил эффективность инфляционного таргетирования (Тиунова, 2018). Аналогичный эффект инфляционного таргетирования отражен в исследовании Картаева и Якимовой (2018): для периода с июля 1995 по июнь 2017 г. отражено снижение как краткосрочного, так и долгосрочного эффекта переноса изменений валютного курса на цены. На примере региональных статистических данных за 2003–2018 гг. проанализирована межрегиональная дифференциация эффекта переноса и получен вывод о его неоднородности, обнаружены пространственные взаимосвязи для цен на продовольственные товары в краткосрочном периоде (Корнейченко и др., 2021). Выявленные региональные различия эффекта переноса объясняются региональным уровнем безработицы, долей кредитов в обрабатывающем секторе, трансакционными издержками, уровнем конкуренции (Напалков и др., 2021), тогда как между федеральными округами в силу усреднения и сглаживания региональных особенностей не было обнаружено статистически значимых различий в эффекте переноса (Жураковский и др., 2021).

Отечественных исследований эффекта переноса валютного курса на уровень инфляции в современных экономических условиях России для периода до 2024 г. включительно пока не выполнялось. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, оценив эффект переноса на основе актуальных данных Центрального банка и Росстата.

Данные и методология. В исследовании использованы 100 квартальных наблюдений за период 2000–2024 гг.

В качестве меры инфляции в российской экономике использован индекс потребительских цен (далее – ИПЦ) с официального сайта Федеральной службы государственной статистики⁵. Для нахождения квартального показателя перемножались ежемесячные цепные ИПЦ:

$$CPI_{quarterly} = CPI_{month1} \times CPI_{month2} \times CPI_{month3}.$$

Источником данных об обменном курсе доллара явился официальный сайт Центрального банка РФ⁶. Предоставленный массив данных имеет ежедневные показатели эффективного валютного курса. Для нахождения квартального показателя было использовано среднее геометрическое обменных курсов:

$$E_{quarterly} = \sqrt[n]{E_1 \times E_2 \times \dots \times E_n}.$$

Взаимосвязь между индексом потребительских цен и обменным курсом доллара мы контролируем на изменения спроса и цен на импортируемые товары, не связанные с обменным курсом.

Условия спроса в экономике отражает разрыв ВВП. Положительный разрыв означает, что рост спроса опережает предложение и провоцирует инфляцию, а отрицательный может предсказать дефляцию. Этот показатель используется в качестве контрольной переменной меры спроса, чтобы отделить его влияние на инфляцию от обменного курса. Он определен как разница между реальным внутренним валовым продуктом и потенциальным, деленная на потенциальный ВВП:

$$gapGDP = \frac{GDP_{real} - GDP_{potential}}{GDP_{potential}}.$$

Потенциальный ВВП измеряет потенциально возможный объем при полной занятости. Один из способов его расчета предполагает сглаживание реального ВВП для устранения сезонного фактора. Данные по реальному ВВП были взяты с официального сайта Росстата⁷. Для нахождения потенциального ВВП применен фильтр Ходрика – Прескотта (Hamilton, 2018). Данный метод обладает рядом ограничений, основным из которых является наличие погрешностей на концах временного ряда (так называемый *End-point bias*). Несмотря на указанные неточности, фильтр может быть использован в качестве контрольной переменной. Основной альтернативой являются полосовые фильтры, в частности фильтр Бакстера – Кинга. Однако данный класс фильтров не применяется в рамках настоящего исследования, поскольку требует исключения наблюдений на границах временного ряда.

В качестве прокси для мировых цен в исследовании использован индекс потребительских цен США (Хотулев, 2020). Данная переменная отражает глобальный инфляционный тренд, поскольку одна из крупнейших и развитых в мире экономика США позволяет отразить мировую инфляционную тенденцию. Источником данных явился официальный сайт Федерального резервного банка Сент-Луиса⁸.

Ниже представлены описательные статистики переменных (табл. 1).

В приложении (рис. П1–П4) представлена графическая визуализация временных рядов всех исследуемых показателей.

⁵ Статистика цен и инфляции. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>

⁶ Базы данных по курсам валют. Динамика официального курса заданной валюты. Официальный сайт Центрального банка РФ. https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/

⁷ Статистика национальных счетов. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

⁸ Официальный сайт Федерального банка Сент-Луиса. База данных по ИПЦ. Динамика ИПЦ США. <https://fred.stlouisfed.org/series/CPALTT01USQ657N>

Таблица 1

Описательные статистики переменных
Table 1. Descriptive statistics of the variables

Показатель / Indicator	ИПЦ РФ, % / Consumer price index in Russia, %	Обменный курс, руб/долл. / Exchange rate, rubles/dollars	Разрыв ВВП, коэфф. / Gap in GDP, coefficient	ИПЦ США, % / Consumer price index in the USA, %
Среднее / Average	102,32	46,1	0,004	100,63
Медиана / Median	101,78	31,71	0,007	100,54
Максимум / Maximum	109,94	99,54	0,23	102,97
Минимум / Minimum	99,14	23,62	-0,16	97,17
Стандартное отклонение / Standard deviation	1,78	21,55	0,08	0,74
Коэффициент асимметрии / Asymmetry coefficient	1,38	0,753	0,157	-0,523
Количество наблюдений / Number of observations	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по данным официальных сайтов Росстата и Центрального банка РФ.

Source: compiled by the authors based on Rosstat and the Russian Central Bank official websites.

Ограничение исследования связано с недоступностью ежемесячных данных по ВВП РФ. Использование ежеквартальных данных вызвало потребность в длительном временном интервале наблюдений. Еще одним ограничением исследования является недостаток данных об инфляционных ожиданиях потребителей, который затрудняет контроль на эти прогнозы участников экономики и оставляет выводы в состоянии гипотезы.

Все временные ряды, использованные в данном исследовании, являются интегрированными первого порядка и становятся стационарными после первой разности вплоть до четвертого лага, что удовлетворяет ARDL-модели. Для тестирования временных рядов на стационарность традиционно использовались тесты Дики – Фуллера (*ADF*) и Квятковского – Филлипса – Шмидта – Шина (*KPSS*).

Данное исследование базируется на подходе моделирования авторегрессии и распределенного лага (модель *ARDL*). Согласно общепринятой методологии эффекта переноса представим долгосрочную регрессию индекса потребительских цен как:

$$\ln CPI_t^{RU} = \beta_0 + \beta_1 \ln E_t + \beta_2 \ln CPI_t^{US} + \beta_3 T_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где $\ln CPI_t^{RU}$ – ИПЦ РФ, E_t – обменный курс, рублей за доллар, $\ln CPI_t^{US}$ – ИПЦ США, T_t – разрыв ВВП, ε_t – ошибка (Aisen et al., 2021).

В отличие от уравнений, предложенных Сампа и Goldberg (2005) и Хотулева (2020), уравнение (1) содержит переменную разрыва ВВП, которая контролирует эффект переноса на условия спроса в экономике.

Запишем модель *ARDL*:

$$\ln CPI_t^{RU} = c_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i \ln CPI_{t-i}^{RU} + \sum_{i=0}^p \gamma_i \ln E_{t-i} + \sum_{i=0}^q \theta_i \ln CPI_{t-i}^{US} + \sum_{i=0}^r \alpha_i T_{t-i} + \varepsilon_t. \quad (2)$$

Далее совершим следующие преобразования (Канторович, 2002):

$$\begin{aligned} \ln CPI_t^{RU} &= \ln CPI_{t-1}^{RU} + \Delta \ln CPI_t^{RU}, \\ \ln E_t &= \ln E_{t-1} + \Delta \ln E_t, \ln CPI_t^{US} = \ln CPI_{t-1}^{US} + \Delta \ln CPI_t^{US}, \\ T_t &= T_{t-1} + \Delta T_t. \end{aligned} \quad (3)$$

Тогда получим уравнение $ARDL(n, p, q, r)$ в виде модели коррекции ошибок (ECM) (Pesaran et al., 2001):

$$\begin{aligned} \Delta \ln CPI_t^{RU} = & c_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{RU} + \sum_{i=0}^p \gamma_i \Delta \ln E_{t-i} + \\ & + \sum_{i=0}^q \theta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{US} + \sum_{i=0}^r \alpha_i \Delta T_{t-i} + \lambda ECT_{t-1} + \varepsilon_t, \end{aligned} \quad (4)$$

где

$$ECT_{t-1} = \ln CPI_{t-1}^{RU} - \phi_0 - \phi_1 \ln E_{t-1} - \phi_2 \ln CPI_{t-1}^{US} - \phi_3 T_{t-1}. \quad (5)$$

Здесь β_i , γ_i , θ_i и α_i – краткосрочные эластичности соответствующих величин, а ϕ_1 , ϕ_2 , ϕ_3 – долгосрочные эластичности, n , p , q , r – длины лагов соответствующих величин, λ – скорость подвязки. Этот коэффициент показывает скорость перехода системы к долгосрочному равновесию. Отрицательный и значимый коэффициент λ будет свидетельствовать о наличии коинтеграции, что подтверждает переход от краткосрочного состояния к равновесному. Для нас представляют интерес сумма коэффициентов γ_i и значение ϕ_1 . Они являются краткосрочными и долгосрочными эластичностями инфляции по обменному курсу соответственно.

Модель $ARDL(n, p, q, r)$, в отличие от подхода Йохансена, допускает $I(0)$ и $I(1)$ интеграцию нескольких временных рядов, обладает лучшими статистическими свойствами в небольших выборках, способна учитывать асимметричные эффекты в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Для проверки наличия долгосрочной коинтеграционной связи между переменными в рамках $ARDL$ -подхода нами использован тест на границы (*Bounds Test*) в моделях коррекции ошибок (Pesaran et al., 2001). Нулевая гипотеза данного теста предполагает отсутствие взаимосвязей: $H_0: \phi_1 = \phi_2 = \phi_3 = 0$. Если наблюдаемая F -статистика оказывается меньше нижней критической границы, это свидетельствует об отсутствии долгосрочной связи между переменными. Если F -статистика превышает верхнюю критическую границу, можно сделать вывод о наличии устойчивой долгосрочной зависимости. В случае когда значение F -статистики находится между верхней и нижней критическими границами, результат теста считается неопределенным и требует дополнительного анализа. Таблицы асимптотических критических границ для F -статистики приведены в работе (Pesaran et al., 2001).

Для выявления асимметрии эффекта переноса валютного курса (El bejaoui, 2013; Delloro et al., 2017) в данном исследовании выполнена оценка эффекта переноса отдельно для подорожания и удешевления валюты в модифицированной модели $ARDL(n, p, q, r)$ (Shin et al., 2013):

$$\begin{aligned} \Delta \ln CPI_t^{RU} = & c_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{RU} + \sum_{i=0}^{p^+} \gamma_i^+ \Delta \ln E_{t-i}^+ + \sum_{i=0}^{p^-} \gamma_i^- \Delta \ln E_{t-i}^- + \\ & + \sum_{i=0}^q \theta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{US} + \sum_{i=0}^r \alpha_i \Delta T_{t-i} + \lambda ECT_{t-1} + \varepsilon_t, \end{aligned} \quad (6)$$

где $\ln E^+$ и $\ln E^-$ являются соответственно частичными суммами обесценивания и повышения курса национальной валюты и могут быть рассчитаны следующим образом:

$$\ln E_t^+ = \sum_{i=1}^t \Delta \ln E_i^+ = \sum_{i=1}^t \max(\Delta \ln E_i; 0), \quad (7)$$

$$\ln E_t^- = \sum_{i=1}^t \Delta \ln E_i^- = \sum_{i=1}^t \min(\Delta \ln E_i; 0). \quad (8)$$

А последнее слагаемое равно:

$$ECT_{t-1} = \ln CPI_{t-1}^{RU} - \phi_0 - \phi_1^+ \ln E_{t-1}^+ - \phi_1^- \ln E_{t-1}^- - \phi_2 \ln CPI_{t-1}^{US} - \phi_3 T_{t-1}. \quad (9)$$

Для проверки асимметричного эффекта в долгосрочном и краткосрочном периодах в отдельности нами использован теста Вальда, нулевая гипотеза предполагает отсутствие асимметрии эффекта переноса.

Для долгосрочного периода: $H_0: \phi_1^+ = \phi_1^-$.

$$\text{Для краткосрочного периода: } H_0: \sum_{i=0}^{p^+} \gamma_i^+ = \sum_{i=0}^{p^-} \gamma_i^-.$$

Существуют исследования, показывающие, что монетарные шоки могут иметь как значительное влияние на эффект переноса (Cuitiño et al., 2022), так и не иметь влияния вовсе (Carrière-Swallow et al., 2016). Для оценки влияния монетарных шоков на эффект переноса внесем изменения в уравнение (4):

$$\Delta \ln CPI_t^{RU} = c_0 + \sum_{i=1}^n \beta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{RU} + \sum_{i=0}^p \gamma_i \Delta \ln E_{t-i} + \sum_{i=0}^s \theta_i \Delta \ln E_{t-i} D_{t-1} + \sum_{i=0}^q \theta_i \Delta \ln CPI_{t-i}^{US} + \sum_{i=0}^r \alpha_i \Delta T_{t-i} + \lambda ECT_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (10)$$

где

$$ECT_{t-1} = \ln CPI_{t-1}^{RU} - \phi_0 - \phi_1 \ln E_{t-1} - \phi_2 \ln E_{t-1} - \phi_3 \ln CPI_{t-1}^{US} - \phi_4 T_{t-1} - \phi_5 D_{t-1}. \quad (11)$$

Здесь D_{t-1} – фиктивная переменная, которая принимает значения 1 для 2008, 2014, 2020 и 2022 гг. Более того, введение этих переменных позволяет отследить и влияние структурных сдвигов на величину эффекта переноса в России.

Для проверки гипотезы исследования о снижении эффекта переноса валютного курса выполнены оценки базовых моделей $ARDL(n, p, q, r)$ за два периода: 1-й квартал 2000 г. – 4-й квартал 2020 г. и 1-й квартал 2000 г. – 4-й квартал 2024 г. Выбор этих периодов определен интересом к изменениям в эффекте переноса, вызванным негативными шоками предложения в период пандемии в 2020–2021 гг. и нарушениями логистических цепочек в 2022–2023 гг.

Оптимальное количество лагов для оценки моделей $ARDL(n, p, q, r)$ и проведения тестов было определено путем автоматического сравнения байесовского информационного критерия в программной среде *python* с помощью библиотеки *statsmodels*⁹.

Результаты и обсуждение. По результатам теста на границы (*Bounds Test*) было установлено присутствие коинтеграции индекса потребительских цен в каждой из рассматриваемых моделей (табл. 2), что предсказывает его взаимосвязь с обменным курсом и контрольными переменными при движении к равновесному состоянию.

Таблица 2

Результаты теста на границы
Table 2. Results of the boundaries test

Показатель / Indicator	$ARDL(1, 1, 1, 4)$ 2000–2020	$ARDL(1, 1, 1, 4)$ 2000–2024	$ARDL(1, 1, 1, 4)$ с асимметрией 2000–2020 / $ARDL(1, 1, 1, 4)$ with asymmetry 2000–2020	$ARDL(1, 1, 1, 4)$ с асимметрией 2000–2024 / $ARDL(1, 1, 1, 4)$ with asymmetry 2000–2024
F-статистика / F-statistics	13,156	15,215	11,830	9,289
Критические граничные значения F-статистики / Critical boundary values of F-statistics (Pesaran et al., 2001)	2,72–3,97	2,72–3,97	3,10–4,50	3,10–4,50
Коинтеграция / Co-integration	Есть / Yes	Есть / Yes	Есть / Yes	Есть / Yes

Источник: результаты получены авторами в программной среде *python*.

Source: results are obtained by the authors using *python* software.

⁹ Официальная документация библиотеки *statsmodels* программной среды Python. <https://www.statsmodels.org/stable/index.html>

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа базовой модели *ARDL* (1, 1, 1, 4)
Table 3. Results of regression analysis of the *ARDL* (1, 1, 1, 4) basic model

Зависимая переменная: ИПЦ РФ / Dependent variable: Consumer price index in Russia				
Период / Period	2000–2020 гг.		2000–2024 гг.	
Регрессоры / Regressors	Краткосрочные коэффициенты / Short-term coefficients	Долгосрочные коэффициенты / Long-term coefficients	Краткосрочные коэффициенты / Short-term coefficients	Долгосрочные коэффициенты / Long-term coefficients
ИПЦ РФ / Consumer price index in Russia (p-value)	–	–0,5987*** (0,001)	–	–0,5633*** (0,001)
Обменный курс / Exchange rate (p-value)	0,0883** (0,001)	0,0166*** (0,007)	0,1033*** (0,001)	0,0104*** (0,001)
ИПЦ США / Consumer price index in the USA (p-value)	0,3347* (0,083)	0,6183*** (0,001)	0,4297*** (0,010)	0,6221*** (0,001)
Разрыв ВВП / Gap in GDP (p-value)	–0,2224*** (0,003)	0,053*** (0,002)	0,1892*** (0,012)	0,044 (0,620)
Монетарные шоки / Monetary shocks (p-value)	–0,005 (0,909)	–0,0087 (0,115)	0,036 (0,397)	–0,034 (0,309)

Для периода 2000–2024 гг. долгосрочная эластичность индекса потребительских цен по валютному курсу оценивается в 1,66 %, а краткосрочная – в 10,33 %. Наблюдается превышение краткосрочного эффекта переноса над долгосрочным, усиление краткосрочного эффекта переноса валютного курса и ослабление долгосрочного после 2020 г. Этот результат согласуется с выводом в работах Kwon (2025); Colak с соавторами (2024) о повышенном краткосрочном эффекте переноса валютного курса независимо от режима денежно-кредитной политики, особенно в развивающихся экономиках; а также с выводом о неуклонном росте эффекта переноса с начала пандемии (Colak et al., 2024).

Более того, по результатам анализа для обоих периодов можно однозначно заключить, что монетарные шоки не оказывают влияния на величину эффекта переноса. Как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде монетарные шоки не демонстрируют статистически значимого воздействия на силу эффекта переноса обменного курса в инфляцию, что свидетельствует об отсутствии дополнительного влияния данных шоков на механизм трансмиссии.

Более значительный краткосрочный эффект переноса валютного курса можно объяснить ответным ростом цен через прямые и косвенные каналы действия переноса (цены на импорт сырья, импорт товаров, спрос на дешевую рабочую силу), спекулятивные действия продавцов, более сильным совокупным спросом из-за инфляционных ожиданий покупателей. В современных российских экономических условиях потребители склонны ожидать резкого роста цен при любых колебаниях курса рубля к доллару, что через изменение потребительского поведения действительно провоцирует ускорение инфляции.

Следует отметить, что в краткосрочной перспективе отрицательная взаимосвязь ИПЦ с разрывом ВВП как меры спроса в период 2000–2020 гг. сменяется на положительную в период 2000–2024 гг., что еще раз показывает усиление ценового давления за счет роста спроса. Однако в долгосрочной перспективе в период 2000–2024 гг. взаимосвязи спроса с ИПЦ не обнаружено. Эта ситуация может предсказывать более слабый внутренний спрос, который может сопровождаться более низкой инфляцией с течением времени, поскольку влияние растущего экономического спада на внутренние цены может перевесить влияние более высоких цен на импорт (Ha et al., 2020).

График краткосрочного скользящего коэффициента регрессии при обменном курсе в модели $ARDL(1, 1, 1, 4)$ с окном в 4 периода (рис. 1) демонстрирует относительно стабильную динамику краткосрочного эффекта, что можно также объяснить ростом общего ценового давления в среднесрочной перспективе.

В целом же в динамике неполный эффект переноса снижается, что согласуется с результатами ранее выполненных исследований (Добрынская, 2007; Кадыров, 2010; Катаранова, 2010; Пономарев и др., 2014). Такая тенденция является следствием режима инфляционного таргетирования, новой конфигурации внешнеэкономических связей и ослабившимися традиционными каналами переноса структурными изменениями в экономике:

– существенным сокращением объемов внешней торговли со странами, использующими доллар и евро в расчетах;

– изменением структуры импорта и переходом на альтернативные валюты расчетов;

– развитием механизмов внутреннего ценообразования, менее зависимых от валютных колебаний;

– адаптацией экономических агентов к новым условиям.

Нами также обнаружена асимметрия эффекта переноса курса доллара в долгосрочном периоде (табл. 4).

Таблица 4 демонстрирует, что в краткосрочной перспективе как удешевление, так и удорожание рубля усиливают инфляцию, при этом влияние удешевления и удорожания рубля на рост цен не имеет статистических различий, асимметрия отсутствует, что подтверждает предположение о ведущей роли инфляционных ожиданий экономических агентов. Эффект ажиотажного спроса исчерпывается через 3–6 месяцев. В долгосрочной перспективе удорожание рубля закономерно понижает инфляцию, а эффект удорожания рубля на снижение цен статистически значимо больше, чем эффект удешевления рубля, наблюдается асимметрия эффекта переноса. Канал передачи изменений валютного курса на инфляцию оказывается менее выраженным в условиях удешевления рубля, поскольку в такой ситуации одной из возможных реакций экономики становится импортозамещение, частично компенсирующее рост цен, а также изменение структуры и географии импорта. В случае же укрепления рубля аналогичного компенсаторного механизма не возникает, что обуславливает более выраженный эффект переноса. Ранее, для периодов 2000–2008 гг. (Катаранова, 2010) и 2000–2012 гг. (Пономарев и др., 2014) в силу асимметричности эффекта переноса была обнаружена преобладающая тенденция на ослабление национальной валюты по сравнению с эффектом укрепления рубля.

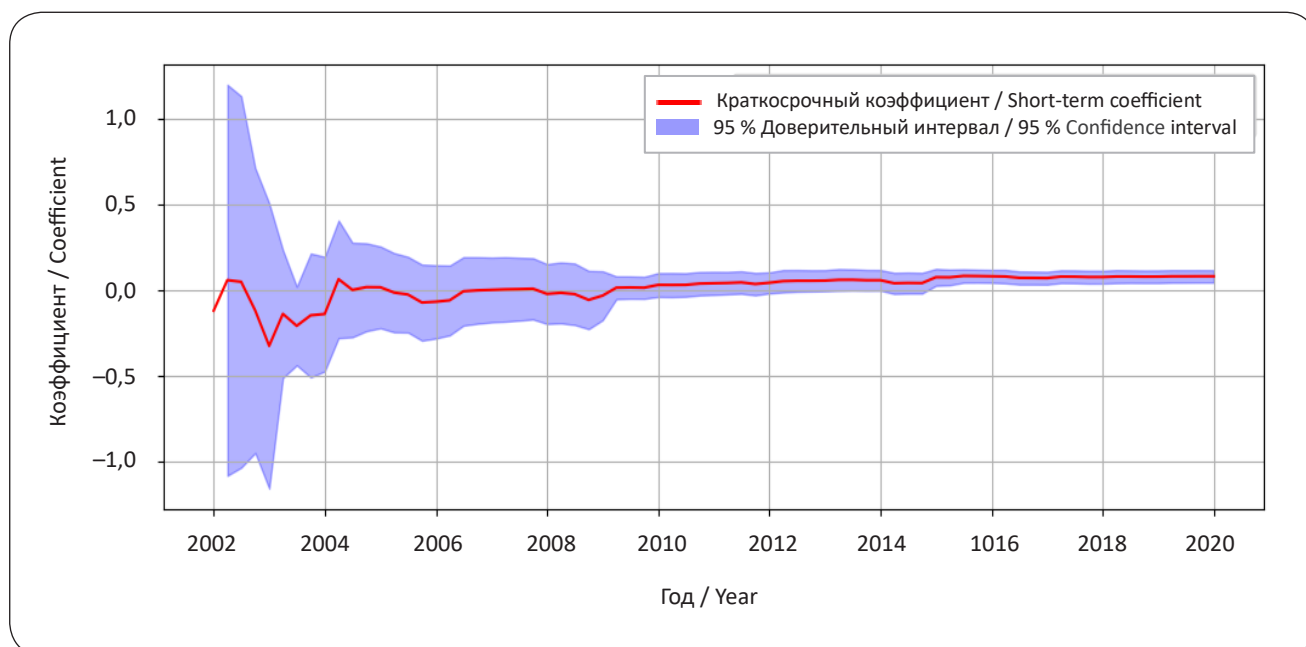

Рис. 1. Оценка краткосрочного скользящего коэффициента при обменном курсе

Источник: получен авторами в программной среде *python*, пакеты *statsmodels*, *matplotlib*.

Fig. 1. Estimation of the short-term sliding coefficient of the exchange rate

Source: obtained by the authors using *python* software and *statsmodels* and *matplotlib* packages.

Таблица 4

**Результаты регрессионного анализа модифицированной модели ARDL (1, 1, 1, 1, 3) с учетом асимметрии
эффекта переноса валютного курса**

**Table 4. Results of regression analysis of the ARDL (1, 1, 1, 1, 3) modified model taking into account the asymmetry
of the currency exchange rate transfer effect**

Зависимая переменная: ИПЦ РФ / Dependent variable: Consumer price index in Russia				
Регрессоры / Regressors	2000–2020 гг.		2000–2024 гг.	
	Краткосрочные коэффициенты / Short-term coefficients	Долгосрочные коэффициенты / Long-term coefficients	Краткосрочные коэффициенты / Short-term coefficients	Долгосрочные коэффициенты / Long-term coefficients
ИПЦ РФ / Consumer price index in Russia	–	–0,6067*** (0,001)	–	–0,6174*** (0,001)
Удешевление рубля / Ruble cheapening (<i>p-value</i>)	0,096*** (0,001)	0,006 (0,347)	0,0976*** (0,001)	0,014** (0,031)
Удорожание рубля / Ruble appreciation (<i>p-value</i>)	0,1022** (0,029)	–0,032** (0,037)	0,1641*** (0,001)	–0,0528*** (0,008)
ИПЦ США / Consumer price index in the USA (<i>p-value</i>)	0,2443 (0,285)	0,7702*** (0,001)	0,4131** (0,050)	0,6380*** (0,001)
Разрыв ВВП / Gap in GDP (<i>p-value</i>)	–0,0955*** (0,003)	0,049 (0,121)	0,065*** (0,002)	0,008 (0,736)
<i>F</i> -статистика Вальда / Wald <i>F</i> -statistics	0,041	9,574	1,760	9,803
<i>p-value</i> (<i>F</i>)	0,843	0,003	0,180	0,002
Наличие асимметрии / Asymmetry	Нет / No	Есть / Yes	Нет / No	Есть / Yes

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование эффекта переноса валютного курса на инфляцию потребления в современной российской экономике позволило выявить ряд значимых закономерностей.

Во-первых, рост краткосрочного эффекта переноса с 2020 г., вероятнее всего, связанный с активизацией поведенческих реакций экономических агентов. В условиях повышенной волатильности курса рубля внешние шоки, традиционные прямые и косвенные каналы переноса, инфляционные ожидания населения стали источником передачи курсовых шоков, что усиливает инфляционное давление в первые месяцы после девальвации, до проявления результатов денежно-кредитной политики.

Во-вторых, устойчивое ослабление эффекта переноса в долгосрочной перспективе, которое объясняется инфляционным таргетированием, структурными изменениями в экономике, включая сокращение доли импорта в потребительской корзине, переориентацию внешнеторговых потоков на альтернативные валюты и рынки, а также адаптацию бизнеса к курсовым колебаниям через оптимизацию издержек и цепочек поставок.

В-третьих, асимметрию эффекта в долгосрочной перспективе, когда эффект удорожания рубля, статистически значимо больший по сравнению с эффектом удешевления, понижает рост цен и свидетельствует о том, что инфляционное таргетирование защищает отечественную экономику от конъюнктуры внешних рынков и сокращает риски роста цен.

В-четвертых, монетарные шоки не демонстрируют статистически значимого воздействия на силу эффекта переноса обменного курса в потребительские цены. Вероятнее всего, это происходит потому, что монетарные шоки воздействуют преимущественно на краткосрочные колебания номинального обменного курса, но не модифицируют структурные параметры экономики, а именно они являются главной детерминантой силы

эффекта переноса (но, если монетарные шоки оказывают лишь краткосрочное влияние, они должны были оказаться статистически значимыми в анализе краткосрочного эффекта? Более того, данная часть объяснения затрагивает лишь влияние монетарных шоков на валютный курс, а не на величину эффекта переноса. Также монетарные шоки меняют структурные параметры экономики, например, переход к таргетированию инфляции в 2014 г. Альтернативное объяснение: одной из вероятных причин данного явления является пропорциональный рост инфляционных ожиданий при изменении курса валют, вне зависимости от причины изменения цены рубля).

Таким образом, ослабление долгосрочного эффекта переноса, которое снижает инфляционные риски со стороны валютного курса, создает доказательства эффективности политик плавающего валютного курса, импортозамещения, изменения структуры внешнеэкономических связей. Гибкость курса рубля позволяет амортизировать внешние шоки, ограничивая их влияние на внутренние цены, а монетарные инструменты ЦБ РФ (ключевая ставка, таргетирование инфляции) остаются действенными для контроля инфляционных процессов. Однако краткосрочные всплески роста цен требуют усиления коммуникационной политики регулятора для управления поведенческими реакциями населения. Также ряд рекомендаций денежно-кредитному регулятору, основанных на данном исследовании, включает необходимость регулярной оценки динамики эффекта переноса обменного курса с использованием эконометрических моделей для понимания каналов передачи и прогноза инфляционного давления, с тем чтобы через инструменты управления ликвидностью и процентные ставки принимать меры для смягчения валютного курса и поддержания ценовой стабильности. В этой связи важное значение имеют инвестирование в исследовательские инициативы и содействие сотрудничеству между академическими и политическими институтами, исследовательскими организациями для получения и обработки эмпирических данных. Также рычагом для снижения зависимости от импортных ресурсов являются сосредоточение на внутреннем производстве, поощрение экспортно ориентированных отраслей, повышение конкурентоспособности торговли.

В дальнейших исследованиях нами предполагается осуществить эконометрическую оценку эффекта переноса и внешних шоков как его каналов (цены на нефть, мировой объем производства, денежно-кредитная политика государств – владельцев валют) на цены производителей и ее сравнение с эффектом к потребительским ценам. Для более точной оценки текущей интенсивности воздействия требуется использование данных с более высокой частотой, чем ежеквартальные показатели. Это особенно актуально для анализа краткосрочных реакций экономических агентов на курсовые колебания. Несмотря на это, работа подтверждает, что в условиях трансформации российской экономики политика плавающего курса остается рациональным выбором, обеспечивающим баланс между стабильностью цен и адаптацией к внешним вызовам.

Список литературы

- Бадасен, П. В., Картаев, Ф. С., Хазанов, А. А. (2015). Эконометрическая оценка влияния валютного курса на динамику выпуска. *Деньги и кредит*, 7, 41–49.
- Гасанов, О. С. (2013). Процентная политика и инфляция в России. *Финансы и кредит*, 7, 7–10.
- Добрынская, В. В. (2007). Эффект переноса и монетарная политика в России: что изменилось после кризиса 1998 г. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 213–233.
- Журавковский, В., Новопашина, А., Тарантаев, А. (2021). Региональная разнородность эффекта переноса валютного курса на инфляцию. *Серия докладов об экономических исследованиях*. Банк России. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/118010/wp_dgu_jan.pdf
- Исаев, А. Д. (2023). Инфляция: причины и решение проблемы на примере Узбекистана. *Теоретическая экономика*, 11, 11–19.
- Кадыров, М. Т. (2010). Влияние валютного курса на цены при наличии структурных сдвигов. *Прикладная эконометрика*, 19(3), 9–22.
- Канторович, Г. Г. (2002). Лекция № 4. Лекции и методические материалы по курсу «Анализ временных рядов». *Экономический журнал ВШЭ*, 4, 498–523.
- Картаев, Ф. С., Якимова, Ю. И. (2018). Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса. *Вопросы экономики*, 11, 70–84. EDN: VLKMAQ. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-70-84

- Катаранова, М. (2010). Связь между обменным курсом и инфляцией в России. *Вопросы экономики*, 1, 44–62. EDN: KYJRPT. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-1-44-62
- Корнейченко, Е. Н., Новопашина, А. Н., Пыхтеев, Ю. Н. (2021). Эффект переноса валютного курса в потребительские цены в регионах России: поиск пространственных взаимосвязей. *Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право*, 21(4), 398–409. EDN: NLIBIH. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-4-398-409
- Напалков, В. В., Новак, А. Е., Шульгин, А. Г. (2021). Различия в эффектах единой денежно-кредитной политики: случай регионов России. *Деньги и кредит*, 80(1), 3–45. EDN: YWTEPC. DOI: 10.31477/rjmf.202101.03
- Пономарев, Ю. (2015). Эффект переноса динамики обменного курса рубля в цены в российских отраслях промышленности. *Экономическая политика*, 10(5), 53–70. EDN: UMCZXH. DOI: 10.18288/1994-5124-2015-5-03
- Пономарев, Ю., Трунин, П., Улюкаев, А. (2014). Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России. *Вопросы экономики*, 3, 21–35. EDN: RWOGBT. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-3-21-35
- Смирнов, В. Д. (2025). Финансовая стабильность и экономическое развитие: расстановка приоритетов. *Финансы: теория и практика*, 29(3), 148–165. EDN: GUZDDY. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-148-165
- Тиунова, М. Г. (2018). Моделирование эффекта переноса валютного курса на цены в России. *Финансы: теория и практика*, 22(3), 136–154. EDN: USEWAB. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-3-136-154
- Хотулев, И. (2020). Зависимость эффекта переноса валютного курса в России от экономических шоков. Аналитическая записка ЦБ РФ. https://cbr.ru/Content/Document/File/108348/analytic_note_20200622_dip.pdf
- Aisen, A., Manguinhane, E., & Simione, F. F. (2021). An Empirical Assessment of the Exchange Rate Pass-through in Mozambique. *IMF Working Paper*, WP/21/132. International Monetary Fund, African Department. <https://doi.org/10.5089/9781513573694.001>
- Beirne, J., Renzhi, N., & Panthi, P. (2023). Exchange rate pass-through in emerging Asia and exposure to external shocks. *Economic Analysis and Policy*, 81(1), 1608–1624. EDN: CLSCRL. DOI: 10.1016/j.eap.2023.10.033
- Campa, J. M., & Goldberg, L. S. (2005). Exchange Rate Pass-Through into Import Prices. *The Review of Economics and Statistics*, 87(4), 679–690. <https://doi.org/10.1162/003465305775098189>
- Carrière-Swallow, Y., Gruss, B., Magud, N. E., & Valencia, F. (2016) Monetary Policy Credibility and Exchange Rate Pass-Through. *IMF Working paper*, 16(240). <https://doi.org/10.5089/9781475560312.001>
- Hakura, D. S., & Choudhri, E. U. (2006). Exchange rate pass-through to domestic prices: Does the inflationary environment matter? *Journal of International Money and Finance*, 25(4), 614–639. <https://doi.org/10.5089/9781451859867.001>
- Colak, Y., Erden, L., & Ozkan, I. (2024). Time-varying exchange rate pass-through over 2005–2021 using dynamic model averaging. *International Review of Economics & Finance*, 96(1), 103514. EDN: ANNCAM. DOI: 10.1016/j.iref.2024.103514
- Comunale, M., & Kunovac, D. (2017). Exchange rate pass-through in the euro area. *ECB Working Paper Series*, 2003. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp2003.en.pdf>
- Cuitiño, F., Medina, J., & Zacheo, L. (2022). Conditional exchange rate pass-through and monetary policy credibility: Insights from Uruguay and Chile. *Economic Modelling*, 114(C), 105926. EDN: TSPTZT. DOI: 10.1016/j.econmod.2022.105926
- Delloro, V., Glindro, E. T., & Alarcon, S. J. (2017). Asymmetric Exchange Rate Pass-through: Evidence from the Philippines. *Working Papers*, 19. South East Asian Central Banks (SEACEN), Research and Training Centre. <https://www.seacen.org/publications/RePEc/702003-100412-PDF.pdf>
- Dilla, S., Achsani, N. A., & Anggraeni, L. (2017). Do inflation targeting really reduced exchange rate pass-through? *International Journal of Economic and Financial Issues*, 7(3), 444–452.
- El bejaoui, H. J. (2013). Asymmetric effects of exchange rate variations: An empirical analysis for four advanced countries. *International Economics*, 135–136(2), 29–46. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2013.10.001>
- Floden, M., & Wilander, F. (2006). State dependent pricing, invoicing currency, and exchange rate pass-through. *Journal of International Economics*, 70(1), 178–196. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2005.08.002>
- Ha, J., Stocker, M. M., & Hakan, Y. (2020). Inflation and exchange rate pass-through. *Journal of International Money and Finance*, 105, 102187. EDN: XPYJSB. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102187>
- Hamilton, J. D. (2018). Why you should never use the Hodrick – Prescott filter. *Review of Economics and Statistics*, 100(5), 831–843. https://doi.org/10.1162/REST_a_00706
- Jašová, M., Moessner, R., & Takáts, E. (2016). Exchange rate pass-through: What has changed since the crisis? *BIS Working Papers*, 583. <https://www.bis.org/publ/work583.pdf>
- Kwon, J. (2025). Monetary Policy Credibility and State-Dependent Exchange Rate Pass-Through in Asia-Pacific Countries. *Economic Modelling*. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107203>
- Lariau, A., El-Said, M., & Takebe, M. (2016). An Assessment of the Exchange Rate Pass-Through in Angola and Nigeria. *IMF Working Paper*, WP/16/191. International Monetary Fund, African Department. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16191.pdf>
- Li, Y. A., Lu, L., & Zhao, T. (2025). Exchange rate pass-through and importers' credit constraints: Evidence from China. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 236, 107044. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2025.107044>
- Mccarthy, J. (2007). Pass-through of Exchange Rates and Import Prices to Domestic Inflation in Some Industrialized Economies. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.249576>

- Mihaljec, D., & Klau, M. (2001). A note on the pass-through from exchange rate and foreign price changes to inflation in selected emerging market economies. *BIS Working Papers*, 8. <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap08c.pdf>
- Olivey, G. (2002). Exchange rates and the prices of manufacturing products imported into the United States. *New England Economic Review*, Q1, 3–18.
- Ozyurt, S. (2016). Has the exchange rate pass through recently declined in the euro area? *Working Paper Series*, 1955, European Central Bank. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1955.en.pdf>
- Pesaran, M. H., Shin, Y., & Smith, R. J. (2001). Bounds Testing Approaches to the Analysis of Level Relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3), 289–326. EDN: FNJCBH. DOI: 10.1002/jae.616
- Rincón-Castro, H., & Rodríguez-Niño, N. (2018) Nonlinear state and shock dependence of exchange rate passthrough on prices. *BIS Working Papers*, 690. <https://www.bis.org/publ/work690.pdf>
- Shin, Y., Yu, B., & Greenwood-Nimmo, M. (2013). Modelling Asymmetric Cointegration and Dynamic Multipliers in a Nonlinear ARDL Framework. *Working Papers, SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.1807745>
- Srithilat, K., Samatmanivong, T., Sisouphanthong, V., Vanhnalat, B., & Lomchanthala, P. (2024). The Empirical Analysis of the Exchange Rate Pass-Through in Lao PDR. *Lao Journal of Economics and Business Management*, 1(1), 8–14. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11437572>
- Taylor, J. B. (2000). Low inflation, pass-through, and the pricing power of firms. *European Economic Review*, 44(7), 1389–1408. EDN: DYJCFT. DOI: 10.1016/S0014-2921(00)00037-4

References

- Aisen, A., Manguinhane, E., & Simione, F. F. (2021). An Empirical Assessment of the Exchange Rate Pass-through in Mozambique. *IMF Working Paper*, WP/21/132. International Monetary Fund, African Department. <https://doi.org/10.5089/9781513573694.001>
- Badasen, P. V., Kartaev, F. S., Khazanov, A. A. (2015). Econometric estimation of the influence of currency exchange rate on the issuance dynamics. *Russian Journal of Money & Finance*, 7, 41–49. (In Russ.).
- Beirne, J., Renzhi, N., & Panthi, P. (2023). Exchange rate pass-through in emerging Asia and exposure to external shocks. *Economic Analysis and Policy*, 81(1), 1608–1624. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.10.033>
- Campa, J. M., & Goldberg, L. S. (2005). Exchange Rate Pass-Through into Import Prices. *The Review of Economics and Statistics*, 87(4), 679–690. <https://doi.org/10.1162/003465305775098189>
- Carrière-Swallow, Y., Gruss, B., Magud, N. E., & Valencia, F. (2016) Monetary Policy Credibility and Exchange Rate Pass-Through. *IMF Working paper*, 16(240). <https://doi.org/10.5089/9781475560312.001>
- Colak, Y., Erden, L., & Ozkan, I. (2024). Time-varying exchange rate pass-through over 2005–2021 using dynamic model averaging. *International Review of Economics & Finance*, 96(1), 103514. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.103514>
- Comunale, M., & Kunovac, D. (2017). Exchange rate pass-through in the euro area. *ECB Working Paper Series*, 2003. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp2003.en.pdf>
- Cuitiño, F., Medina, J., & Zacheo, L. (2022). Conditional exchange rate pass-through and monetary policy credibility: Insights from Uruguay and Chile. *Economic Modelling*, 114(C), 105926. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105926>
- Delloro, V., Glindro, E. T., & Alarcon, S. J. (2017). Asymmetric Exchange Rate Pass-through: Evidence from the Philippines. *Working Papers*, 19. South East Asian Central Banks (SEACEN), Research and Training Centre. <https://www.seacen.org/publications/RePEc/702003-100412-PDF.pdf>
- Dilla, S., Achsani, N. A., & Anggraeni, L. (2017). Do inflation targeting really reduced exchange rate pass-through? *International Journal of Economic and Financial Issues*, 7(3), 444–452.
- Dobrynskaya, V. V. (2007). Transfer effect and monetary policy in Russia: what has changed after the 1998 crisis. *The HSE Economic Journal*, 11(2), 213–233. (In Russ.).
- El bejaoui, H. J. (2013). Asymmetric effects of exchange rate variations: An empirical analysis for four advanced countries. *International Economics*, 135–136(2), 29–46. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2013.10.001>
- Floden, M., & Wilander, F. (2006). State dependent pricing, invoicing currency, and exchange rate pass-through. *Journal of International Economics*, 70(1), 178–196. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2005.08.002>
- Gasarov, O. S. (2013). Rate policy and inflation in Russia. *Finance and Credit*, 7, 7–10. (In Russ.).
- Ha, J., Stocker, M. M., & Hakan, Y. (2020). Inflation and exchange rate pass-through. *Journal of International Money and Finance*, 105, 102187. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102187>
- Hakura, D. S., & Choudhri, E. U. (2006). Exchange rate pass-through to domestic prices: Does the inflationary environment matter? *Journal of International Money and Finance*, 25(4), 614–639. <https://doi.org/10.5089/9781451859867.001>
- Hamilton, J. D. (2018). Why you should never use the Hodrick – Prescott filter. *Review of Economics and Statistics*, 100(5), 831–843. https://doi.org/10.1162/REST_a_00706
- Isaev, A. D. (2023). Inflation: causes and solution of the problem by the example of Uzbekistan. *Theoretical Economics*, 11, 11–19. (In Russ.).

- Jašová, M., Moessner, R., & Takáts, E. (2016). Exchange rate pass-through: What has changed since the crisis? *BIS Working Papers*, 583. <https://www.bis.org/publ/work583.pdf>
- Kadyrov, M. T. (2010). Influence of the currency rate on prices under structural shifts. *Applied Econometrics*, 19(3), 9–22. (In Russ.).
- Kantorovich, G. G. (2002). Lecture 4. Lectures and methodological materials on “Analysis of time series”. *The HSE Economic Journal*, 4, 498–523. (In Russ.).
- Kartaev, F. S., & Yakimova, Yu. I. (2018). The influence of inflation targeting on the pass-through effect of the exchange rate. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 70–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-70-84>
- Khotulev, I. (2020). *Dependence of the exchange rate transfer effects in Russia on economic shocks*. Analytical report of the Russian Central Bank. (In Russ.). https://cbr.ru/Content/Document/File/108348/analytic_note_20200622_dip.pdf
- Kornejchenko, E. N., Novopashina, A. N., & Pykhteev, Yu. N. (2021). Exchange rate pass-through in Russian regions: Searching for spatial dependencies. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 21(4), 398–409. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-398-409>
- Kwon, J. (2025). Monetary Policy Credibility and State-Dependent Exchange Rate Pass-Through in Asia-Pacific Countries. *Economic Modelling*. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107203>
- Lariau, A., El-Said, M., & Takebe, M. (2016). An Assessment of the Exchange Rate Pass-Through in Angola and Nigeria. *IMF Working Paper*, WP/16/191. International Monetary Fund, African Department. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16191.pdf>
- Li, Y. A., Lu, L., & Zhao, T. (2025). Exchange rate pass-through and importers’ credit constraints: Evidence from China. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 236, 107044. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2025.107044>
- Mccarthy, J. (2007). Pass-through of Exchange Rates and Import Prices to Domestic Inflation in Some Industrialized Economies. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.249576>
- Mihaljec, D., & Klau, M. (2001). A note on the pass-through from exchange rate and foreign price changes to inflation in selected emerging market economies. *BIS Working Papers*, 8. <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap08c.pdf>
- Napalkov, V., Novak, A., & Shulgin, A. (2021). Variations in the effects of a single monetary policy: the case of Russian regions. *Russian Journal of Money and Finance*, 80(1), 3–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.31477/rjmf.202101.03>
- Olivey, G. (2002). Exchange rates and the prices of manufacturing products imported into the United States. *New England Economic Review*, Q1, 3–18.
- Ozyurt, S. (2016). Has the exchange rate pass through recently declined in the euro area? *Working Paper Series*, 1955, European Central Bank. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1955.en.pdf>
- Pesaran, M. H., Shin, Y., & Smith, R. J. (2001). Bounds Testing Approaches to the Analysis of Level Relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3), 289–326. <https://doi.org/10.1002/jae.616>
- Ponomarev, Yu. (2015). Exchange rate pass-through in Russian production prices. *Economic Policy*, 10(5), 53–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-5-03>
- Ponomarev, Yu., Trunin, P., & Ulyukayev, A. (2014). Exchange rate pass-through in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 21–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-3-21-35>
- Rincón-Castro, H., & Rodríguez-Niño, N. (2018) Nonlinear state and shock dependence of exchange rate passthrough on prices. *BIS Working Papers*, 690. <https://www.bis.org/publ/work690.pdf>
- Shin, Y., Yu, B., & Greenwood-Nimmo, M. (2013). Modelling Asymmetric Cointegration and Dynamic Multipliers in a Nonlinear ARDL Framework. *Working Papers, SSRN Electronic Journal*, <https://doi.org/10.2139/ssrn.1807745>
- Smirnov, V. D. (2025). Financial Stability and Economic Development: Setting Priorities. *Finance: Theory and Practice*, 29(3), 148–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-3-148-165>
- Srithilat, K., Samatmanivong, T., Sisouphanthong, V., Vanhnalat, B., & Lomchanthala, P. (2024). The Empirical Analysis of the Exchange Rate Pass-Through in Lao PDR. *Lao Journal of Economics and Business Management*, 1(1), 8–14. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11437572>
- Taylor, J. B. (2000). Low inflation, pass-through, and the pricing power of firms. *European Economic Review*, 44(7), 1389–1408. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(00\)00037-4](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(00)00037-4)
- Tiunova, M. G. (2018). Modeling the transfer Effect of Exchange Rate on Prices in Russia. *Finance: Theory and Practice*, 22(3), 136–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-3-136-154>
- Zhurakovskij, V., Novopashina, A., & Tarantaev, A. (2021). *Regional inhomogeneity of the exchange rate transfer effect on inflation. Series of reports on economic research*. Bank of Russia. (In Russ.). https://www.cbr.ru/Content/Document/File/118010/wp_dgu_jan.pdf

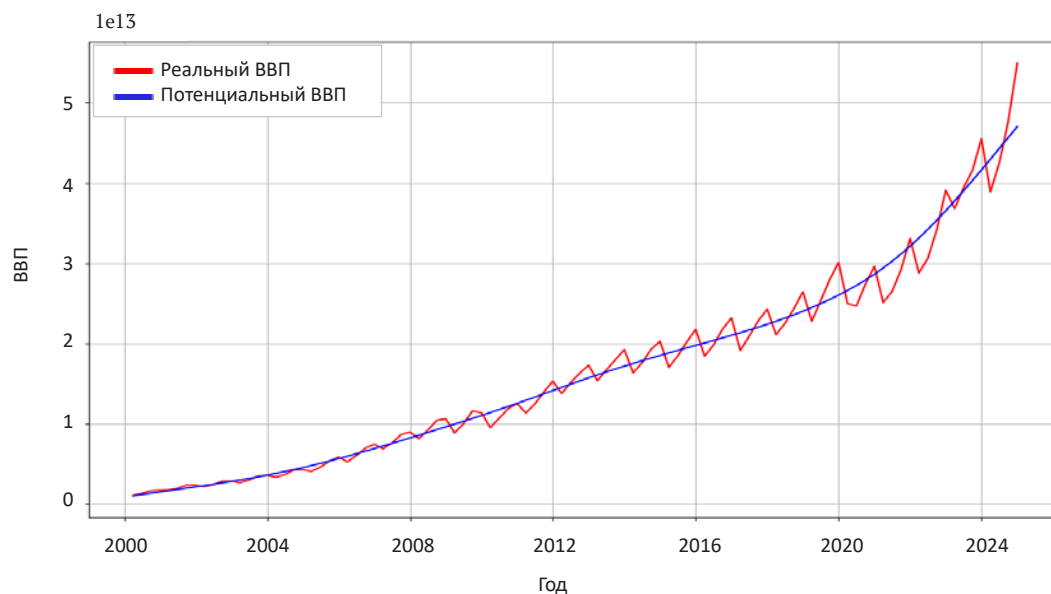

Рис. П1. Ежеквартальная динамика реального и потенциального ВВП

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики¹⁰.

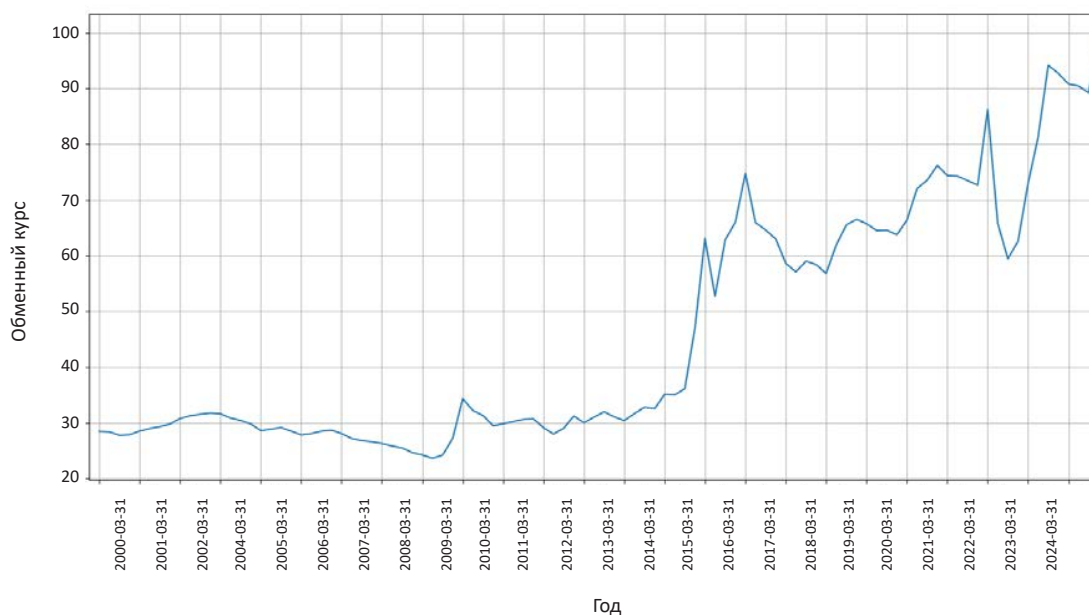

Рис. П2. Ежеквартальная динамика обменного курса

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Центрального банка РФ¹¹.

¹⁰ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика национальных счетов. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

¹¹ Официальный сайт Центрального банка РФ. Базы данных по курсам валют. Динамика официального курса заданной валюты. https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/

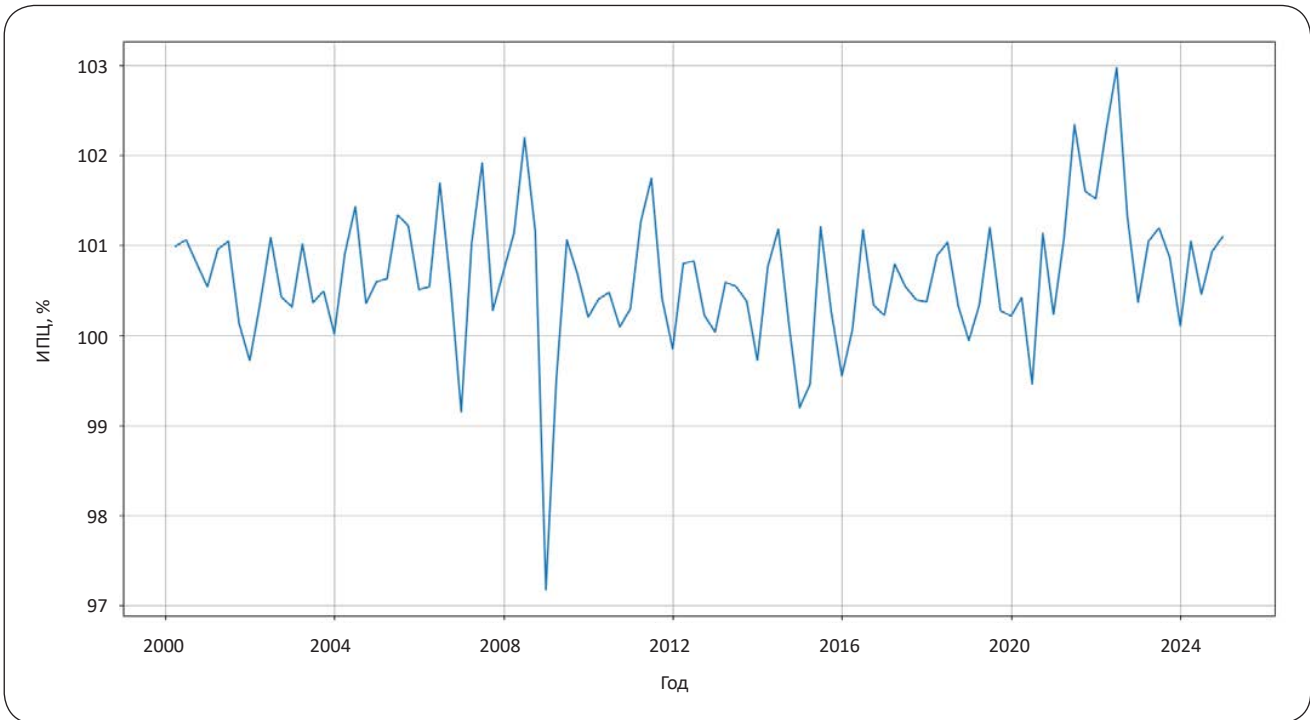

Рис. ПЗ. Ежеквартальная динамика ИПЦ США

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Федерального Резервного банка Сент-Луиса. База данных по ИПЦ. Динамика ИПЦ США. <https://fred.stlouisfed.org/series/CPALTT01USQ657N>

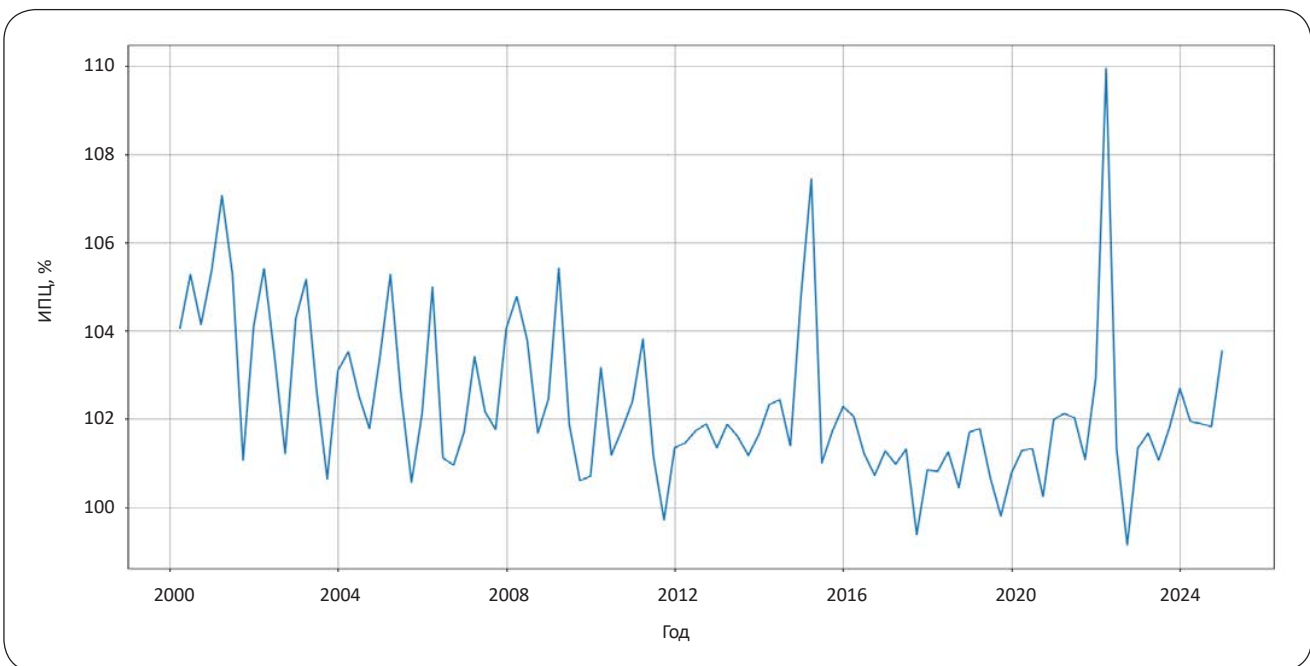

Рис. П4. График значений ИПЦ РФ по кварталам

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики¹².

¹² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика цен и инфляции. <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>

Вклад авторов

М. А. Шайдуллиным сформулированы задачи исследования, выполнен сбор данных, их обработка и эконометрическое моделирование в среде Python, изложены результаты и их обсуждение.

Е. И. Кадочниковой выполнено методическое руководство исследованием, подготовлены введение, обзор литературы, обсуждение результатов и заключение.

The author's contributions

M. A. Shaydullin proposed the task setting, performed data collection, processing and econometric modeling in Python environment, described and discussed the results.

E. I. Kadochnikova performed methodological supervision of the research, prepared introduction, literature review, discussion of the results, and conclusion.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 09.07.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 10.08.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики Э. Ю. Латыпова / Rubric editor E. Yu. Latypova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.591-602>

УДК / UDC 343.2:343.8(470+571)

В. В. Сверчков^{1,2}

¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

² Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в Нижнем Новгороде, г. Нижний Новгород, Россия

Меры общественного воздействия в российском уголовном праве

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в Нижнем Новгороде
E-mail: sverchkov14@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-9266-2018>
eLIBRARY SPIN-код: 2309-9102

Аннотация

Цель: разработка научно обоснованных положений о мерах общественного воздействия в российском уголовном праве, а также выработка предложений о включении в уголовный и уголовно-процессуальный законы норм об условном освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки коллективу организации или учреждения.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который позволил проанализировать их в развитии и функционировании, способствовал использованию общенаучных (анализ, дедукция, индукция, логический, обобщение, синтез, экстраполяция) и специальных (анкетирование, историко-правовой, компаративистский, статистический, формально-юридический) методов исследования.

Результаты: определено место общественных мер в российском уголовном праве, обосновано предложение о дополнении уголовного и уголовно-процессуального законодательства нормами об условном освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки коллективу организации или учреждения. Нормативное основание освобождения от уголовной ответственности сконструировано из объективных условий, при которых лицо подлежит предварительному освобождению. Окончательное освобождение поставлено в зависимость от соблюдения обвиняемым условий испытания. Нормативное основание прекращения уголовного преследования сформировано из объективных и субъективных условий. Более того, предлагаемая уголовно-процессуальная норма содержит предписания суду: а) возложить на территориальный орган внутренних дел и поручителя функции контроля за соблюдением условий испытания и подготовки, представления отчета о выполнении испытуемым обязанностей, б) отменить освобождение от уголовной ответственности, залог направить в доход государства и назначить наказание переданному на поруки лицу при систематическом или злостном невыполнении им этих обязанностей.

Научная новизна: в статье доказана необходимость закрепления мер общественного воздействия в российском уголовном праве, аргументировано предложение о фиксации в уголовном и уголовно-процессуальном законах норм об условном освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки коллективу организации или учреждения, раскрыты основания и условия данного освобождения/прекращения, а также иные обстоятельства, направленные на эффективное применение названных норм. Кроме того, показана правовая перспектива залогового поручительства как меры общественного воздействия на преступника.

Практическая значимость: основные положения и выводы, изложенные в статье, могут быть использованы в научной, педагогической, правотворческой деятельности при изучении и совершенствовании институтов освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, общественное воздействие, залог, испытательный срок, освобождение от уголовной ответственности, передача на поруки, поручитель, прекращение уголовного преследования

Статья является более развернутой версией ранее опубликованной работы.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Сверчков, В. В. (2025). Меры общественного воздействия в российском уголовном праве. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 591–602. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.591-602>

Scientific article

V. V. Sverchkov^{1,2}

¹ Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary Russia

² Nizhny Novgorod branch of Moscow University named after S. Yu. Vitte, Nizhny Novgorod, Russia

Community sanctions in the Russian criminal law

Vladimir V. Sverchkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal-legal Disciplines, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov;
Professor of the Department of Criminal-legal Disciplines, Nizhny Novgorod branch of Moscow University named after S. Yu. Vitte
E-mail: sverchkov14@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-9266-2018>
eLIBRARY SPIN code: 2309-9102

Abstract

Objective: to develop scientifically sound provisions on community sanctions in the Russian criminal law; to develop proposals for the inclusion in criminal and criminal procedure laws of norms on conditional release from criminal liability and on termination of criminal prosecution due to transferring a person on bail to an organization or institution staff.

Methods: a dialectical approach to cognition of social phenomena, which allows analyzing their development and functioning, as well as applying general scientific (analysis, deduction, induction, logical method, generalization, synthesis, extrapolation) and special (questioning, historical-legal, comparative, statistical, and formal-legal) research methods.

Results: the author determined the place of community sanctions in the Russian criminal law and substantiated the proposal to supplement criminal and criminal-procedural legislation with norms on conditional release from criminal liability and on termination of criminal prosecution due to transferring a person on bail to an organization or institution staff. The normative basis for release from criminal liability is constructed from the objective conditions under which a person is subject to preliminary release. The final release is conditional on the accused's compliance with the probation conditions. The normative

basis for the termination of criminal prosecution is composed of objective and subjective conditions. Moreover, the proposed criminal-procedural norm contains instructions to the court: a) the territorial body of internal affairs and the guarantor should monitor compliance with the probation and training conditions, submitting a report on the subject's fulfillment of duties, b) the exemption from criminal liability should be canceled, the pledge should be sent to the state revenue and the bailed person should be subject to punishment in case of systematic or malicious non-fulfillment of these duties.

Scientific novelty: the article proves the need to consolidate community sanctions in the Russian criminal law. It argues that the criminal and criminal-procedural laws should stipulate norms on conditional release from criminal liability, termination of criminal prosecution due to transferring a person on bail to an organization or institution staff. The author discloses the grounds and conditions for this release/termination, as well as other circumstances aimed at the effective application of these standards. In addition, the article shows legal prospects of collateral surety as a community sanction for a criminal.

Practical significance: the main provisions and conclusions set out in the article can be used in scientific, pedagogical, and law-making activities to study and improve the institutions for exemption from criminal liability and termination of criminal prosecution.

Keywords:

criminal-legal sciences, community sanctions, bail, probation period, release from criminal liability, transfer on bail, surety, termination of criminal prosecution

The article is an expanded version of a previously published work.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sverchkov, V. V. (2025). Community sanctions in the Russian criminal law. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 591–602. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.591-602>

Введение

Внешние и связанные с ними внутренние угрозы существованию и развитию Российской Федерации, образующего ее народа, которые вызваны крушением основ международного права, разрушением сложившейся в конце XX в. системы однополярного мира, способствовали консолидации российского общества, укреплению государственного механизма. Сплоченное взаимодействие между ветвями власти, возросший уровень доверия к ним больших и малых социальных групп, объединяющих людей по профессиональным, религиозным, образовательным и прочим интересам, создали благоприятные условия для успешного функционирования, укрупнения коммерческих и некоммерческих организаций, участия населения в принятии важных решений районного, регионального или федерального уровня, в предупреждении общественно опасного поведения сограждан.

Истории известен положительный опыт предупреждения преступного поведения, противодействия ему «всем миром» – комплексными мерами.

На Руси великокняжеского и царского периодов в ст. 14 Судебника Ивана III (1497 г.)¹, ст. 12, 56, 57 Судебника Ивана IV (1550 г.)², ст. 5, 6 Приговора о разбойных делах (1555 г.), ст. 2, 3, 33, 35, 36, 38 Уставной книги разбойного приказа (1616–1617 гг.), ст. 155 Уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.) (позже названного Соборным), ст. 8, 24, 25 Новоуказных статей о татевных, разбойных и убийственных делах (1669 г.), ст. 77–83, 125, 416, 417, 422–429, 875, 1069, 1164, 1208 Устава уголовного судопроизводства (1864 г.)³ *поручительство*

¹ Судебник исследователями разделен на статьи. Наиболее распространена предложенная М. Ф. Владимирским-Будановым система из 68 статей.

² Нормы Судебника тематически сгруппированы. Он разбит на 99 статей (глав) и включает дополнительную статью.

³ Устав уголовного судопроизводства. (1864, 20 ноября). Конституция РФ. НПП Гарант. <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

представителей общественности предусматривалось как уголовно-процессуальная мера (Черепнин, 1956. С. 357, 385–386; 1959. С. 189, 196, 241–243, 257–259; 1963. С. 398, 404–405, 409–410, 441, 463–465, 468; Чистяков, 1985. С. 56, 74, 99, 107, 134, 147). Подобным образом оно зафиксировано в советском и современном отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (см. ст. 147, 153–155, 157–159 УПК РСФСР (1922 г.)⁴, ст. 94, 95 УПК РСФСР (1960 г.)⁵, ст. 98, 103 УПК РФ)⁶.

В начале XX в. производная форма поручительства отражена в швейцарском проекте уголовного закона как мера предосторожности (Жижиленко, 1914. С. 255).

Во второй половине XX в. на территории СССР⁷ (в большей мере союзной республики – РСФСР⁸) весомую помощь правоохранительным органам в недопущении, пресечении правонарушений оказывали граждане в составе добровольных народных дружин, отрядов содействия милиции и т. д. Отправление правосудия базировалось на независимости судей и народных заседателей. К исправлению и перевоспитанию преступников суды привлекали общественные организации, трудовые коллективы.

Изучение мер общественного воздействия в российском уголовном праве, эффективности их применения, возможности преобразования и закрепления в законодательстве осуществлялось учеными в советский (Виттенберг, 1969; Володина, 1976; Елеонский, 1966; Курляндский, 1965; Молодцов, 1977; Огурцов, 1962; Пусурманов, 1991; Чугаев, 1964) и постсоветский (Аликперов, 2001. С. 13; Гареев, 2020. С. 139–149; Магомедов, 1998. С. 15, 39, 40; Сабанин⁹; Сверчков, 2008. С. 290–308; 2025. С. 620–627; Тит, 2023. С. 149–156) периоды развития общества.

Целью данной статьи является разработка научно обоснованных положений о мерах общественного воздействия в российском уголовном праве, выработка предложений о включении в уголовный и уголовно-процессуальный законы норм об условном освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки коллективу организации или учреждения. Для достижения этой цели решены следующие задачи: проведен анализ доктринальных и нормативных правовых источников сведений о мерах общественного воздействия в уголовном праве; дана оценка практики освобождения от уголовной ответственности с передачей лица на поруки, прекращения в отношении его уголовного дела; сформированы и сформулированы необходимые и достаточные условия для конструирования соответствующих оснований освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования¹⁰.

Процесс и результаты исследования

Прежнее уголовное законодательство России содержало нормы о мерах общественного воздействия, которые следовало применять вместо уголовных наказаний к лицам, не представляющим большой социальной опасности и совершившим преступления, не выражающие такой опасности. Данные нормы охвачены п. 2, 4 ч. 3 ст. 50, ст. 51, 52 Общей части УК РСФСР¹¹. Таким образом, совершивший предусмотренное уголовным законом деяние мог быть освобожден от уголовной ответственности, при этом происходила передача а) его

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принят 25.05.1922 Постановлением III Сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об Уголовно-Процессуальном Кодексе. (1922). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 20–21. Отдел первый. Ст. 230.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утв. Законом РСФСР от 27.10.1960. (1960). Ведомости Верховного Совета РСФСР, 40. Ст. 592.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. № 174-ФЗ от 18.12.2001. (2001). Гарант. <https://base.garant.ru/12125178/>

⁷ СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

⁸ РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

⁹ Сабанин, С. Н. и др. (1995). Уголовное право. Часть Общая. Т. 4: Освобождение от уголовной ответственности и наказания: основания, виды и последствия. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия. С. 33–41.

¹⁰ Некоторые представленные в статье утверждения автора обсуждались на X Международной научно-практической конференции «Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира», состоявшейся 17–19 апреля 2025 г. в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Социалистической Республики, утв. Законом РСФСР от 27.10.1960. (1960). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/

на поруки общественной организации или трудовому коллективу либо б) возбужденного в отношении его дела на рассмотрение товарищеского суда.

В последнем случае меры общественного воздействия были зафиксированы и в санкциях норм Особенной части УК РСФСР как альтернатива уголовному наказанию за умышленное легкое телесное повреждение, побои; злостное уклонение от оказания помощи родителям; оставление в опасности; неоказание помощи больному; клевету; оскорбление; самоуправство; угрозу убийства, нанесения тяжких телесных повреждений или уничтожения имущества; приобретение/сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем; незаконное врачевание (см. ч. 2 ст. 112, ст. 123, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 130, ч. 1 ст. 131, ст. 192, 200, 207, ч. 1 ст. 208, ст. 221 УК РСФСР).

Суд имел возможность передать общественной организации или трудовому коллективу (по их ходатайству) условно осужденного для его исправления, перевоспитания (см. ч. 4 ст. 44 УК РСФСР) либо возложить на указанный коллектив или физическое лицо (с их согласия) обязанность по наблюдению за условно осужденным или получившим отсрочку исполнения приговора, проведению с ним воспитательной работы (см. ч. 4 ст. 44, ч. 2 ст. 46¹ (в ред. от 06.03.1993)¹² УК РСФСР). Такая же обязанность могла быть возложена на трудовой коллектив с его согласия для наблюдения за условно-досрочно освобожденным от наказания или тем, кому назначенное наказание заменено менее суровым, для проведения с ним воспитательной работы (см. ч. 9 ст. 53, ч. 8 ст. 55 УК РСФСР).

Использование мер общественного воздействия судом, прокурором, следователем, органом дознания *наиболее часто* осуществлялось в соответствии со ст. 52 УК РСФСР, ст. 9 УПК РСФСР (в ред. до 01.01.1997)¹³. Закрепленные в этих статьях *основания* освобождения от уголовной ответственности с передачей лица на поруки (материальное), прекращения в отношении его уголовного дела (формальное) складывались из *следующих условий*:

- а) деяние содержит признаки преступления, но не представляет большой социальной опасности, равно как совершившее его лицо не выражает такой опасности;
- б) общественная организация либо трудовой коллектив ходатайствует о передаче виновного на поруки для исправления, перевоспитания;
- в) лицо признает свою вину в содеянном, не настаивает на рассмотрении дела в суде, ранее не осуждено за умышленное преступление, не передавалось на поруки;
- г) решение принимает суд, прокурор, следователь или орган дознания с согласия прокурора.

Период поручительства (испытательный срок) составлял один год, в течение которого испытуемому надлежало оправдать доверие коллектива: не уклоняться от его воздействия, не нарушать нормы социалистического общежития, выполнить обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление (см. ч. 4 ст. 52 УК РСФСР, ч. 5 ст. 9 УПК РСФСР).

Однако в 90-е годы прошлого века применение указанных статей утратило актуальность из-за разрушительных процессов в политической, экономической, социальной, правовой сферах государства. Анализ следственно-судебной практики показал, что общественное поручительство в обстановке слома государственных основ, а также экономической нестабильности и политико-правовой неопределенности превратилось в формальную процедуру, которая не соответствовала интересам правосудия и противоречила принципам справедливости, равенства граждан перед законом. Ярким примером этому послужила передача на поруки коллективу торговой организации ее директора со своим сыном (продавцом), в крупном размере обманувших потребителей¹⁴.

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон РСФСР «О милиции». № 4510-1 от 18.02.1993. (1993). Гарант. <https://base.garant.ru/3960826/>; Постановление Верховного Совета Российской Федерации. № 4511-1 от 18.02.1993. (1993). Гарант. <https://base.garant.ru/1309359/>

¹³ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации. № 160-ФЗ от 21.12.1996. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12779/

¹⁴ См. уголовное дело от 04.04.1996 № 22558 следственного отдела Нижегородского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 18.06.1996.

Широкое распространение получило *лжепоручительство*, при котором предприимчивые «доброхоты» за обещанные либо предоставленные блага, услуги оформляли ходатайства общественных организаций, трудовых коллективов о передаче им на поруки совершивших преступления лиц, не имевших отношения к названным организациям/коллективам. Нередко этому способствовали родственно-семейные, дружеские, приятельские связи между данными лицами и представителями (руководителями, участниками) организаций/коллективов.

Факты лжепоручительства имели место и на заре формирования практики использования ст. 52 УК РСФСР, ст. 9 УПК РСФСР. Отмечались случаи необоснованных ходатайств общественных организаций или трудовых коллективов о поручительстве за лиц, не связанных с этими организациями, коллективами либо совершивших серию умышленных преступлений, тяжкие преступления. Организаторами собраний, на которых принимались решения о таких ходатайствах, являлись, как правило, родственники или «друзья-приятели» правонарушителей. Выявлены фиктивные ходатайства, заочная передача виновных на поруки (Рагинский и др., 1963. С. 30–32; Томин¹⁵).

Правоприменители намеренно прекращали уголовные дела по ст. 9 УПК РСФСР (в ред. до 01.01.1997) вопреки наличию явных признаков лжепоручительства, что проявлялось: а) в передаче лица на поруки коллективу, не имевшему отношения к месту его работы/службы; б) изменении (после консультаций с адвокатом и прочими помощниками) подследственным показаний об отсутствии у него места работы на показания о том, что он является работником коммерческой либо иной организации; в) оформлении ходатайства руководителем организации (учреждения) единолично – без обсуждения и осуждения поведения преступника, без фактического принятия коллективом на себя каких-либо обязательств¹⁶. Подробнее негативная сторона сложившейся следственно-судебной практики представлена в ранее проведенном исследовании (Сверчков, 2008. С. 294, 295, 297, 298).

Изложенные обстоятельства, а также Заключение Комитета конституционного надзора СССР, которым признано несоответствие норм о досудебном освобождении лица от уголовной ответственности, прекращении в отношении его уголовного дела с применением мер административного взыскания или общественного воздействия Конституции СССР и международным актам¹⁷, привели к исключению из уголовно-правового и уголовно-процессуального поля положений об освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного дела в связи с применением к лицу мер общественного воздействия, в том числе с передачей его на поруки. В УК РФ¹⁸ и УПК РФ¹⁹, пришедшим на смену УК РСФСР и УПК РСФСР, подобных положений нет.

Вместе с тем нормы, напоминающие залоговое поручительство, содержатся в зарубежном уголовном законодательстве. Так, согласно ст. 118 УК Республики Беларусь, несовершеннолетнего следует освободить от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или заменяющих их лиц, при условии внесения ими залога²⁰; ст. 40 УК Литовской Республики дает суду право освободить причинителя вреда от уголовной ответственности по ходатайству родителя, близкого родственника либо иного лица, заслуживающего доверия суда, передать виновника на поруки с залогом или без него²¹.

¹⁵ Томин, В. Т. (1975). Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР. С. 7.

¹⁶ См. *уголовные дела следственного отдела Московского РОВД г. Нижнего Новгорода*: от 18.08.1996 № 19209, прекращенное 27.09.1996; от 16.04.1996 № 18522, прекращенное 14.05.1996; от 28.02.1996 № 18290, прекращенное 10.05.1996; от 29.01.1996 № 18125, прекращенное 29.03.1996; от 16.02.1995 № 18237, прекращенное 26.03.1996; *уголовные дела*: от 04.06.1996 № 13316 следственного отдела 1 ГОМ Ленинского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 21.06.1996; от 25.04.1996 № 12957 следственного отдела 2 ГОМ Ленинского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 17.06.1996.

¹⁷ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека: Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13.09.1990 № 2–8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. № 63-ФЗ от 13.06.1996. (1996). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. № 174-ФЗ от 18.12.2001. (2001). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

²⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь. № 275-З от 09.07.1999. (1999). <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

²¹ Уголовный кодекс Литовской Республики. № VIII-1968 от 26.09.2000. (2000). <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/28b18041843311e89188e16a6495e98c?jfwid=-fxdp7idt>

Укрепление политической, экономической, правовой систем Российской Федерации; формирование прочной нравственно-идеологической основы для устойчивого развития общества, сплочение его перед внешними и внутренними угрозами; политика государства, направленная на повышение роли производственных коллективов в социуме, на воспитание и сохранение высококвалифицированных кадров; последовательная гуманизация уголовного законодательства и практики его применения²²; наконец, активизация общественно полезной деятельности людей в референтных социальных группах (в составе традиционных религиозных объединений²³, коммерческих или некоммерческих организаций) позволяют рассмотреть возможность участия этих людей в решении задач российского уголовного законодательства, вернуться к идее о мерах общественного воздействия на преступника.

Представленную идею целесообразно реализовать *фиксацией в УК РФ основания условного освобождения от уголовной ответственности (а в УПК РФ – основания прекращения уголовного преследования) в связи с передачей виновного под залог на поруки ходатайствующему об этом коллективу организации/учреждения (залоговым поручительством)*. Новая мера необходима в качестве дополнительного рычага для дифференциации и индивидуализации ответственности лиц, совершивших преступления:

а) против интересов организаций, учреждений, в которых они осуществляют профессиональную, образовательную, общественную деятельность, не выполняя управленческие функции;

б) против интересов, благ, ценностей сотрудников, участников, посетителей данных организаций, учреждений;

в) в силу неисполнения профессиональных либо иных обязанностей в указанном коллективе.

Залог поручителя в виде финансовых средств или оцененного имущества следует предусмотреть как непременное условие предварительного освобождения лица от уголовной ответственности²⁴. В контексте названного дополнительного рычага *размер залога* нужно поставить в зависимость от категории совершенного преступления и материального положения поручителя.

Прежнее законодательство в ст. 52 УК РСФСР, ст. 9 УПК РСФСР содержало основания освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела с передачей на поруки того лица, которое не представляло большой социальной опасности, ранее не было осуждено за умышленное преступление и не передавалось на поруки. Применение этих статей зависело от совершения им умышленно либо по неосторожности преступления, не выражающего большой общественной опасности: тайного хищения личного имущества гражданина, умышленного уничтожения/повреждения такого имущества и др. Ныне подобные деяния, как правило, соответствуют категориям преступлений небольшой и средней тяжести.

Итак, залоговым поручительством возможно решить задачи уголовного законодательства, если злочинец *способен к восприятию общественного воздействия*: не имеет непогашенной/неснятой судимости²⁵, совершил преступление небольшой или средней тяжести, признает вину в содеянном, готов возместить причиненный преступлением ущерб, загладить иным образом вред, наступивший в результате противоправного поведения. Его социальная опасность не утрачена, а снижена, о чем свидетельствуют условия освобождения. Поэтому

²² Куликов, В. (2025, 20 февраля). Путин: Призвание судьи – опираясь на право и закон, находить справедливость. RG.Ru. <https://rg.ru/2025/02/20/sudit-po-pravu.html>

²³ Случаи передачи преступника на поруки религиозной организации (учреждению) имели место до исключения мер общественного воздействия из российского уголовного законодательства (см., например, уголовное дело № 8265 Городецкого ГОВД г. Городец Нижегородской области, прекращенное 24.01.1994).

²⁴ Одни авторы предлагали в уголовно-процессуальном смысле передачу лица на поруки сопровождать залогом на депозит суда, сумму которого дифференцировали тяжестью совершенного преступления, причиненного ущерба и материального положения «субъекта порук» (Бадашханов, 1993. С. 206); другие допускали залоговое поручительство, но рекомендовали вернуться к содержанию нормы, закрепленной в ст. 52 УК РСФСР (1960 г.) (Магомедов, 1998. С. 15, 39–40).

²⁵ Однако вопреки данному ограничению ст. 52 УК РСФСР порой применялась в отношении лиц, имевших непогашенные/неснятые судимости за ранее совершенные умышленные преступления и вновь совершивших умышленные общественно опасные деяния (см. *уголовные дела*: от 21.06.1996 № 13466 Ленинского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 21.08.1996; № 77248 Варнавинского РОВД УВД Нижегородской области, прекращенное 02.03.1994). Иногда правоприменители скрывали информацию о прежней судимости подсудимых (по различным причинам, чаще из личной заинтересованности) – не приобщали к материалам уголовных дел справки о наличии судимости (см. *уголовные дела следственного отдела Московского РОВД г. Нижнего Новгорода*: от 02.07.1996 № 18964, прекращенное 10.07.1996; от 16.04.1996 № 18525, прекращенное 23.04.1996; уголовное дело от 14.03.1996 № 22396 Нижегородского РУВД г. Нижнего Новгорода, прекращенное 14.06.1996).

законодателью в УК РФ наряду с залогом поручителя надлежит предусмотреть *возложение на обвиняемого обязанностей для выполнения их в течение испытательного срока*, – времени повышенной вероятности криминологического рецидива.

При осуществлении правотворческой деятельности важно дополнить уголовно-процессуальный закон положением о передаче на поруки *именно обвиняемого*²⁶, признающего себя виновным в совершении преступления (преступником). Составление обвинительного постановления, вынесение обвинительного акта или постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (см. ч. 1 ст. 47 УПК РФ) требуются для закрепления факта привлечения его к уголовной ответственности (ее возникновения в материальном выражении) и обеспечения реализации таковой, если испытуемый не выполнит возложенные на него обязанности.

Условный характер освобождения лица от уголовной ответственности с передачей его на поруки, оценка, принятие, обращение материальных средств в виде залога, необходимость реализации уголовной ответственности при отмене поручительства указывают на то, что решение о предварительном освобождении нужно принимать суду по собственной инициативе (вынести постановление о прекращении уголовного преследования) или в силу рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора.

Своеобразными испытательными условиями являются возлагаемые на обвиняемого по усмотрению суда *обязанности*:

а) соблюдать запрет на совершение соответствующих деяний (включая административное, налоговое и прочее правонарушение, дисциплинарный проступок), занятие какой-либо деятельностью, посещение определенных мест, встречу с конкретными людьми, а также на выезд из населенного пункта, смену основной работы (службы), учебы, места постоянного проживания без разрешения суда, оставление места проживания в установленное судом время;

б) подвергаться со стороны органа внутренних дел и поручителя контролю по месту жительства, работы (службы), учебы, досуга;

в) возместить причиненный преступлением ущерб, загладить иным образом вред, наступивший в результате противоправного поведения;

г) трудоустроиться (по окончании обучения);

д) поддерживать семью материально;

е) являться в назначенное контролирующим органом время и место для прохождения алкогольного и наркотического контроля;

ж) пройти курс медицинского лечения, общеобразовательного или профессионального обучения (трудоустроенному, не имеющему соответствующего образования) либо завершить такой курс;

з) добросовестно выполнять возложенные на него профессиональные и общественные обязанности и т. д.

Научные исследования эффективности использования норм УК РСФСР позволили заключить: значительная часть повторных преступлений, осуществленных после освобождения от уголовной ответственности с заменой ее мерами общественного воздействия, приходилась на первый год применения названных мер (Бойцов, 1982. С. 155). Результаты изучения современной следственно-судебной практики, статистических сведений о преступности и наказуемости показывают, что повышенная вероятность криминологического рецидива среди лиц, совершивших умышленные общественно опасные деяния, сохраняется на протяжении двух лет после содеянного. Данный период нужно учитывать при установлении правил контроля поведения испытуемого и дифференциации испытательного срока соответственно категориям преступлений: один год в силу совершения преступления небольшой тяжести; два года – средней тяжести.

²⁶ Статья 52 УК РСФСР, ст. 9 УПК РСФСР (в ред. до 01.01.1997) не содержали названного условия освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела. Следственно-судебные решения были адресованы и обвиняемым, и подозреваемым, и даже свидетелям по соответствующим уголовным делам. Проведенное исследование показало, что привлечены в качестве обвиняемых только 19 % лиц из числа всех переданных на поруки лиц контрольной группы (57 человек). Между тем предложение об установлении в законе общего порядка освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия не ранее привлечения лица в качестве обвиняемого представлено юридическому сообществу еще в 60-е годы прошлого века (Виттенберг, 1969. С. 17–18).

Уголовно-процессуальное законодательство должно содержать положения о контроле территориальным органом внутренних дел и поручителем соблюдения обвиняемым условий испытания, о представлении суду в назначенную им дату (по завершении $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ периода поручительства) отчета о выполнении испытуемым возложенных на него обязанностей с выводом в пользу остановки испытания (и передачей материалов для вынесения обвинительного приговора) или его продолжения. Принятие судом решения на основании последнего вывода может быть сопряжено с корректировкой (дополнением, сокращением) перечня обязанностей.

Остановить испытание и реализовать уголовную ответственность необходимо при невыполнении испытуемым отмеченных обязанностей *систематически* (повторно после письменного предупреждения, которому предшествовало устное предупреждение об отмене поручительства в случае дальнейшего нарушения условий испытания) либо *злостно* (совершение преступления, умышленного административного или другого противоправного деяния, сокрытие от контроля и пр.). Здесь актуальны решения суда об отмене освобождения от уголовной ответственности, о направлении залога в доход государства и лишении поручителя права ходатайствовать о поручительстве в течение одного года, а также назначении лицу наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, с учетом требований Общей части УК РФ. Если же данным лицом совершено новое преступление, то общее наказание назначается по совокупности преступлений.

Заключение

Изложенное приводит к выводу о целесообразности фиксации в УК РФ и УПК РФ норм об условном освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки коллективу организации или учреждения.

Нормативное основание освобождения от уголовной ответственности нужно сконструировать из следующих условий, при которых лицо подлежит предварительному освобождению: а) преступление совершено впервые (в юридическом смысле), притом относится к категории небольшой либо средней тяжести и направлено против интересов организации, учреждения, где виновный осуществляет профессиональную, образовательную, общественную деятельность (не выполняя управленческие функции) или против интересов, благ, ценностей сотрудника, участника, посетителя этих организации, учреждения, а равно из-за неисполнения профессиональных либо иных обязанностей в коллективе; б) поручитель – коллектив указанной организации либо названного учреждения – внес залог в виде финансовых средств или оцененного имущества.

Окончательное освобождение от уголовной ответственности зависит от соблюдения обвиняемым условий испытания. Примерный перечень возлагаемых на него судом обязанностей и длительность испытательного срока тоже надлежит отразить в норме об освобождении от уголовной ответственности.

Нормативное основание прекращения уголовного преследования должно состоять из таких условий: а) составление обвинительного постановления, вынесение обвинительного акта или постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; б) ходатайство поручителя о передаче виновного на поруки коллективу организации/учреждения; в) принятие решения (вынесение постановления) о прекращении преследования судом по собственной инициативе или в силу рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора; г) распоряжение суда о внесении поручителем залога; д) согласие потерпевшего (его представителя) и обвиняемого, имеющего постоянное место жительства, работы (службы) или учебы, с предварительным освобождением последнего от уголовной ответственности на период испытания.

В содержание нормы о прекращении уголовного преследования важно включить предписания суду:

– во-первых, возложить на территориальный орган внутренних дел и поручителя функции (а) контроля за соблюдением условий испытания, (б) подготовки и представления отчета о выполнении испытуемым обязанностей;

– во-вторых, отменить освобождение от уголовной ответственности, залог направить в доход государства и назначить наказание переданному на поруки лицу при систематическом или злостном невыполнении им этих обязанностей. Дополнительные сведения в пользу данных предложений отражены в ранее проведенном исследовании (Сверчков, 2008. С. 306–308).

Положения об освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования в связи с передачей лица под залог на поруки *de lege ferenda* могут быть использованы в случае преступного неисполнения возложенных на сотрудника профессиональных обязанностей; мошенничества, присвоения/растраты, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, уничтожения/повреждения чужого имущества умышленно либо по неосторожности, кражи материальных ценностей товарища по трудовому коллективу или незаконного лишения его свободы, угрозы убийства либо угрозы причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего и т. д.

Потенциал развития российского социума, упрочения экономического состояния и совершенствования правовой системы государства позволяет предположить, что *залоговое поручительство как мера общественного воздействия на преступника* имеет перспективу закрепления не только в структуре нового основания условного освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного преследования), но и в качестве самостоятельного элемента для применения в совокупности с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности, уголовного наказания, в частности, при неоднократном указанном освобождении лица, если его общественная опасность снижена.

Список литературы

- Аликперов, Х. Д. (2001). *Освобождение от уголовной ответственности*. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Бадашханов, В. И. (1993). *Народный элемент в уголовном судопроизводстве в современных условиях*: дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская высшая школа МВД России. Нижний Новгород.
- Бойцов, А. И. (1982). *Теоретические вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее*: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. Ленинград.
- Виттенберг, Г. Б. (1969). *Освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьковский юридический институт. Харьков.
- Володина, Л. М. (1976). *Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Ленинград.
- Гареев, М. Ф. (2020). Общественное воздействие как иная мера уголовно-правового характера. *Юридическая мысль*, 3(119), 139–149. EDN: MDMUV. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.010
- Елеонский, В. А. (1966). *Общественное воздействие в системе средств перевоспитания лиц, осужденных к лишению свободы*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловский юридический институт. Томск.
- Жижиленко, А. А. (1914). *Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств*. Петроград: Правда.
- Курляндский, В. И. (1965). *Уголовная ответственность и меры общественного воздействия*. Москва: Юридическая литература.
- Магомедов, А. А. (1998). *Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Академия управления МВД России. Москва.
- Молодцов, А. С. (1977). *Уголовная ответственность и меры общественного воздействия*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
- Огурцов, Н. А. (1962). *Соотношение мер уголовного наказания и мер общественного воздействия и воспитания*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Институт государства и права Академии наук СССР. Москва.
- Пусурманов, Г. В. (1991). *Проблемные вопросы освобождения от уголовной ответственности с применением общественного воздействия*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казахский государственный университет им. С. М. Кирова. Алма-Ата.
- Рагинский, М. Ю., Шляпочников, А. С. и др. (1963). *Формы участия общественности в борьбе с преступностью*. Москва: Юридическая литература.
- Сверчков, В. В. (2008). *Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности*: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород.
- Сверчков, В. В. (2025). Залоговое поручительство как мера общественного воздействия на преступника. В сб. *Обеспечение безопасности современного общества и государства в условиях многополярного мира: сборник материалов X Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 17–19 апреля 2025 г.)* (с. 620–627). Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова.

- Тит, А. А. (2023). Потенциал общественного воздействия на осужденных в реализации мер социально-интеграционной направленности. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*, 1(45), 149–156.
- Черепнин, Л. В. (ред.) (1956). *Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства (XV–XVII вв.)*. Москва: Юридическая литература.
- Черепнин, Л. В. (ред.) (1959). *Памятники русского права. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии (первая половина XVII в.)*. Москва: Юридическая литература.
- Черепнин, Л. В. (ред.) (1963). *Памятники русского права. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии (вторая половина XVII в.)*. Москва: Юридическая литература.
- Чистяков, О. И. (общ. ред.) (1985). *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства* (отв. ред. тома А. Д. Горский). Москва: Юридическая литература.
- Чугаев, А. П. (1964). *Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

References

- Alikperov, H. D. (2001). *Exemption from criminal liability*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO MODEK. (In Russ.).
- Badashkhanov, V. I. (1993). *People's element in criminal court proceedings under the modern conditions: Cand. Sci. (Law) thesis*. Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Boytsov, A. I. (1982). *Theoretical issues of criminal liability and exemption from it: Cand. Sci. (Law) thesis*. Leningrad State University named after A. A. Zhdanov. Leningrad. (In Russ.).
- Cherepnin, L. V. (ed.) (1956). *Monuments of the Russian law, Iss. 4: Monuments of the law of the period of strengthening the Russian centralized state (15th – 17th cc.)*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Cherepnin, L. V. (ed.) (1959). *Monuments of the Russian law, Iss. 5: Monuments of the law of the period of estate-representative monarchy (first half of the 17th c.)*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Cherepnin, L. V. (ed.) (1963). *Monuments of the Russian law, Iss. 7: Monuments of the law of the period of absolute monarchy creation (second half of the 17th c.)*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Chistyakov, O. I. (ed.) (1985). *Russian legislation of the 10th – 20th cc: in 9 vol. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state* (resp. ed. of the volume A. D. Gorsky). Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Chugaev, A. P. (1964). *Exemption from criminal liability and case referral to community court: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis*. Moscow: Moscow State University named after M. V. Lomonosov. (In Russ.).
- Eleonsky, V. A. (1966). *Community sanctions in the system of correctional education of convicts: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis*. Sverdlovsk Law Institute. Tomsk. (In Russ.).
- Gareev, M. F. (2020). Public influence as another measure of a criminal law. *Yuridicheskaya mysl*, 3(119), 139–149. (In Russ.).
- Kurlyandsky, V. I. (1965). *Criminal liability and community sanctions*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Magomedov, A. A. (1998). *Criminal liability and exemption from it: evolution of legal conceptions and modernity: abstract of Dr. Sci. (Law) thesis*. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. (In Russ.).
- Molodtsov, A. S. (1977). *Criminal liability and community sanctions*. Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. (In Russ.).
- Ogurtsov, N. A. (1962). *Correlation between criminal punishment and community sanctions: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis*. Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences. Moscow. (In Russ.).
- Pusurmanov, G. V. (1991). *Problematic issues of exemption from criminal liability using community sanctions: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis*. Kazakh State University named after S. M. Kirov. Alma-Ata. (In Russ.).
- Raginsky, M. Y., Shlyapochnikov, A. S. et al. (1963). *Forms of community participation in struggling crime*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (In Russ.).
- Sverchkov, V. V. (2008). *Conceptual bases of solving the problems of exemption from criminal liability: Dr. Sci. (Law) thesis*. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Sverchkov, V. V. (2025). Mortgage warrant as a community sanction. In *Ensuring safety of the modern society and state under the multi-polar world: collection of works of the 10th International scientific-practical conference (Cheboksary, April 17–19, 2025)* (pp. 620–627). Cheboksary: Chuvash State University named after I. N. Ulyanov. (In Russ.).
- Tit, A. A. (2023). Potential of community sanctions for convicts in implementing social-integrational measures. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus*, 1(45), 149–156. (In Russ.).
- Vittenberg, G. B. (1969). *Exemption from criminal liability and punishment using community sanctions: abstract of Dr. Sci. (Law) thesis*. Kharkov Law Institute. Kharkov. (In Russ.).

Volodina, L. M. (1976). *Termination of criminal cases due to a changed situation and a referral for the application of public sanctions at the stage of preliminary investigation: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis*. Leningrad State University named after A. A. Zhdanov. Leningrad. (In Russ.).

Zhizhilenko, A. A. (1914). *Punishment. Its notion and distinction from other law-enforcement means*. Petrograd: Pravda. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 08.07.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 25.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 28.08.2025

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Ш. Джеффри / Rubric editor Sh. Jaffry

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.603-634>

УДК / UDC 324:659.1:004(73)

А. Паже¹

¹ Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США

Предвыборные выступления (с синтетическим контентом): политическая реклама и разработка норм раскрытия информации для генеративного искусственного интеллекта

Переводчик Е. Н. Беляева

Алекс Паже, кандидат на должность доктора права, Школа права Фордемского университета

Аннотация

Цель: анализ достоинств и недостатков правового регулирования отношений в сфере законодательства о выборах в США в контексте использования искусственного интеллекта.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: в настоящей статье дается оценка текущей нормативно-правовой базы в сфере использования синтетических медиа в политической рекламе, анализируются достоинства и недостатки правового регулирования в данной сфере. Автор рассматривает существующие и предлагаемые подходы к регулированию, а также то, как государственные и частные субъекты ограничивают использование синтетических медиа в контексте существующей судебной практики и требований Первой поправки. Хотя первоначальные запреты сыграли необходимую роль, автор считает, что наилучшим подходом будет обеспечение прозрачности, а развивать его следует путем создания базы данных о синтетических материалах в рекламе.

Научная новизна: в последнее время в политической рекламе все чаще используют синтетические медиа, т. е. контент, созданный с использованием искусственного интеллекта. Соответствующие правовые нормы были быстро внедрены штатами в США и онлайн-платформами, тогда как федеральное законодательство по большей части все еще проходит обсуждение в комитетах. Синтетические медиа могут оказывать негативное влияние в результате манипулирования избирателями и искажения принципов демократии; однако они также снижают затраты на предвыборную кампанию и помогают более наглядно проиллюстрировать последствия политического выбора. Ряд государств и отдельных

© Паже А., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<https://rusjel.ru>) 25.09.2025

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Fordham Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала.

Цитирование оригинала статьи на английском: Paget, A. (2024). (Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements. Fordham Law Review, 93(1), 321–358.

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol93/iss1/8>

комментаторов выступают за запрет наиболее вредоносных форм синтетических медиа, тогда как другие считают необходимым применять более прозрачные подходы к их регулированию. Каждый следующий избирательный цикл поднимает вопрос о том, как сделать так, чтобы граждане делали выбор на основе убеждений, а не манипуляций.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с законодательством о выборах в США.

Ключевые слова:

синтетические медиа, предвыборные выступления, политическая реклама, искусственный интеллект

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность профессору Оливеру Силвейну за руководство и помощь в процессе написания работы. Автор также благодарен сотрудникам и редакторам журнала Fordham Law Review за их неоценимую поддержку, и в особенности Джону Тсимису за его неустанную работу. Наконец, автор благодарит своих родителей и брата за их любовь и поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Паже, А. (2025). Предвыборные выступления (с синтетическим контентом): политическая реклама и разработка норм раскрытия информации для генеративного искусственного интеллекта. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 603–634. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.603-634>

Scientific article

A. Paget

¹ Fordham University School of Law, Fordham, USA

(Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements

Translator E. N. Belyaeva

Alex Paget, J.D. Candidate, 2025, Fordham University School of Law

Abstract

Objective: to analyze the benefits and drawbacks of legal regulation of relations in the sphere of the US elections in the context of using artificial intelligence.

Methods: the article employs the dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) research methods.

Results: The article assesses the current regulatory landscape for synthetic media in political advertising to analyze the benefits and drawbacks of greater regulation. Based on current and emerging regulatory approaches, the author examines how governments and private actors have limited synthetic media usage within existing First Amendment jurisprudence. Although initial prohibitions served a necessary role, the author proposes that transparency enforcement is the best approach and should be built upon by creating a repository that contains information on an advertisement's synthetic content.

The article was first published in English language by Fordham Law Review. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Paget, A. (2024). (Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements. *Fordham Law Review*, 93(1), 321–358.

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol93/iss1/8>

Scientific novelty: Synthetic media, or content generated using artificial intelligence, has begun to infect political advertising. Federal legislation has spent most of its time stalled in committees, but states and online platforms have rapidly implemented regulations. Although synthetic media may pose harms through voter manipulation and democratic distortion, it also can lower campaign costs and more vividly illustrate conceptions of a political choice's consequences. Some governments and commentators have sought to prohibit the most harmful forms, while others have focused more on transparent approaches to regulation. In the face of yet another contentious election cycle, the question of how to ensure choices are made based on belief and not manipulation looms large.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to regulation of the US elections.

Keywords:

synthetic media, election speeches, political advertising, artificial intelligence

Acknowledgements

My sincerest gratitude to Professor Olivier Sylvain for his guidance and feedback throughout my writing process. Thank you to the Fordham Law Review staff and editors for their invaluable support – especially John Tsimis for his tireless efforts. Finally, I would like to thank my parents, Mark and Kristina, and brother, Kyle, for their love and encouragement.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Paget, A. (2025). (Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 603–634. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.603-634>

Введение

Фейковые новости – это давняя традиция американской политики, хотя гордиться тут нечем. В «подложных письмах», приписываемых Джорджу Вашингтону, утверждается, что он считал войну за независимость ошибкой; хотя он неоднократно заявлял, что письма являются подделкой, это преследовало его весь президентский срок¹. Президент Линдон Б. Джонсон выпустил рекламный ролик «Дейзи», изображавший кандидата Барри Голдуотера поджигателем войны на фоне страхов по поводу ядерной угрозы². Президентство Барака Обамы было омрачено фейковыми заявлениями о том, что он родился не в Соединенных Штатах³.

Но что произойдет, когда с помощью генеративного искусственного интеллекта (далее – ГИИ) поддельный исходный материал станет настолько реалистичным, что у избирателей не будет причин сомневаться в его подлинности? В апреле 2023 г. национальный комитет Республиканской партии опубликовал видеоролик, созданный с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ), изображающий мрачный мир после победы президента Байдена на выборах 2024 г., дополненный сфабрированными новостными роликами о китайском вторжении на Тайвань, финансовом крахе и других ужасных событиях⁴. В июне 2023 г. предвыборный штаб

¹ См. Schneider, G. S. (2017, Apr. 10). The Fake News That Haunted George Washington. Wash. Post, <https://www.washingtonpost.com/news/retropolis/wp/2017/04/10/the-fake-news-that-haunted-george-washington/> [https://perma.cc/F7H5-HEME].

² Killough, A. (2014, Sept. 8), Lyndon Johnson's 'Daisy' Ad, Which Changed the World of Politics, Turns 50, CNN, <https://www.cnn.com/2014/09/07/politics/daisy-ad-turns-50/index.html> [https://perma.cc/QZK9-W4L2].

³ См. Zurcher, A. (2016, Sept. 16). The Birth of the Obama 'Birther' Conspiracy. BBC, <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-37391652> [https://perma.cc/4H22-PF S4]. Этот вымысел также привел к появлению в 2010 г. фейкового видео, на котором президент Обама утверждает, что родился в Кении. См. Marcelo, Ph. (2023, July 20). Video Altered to Suggest Obama Admitted He Was Born in Africa, AP News. <https://apnews.com/article/fact-check-obama-trump-birther-kenya-091716039186> [https://perma.cc/G57Y-329L].

⁴ GOP. (2023, Apr. 25). Beat Biden. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y&t=32s> [https://perma.cc/5PUW-DXYD]. Примечательно, что на протяжении всего видеоролика в верхнем углу демонстрировался напечатанный мелким шрифтом дисклеймер «полностью создано с использованием искусственного интеллекта». Там же.

тогдашнего кандидата в президенты Рона Десантиса распространил фейковое изображение президента Дональда Трампа, который обнимает доктора Энтони Фаучи⁵. Сообщалось, что выборы в Индии в 2024 г. «изобиловали дипфейками»⁶.

Приведенные примеры не нанесли серьезного ущерба предвыборным кампаниям. Но представьте себе видео, якобы секретное, созданное с помощью искусственного интеллекта, на котором кандидат ругает своих сторонников и отрекается от самых популярных политических взглядов. Такое видео, опубликованное накануне или утром в день выборов и носящее вирусный или узконаправленный характер, может повлиять на результат выборов, при этом у кандидата не будет достаточно времени для его опровержения⁷.

Понимая, что такое вполне возможно, регулирующие органы начали вводить ограничения и меры предосторожности в отношении использования синтетических медиа в политической рекламе⁸. Федеральное правительство не спешило вмешиваться, предоставляя онлайн-платформам и общественности возможность принимать такие меры, как маркировка контента и размещение текста об ограниченной ответственности⁹. Однако на уровне штатов все чаще принимаются законы, непосредственно направленные на решение этой проблемы¹⁰, а крупные онлайн-платформы быстро маркируют или запрещают подобный контент¹¹. Эти смешанные подходы к регулированию и вероятность все более широкого распространения синтетических пространств требуют пристального внимания к возможностям регулирования синтетических медиа с учетом необходимости соблюдения прав, предусмотренных Первой поправкой.

В данной статье рассматриваются подходы к регулированию использования синтетических медиа в политической рекламе. Учитывая существующее многообразие нормативных актов, автор изучает вопрос о том, насколько предлагаемые и принятые законодательные акты, а также их корреляция с положениями Первой поправки соответствуют вероятным будущим изменениям в области синтетических медиа. Чтобы ответить на этот вопрос, в работе дается описание текущего технологического, правового и нормативного ландшафта для сравнения существующих подходов к регулированию. Затем обсуждаются возможные подходы к разработке регулирования, позволяющего продвигать преимущества синтетического контента при одновременном снижении вреда от его использования.

В разделе I представлена актуальная информация об искусственном интеллекте, положениях Первой поправки и текущих мерах регулирования. В разделе II обсуждаются попытки регулирования с учетом Первой поправки и баланса между преимуществами и вредом синтетического контента. В разделе III автор показывает, что современные подходы к регулированию неадекватны, поэтому в будущем необходимо создать базы данных политической рекламы и использовать возможности частных субъектов для устранения существующих недостатков.

⁵ См. Bond, Sh. (2023, June 8). DeSantis Campaign Shares Apparent AI-Generated Fake Images of Trump and Fauci. NPR. <https://www.npr.org/2023/06/08/1181097435/desantis-campaign-shares-apparent-ai-generated-fake-images-of-trump-and-fauci> [<https://perma.cc/3U3H-MRP9>]. Комитет сторонников Десантиса также распространил видео с выступлением президента Трампа, сгенерированным искусственным интеллектом. См. Isenstadt, A. (2023, July 17). DeSantis PAC Uses AI-Generated Trump Voice in Ad Attacking Ex-president. Politico. <https://www.politico.com/news/2023/07/17/desantis-pac-ai-generated-trump-in-ad-00106695> [<https://perma.cc/NLY3-H4BQ>].

⁶ См. Shukla, V., & Schneier, B. (2024, June 10). Indian Election Was Awash in Deepfakes – But AI Was a Net Positive for Democracy. The Conversation. <https://theconversation.com/indian-election-was-awash-in-deepfakes-but-ai-was-a-net-positive-for-democracy-231795> [<https://perma.cc/A55T-7V87>].

⁷ См., например, Jansen, M.-P., & Kramer, N. C. (2023, Dec. 7). Balancing Perceptions of Targeting: An Investigation of Political Microtargeting Transparency Through a Calculus Approach. PLOS ONE, at 1, 1–2 (отмечается, что создатели политической рекламы используют данные социальных сетей, чтобы «точно нацелить на [...] [пользователей] конкретные сообщения..., [созданные] для получения эффективного отклика»); См. также ниже часть II.B.

⁸ См. ниже часть I.C.1.

⁹ См., например, Bond, выше прим. 5 (приводятся изображения президента Трампа и доктора Фаучи с уведомлением о том, что факты были проверены).

¹⁰ См. ниже часть I.C.1.

¹¹ См. ниже часть I.C.3.

Результаты исследования

I. СОВРЕМЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ СТАТУС СИНТЕТИЧЕСКИХ МЕДИА

В этом разделе дается обзор существующего правового поля, связанного с генеративным ИИ и синтетическими медиа. В части I.A рассматриваются технические основы различных форм ИИ и синтетических медиа. В части I.B проанализированы вопросы, связанные с Первой поправкой, которые усложняют принятие мер регулирования. В части I.C представлен обзор действующих мер регулирования на федеральном уровне, уровне штатов и частных субъектов.

А. Фальсифицированные медиаматериалы: до и после появления ИИ

Информационная эпоха породила новые возможности для изменения мультимедийных материалов. Изначально новые технологии давали возможность вручную редактировать исходный материал с помощью обычных программ, таких как *Photoshop*¹². Это привело к увеличению количества «неглубоких подделок», когда фальсификация осуществляется, например, путем изменения скорости видео или создания ложного контекста, но не изменяя содержание материала¹³. Так была создана видеозапись, на которой тогдашний спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси выглядела пьяной во время выступления: реальное видео было замедлено, чтобы казалось, что она невнятно произносит слова¹⁴.

Создатели фальсифицированных материалов, как правило, предпочитают использовать «неглубокие подделки», учитывая более низкие технические требования и общую простоту их создания по сравнению с более продвинутыми методами манипулирования¹⁵. И хотя «неглубокие подделки» легче распознать как недостоверные, они по-прежнему широко используются¹⁶. Однако недавнее появление генеративного искусственного интеллекта может привести к отказу от таких материалов.

1. ИИ: история развития и типы

Область искусственного интеллекта, которая начала развиваться после Второй мировой войны, занимается разработкой систем, способных мыслить и/или действовать рационально или подобно человеку¹⁷. Существует «слабая» форма ИИ, когда машина выполняет определенные задачи, действуя так, как если бы она была разумной¹⁸, и «сильная», когда машина на самом деле думает¹⁹. Современные технологии используют «слабый» ИИ, т. е. обученный выполнять конкретные задачи, как если бы модель была разумной²⁰. Однако в последние годы возможности «слабой» формы ИИ расширились благодаря достижениям в области машинного обучения²¹.

Машинное обучение – это вспомогательное приложение искусственного интеллекта, которое опирается на математические модели, позволяющие системе обучаться самостоятельно²². Известно, что «традиционные модели машинного обучения требуют вмешательства человека», чтобы выйти за рамки своих первоначальных ограничений на обучение, однако новые искусственные нейронные сети теперь позволяют машинам

¹² См. (Hodge, 2021).

¹³ См., например, Olorunnipa, T., & Usero, A. (2024, June 11). How Republicans Used Misleading Videos to Attack Biden in a 24-Hour Period, WASH. POST. <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/06/11/biden-videos-republicans-cheap-fake-d-day/> [https://perma.cc/Y3JE-HB4H].

¹⁴ См. Fact Check: “Drunk” Nancy Pelosi Video is Manipulated. (2020, Aug. 3). REUTERS. <https://www.reuters.com/article/uk-factcheck-nancypelosi-manipulated/fact-check-drunk-nancy-pelosi-video-is-manipulated-idUSKCN24Z2BI> [https://perma.cc/3M9X-ED63].

¹⁵ См. (Ostrowski, 2023) (утверждается, что создавать синтетические медиаматериалы слишком дорого и сложно, когда доступны «неглубокие подделки»).

¹⁶ См., например, там же, at 97.

¹⁷ Russell, S. J., & Norvig, P. (2016). *Artificial Intelligence: a modern approach* 1 (3d ed.). Pearson.

¹⁸ Там же, at 1020.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См. (Mukhamediev et al., 2022).

²² Russell & Norvig, выше прим. 17, at 693.

«имитировать то, как человеческий мозг обрабатывает информацию»²³. Генеративный ИИ, который является одной из таких моделей глубокого обучения, выдает «статистически вероятные результаты» на основе набора исходных данных²⁴. Например, с помощью генеративного ИИ *ChatGPT* может создавать такие тексты, как эссе, краткий пересказ статьи или список мероприятий на выходные²⁵.

Генеративный ИИ также может использоваться для создания изображений, видео- и звукозаписей²⁶, которые подпадают под широкое определение «синтетических медиа»²⁷. В политических кампаниях искусственный интеллект и синтетические медиа могут использоваться для быстрого создания электронных писем по сбору средств, для расширения охвата избирателей, повышения эффективности обмена сообщениями и снижения затрат²⁸.

Однако это позитивное использование несколько отошло на второй план из-за опасений по поводу возможного обмана и манипуляций. Ученые выступают за создание регулирования в этой области, которое фокусировалось бы на результатах воздействия указанных медиа, а не на самой технологии²⁹.

2. Дипфейки

Дипфейки – это разновидность синтетических медиа, которые создаются с использованием глубокого обучения и изображают несуществовавшие события³⁰. Загрузив фотографии и записи голоса другого человека, можно создавать видео- или аудиоклипы, которые кажутся реальными, но на самом деле полностью сфабрикованы³¹. Одним из первых примеров стало видео 2017 г., в котором президент Обама говорит об опасностях дипфейков, – это видео само по себе было дипфейком³².

Поддельные изображения и видео создаются с помощью генеративных состязательных сетей (GAN), в которых один генератор генерирует случайные изображения, в то время как другой оценивает подлинность изображения. По сути, генераторы «играют две противоборствующие роли, как правонарушитель и детектив», пока изображение не станет максимально реалистичным³³. Вводя в модель образ определенного политического кандидата и другой контекст, модель можно обучить создавать изображения, которые кажутся реалистичными, но являются полностью сфабрированными³⁴.

Для создания видеороликов используют модель глубокого обучения с контекстом. Например, в новостях по кабельному телевидению реалистично прозвучала речь президента Гарри С. Трумэна, основанная на готовом

²³ IBM Data and AI Team. (2023, Oct. 12). Understanding the Different Types of Artificial Intelligence, IBM. <https://www.ibm.com/think/topics/artificial-intelligence-types> [<https://perma.cc/HKV9-SA8F>].

²⁴ См. What is Artificial Intelligence (AI)? IBM. <https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence> [<https://perma.cc/CDR8-PNR7>].

²⁵ См. в целом ChatGPT Overview. OpenAI, <https://openai.com/chatgpt/> [<https://perma.cc/SVV5-VGRK>].

²⁶ См. Ramponi, M. (2023, June 27). Recent Developments in Generative AI for Audio. AssemblyAI, <https://www.assemblyai.com/blog/recent-developments-in-generative-ai-for-audio/> [<https://perma.cc/LL2F-E3J6>].

²⁷ Bateman, J. (2020). Deepfakes and Synthetic Media in the Financial System: Assessing Threat Scenarios 4–5. Carnegie Endowment for Int'l Peace, Cybersecurity & the Fin. Sys., Working Paper, No. 7.

²⁸ См. Siu, A. (2023, Aug. 15). Agencies Weigh the Pros and Cons of Generative AI as Political Advertising Grows. DIGIDAY. <https://digiday.com/media-buying/agencies-weigh-the-pros-and-cons-of-generative-ai-as-political-advertising-grows/> [<https://perma.cc/MKU2-CJJ3>]; Subramanian, C. (2024, May 6). Nervous About Falling Behind the GOP, Democrats Are Wrestling with How to Use AI. AP News. <https://apnews.com/article/ai-biden-campaign-democrats-2024-election-520f22de269ba1eff24d1544ca38d569#> [<https://perma.cc/6U2N-XR24>].

²⁹ См. Verbruggen, Yo. (2023, Feb. 9). Synthetic Media: Lawmakers Urged to Focus on Harms, Not Technology Itself. Int'l Bar Ass'n. <https://www.ibanet.org/Synthetic-media-Lawmakers-urged-to-focus-on-harms-not-technology-itself> [<https://perma.cc/VK82-NH9A>].

³⁰ См. Bateman, выше прим. 27, at 4–5.

³¹ См. там же.

³² См. BBC News. (2017, July 19). Fake Obama Created Using AI Video Tool. YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=AmUC4m6w1wo> [<https://perma.cc/Z4V6-UL9Y>]. В этом видео было показано изображение президента Обамы в сочетании с образом, созданным искусственным интеллектом; современные технологии позволяют создавать реалистичные аудио- или визуальные материалы без участия человека. Там же.

³³ См. там же. (цитируется Shen, T., Liu, R., Bai, J., & Li, Zh. (2018). Noiselab, 'Deep Fakes' Using Generative Adversarial Networks (GAN) 2. http://noiselab.ucsd.edu/ECE228_2018/Reports/Report16.pdf [<https://perma.cc/H7XR-JWWD>].

³⁴ См. там же, at 4–5.

сценарии³⁵. Аналогичным образом работает и клонирование голоса: в модель глубокого обучения вводится большое количество подлинных аудиозаписей или текста, и в результате создается реалистично звучащий аудиоклип, имитирующий голос конкретного человека³⁶. Имея большой объем данных и более совершенные технологии, можно создавать чрезвычайно реалистичный контент³⁷.

Кроме того, происходит ослабление факторов, которые ранее препятствовали широкому использованию дипфейков³⁸. В настоящее время благодаря популярным и дешевым платформам, «доступным обычным потребителям», преодолеваются такие барьеры на пути создания фальсифицированного контента, как стоимость оборудования, доступ к достаточному набору исходных данных и технические ноу-хау³⁹. Работа занимает не месяцы, а дни или часы⁴⁰. В политическом контексте доступ к достаточным массивам данных не является серьезным препятствием, поскольку кандидаты генерируют обширный общедоступный контент⁴¹. Этот рост возможностей, по-видимому, также приведет к отказу от неглубоких подделок, которые ранее были наиболее многочисленными⁴².

Итак, в будущих избирательных кампаниях для привлечения внимания общественности к политической рекламе будут широко использоваться неглубокие подделки, синтетические медиа и дипфейки. В свете этих тенденций регулирующие органы должны оценить как преимущества, так и вред таких технологий с учетом правовых ограничений⁴³.

В. Ограничения Первой поправки и рынок идей

Первая поправка представляет собой самое серьезное препятствие для регулирования использования синтетических медиа в политической рекламе. Верховный суд США неоднократно подчеркивал, что политические высказывания особо защищены конституцией⁴⁴, и в своих решениях часто отдает приоритет свободе идей в сравнении с государственным регулированием⁴⁵. Согласно теории «рынка идей», свободный, неограниченный обмен идеями является наилучшей основой для достижения истины, поэтому правительству следует поддерживать свободу слова в частной жизни⁴⁶. По словам судьи Оливера Уэнделла Холмса – младшего, «конечное желаемое благо лучше достигается при свободном обмене идеями, т. е. лучшим критерием истинности является способность идеи добиться признания в условиях рыночной конкуренции»⁴⁷.

³⁵ См. там же, at 3.

³⁶ См. там же, at 4.

³⁷ Это особенно тревожит в случае видеодипфейков. См. там же, at 7 (исследование 2021 г. «показало, что аудитория с большей вероятностью оценивает как яркие, убедительные и заслуживающие доверия фейковые видеоролики, чем фейковые новостные статьи»). Однако см. (Mokadem, 2023) (автор частично соглашается с исследованием 2021 г., но приводит также новые данные, «указывающие на то, что аудитория считает письменные сообщения более верными и убедительными»; это можно объяснить ранее существовавшими предубеждениями и взглядами аудитории).

³⁸ См. Helmus, выше прим. 33, at 8–10.

³⁹ Thompson, St. A. (2023, Mar. 12). Making Deepfakes Gets Cheaper and Easier Thanks to A.I. N. Y. Times, <https://www.nytimes.com/2023/03/12/technology/deepfakes-cheapfakes-videos-ai.html> [<https://perma.cc/FpL9-BG4Y>].

⁴⁰ См. (Huh et al., 2023).

⁴¹ См. Pradhan, P. (2020, Oct. 4). AI Deepfakes: The Goose is Cooked? U. Ill. L. Rev. Online. <https://illinoislawreview.org/blog/ai-deepfakes/> [<https://perma.cc/4ADF-594J>].

⁴² См. Gregory, S. (2022, Aug. 26). Shallowfakes Are Rampant: Tools to Spot Them Must Be Equally Accessible. The Hill. <https://thehill.com/opinion/technology/3616877-shallowfakes-are-rampant-tools-to-spot-them-must-be-equally-accessible/> [<https://perma.cc/9MZX-R4TS>].

⁴³ См. ниже части II.A–B.

⁴⁴ См. Citizens United v. Fed. Election Comm'n, 558 U.S. 310, 339 (2010) («Первая поправка «имеет самое полное и непосредственное применение» к выступлениям во время предвыборной кампании на политический пост») (цитируется Eu v. S. F. Cnty. Democratic Cent. Comm., 489 U.S. 214, 223 (1989)).

⁴⁵ См. United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 718–22 (2012) (отклонен иск о ложном заявлении о награждении медалью Почета); Brown v. Ent. Merchs. Ass'n, 564 U.S. 786, 803–05 (2011) (отклонен иск о возрастных ограничениях на жестокие видеоигры); McIntyre v. Ohio Election Comm'n, 514 U.S. 334, 347 (1995) (отклонен иск о запрете анонимной рассылки политических памфлетов).

⁴⁶ См. (Schroeder, 2022). Теория рынка подверглась существенной критике, хотя Верховный суд руководствовался ею в своей практике. См. (Ardia, 2022) (обзор критических статей).

⁴⁷ Abrams v. United States, 250 U.S. 616, 630 (1919) (Holmes, J., несогласие).

В Верховном суде еще не рассматривались законопроекты, регулирующие использование синтетических медиа в политике; однако его позиция о приоритетности свободы политических высказываний послужила поводом для обсуждения границ регулирования, установленных Первой поправкой⁴⁸. Это касается таких аспектов, как ограничения по содержанию, допустимые искажения, вынужденные высказывания и судебная практика по маркировке рекламы⁴⁹.

Прежде всего, если закон относится только к политической рекламе, то регулирование использования синтетических медиа может быть затруднено из-за предполагаемой неконституционности⁵⁰. Это касается ограничений высказываний «на основе их коммуникативного содержания», т. е. темы, основной идеи или смыслового посыла⁵¹. Напротив, ограничения, связанные с нейтральным содержанием, «применяются независимо от содержания высказывания»⁵². Ограничения содержания, касающиеся нейтральных третьих лиц, подвергаются строгой проверке и по ее результатам часто отменяются, в то время как ограничения, направленные против политических деятелей, подвергаются пристальным проверкам⁵³.

Верховный суд обозначил критерии нейтральности контента в деле *City of Austin v. Reagan National Advertising of Austin, LLC*⁵⁴. Постановление суда гласит, что нейтральным по содержанию является такое регулирование, которое проводит различие в зависимости от того, размещается ли реклама на специальной площадке или за ее пределами⁵⁵. Верховный суд отменил решение Апелляционного суда США Пятого округа по делу *Reed v. Town of Gilbert*⁵⁶, согласно которому любое регулирование автоматически считалось основанным на содержании, если от адресата требуется лишь идентифицировать говорящего и содержание его речи⁵⁷.

Кроме того, недавно Верховный суд вынес решение по двум взаимосвязанным делам: *NetChoice, LLC v. Paxton*⁵⁸ и *Moody v. NetChoice, LLC*⁵⁹. В них рассматриваются законопроекты на уровне штата, направленные на деятельность крупных платформ социальных сетей и содержащие два общих положения: (1) запрет дискриминации на основе взглядов пользователя и (2) требование к платформе публиковать информацию о политике модерации контента⁶⁰. Оба законопроекта были приняты с целью защиты от возможной предвзятости по политическим мотивам⁶¹. Однако суд отменил рассмотрение указанных дел и вернул их на доработку на основании недостаточного учета вопросов, связанных с Первой поправкой⁶².

⁴⁸ См. в целом (Blitz, 2020; Hasen, 2020; Green, 2019).

⁴⁹ См. Brown, 564 U.S. at 790 («Несмотря на трудности применения Конституции к постоянно развивающимся технологиям, 'основные принципы свободы слова и печати, как и требование Первой поправки, не меняются', когда появляются новые средства коммуникации» (цитируется Joseph Burstyn, Inc. v. Wilson, 343 U.S. 495, 503 (1952))).

⁵⁰ См. в целом Wash. Post v. McManus, 944 F.3d 506, 513–14 (4th Cir. 2019) (решение о применении строгого конституционного контроля к обязательствам по раскрытию информации нейтральными третьими лицами); см. также Hasen, выше прим. 49, at 545.

⁵¹ Reed v. Town of Gilbert, 576 U.S. 155, 163 (2015).

⁵² Ward v. Rock Against Racism, 491 U.S. 781, 791 (1989) (цитируется Clark v. Cmty. for Creative Non-Violence, 468 U.S. 288, 293 (1984)).

⁵³ См. McManus, 944 F.3d at 515–17 (обсуждается более низкая планка требований к раскрытию информации в соответствии с Первой поправкой, когда речь идет «непосредственно о политических участниках», а не о нейтральных третьих сторонах) (выделено автором).

⁵⁴ 142 S. Ct. 1464 (2022).

⁵⁵ Там же, at 1471.

⁵⁶ 576 U.S. 155 (2015).

⁵⁷ City of Austin, 142 S. Ct. at 1471.

⁵⁸ 142 S. Ct. 1715 (2024) (mem.).

⁵⁹ 144 S. Ct. 2383 (2024).

⁶⁰ См. Brief for Petitioners at 8–11, NetChoice, 142 S. Ct. 1715 (No. 22–555); Brief for Respondents at 8–11, Moody, 144 S. Ct. 2383 (No. 22–277).

⁶¹ См. Brief for Petitioners, выше прим. 61, at 7 («По мнению техасцев, некоторые веб-сайты делают недостаточно для пропаганды 'консервативных' высказываний»); Brief for Respondents, выше прим. 61, at 6–7 (утверждается, что цель законопроекта штата Флорида – защитить высказывания консерваторов от предвзятости СМИ).

⁶² Moody, 144 S. Ct. 2383.

Во-вторых, Первая поправка, как правило, защищает право человека на ложные высказывания⁶³, поэтому законы, запрещающие использование ложных сведений в синтетических медиа, будут подвергаться более тщательному изучению⁶⁴. В деле *United States v. Alvarez*⁶⁵ ответчик оспорил Закон об украденной доблести⁶⁶ [Закон США, вводящий уголовную ответственность для лиц, использующих ложные или вводящие в заблуждение сведения о якобы имеющихся у них военных наградах с целью получения материальных выгод. – Прим. переводчика]. Ответчика обвинили, что на заседании местного совета он сделал ложное утверждение о получении им Почетной медали Конгресса⁶⁷. Судья Энтони М. Кеннеди постановил, что данный закон накладывает ограничение на основе содержания и что это не является необходимым для достижения цели федерального правительства по защите интересов вооруженных сил⁶⁸. Эта цель могла быть достигнута менее жесткими средствами, такими как обращение к правительственной базе данных⁶⁹. В заключение судья Кеннеди отметил, что «единственным средством борьбы с ложными высказываниями являются правдивые высказывания»⁷⁰.

Судья Алито, придерживаясь теории свободного рынка идей, указал на разницу между узким запретом ложных высказываний по некоторым общественным вопросам, таким как диффамация государственного должностного лица⁷¹, и более широкими ситуациями, такими как «ложные заявления о философии, религии, истории, социальных науках, искусстве и других вопросах»⁷². Во втором случае попытки ввести санкции в отношении таких высказываний «представляли бы серьезную и неприемлемую опасность»⁷³.

Основываясь на этом различии, другие члены суда отстаивали особое мнение о том, что указанный Закон является конституционным, поскольку он защищает «только от заведомо ложных утверждений о твердо установленных фактах, известных говорящему», и относится к узкой области государственных интересов⁷⁴. В любом случае мнения по данному делу отражают высокий уровень регулирования политических высказываний⁷⁵.

В-третьих, требования к раскрытию информации и маркировке рекламы также подвергаются повышенному контролю, хотя и интерпретируются как менее строгие, чем запреты⁷⁶. В деле *Brown v. Entertainment Merchants Ass'n*⁷⁷ Верховный суд постановил, что недопустимым ограничением по содержанию является закон штата Калифорния, запрещающий продажу видеоигр с элементами насилия несовершеннолетним и требующий, чтобы такие игры имели пометку «18+»⁷⁸. Проведя тщательную проверку, суд пришел

⁶³ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719–22 (2012) (мнение большинства). Ложные высказывания могут быть ограничены, если принадлежат к нескольким «историческим и традиционным категориям [выражения мнений], давно знакомым адвокату» [например, диффамация и мошенничество]. Там же, at 717 (цитируется *United States v. Stevens*, 559 U.S. 460, 468 (2010)).

⁶⁴ См. *McIntyre v. Ohio Election Comm'n*, 514 U.S. 334, 347 (1995) («Когда закон накладывает ограничения на базовые политические высказывания, мы применяем ‘строгий конституционный контроль’»); *Citizens United v. Fed. Election Comm'n*, 558 U.S. 310, 340, 366–67 (2010) (объясняется применение как строгого, так и особо строгого конституционного контроля); *Alvarez*, 567 U.S. at 715 (мнение большинства) (объясняется применение особо строгого конституционного контроля, «когда речь идет о регулировании выступлений на основе их содержания»); Там же, at 732 (Breyer, J., согласие) (указано, что предпочтителен промежуточный конституционный контроль среднего уровня).

⁶⁵ 567 U.S. 709 (2012) (мнение большинства).

⁶⁶ *Stolen Valor Act of 2005*, Pub. L. No. 109–437, 120 Stat. 3266, invalidated by *Alvarez*, 567 U.S. 709 (2012).

⁶⁷ См. *Alvarez*, 567 U.S. at 713–14.

⁶⁸ Там же, at 724–26.

⁶⁹ Там же, at 729.

⁷⁰ Там же, at 727. Justice Stephen G. Breyer echoed a similar view. Там же, at 738 («В этой области [политики] более точная информация, как правило, служит противовесом ложной») (Breyer, J., согласие). Судья Брейер применил промежуточный конституционный контроль, но все же счел указанный статут недостаточно узконаправленным. См. там же.

⁷¹ См. там же, at 750 (Alito, J., несогласие).

⁷² Там же, at 751–52.

⁷³ Там же. («Дело не в том, что в этих областях не существует таких понятий, как истина или ложь, или что истину никогда невозможно установить, а скорее в том, что опасно позволять государству быть арбитром в установлении истины»).

⁷⁴ Там же, at 739.

⁷⁵ См. в целом там же; см. также Hasen, выше прим. 49, at 548; Blitz, выше прим. 49, at 169.

⁷⁶ *Citizens United v. Fed. Election Comm'n*, 558 U.S. 310, 340, 366–67 (2010) (объясняется применение как строгого, так и особо строгого конституционного контроля); см. также *McIntyre v. Ohio Elections Comm'n*, 514 U.S. 334, 347 (1995) (особо строгий конституционный контроль).

⁷⁷ 564 U.S. 786 (2011).

⁷⁸ Там же, at 789, 799.

к выводу, что цель данного закона – предотвратить агрессию у несовершеннолетних – не подкреплена достаточными доказательствами для обоснования этого ограничения⁷⁹.

Кроме того, этот закон был как чрезмерно, так и недостаточно всеобъемлющим. Первое проявлялось в том, что закон запрещал продажу игр несовершеннолетним, даже если их родители не возражали против этого⁸⁰. Второе – в том, что он не ограничивал воздействие на несовершеннолетних сцен насилия через другие средства массовой информации, такие как телевидение, а также не запрещал родителям покупать такие игры для своих детей⁸¹. Отменяя данный закон, суд дал понять, что предпочтительными являются активные действия частной игровой индустрии по маркировке продукции, а не подход, предписанный правительством⁸².

В политическом контексте судебная практика Верховного суда по обеспечению прозрачности сосредоточилась главным образом на требованиях к раскрытию источников финансирования рекламы. Своим основополагающим решением по делу *Citizens United v. Federal Election Commission*⁸³ суд поддержал требование помещать в политическое рекламное объявление четкий и ясно видимый текст, указывающий источник его финансирования и наличие согласия на это со стороны кандидата⁸⁴. Суд постановил, что достаточным основанием для этого служит «заинтересованность государства в предоставлении электорату информации об источниках расходов, связанных с выборами»⁸⁵, а также о «лице или группе лиц, которые выступают с заявлениями». Кроме того, эта норма оказалась менее ограничительной, чем иные, более всеобъемлющие варианты⁸⁶.

В-четвертых, трудность, связанная с Первой поправкой, заключается в том, что свобода слова интерпретируется как право высказывать или не высказывать свое мнение⁸⁷. Учитывая второе, государство не может «принуждать [...] отдельных лиц делать какие-либо высказывания»⁸⁸. В деле *Zauderer v. Office of Disciplinary Counsel of Supreme Court of Ohio*⁸⁹ Верховный суд оставил в силе положение штата Огайо, требующее, чтобы реклама юридических услуг с указанием ставок непредвиденных расходов раскрывала ответственность клиента по оплате расходов в случае проигрыша⁹⁰. Суд отметил, что «штаты и федеральное правительство могут предотвращать распространение коммерческой информации, которая является ложной или вводит в заблуждение... [но не вводящая в заблуждение или правдивая коммерческая информация] может быть ограничена только для обеспечения существенных государственных интересов»⁹¹.

⁷⁹ См. там же, at 799.

⁸⁰ См. там же, at 804.

⁸¹ См. там же, at 802–03.

⁸² Судья Антонин Скалиа отметил, что «индустрия видеоигр [уже] внедрила добровольную рейтинговую систему, предназначенную для информирования потребителей о содержании игр», чтобы помочь родителям принимать решения. Там же, at 803.

⁸³ 558 U.S. 310 (2010). Судебный процесс был связан с обжалованием постановления FEC, которое требовало от компании *Citizens United* указывать источник финансирования и разрешение кандидатов на короткую рекламу фильма, который компания намеревалась выпустить в эфир перед выборами. Там же, at 320–21.

⁸⁴ Там же, at 366–67.

⁸⁵ Там же, at 367 (цитируется *Buckley v. Valeo* 424 U.S. 1, 66 (1976)).

⁸⁶ *Citizens United*, 558 U.S. at 368. В заключении говорилось, что «пользователи должны быть свободны в использовании новых форм и новых форумов для выражения идей». Там же, at 372 (цитируется *McConnell v. Fed. Election Comm'n*, 540 U.S. 93, 341 (2003) (Kennedy, J., согласие)). Ряд дел *NetChoice*, вероятно, послужат основой для будущих интерпретаций решения по делу *Citizens United*. См. выше прим. 61–62 и соответствующий текст.

⁸⁷ *Janus v. Am. Fed'n of State, Cnty., and Mun. Emps. Council 31*, 138 S. Ct. 2448, 2463 (2018) (цитируется *Wooley v. Maynard*, 430 U.S. 705, 714 (1977)).

⁸⁸ *Nat'l Inst. of Fam. & Life Advocs. v. Becerra*, 138 S. Ct. 2361, 2371 (2018); см. также *303 Creative LLC v. Elenis*, 143 S. Ct. 2298, 2313–15 (2023) (отклонено постановление уровня штата, которое обязывало бы веб-дизайнера создавать сайты по организации свадеб однополых пар). Однако см. *John Doe No. 1 v. Reed*, 561 U.S. 186, 190–91 (2010) (поддержан закон штата Вашингтон, разрешающий публичное раскрытие информации о лицах, подписавших петицию о референдуме). См. в целом (Volkh, 2018) (представлен обзор судебной практики Верховного суда по вынужденным высказываниям).

⁸⁹ 471 U.S. 626 (1985).

⁹⁰ Там же, at 652.

⁹¹ Там же, at 638 (внутренние цитаты опущены).

В еще более недавнем деле *National Institute of Family & Life Advocates v. Becerra*⁹² Верховный суд рассматривал два закона штата Калифорния, касающихся требований об уведомлении медицинских учреждений, специализирующихся на ведении беременности. Суд пришел к выводу, что оба закона в нарушение Конституции принуждают к высказываниям⁹³. В первом случае от лицензированных медицинских учреждений требовалось информировать пациентов о бесплатных или недорогих комплексных услугах по планированию семьи⁹⁴. Суд постановил, что это требование вынужденного высказывания, поскольку истцы ставили своей целью отговорить пациенток от абортов, но были вынуждены выступать с заявлениями, предписанными государством⁹⁵. Согласно второму закону, нелицензированные учреждения, которые в основном предоставляют услуги, связанные с беременностью, должны были на своих стендах и во всех рекламных материалах размещать «разработанное правительством заявление» с указанием, что данное учреждение является нелицензированным⁹⁶. Суд постановил, что требование об уведомлении «неоправданно и чрезмерно обременительно в соответствии с решением по делу *Zauderer*». Поясняется, что это требование «направлено не на само заявление, а на лиц, выступающих с ним, и налагает неоправданно обременительную обязанность по раскрытию информации, что нарушает принцип свободы высказываний [нелицензированных учреждений]»⁹⁷.

Таким образом, регулирование использования синтетических медиа в политической рекламе требует тщательного рассмотрения положений Первой поправки о защите свободы слова. В зависимости от того, основано ли регулирование на запретах или направлено на принципе прозрачности, сложность соблюдения положений Первой поправки будет различной.

С. Текущий правовой ландшафт в США

В данном разделе мы рассмотрим меры по регулированию использования синтетических медиа в политической рекламе. Несмотря на многочисленные законопроекты, предложенные за эти годы, на федеральном уровне успех не был достигнут. Однако на уровне штатов и в частном секторе имеется прогресс⁹⁸. В части I.C.1 мы обсудим текущие усилия правительства по регулированию в этой сфере. В части I.C.2 представлен обзор юрисдикции федеральных агентств по регулированию синтетических медиа. В части I.C.3 мы расскажем о деятельности некоторых крупных интернет-платформ по регулированию синтетических медиа.

1. Меры регулирования на уровне штатов и на федеральном уровне

Законодательство о синтетических медиа федерального уровня и уровня штатов различается в отношении нескольких ключевых понятий: правовых определений, области действия законов, намерений законодателя, требований к раскрытию информации или маркировке рекламы, сроков, средств правовой защиты и статуса. Далее мы более подробно рассмотрим эти понятия, сравнивая предлагаемые и вступившие в силу законы и отмечая как практически всеобщие аспекты, так и существенные различия в работе регулирующих органов.

а. Определение синтетических медиа

Законодательные акты определяют синтетические медиа с учетом технологических средств их создания, а также видов воздействия, которое они оказывают на аудиторию. Как правило, синтетические медиа определяются как изображение, аудио- или видеозапись внешности, речи или поведения человека, целенаправленно созданные или обработанные с использованием искусственного интеллекта⁹⁹. В законодательных актах существуют заметные различия в отношении термина, используемого для обозначения синтетических ме-

⁹² 138 S. Ct. 2361 (2018).

⁹³ Там же, at 2368–70.

⁹⁴ Там же, at 2369–70.

⁹⁵ Там же, at 2372.

⁹⁶ Там же, at 2370.

⁹⁷ Там же, at 2378. Суд обсудил этот вопрос с точки зрения дела *Zauderer*, но не принял решения о том, применимо ли решение по этому делу. Там же. Кроме того, это требование является неоправданно обременительным, поскольку, например, рекламный щит «с надписью из двух слов ‘Выбери жизнь’ пришлось бы дополнить текстом из 29 слов на 13 языках». Там же.

⁹⁸ См. (Ardia & Ringel, 2022).

⁹⁹ См., например, Wash. Rev. Code Ann. § 42.62.020(1) (West 2023).

диа: некоторые трактуют их как «медиа, вводящие в заблуждение по существу»¹⁰⁰ или «дипфейк»¹⁰¹, другие же применяют термин «синтетические медиа» в сочетании с конкретной технологией, используемой для их создания¹⁰². Закон штата Флорида определяет такие материалы как контент, созданный с использованием генеративного искусственного интеллекта¹⁰³; для сравнения, в штате Миссисипи используется термин «оцифровка»¹⁰⁴.

Несмотря на различия в терминологии, в большинстве штатов определение синтетических медиа включает следующие аспекты: (1) разумный человек воспринимает как достоверный образ, который не является истинным, и (2) у разумного человека создается принципиально иное понимание или впечатление, чем если бы он видел или слышал оригинал¹⁰⁵.

b. Масштаб регулирования

Большинство принятых законодательных актов направлены на введение широких ограничений в области создания или распространения синтетических медиа, вводящих в заблуждение; в то же время они обеспечивают послабления для крупных платформ социальных сетей и других субъектов права¹⁰⁶. Сосредоточившись на аспектах создания и распространения этих материалов, законодатели пытаются регулировать их источник, но при этом не уделяют внимания многочисленным рискам, связанным с платформами, распространяющими синтетические медиа¹⁰⁷.

Однако ряд законов предусматривает особые случаи, когда распространяющая платформа удаляет маркировку или изменяет содержание медиа так, что становится возможным квалифицировать эти материалы как синтетические¹⁰⁸. Это означает, что онлайн-платформа становится активным рекламодателем, поскольку она участвует в изменении синтетических медиа для аудитории, а не просто распространяет оригинал¹⁰⁹.

Помимо ответственности платформ, некоторые регулирующие органы установили ответственность лиц, оплачивающих или спонсирующих распространение медиа¹¹⁰. Учитывая судебное решение по делу *Citizens United* и соответствующие положения федерального законодательства, эти меры еще сильнее ограничивают использование синтетических медиа в рамках прецедента, позволяющего раскрывать информацию об источниках финансирования рекламы¹¹¹.

Кроме того, законодатели предусмотрели ряд важных исключений. Во-первых, в большинстве штатов предусмотрено исключение для пародии и сатиры¹¹². Существующее законодательство четко устанавливает это исключение, и законопроекты, которые попытаются ограничить пародию и сатиру, наверняка будут отклонены. Во-вторых, некоторые штаты не устанавливают ответственность за медиа, которые традиционно

¹⁰⁰ См., например, Cal. Elec. Code § 20010(e) (West 2023); см. также Mich. Comp. Laws Ann. § 168.932f(10)(c) (West 2024) (дается определение материалов, вводящих в заблуждение по существу, как медиа, созданных искусственным интеллектом); Mich. Comp. Laws Ann. § 169.202(1) (West 2024) (дается определение искусственного интеллекта).

¹⁰¹ См., например, Tex. Elec. Code Ann. § 255.004(d) (West 2019); см. также 2024 Colo. Legis. Serv. 3–4 (West) (дается определение дипфейка как контента, сгенерированного искусственным интеллектом; определение контента, сгенерированного искусственным интеллектом, как материалов, в значительной степени созданных или модифицированных с использованием генеративного ИИ; а также определение генеративного ИИ).

¹⁰² См., например, Wis. Stat. Ann. § 11.1303(2m)(a)(2) (West 2024) (дается определение синтетических медиа как материалов, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта); там же § 42.62.020(1) (использование методов генерирующей состязательной сети или других цифровых технологий); 2024 Ariz. Legis. Serv. 1–2 (West) (требование, чтобы синтетические носители определялись как дипфейк, созданный с целью обмана и мошенничества).

¹⁰³ См. Fla. Stat. Ann. § 106.145(1)–(2) (West 2024).

¹⁰⁴ См. 2024 Miss. Legis. Serv. 1–5 (West).

¹⁰⁵ См., например, Idaho Coe Ann. § 67-6628A(2)(c) (West 2024); 2024 Or. Laws Ch. 0062, § 1(b). Во втором пункте статута штата Нью-Йорк отсутствует ссылка на «разумное физическое лицо». См. N.Y. Elec. Law § 14-106(5)(a)(i)(2) (McKinney 2024).

¹⁰⁶ См., например, Elec. § 20010(d).

¹⁰⁷ См. (Chesney & Citron, 2019).

¹⁰⁸ См., например, § 67-6628A(9); H.R. 3230, 116th Cong. § 2(f)(1)(B) (2019).

¹⁰⁹ См. § 67-6628A(9).

¹¹⁰ См., например, Utah Code Ann. § 20A-11-1104(2)(a) (West 2024).

¹¹¹ См. *Citizens United v. FEC*, 558 U.S. 310, 320-31 (2010); см. также S. 1596, 118th Cong. § 4(a) (2023).

¹¹² См., например, N.Y. Elec. Law § 14-106(5)(b)(iii)(1) (McKinney 2024).

считаются неглубокими подделками; вероятно, в этом отражается желание реагировать на насущные проблемы с ИИ и в то же время адаптировать законодательство к актуальной ситуации¹¹³. В-третьих, некоторые юрисдикции прямо указывают, что незаконно использовать медиа без согласия изображенного¹¹⁴, в то время как другие, по-видимому, подразумевают это, учитывая, что закон защищает «пострадавшего» кандидата¹¹⁵. Это означает, что использовать синтетические медиа по обоюдному согласию допустимо.

с. Намеренность действий

В большинстве законодательных актов для привлечения к ответственности создателя или распространителя синтетических медиа требуется наличие определенного умысла. Установление ответственности на основании намерений создателя или распространителя, как правило, включает в себя намерение нанести ущерб кандидату¹¹⁶, обмануть избирателей¹¹⁷ или повлиять на исход выборов¹¹⁸.

Это требование также было распространено на рекламу, направленную на то, чтобы удержать человека от голосования¹¹⁹, а в ряде штатов (например, в Индиане) такие ограничения широко применяются к сбору пожертвований на избирательную кампанию¹²⁰. Более того, в некоторых юрисдикциях требуется, чтобы было доказано, что создатель или распространитель знал о сфабрикованности материалов, или чтобы злой умысел был установлен по фактическим обстоятельствам дела¹²¹. Иногда ответственность устанавливается в зависимости от намеренности действий, в то время как другие юрисдикции отказались от этого подхода, но установили общую обязанность либо не распространять рекламу, содержащую синтетические медиа, либо раскрывать информацию об этом¹²².

d. Требования к раскрытию информации и маркировке

Некоторые штаты полностью запрещают использовать в рекламе синтетические материалы, вводящие в заблуждение¹²³. Однако в большинстве штатов либо достаточно маркировать такие материалы¹²⁴, либо наличие такой маркировки гарантирует убедительную защиту в суде¹²⁵.

Штаты несколько расходятся во мнениях относительно текста маркировки. В некоторых юрисдикциях требуется указать, что реклама «содержит контент, созданный с помощью искусственного интеллекта»¹²⁶; в других – что «данное изображение/аудио-/видеозапись подверглось обработке», а в некоторых случаях в конце добавляется «искусственным интеллектом»¹²⁷. В большинстве штатов требуется, чтобы заявление об отказе от ответственности было напечатано читаемым шрифтом или четко произнесено как в отношении

¹¹³ См., например, Minn. Stat. Ann. § 609.771(1)(c) (West 2024).

¹¹⁴ См., например, Ind. Code Ann. § 3-9-8-3(1) (West 2024).

¹¹⁵ См. Tex. Elec. Code Ann. § 255.004(d)-(e) (West 2019).

¹¹⁶ См., например, Fla. Stat. Ann. § 106.145(2) (West 2024).

¹¹⁷ См., например, Cal. Elec. Code § 20010(a) (West 2023).

¹¹⁸ См., например, Wis. Stat. Ann. § 11.1303(2m)(a)(1) (West 2024).

¹¹⁹ См., например, 2024 Miss. Legis. Serv. 1-5 (West).

¹²⁰ См., например, Ind. Code Ann. § 3-9-8-5 (West 2024).

¹²¹ См. Elec. § 20010(a).

¹²² Ср. § 11.1303(2m) и Wash. Rev. Code § 42.62.020 (2023).

¹²³ Tex. Elec. Code Ann. § 255.004(d) (West 2019); Minn. Stat. § 609.771 (2023). В законах штатов Техас и Миннесота прямо не предусмотрено требование о маркировке или защита по этому признаку, но такая защита возможна, поскольку истец не сможет доказать, что синтетические материалы «заставили человека поверить» в подлинность контента.

¹²⁴ См., например, N.Y. Elec. Law § 14-106(5)(b)(i) (McKinney 2024).

¹²⁵ См., например, Idaho Code Ann. § 67-6628A(5) (West 2024).

¹²⁶ См., например, Utah Code Ann. § 20A-11-1104(4) (West 2024).

¹²⁷ Mich. Comp. Laws Ann. § 168.932f(2)(a) (West 2024). Закон об ответственности за дипфейки 2019 г. (DEEP FAKES Accountability Act) требует наличия встроенного цифрового водяного знака на материалах, содержащих «движущийся визуальный элемент». H.R. 3230, 116th Cong. § 2 (2019). Примечательно, что этот закон требует от производителей программного обеспечения обеспечить, чтобы их программное обеспечение (1) допускало использование водяных знаков и (2) требовало от пользователей «подтверждать свою общую осведомленность о своих юридических обязанностях». Там же § 3.

всей рекламы, так и ее части¹²⁸. Некоторые требуют, чтобы заявление об отказе от ответственности было на каждом языке, используемом в рекламе¹²⁹. Примечательно, что в штате Флорида оговаривается, что заявления об отказе от ответственности в отношении интернет-рекламы должны быть доступны для просмотра без каких-либо дальнейших действий пользователя¹³⁰.

На федеральном уровне Закон о честной рекламе¹³¹, повторно введенный в действие в 2023 г., требует при «любой официальной интернет- или цифровой коммуникации» указывать имя того, кто оплатил сообщение, если оно распространяется с помощью средств, которые не позволяют включить всю требуемую информацию¹³². Кроме того, онлайн-платформы должны вести учетный журнал, содержащий: (1) цифровую копию политического рекламного сообщения; (2) описание аудитории, получившей рекламное сообщение, количество просмотров, а также первую и последнюю дату его показа; (3) информацию о стоимости рекламного сообщения; и (4) имя и должность политика или законодательный вопрос, которому посвящено рекламное сообщение¹³³.

е. Сроки, средства правовой защиты и правовая позиция

Прежде всего, некоторые штаты требуют, чтобы реклама распространялась не ранее чем за тридцать¹³⁴, шестьдесят¹³⁵ или девяносто¹³⁶ дней до выборов. Во-вторых, в аспекте средств правовой защиты законодательство штатов, как правило, расценивает первое нарушение как мелкое правонарушение, а последующие – как преступления разной степени тяжести. В большинстве штатов предусмотрен судебный запрет или другая мера пресечения¹³⁷. В-третьих, требования к процессуальной правоспособности различаются в разных штатах. В некоторых подать иск может любое лицо¹³⁸, в других – только пострадавший кандидат или изображенное в рекламе лицо¹³⁹. В иных штатах это может сделать генеральный прокурор или организация, представляющая интересы избирателей, которые, как предполагается, были введены в заблуждение¹⁴⁰. В большинстве юрисдикций законодательство рекомендует рассматривать такие иски в срочном порядке¹⁴¹.

2. Юрисдикция федеральных агентств

Любое федеральное законодательство должно применяться в рамках соответствующей юрисдикции. В настоящее время наиболее вероятными источниками норм, регулирующих использование синтетических медиа, являются Федеральная торговая комиссия (*Federal Trade Commission, FTC*), Федеральная комиссия по коммуникациям (*Federal Communications Commission, FCC*) и Федеральная избирательная комиссия (*Federal Election Commission, FEC*).

Федеральная торговая комиссия обязана предотвращать использование «недобросовестных методов конкуренции... и недобросовестных или вводящих в заблуждение действий или практик» в области коммерции¹⁴².

¹²⁸ См., например, Fla. Stat. Ann. § 106.145(3) (West 2024).

¹²⁹ См., например, N.Y. Elec. Law § 14-106(5)(b)(ii)(1)-(2) (McKinney 2024).

¹³⁰ См. § 106.145(3)(c); см. также S. 486, 118th Cong., § 10 (2023).

¹³¹ S. 486, 118th Cong. (2023).

¹³² Там же. § 7. Законопроект также требует, чтобы получатель сообщения мог получить доступ к остальной исключенной информации с «минимальными усилиями и без получения или просмотра каких-либо дополнительных материалов, кроме такой необходимой информации». Там же.

¹³³ Там же. § 8.

¹³⁴ См. N.M. Stat. Ann. § 1-19-26(Q)(3)(c) (LexisNexis 2024).

¹³⁵ См., например, Cal. Elec. Code § 20010(a) (West 2023); Wash. Rev. Code § 42.17A.005(21)(a)(ii) (2023).

¹³⁶ См., например, Mich. Comp. Laws Ann. § 168.932f(1)(b) (West 2024).

¹³⁷ См., например, 2024 Or. Laws Ch. 0062.

¹³⁸ См. Fla. Stat. Ann. § 106.145(4)(b) (West 2024).

¹³⁹ См., например, 2024 Miss. Legis. Serv. 1-5 (West).

¹⁴⁰ См., например, § 168.932f(1)(d).

¹⁴¹ См., например, Wash. Rev. Code § 42.62.20(6) (2023).

¹⁴² 15 U.S.C. § 45(a)(1)-(2) (2022).

Комиссия запрещает широкоэшелонным телевизионным сетям дискриминационно транслировать рекламу кандидата на основании ее содержания¹⁴³, но не уполномочена регулировать политическую рекламу¹⁴⁴.

Федеральная комиссия по коммуникациям (FCC) регулирует «внешние коммерческие отношения и такие между штатами в сфере коммуникаций»¹⁴⁵. Ее юрисдикция распространяется на политическую рекламу, но только в узком смысле – на структурный доступ для заказчиков политической рекламы у вещательных СМИ¹⁴⁶. По регламенту этой комиссии, вещательные компании обязаны вести общедоступную базу данных политической рекламы¹⁴⁷ со следующей информацией: запросы на покупку эфирного времени от имени кандидатов; запросы на покупку эфирного времени от рекламодателей выпусков, «относящихся к политическим вопросам государственной важности»; выделенное кандидатам бесплатное эфирное время¹⁴⁸. Однако данная комиссия не уполномочена проверять содержание политической рекламы перед ее выпуском, гарантировать верность публикуемых заявлений и требовать от вещателей представлять все аспекты спорных вопросов¹⁴⁹. Таким образом, акцент на структурном доступе ограничивает возможности FCC для решения проблем, связанных с синтетическим содержанием политической рекламы¹⁵⁰.

Федеральная избирательная комиссия «отвечает за администрирование и обеспечение соблюдения Федерального закона о финансировании избирательных кампаний»¹⁵¹. Ее деятельность сосредоточена на повышении прозрачности в отношении спонсоров и финансирования политической рекламы¹⁵², причем недавно эта деятельность была распространена на интернет-коммуникации¹⁵³. При выполнении своих функций комиссия не проверяет истинность каких-либо заявлений, связанных с предвыборной кампанией¹⁵⁴.

Недавно сторонники регулирования синтетических медиа попытались распространить запретительные меры FEC, касающиеся мошеннического искажения информации, на дипфейки¹⁵⁵. Согласно действующему законодательству, кандидатам на должности федерального уровня и их доверенным лицам запрещается обманом путем представлять себя в ложном свете как действующих в любом качестве от имени другого кандидата или партии, нанося ущерб репутации последних¹⁵⁶. Пока неясно, будет ли это регулирование распространяться на изображения или видео, созданные с помощью искусственного интеллекта, наряду с искажением информации самими кандидатами¹⁵⁷. Кроме того, эта норма «не распространяется на действия третьих лиц», т. е. независимые политические группы или другие организации могут распространять подобный контент, не нарушая закон¹⁵⁸.

¹⁴³ Barrett, J. A. Jr. (2020). Free Speech Has Gotten Very Expensive: Rethinking Political Speech Regulation in a Post-truth World. *St. John's L. Rev.*, 94, 615, 640.

¹⁴⁴ См. FTC's Endorsement Guides: What People Are Asking. (2023, June). FTC. <https://www.ftc.gov/business-guidance/resources/ftcs-endorsement-guides-what-people-are-asking> [<https://perma.cc/PF99-AUQ2>].

¹⁴⁵ 47 U.S.C. § 151 (2021). Регулирующая юрисдикция распространяется на «радио, телевидение, проводную, спутниковую и кабельную связь». What We Do. FCC. <https://www.fcc.gov/about-fcc/what-we-do> [<https://perma.cc/S6BX-SH8C>].

¹⁴⁶ FCC не регулирует политическую рекламу в Интернете. Political Programmingю FCCю <https://www.fcc.gov/media/policy/political-programming> [<https://perma.cc/N3ZP-JHN2>].

¹⁴⁷ 47 C.F.R. § 73.1943 (2022).

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ См. Political Programming, выше прим. 147.

¹⁵⁰ См. выше прим. 147–50 и соответствующий текст.

¹⁵¹ Mission and History. FEC. <https://www.fec.gov/about/mission-and-history/#> [<https://perma.cc/M9FZ-FAYJ>].

¹⁵² См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1807.

¹⁵³ См. 11 C.F.R. § 100.26 (2024). Публичные политические коммуникации теперь включают в себя интернет-коммуникации, «размещаемые или продвигаемые за плату на веб-сайте, цифровом устройстве, приложении или рекламной платформе другого лица». Там же.

¹⁵⁴ См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1807.

¹⁵⁵ 11 C.F.R. § 110.16(a) (2002).

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ См. Rebecca Green, выше прим. 49, at 1469–70 (отмечается, что Закон о федеральной избирательной кампании был принят после Уотергейтского процесса, а именно после массовой рассылки Дональдом Сегретти письма с намеками, что один из кандидатов ложно обвинял сенаторов в «сексуальных домогательствах»).

¹⁵⁸ Там же, at 1470.

Однако некоммерческая организация *Public Citizen*, занимающаяся защитой прав потребителей, обратилась в *FEC* с просьбой разъяснить Закон о борьбе с мошенническим введением в заблуждение и его применимость к использованию искусственного интеллекта в политической рекламе¹⁵⁹. Это обращение более узкое, чем требование Закона о маркировке политической рекламы, основанной на ИИ (*Require the Exposure of AI-Led Political Advertisements Act, REAL*)¹⁶⁰, поскольку последний применим к любому контенту в политической рекламе, созданному искусственным интеллектом¹⁶¹, в то время как обращение относится лишь к потенциальной ответственности за отсутствие в рекламе маркировки об использовании ИИ¹⁶². Общественность в целом поддержала расширенное толкование¹⁶³, но даже если *FEC* примет его, данная норма будет касаться только тех сообщений в пределах юрисдикции комиссии, которые приравниваются к мошенничеству¹⁶⁴.

3. Частные интернет-платформы

Частные субъекты также стремятся заполнить пробелы в законодательстве; этот процесс формирует направления развития регулирования и сдерживает влияние государства. В 2023 г. администрации Байдена удалось добиться того, что ведущие компании, занимающиеся разработкой ИИ, приняли на себя добровольные обязательства по управлению рисками в области новых технологий. В их числе было обязательство «разработать надежные технические механизмы, показывающие пользователям, что контент был создан с помощью ИИ»¹⁶⁵.

В сентябре 2023 г. компания *Google* заявила, что обновляет свою «политику в отношении политического контента и требует, чтобы все зарегистрированные заказчики предвыборной рекламы... открыто сообщали, что их реклама содержит синтетический контент, который недостоверно изображает реальных или реалистично выглядящих людей или события»¹⁶⁶. Исключение делается для рекламы, в которой синтетический контент изменен незначительно¹⁶⁷.

В апреле 2023 г. платформа *X*, ранее известная как *Twitter**, объявила, что отменяет запрет *Google* на размещение политической рекламы¹⁶⁸. При этом платформа запрещает размещать «синтетические, искаженные или вырванные из контекста материалы, которые могут вводить в заблуждение и приводить к причинению

¹⁵⁹ Letter from Robert Weissman, President, Pub. Citizen & Craig Holman, Gov't Affs. Lobbyist, Pub. Citizen, to Lisa J. Stevenson, Gen. Counsel. (2023, May 16). *FEC*. <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/Petition-for-Rulemaking-52-USC-30124.pdf> [<https://perma.cc/J23Z-XSQ7>]. При голосовании решения не продвигать первую петицию голоса в *FEC* разделились поровну. Эта ситуация основывалась, главным образом, на опасениях, что у комиссии нет законных полномочий для такого решения; однако затем была выдвинута вторая петиция. См. *Artificial Intelligence in Campaign Ads*, 88 Fed. Reg. 55606, 55606.

¹⁶⁰ S. 1596, 118th Cong. (2023).

¹⁶¹ См. там же. § 4.

¹⁶² См. Letter from Robert Weissman, President, Pub. Citizen & Craig Holman, Gov't Affs. Lobbyist, Pub. Citizen, to Lisa J. Stevenson, Gen. Counsel. (2023, July 13). *FEC*. <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/2nd-Submission-FEC-petition-30124-final-2.pdf> [<https://perma.cc/5G4G-CFRGJ>].

¹⁶³ См., например, Stanford Internet Observatory, Comment Letter on Petition for Rulemaking to Clarify Law Against "Fraudulent Misrepresentations". (2023, Oct. 16). [https://sers.fec.gov/fosers/\[https://perma.cc/G48N-U6LKJ\]](https://sers.fec.gov/fosers/[https://perma.cc/G48N-U6LKJ]); Democratic National Committee, Comment Letter on REG 2023-02 Artificial Intelligence in Campaign Ads (2023, Oct. 16). <https://sers.fec.gov/fosers/showpdf.htm?docid=423822> [<https://perma.cc/6YQ5-S7HV>]; Harvard Cyberlaw Clinic & Election Law Clinic, Comment Letter on REG 2023-02 (2023, Oct. 16). <https://clinic.cyber.harvard.edu/wp-content/uploads/2023/11/FEC-Comment-Joint-Cyberlaw-Election-Law-FINAL.pdf> [<https://perma.cc/BW2N-9LPH>]. Однако некоторые комментарии общественности были негативными. См. Republican National Committee, Comment Letter on REG 2023-02, Artificial Intelligence in Campaign Ads (2023, Oct. 16), [https://sers.fec.gov/fosers/\[https://perma.cc/65BT-F22W\]](https://sers.fec.gov/fosers/[https://perma.cc/65BT-F22W]).

¹⁶⁴ См. выше прим. 156 и соответствующий текст.

¹⁶⁵ FACT SHEET: President Biden Issues Executive Order on Safe, Secure, and Trustworthy Artificial Intelligence. (2023, Oct. 30). White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/30/fact-sheet-president-biden-issues-executive-order-on-safe-secure-and-trustworthy-artificial-intelligence/> [<https://perma.cc/Q39Y-2ERT>].

¹⁶⁶ Updates to Political Content Policy (September 2023). (2023, Sept.). Google, https://support.google.com/adspolicy/answer/13755910?hl=en&ref_topic=29265 [<https://perma.cc/33LZ-7SQ5>].

¹⁶⁷ Там же. Незначительные изменения включают «изменение размера изображения, обрезку, коррекцию цвета или яркости, исправление дефектов... или редактирование фона, которые не создают реалистичного изображения реальных событий». Там же.

¹⁶⁸ См. Paul, K. (2023, Sept. 1). Twitter Allows US Political Candidates and Parties to Advertise in Policy Switch. *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/technology/2023/aug/29/twitter-x-political-ads-us-policy-misinformation> [<https://perma.cc/PH7S-NCVC>]. Еще в январе 2023 г. компания сняла запрет на рекламу по признаку мотива, например, запрет на рекламу, информирующую о широких политических вопросах. См. там же.

вреда»¹⁶⁹. Вводящие в заблуждение материалы определяются как контент, который «был значительно изменен с целью обмана, подвергнут искажениям, или сфабрикован», или распространяется с целью обмана и который «может привести к широкой дезориентации в общественных вопросах, влияет на общественную безопасность или причиняет серьезный вред»¹⁷⁰. Нарушения влекут за собой следующие меры: удаление публикации; надписи, содержащие предупреждение, дополнительный контекст или уведомление об ограничении взаимодействия в связи с публикацией; блокировка аккаунта¹⁷¹.

Итак, различные подходы к регулированию на федеральном уровне, уровне штатов и частных субъектов свидетельствуют о попытках сбалансировать преимущества и недостатки синтетических медиа в свете быстро меняющегося рынка идей. Результатом этих усилий стала дискуссия о том, какой подход лучше всего позволяет сбалансировать выгоды и вред с учетом юридических и практических ограничений.

II. ПРОБЛЕМЫ БАЛАНСА МЕЖДУ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ И ВРЕДОМ СИНТЕТИЧЕСКИХ МЕДИА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОПРАВКИ

В последнее время большая доступность синтетических медиа в сочетании с современными дискуссиями о «фейковых новостях» привела к тому, что внимание регулирующих органов перешло на политическую арену. В нашем исследовании мы попытались рассмотреть баланс между преимуществами технологий и вредом, наносимым ими¹⁷². В части II.A описаны некоторые преимущества синтетических медиа. В части II.B рассматриваются некоторые из их негативных последствий. В части II.C представлен обзор текущих предложений ученых в области регулирования.

A. Преимущества синтетических медиа

Синтетические медиа дают ряд преимуществ кампаниям и кандидатам. Во-первых, они сокращают расходы на политические кампании за счет использования синтетических медиа на всех этапах – от предвыборных плакатов до рекламных видеороликов¹⁷³. В ходе крупных кампаний политики пользуются услугами рекламных агентств; синтетические медиа снижают затраты за счет сокращения человеческого труда¹⁷⁴. Кроме того, значительная часть расходов в рамках кампаний приходится на оплату за размещение рекламы на телевидении или в социальных сетях; снижение затрат на создание контента позволяет перенаправлять средства на привлечение избирателей¹⁷⁵.

Во-вторых, можно более эффективно реагировать на мнения и проблемы избирателей в режиме реального времени¹⁷⁶. Можно быстро создавать выступления, отражающие позицию кандидата по конкретному вопросу¹⁷⁷. Например, в выпуске новостей кандидат реагирует на вирусное видео о жестокости полиции или другое актуальное событие. С помощью синтетических медиа видеоролик может быть создан в течение нескольких часов и дойти до избирателей, пока проблема еще находится в центре внимания¹⁷⁸. Спичрайтер может быстро сгенерировать речь, отредактировать ее, а затем загрузить в систему для имитации голоса кандидата¹⁷⁹.

¹⁶⁹ Synthetic and Manipulated Media Policy, X (2023, Apr.). <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/manipulated-media> [<https://perma.cc/HZT7-EPR8>].

¹⁷⁰ Там же. Один из конкретных рисков, который компания X рассматривает при внедрении политики, – это «подавление или запугивание избирателей». Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² См. в целом (Blitz, 2018; Goodman, 2006).

¹⁷³ См., например, GOP, выше прим. 4.

¹⁷⁴ См., например, Shepard, St. (2022, Apr. 4). Top Biden Strategists Launch New Advertising Firm. Politico, <https://www.politico.com/news/2022/04/04/joe-biden-strategists-advertising-firm-00022472> [<https://perma.cc/Q8GW-W92L>].

¹⁷⁵ Обсуждение затрат на рекламу в основном было сосредоточено на затратах в целом, при этом гораздо меньше внимания уделялось относительным затратам конкретных кампаний на создание этих рекламных сообщений.

¹⁷⁶ См. Siu, выше прим. 28.

¹⁷⁷ См. там же.

¹⁷⁸ См. Thompson, выше прим. 40.

¹⁷⁹ См., например, там же.

В-третьих, синтетические медиа позволяют точнее адаптировать рекламные кампании к определенной демографической ситуации, что приводит к повышению осведомленности избирателей и улучшению явки¹⁸⁰. Эти преимущества также снижают разницу в ресурсах, что приносит пользу более мелким кандидатам и может помочь решению проблем, которые часто отодвигаются на второй план из-за недостатка бюджета кампании¹⁸¹. Если перейти на более высокий уровень обобщения, с помощью синтетических медиа можно устанавливать непосредственный контакт с избирателями и получать информацию о взглядах отдельного избирателя на кандидата или обсуждаемую проблему¹⁸².

В. Недостатки синтетических медиа

Хотя синтетические медиа имеют полезные применения, эта технология сопряжена с множеством рисков¹⁸³. Во-первых, распространение реалистичных фальшивок наносит ущерб демократическому дискурсу в целом, «позволяя людям жить в их собственной субъективной реальности», стирая грань между истиной и ложью¹⁸⁴. Когда избиратели больше не способны прийти к согласию по основным фактам, страдает демократический дискурс, так что неспособность договориться об основных параметрах спора исключает возможность политической дискуссии по существу¹⁸⁵.

Во-вторых, распространение дипфейков повышает восприимчивость определенных групп избирателей к манипуляциям¹⁸⁶. Хотя политический дискурс и ранее сталкивался с ложью, дипфейки представляют собой уникальную проблему, поскольку они кажутся реалистичными и их труднее разоблачить¹⁸⁷. В отношении выборов такая манипуляция вызывает опасения как в аспекте сроков, так и масштабов. Своевременно появившаяся фальшивка оказывает значительное влияние на избирателей в условиях «узкого временного окна, когда принимаются необратимые решения», например, накануне выборов¹⁸⁸.

Что касается масштабов, то успешная фокусировка по группам избирателей оказывается важнее широты распространения дипфейка. Например, с помощью микротаргетинга хорошо профинансированная и стратегически продуманная кампания может донести информацию до отдельных слоев населения, тогда как конкуренту трудно идентифицировать эти действия и противостоять им¹⁸⁹. Кроме того, доступ к большим объемам данных позволяет некоторым субъектам создавать точные профили избирателей для проведения политических кампаний и создания рекламы¹⁹⁰. Это с очевидностью показал скандал с компанией *Cambridge*

¹⁸⁰ См. (Haenschen, 2023; Canen & Martin, 2023).

¹⁸¹ См. LaChapelle, Ch., & Tucker, C. (2023, Nov. 28). Generative AI in Political Advertising. Brennan Ctr. for Just. <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/generative-ai-political-advertising> [https://perma.cc/VW73-XCM9].

¹⁸² См. ниже часть II.C.1.

¹⁸³ Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1776–86.

¹⁸⁴ Там же, at 1778; см. также Green, выше прим. 49, at 1459–60.

¹⁸⁵ Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1777–78.

¹⁸⁶ См. Hasen, выше прим. 49, at 543.

¹⁸⁷ См. Green, выше прим. 49, at 1457–60 (утверждается, что вводящие в заблуждение медиа угрожают избирательному праву, так как избиратель поддерживает кандидата на выборах, основываясь на материалах, которые заставляют его верить, что кандидат поддерживает политику X, в то время как кандидат на самом деле поддерживает политику Y); см. также выше прим. 38 и соответствующий текст.

¹⁸⁸ Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1778; см. также Green, выше прим. 49, at 148889 (обсуждается «проблема дня накануне выборов»).

¹⁸⁹ Недавние исследования показали, что микротаргетинг не так страшен, как представляется некоторым, однако те же исследования показывают, что он более эффективен, чем другие популярные рекламные тактики. См. Dizikes, P. (2023, June 21). Study: Microtargeting Works, Just Not the Way People Think. MIT News. <https://news.mit.edu/2023/study-microtargeting-politics-tailored-ads-0621> [https://perma.cc/TA9Z-K5F7] (обсуждается исследование 2023 г., проведенное в Массачусетском технологическом институте, которое показало, что «таргетированная политическая реклама имеет преимущество [перед другими популярными формами рекламы, но] ... сложность получения достоверной информации об отношении избирателей и решениях при голосовании... затрудняет эффективное масштабное использование политической рекламы с микротаргетингом»); Haenschen, выше прим. 181, at 1678 (показано, что «продолжительное использование микротаргетированной тематической рекламы в Facebook** оказывает влияние на явку избирателей, однако эффект зависит от совпадения между содержанием сообщения, составом аудитории и взглядами избирателей»).

¹⁹⁰ См. Lima-Strong, Cr. (2021, Oct. 26). Facebook** Knew Ads, Microtargeting Could Be Exploited by Politicians. It Accepted the Risk. Wash. Post, <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/10/26/facebook-knew-ads-microtargeting-could-be-exploited-by-politicians-it-accepted-risk/> [https://perma.cc/25RX-2CXV].

Analytica, которая использовала данные из пятидесяти миллионов профилей в *Facebook* **, чтобы «предсказать выбор избирателей и повлиять на него»¹⁹¹.

Искажение принципов демократии и манипулирование избирателями приводят к более серьезному ущербу, который наносят синтетические медиа в отсутствие контроля. Например, дипфейки подрывают доверие к государственным и частным институтам¹⁹². Американская общественность уже на собственном опыте убедилась в том, что реальные новости называют «фейковыми новостями», заставляя избирателей менять свое привычное отношение к СМИ¹⁹³. Поддельная запись, на которой юристы планируют организовать судебное преследование по политическим мотивам, вызовет недоверие к Министерству юстиции, что, в свою очередь, подорвет доверие к судебной системе¹⁹⁴.

Все это усиливает раскол в обществе. Повышенное внимание к политике идентичности делает общественность более восприимчивой к фальсификациям и более склонной заклеить мнение другой стороны. Такое положение может перерасти в реальную конфронтацию¹⁹⁵. Социальные разногласия, а также гнев или недоверие к другой стороне – не новые явления, однако дипфейки усугубляют эти разногласия¹⁹⁶. Вероятно, вред от фальшивок будет только усиливаться, например, в области общественной безопасности, дипломатии, национальной безопасности и новостной журналистики¹⁹⁷.

Представляется разумным обратить особое внимание на вред синтетических медиа в политической рекламе, учитывая огромный потенциал для злоупотреблений в этой области. Однако при выработке регулирования технологий лучше проявить тщательность, чем излишнюю поспешность.

С. Проблема регулирования синтетических медиа в сфере политики

Понимание преимуществ и вреда синтетических медиа привело к появлению нормативных актов, которые в разной степени учитывают эти аспекты. С одной стороны, синтетические медиа могут быть чрезвычайно вредны для демократии, так как искажают проблемы и манипулируют избирателями, заставляя их верить в сфабрикованную реальность¹⁹⁸. С другой – они могут дать уникальные преимущества, обогащая демократический дискурс, передавая абстрактные идеи в доступной форме и повышая осведомленность граждан¹⁹⁹. Таким образом, регулирование в целом направлено либо на запрет только вредных материалов²⁰⁰, либо на маркировку всех синтетических медиа²⁰¹. В части II.C.1 мы рассмотрим три различные концепции, которые иллюстрируют современные подходы к регулированию синтетических медиа. В части II.C.2 приведены аргументы в пользу узких запретительных мер, а в части II.C.3 – аргументы в пользу прозрачности в регулировании.

1. Подходы к регулированию на основе характеристик синтетических медиа

Польза и вред от применения синтетических материалов демонстрируют, что эту технологию можно использовать как для создания художественных произведений, так и с целью мошенничества²⁰². Во-первых, синтетические медиа можно рассматривать как создание сфабрикованных реальностей, внутри которых они

¹⁹¹ Cadwalladr, C., & Graham-Harrison, E. (2018, Mar. 17). Revealed: 50 Million Facebook** Profiles Harvested for Cambridge Analytica in Major Data Breach. *Guardian*. <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> [<https://perma.cc/Q5RP-TN9V>].

¹⁹² См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1779.

¹⁹³ См., например, там же, at 1785–86 (обсуждается проблема «выгоды лжеца»). С этим связана проблема разочарования избирателей, когда они, столкнувшись с потоком фейковых новостей, приходят к выводу, что «истина» не стоит усилий по ее выявлению. См. Green, выше прим. 49, at 1460.

¹⁹⁴ См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1779.

¹⁹⁵ См. там же, at 1780–81.

¹⁹⁶ См. там же.

¹⁹⁷ См. там же, at 1781–85.

¹⁹⁸ См. выше часть II.B.

¹⁹⁹ См. выше часть II.A.

²⁰⁰ См. ниже часть II.C.2.

²⁰¹ См. ниже часть II.C.3.

²⁰² См. Blitz, выше прим. 49, at 171–72.

имитируют «средства нашего восприятия, но затем передают им ложную информацию о мире, заставляя нас видеть то, что не существует»²⁰³. Во-вторых, синтетические медиа можно рассматривать как продукты творчества, открывающие доступ к «ярким вымышленным мирам» – во многом таким же образом, как в прошлом использовались изустные рассказы, книги и фильмы²⁰⁴. В-третьих, сочетая два предыдущих аспекта, синтетические медиа могут рассматриваться как ложные показания, которые «представляют собой вымысел», но преподносятся «как точные факты»²⁰⁵.

Эти три подхода отражают важную проблему современности, а именно ограниченную возможность проверить факты с помощью внешних источников²⁰⁶. Политический процесс происходит в среде, где избиратель оценивает различные аргументы, основываясь, в частности, на связи этих аргументов с реальностью, которую он ощущает²⁰⁷. Там, где избиратели не имеют непосредственной связи с первичными источниками, они вынуждены полагаться на вторичные источники для оценки обоснованности предъявляемых им утверждений²⁰⁸. В контексте синтетических медиа вторичные источники необходимо дополнительно оценить с точки зрения достоверности, что может быть затруднено в синтетической среде, подверженной влиянию ботов²⁰⁹. Если «более точная информация... [должна] противодействовать ложной», то эта информация должна быть доступна²¹⁰. Таким образом, внутри сфабрикованной экосистемы приходится обеспечивать доступ к точной информации либо путем запрета наиболее вредоносных форм фальсификации, либо с помощью информирования о том, что определенный контент является сфабрикованным²¹¹.

Действующие законы и предлагаемые законодательные акты отражают решения, в которых каждому из трех определений придается различный вес. Например, закон штата Техас полностью фокусируется на концепции ложной информации, определяя синтетические медиа исключительно как поддельные видеоматериалы, «созданные с намерением ввести в заблуждение [...]»²¹². В штате Вашингтон придерживаются несколько иного подхода. Хотя в первом пункте определения используются формулировки, аналогичные техасским, закон этого штата также предусматривает, что синтетические медиа должны «вызывать у разумного человека принципиально иное понимание или впечатление о выразительном содержании», чем если бы он видел оригинальные, неизменные материалы²¹³.

Законодательство некоторых штатов делает оговорку в отношении синтетических медиа, которые непосредственно раскрывают свое содержание. Тем самым пользователи получают более широкий доступ к вымышленному миру при минимизации ущерба²¹⁴. Наконец, в таких документах, как проект Закона о политической рекламе (*REAL*) и законодательство штата Висконсин, на первый план выдвигается идея вымышленной реальности. Они требуют, чтобы вся политическая реклама включала раскрытие информации о ее создании²¹⁵.

²⁰³ См. там же, at 202–03.

²⁰⁴ Там же, at 203.

²⁰⁵ Там же. Эти три подхода отражают различный вес, придаваемый правдоподобию синтетических медиа и их влиянию на общество. Дальнейшее обсуждение концепции соотношения между правдоподобием и воздействием см. (Yamaoka-Enkerlin, 2020) (обсуждается «Система противодействия дезинформации», в рамках которой достоверность и влияние дипфейков на общество рассматриваются как часть системы, определяющей действия по борьбе с дипфейками).

²⁰⁶ См. ниже части II.C. 2–3.

²⁰⁷ См. Schroeder, выше прим. 47, at 41–42; Blitz, выше прим. 49, at 235–36; см. также выше прим. 185 и соответствующий текст.

²⁰⁸ См. Schroeder, выше прим. 47, at 36–38; см. также (Bambauer, 2017) (утверждается, что большинство заявлений являются эмпирическими и должны приниматься или отклоняться на основании доказательств, которые слушатели могут проверить на собственном опыте).

²⁰⁹ См. Schroeder, выше прим. 47, at 28–29; см. также Hasen, выше прим. 49, at 558–59.

²¹⁰ United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 738 (2012) (Breyer, J., согласие) (выделено автором).

²¹¹ См. Schroeder, выше прим. 49, at 63–64 (утверждается, что рынок идей должен фокусироваться на обеспечении «установления истины» и «защищать возможности граждан принимать участие в общечеловеческом дискурсе»); см. также Green, выше прим. 49, at 1458–59 (утверждается, что нереалистично требовать от избирателей определять подлинность каждого высказывания кандидата, но отмечается, что «по крайней мере, на данный момент люди склонны верить словам кандидата»). Однако см. (Charles, 2020) (автор отстаивает более либертарианский подход).

²¹² Tex. Elec. Code Ann. § 255.004(e) (West 2019).

²¹³ Wash. Rev. Code § 42.62 (2023).

²¹⁴ Там же; Cal. Elec. Code § 20010 (West 2023); см. также выше часть I.C.1.d.

²¹⁵ S. 2770, 118th Cong. § 2 (2023); Assemb. B. 664, 2023–2024 Assemb. (Wis. 2024).

Кроме того, в некоторых юрисдикциях данное деяние квалифицируется как манипулирование синтетическими медиа с намерением нанести вред кандидату или повлиять на выборы, т. е. делается акцент на идее ложных показаний²¹⁶. В других юрисдикциях, напротив, для наступления ответственности не требуется, чтобы медиа были созданы с каким-либо конкретным намерением²¹⁷. Эти подходы нашли отражение в текущей научной дискуссии в отношении регулирования.

2. Запретительные меры

Один из подходов к регулированию заключается в том, чтобы ввести строгий запрет на особо вредные дипфейки, которые представляют наибольший риск срыва выборов и политического процесса²¹⁸. Наиболее отчетливо этот подход выражают законы о дипфейках, действующие в штатах Миннесота и Техас.

В рамках такого подхода запрет является, прежде всего, практичным и узконаправленным. Он распространяется только на синтетические медиа, созданные злонамеренно или опубликованные с намерением нанести вред кандидату или повлиять на выборы²¹⁹. Запреты в основном касаются кандидатов, поскольку это лучше согласуется с традиционными ограничениями таких действий, как диффамация или мошенничество²²⁰. Преимущество такой узкой направленности заключается в устранении явного ущерба, наносимого кандидату или выборам, и в то же время оставляет место для развития новых технологий²²¹.

Во-вторых, узконаправленный запрет работает в рамках защиты, предусмотренной Первой поправкой. Например, профессор Ребекка Грин предлагает полностью запретить использование контрафактных материалов с участием кандидата на политический пост²²². Это предложение предусматривает уголовную ответственность за создание и распространение синтетических медиа, предназначенных для «обмана избирателей и искажения избирательного процесса», в течение определенного количества дней до выборов, за исключением материалов, «четко обозначенных как поддельные»²²³. Профессор утверждает, что такой запрет выдержит проверку на конституционность²²⁴, если понимать дипфейки как «заведомое мошенничество», а не как «заурядную ложь политиков»²²⁵. По ее мнению, криминализация подделок как мошенничества дает возможность преодолеть барьеры, установленные Первой поправкой²²⁶. Законы штатов уже отражают эти запретительные подходы, и федеральное правительство также может принять соответствующее требование через *FEC*²²⁷. Это более узкий подход, который защищает от самых серьезных опасностей, в то же время разрешая использование синтетических медиаматериалов²²⁸.

Однако недостаточно узконаправленный закон вновь приведет к ограничениям в рамках Первой поправки²²⁹. Несомненно, закон, регулирующий использование ложных материалов, отвечает таким значимым интересам

²¹⁶ См. выше часть I.C.1.c.

²¹⁷ См. выше часть I.C.1.c.

²¹⁸ Однако см. Barrett, Jr., выше прим. 144, at 617 (автор выступает в долгосрочной перспективе за внесение конституционной поправки, запрещающей «всю телевизионную и цифровую политическую рекламу»).

²¹⁹ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 717 (2012) (мнение большинства).

²²⁰ См. выше прим. 64 и соответствующий текст. Более широкий обзор законов, касающихся дезинформации в сфере выборов, см. Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 301–03.

²²¹ См. Green, выше прим. 49, at 1486–87.

²²² Там же, at 1449. Запрет не будет распространяться на политические вопросы или другие материалы, направленные на искажение результатов выборов. Там же, at 1451.

²²³ Там же, at 1456–57.

²²⁴ Там же, at 1483; см. также Blitz, выше прим. 49, at 273–74.

²²⁵ Green, выше прим. 49, at 1483.

²²⁶ Там же, at 1484. Такой подход полезен тем, что ограничивает запрет категорией высказываний (мошенничество), которые будут подлежать более строгому регулированию с учетом исторического прецедента. См. выше прим. 162 и соответствующий текст.

²²⁷ См. выше прим. 164 и соответствующий текст.

²²⁸ См. в целом Green, выше прим. 49.

²²⁹ См. там же, at 1486 («Узкий закон, направленный против фальсифицированных выступлений, подготовленных и распространяемых с сознательным намерением ввести избирателей в заблуждение и сорвать выборы, должен выдержать проверку с точки зрения Первой поправки, поскольку вред, который он должен предотвратить, является значимым элементом демократии»).

общества, как обеспечение доступа к достоверной информации и определение ее ценности²³⁰. Однако при непосредственном применении нормативных актов возникают серьезные проблемы²³¹. Среди них трудности определения правдивой информации, риски дискриминации по идеологическим мотивам и манипулирования со стороны государства²³².

Профессор Ричард Л. Хейзен приводит в качестве примера запрет на дипфейки в законе штата Калифорния. Он утверждает, что положения закона настолько расплывчаты и чрезмерно широки, что входят в противоречие с Первой поправкой²³³. Таким образом, запретительный подход имеет право на существование, но он очень узок. В условиях его применения научная мысль и судебная практика используют также принцип прозрачности. Тем самым возможно ограничить запретительные меры или полностью избежать их.

3. Прозрачность

Альтернативный подход к регулированию основан на прозрачности, которая реализуется путем раскрытия информации либо в соответствии с требованиями государства, либо частным образом²³⁴. Законы и нормативные предложения, способствующие прозрачности, бывают двух форм. Ряд законов, направленных против вредоносных дипфейков, требует, чтобы в рекламе содержалась информация об использовании синтетических медиаматериалов²³⁵. Другие (например, предлагаемый Закон о политической рекламе) требуют наличия такой информации, но не запрещают синтетические медиа²³⁶.

Требования к прозрачности дают три основных преимущества. Во-первых, законы, содержащие требование прозрачности, «не устанавливают, какие высказывания следует считать допустимыми». Таким образом, они позволяют избежать многих проблем, связанных с Первой поправкой, которая устанавливает недопустимость ограничений на основе содержания²³⁷. Во-вторых, принцип прозрачности способствует повышению ответственности создателей и распространителей рекламы в отношении содержания ложной и вводящей в заблуждение информации²³⁸. В-третьих, если закон требует собирать и раскрывать информацию о спонсорах и распространителях политической рекламы, то это побуждает сторонние платформы (например, операторов социальных сетей) предотвращать их злонамеренное использование через средства самонализа и подотчетности²³⁹. Однако жесткие требования к ведению документации и раскрытию информации частными субъектами, устанавливаемые законами о прозрачности, можно оспорить, если они не являются достаточно узконаправленными²⁴⁰.

Один из подходов к законам о прозрачности требует, чтобы платформы социальных сетей и другие крупные веб-сайты помечали синтетический медиаконтент в рекламе или видеоролики как «измененные»²⁴¹. Это относится к любым синтетическим медиа, а не только к политическим материалам, но, по-видимому,

²³⁰ См. Hasen, выше прим. 49, at 545 (заявляется, что «демократия зависит от способности избирателей оценивать аргументы для принятия политических и избирательных решений»).

²³¹ См. Green, выше прим. 49, at 1483–86 (обсуждается жизнеспособность узких запретов в свете решения по делу Alvarez).

²³² Hasen, выше прим. 49, at 546.

²³³ Там же, at 552–53 («Закон [штата Калифорния] о запрете дипфейков порождает неопределенность и чрезмерные проблемы, так как препятствует использованию синтетических медиа, но слабо регулирует распространение [дипфейков]»; трудно «утверждать, что намерение повлиять на выборы с помощью манипулируемых медиа является актом обмана»).

²³⁴ См. выше части I.C.1.d, I.C.3.

²³⁵ См. выше часть I.C.1.d.; см. также Green, выше прим. 49, at 1454 n. 40.

²³⁶ S. 1596, 118th Cong. § 4 (2023).

²³⁷ Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 374 & n. 393; см. также Blitz, выше прим. 49, at 27582, 294–95 (утверждается, что «ложные заявления и дипфейки – это не одно и то же», учитывая нетрадиционный характер последних; отмечается, что законы, в целом требующие раскрытия информации о дипфейках, «могут выдержать промежуточный конституционный контроль»).

²³⁸ Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 374–75.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ См. там же, at 376–79; см. также Nat'l Inst. of Fam. & Life Advocs. v. Becerra, 138 S. Ct. 2361, 2378 (2018); McIntyre v. Ohio Elections Comm'n, 514 U.S. 334, 357 (1995) (суд постановил, что закон штата Огайо, запрещающий анонимную рассылку памфлетов, нарушает право на анонимность в политических выступлениях, гарантированное Первой поправкой).

²⁴¹ Hasen, выше прим. 49, at 549. По мнению профессора Хасена, «[маркировка] “подвергнуто манипуляции” является более уничижительной, чем “изменено”, и... может вызвать проблему конституционности, поскольку позволяет утверждать, что государство навешивает негативный ярлык на политическое выступление». Там же, at 553.

основной целью является защита выборного процесса²⁴². Сторонник этого подхода профессор Хасен считает, что проблема синтетических медиа неизбежна в современную «эпоху постправды» и что это создает угрозу демократии, поскольку избиратели не имеют «достаточного доступа к истинной информации через надежные источники и посредников», а значит, не могут принимать обоснованные решения²⁴³.

В контексте выборов дезинформация и искусственные медиа представляют угрозу, когда поток правдоподобной фальшивой информации подрывает законный информационный рынок, или, проще говоря, когда «плохая информация вытесняет хорошую»²⁴⁴. Более того, поток вводящих в заблуждение или откровенно ложных синтетических медиаматериалов снижает вероятность того, что какие-либо медиа будут считаться подлинными, а это облегчает отрицание истины²⁴⁵.

Чтобы пройти проверку на конституционность, требование о широкой маркировке должно отвечать «заинтересованности правительства в предотвращении... обмана избирателей», а также решить проблемы рынка по выявлению подлинного контента²⁴⁶. Профессор Хасен утверждает, что нейтральность требования о маркировке позволит избежать проблемы выявления правдивой информации, поскольку маркироваться будут все измененные медиа²⁴⁷. Кроме того, это позволит решить проблему с вынужденной речью, поскольку синтетический контент является чисто фактическим определением, которое Верховный суд подтвердил в деле *Becerra* в отношении коммерческого использования²⁴⁸. Профессор Хасен предлагает обязать веб-сайты указывать «объективно проверяемые» изменения, что позволит избежать дискриминации при применении этого закона²⁴⁹.

Другие ученые, однако, выражают сомнение в том, что коммерческий подход профессора Хасена, основанный на решении по делу *Alvarez*, возобладает²⁵⁰. Альтернативный вариант дает возможность широкого регулирования дипфейков при условии проведения промежуточной проверки и соблюдения нейтральности²⁵¹. Этот подход основан на понимании дипфейков как бездоказательной лжи или материалов, отражающих сфабрикованную реальность, а также как фальсификации источника информации, чтобы выдать ее за истинную²⁵². Такое определение дипфейков предлагает профессор Марк Джонатан Блитц. Он также утверждает, что сфабрикованная реальность может быть защищена законом, как и ложные высказывания в деле *Alvarez*, но концепция фальсифицированных источников информации предоставляет государству больше возможностей для введения регулирования, не затрагивающего публикуемые взгляды и содержание²⁵³.

Согласно другому предложенному подходу, политическая реклама должна проходить оценку уполномоченным специалистом²⁵⁴. Предполагается, что такие частные оценщики, утверждаемые двухпартийным

²⁴² См. там же, at 550.

²⁴³ Там же, at 538–40 (предполагается, что, говоря обобщенно, растущая политическая гиперполяризация и сокращение числа надежных посредников при передаче новостных сообщений привели к наступлению «эпохи постправды»). Однако см. Charles, выше прим. 212, at 605–06.

²⁴⁴ Hasen, выше прим. 49, at 544.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же, at 550; см. также Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1785–86 (обсуждаются выгоды от распространения ложной информации).

²⁴⁷ Hasen, выше прим. 49, at 550.

²⁴⁸ Там же, at 550–51 (цитируется *Nat'l Inst. of Fam. & Life Advocs. v. Becerra*, 138 S. Ct. 2361, 2378 (2018)). Профессор Хасен отмечает, что, хотя пользователи «размещают посты в социальных сетях в политических целях», это «не отменяет коммерческой природы таких компаний, как Facebook** и Twitter*». Там же, at 551 n. 79. Однако см. Charles, выше прим. 212, at 605–06 (автор оспаривает вывод профессора Хасена о том, что вынужденные высказывания в составе политически ориентированных дипфейков являются коммерческими, и утверждает, что «дипфейки в сфере политики – это преимущественно политические, а не коммерческие выступления»); Blitz, выше прим. 49, at 279.

²⁴⁹ Hasen, выше прим. 49, at 551–52.

²⁵⁰ См. Blitz, выше прим. 49, at 277–80 (обсуждаются трудности с включением политической риторики в обоснование решения по делу *Zauderer*, поскольку участие онлайн-платформ придает ей коммерческий характер).

²⁵¹ Там же, at 265–66.

²⁵² Там же, at 203–04.

²⁵³ См., например, там же, at 175–77.

²⁵⁴ Barrett, Jr., выше прим. 144, at 660–61. В долгосрочной перспективе автор выступает за внесение поправки в Конституцию, запрещающей «всю телевизионную и цифровую политическую рекламу». См. там же, at 617.

комитетом Конгресса, «разработают различные градации рекламы»²⁵⁵. Эти рейтинги политической рекламы, а также новостных и публицистических передач будут отображаться на экране, как цветовая маркировка уровней здоровья, размещаемая на витринах ресторанов²⁵⁶. Такой подход открывает новые возможности для регулирования, хотя, вероятно, и связан с проблемами определения достоверности информации, а также с проблемой ограничения по содержанию, как в деле *Brown*²⁵⁷.

Наконец, предметом широкого обсуждения становится прозрачность в отношении источников политической рекламы, особенно в связи с делом *Citizens United*²⁵⁸. При обсуждении дела *NetChoice* и проекта Закона о честной рекламе²⁵⁹ затрагивался вопрос о хранении политических текстов, размещаемых в Интернете²⁶⁰. Предлагается создать репозиторий, который будет содержать сами тексты, а также информацию о стоимости рекламы, кандидате или политической проблеме, к которым она относится, и охвате аудитории²⁶¹. Регулирование через положения о раскрытии информации о финансировании рекламных кампаний и отказе от ответственности проходит проверку на конституционность, поскольку «не является запретом или ограничением»²⁶². Однако размещать в таких репозиториях синтетические медиа не предполагается.

III. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОЗРАЧНОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ

Политическая реклама со всеми сопутствующими манипулятивными и вводящими в заблуждение практиками не является чем-то новым²⁶³. Политики делают ложные или вводящие в заблуждение заявления в рамках Первой поправки²⁶⁴. В свою очередь, избиратели должны оценивать достоверность такой рекламы и источника, сравнивая их со своим восприятием реальности и политической позицией²⁶⁵.

Этот хрупкий баланс между влиятельными лицами и теми, кто находится под их влиянием, исторически оставался неизменным: журналисты и оппозиционные группы выступали посредниками в обсуждении и вмешивались, когда что-то не складывалось. Баланс был неидеальным, но он был прочно укоренен в системе, где противоречивые заявления конкурирующих кандидатов должны были соответствовать реальному опыту избирателя, чтобы достичь своей цели²⁶⁶.

Однако теперь избирателям приходится сталкиваться со сфабрикованными видео- или аудиовыступлениями политиков, которые кажутся абсолютно реальными. Проверка подлинности вторичного источника требует дополнительного анализа. Если раньше гражданин мог доверять (со здоровым уровнем скептицизма) вторичным материалам, основанным на неких источниках, то распространение и потребление сфабрикованного, гиперреалистичного контента подталкивает избирателей к нездоровому уровню скептицизма по поводу политических заявлений. Если добавить к этому современную медийную среду, иностранные влияния, Интернет

²⁵⁵ Там же, at 662–64. Возможные категории: «(1) крайне неточный, вводящий в заблуждение или ложный, (2) в некоторой степени неточный, вводящий в заблуждение или ложный, (3) в основном точный или правдивый и (4) очень точный или правдивый». Там же, at 664.

²⁵⁶ См. там же, at 665.

²⁵⁷ См. Mekela Panditharantne & Noah Giansiracusa, *How AI Puts Elections at Risk – and the Needed Safeguards*. (2023, July 21). Brennan Ctr. for Just. <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/how-ai-puts-elections-risk-and-needed-safeguards> [<https://perma.cc/4BVB-APHR>] (отмечается, что Закон о честной рекламе «можно улучшить, потребовав раскрытия информации о роли искусственного интеллекта в создании определенных политических сообщений»).

²⁵⁸ *Citizens United v. Fed. Election Comm'n*, 558 U.S. 310, 371 (2010) («Первая поправка защищает высказывания политиков, а требование раскрытия информации позволяет гражданам и акционерам должным образом реагировать на высказывания юридических лиц. Такая прозрачность позволяет избирателям принимать обоснованные решения и придавать должное значение различным выступлениям и сообщениям»).

²⁵⁹ S. 486, 118th Cong. (2023); см. выше прим. 59–62.

²⁶⁰ См. (Wood & Ravel, 2018; Matwyshyn & Mowbray, 2021).

²⁶¹ Wood & Ravel, выше прим. 261, at 1256–57; см. также (Navarrine, 2023).

²⁶² Wood & Ravel, выше прим. 261, at 1240.

²⁶³ См. выше прим. 1–3 и соответствующий текст.

²⁶⁴ См., например, *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709 (2012).

²⁶⁵ См. выше часть II.C.1.

²⁶⁶ См. выше часть II.C.1.

под управлением ботов и глубоко партийную ориентацию СМИ, то сфабрикованный контент становится новой серьезной проблемой в политике.

Это новая проблема, поскольку технология является новой, но разработка регулирования для этой проблемы не обязательно должна начинаться с нуля²⁶⁷. Хотя частный сектор может оказать поддержку в идентификации синтетических медиа, эту сферу должно регулировать государство. Лишь таким образом можно обеспечить достаточное руководство предвыборными кампаниями и электоратом в условиях существующего разнообразия в законодательстве. Запретительные меры полезны в краткосрочной перспективе, но установление требований к прозрачности – это более верный способ решения проблем в свете будущего развития технологий. Следующий шаг в обеспечении прозрачности должен заключаться в создании хранилища политической рекламы с информацией о синтетическом контенте. Такой подход подтвердил бы важность аутентичности вторичных источников при использовании правовых средств, предложенных в решениях по делам *Citizens United* и *Alvarez*.

Далее в части III.A мы рассмотрим проблемы, которые делают запретительный подход нежелательным. В части III.B обоснован подход с точки зрения прозрачности и описаны проблемы, связанные с требованием маркировки. В части III.C предлагается смешанный подход, т. е. использование государственного хранилища рекламы в сочетании с регулированием частного сектора и обучающими программами.

А. Проблемы запретительных мер

Запретительные меры направлены на устранение непосредственного вреда от дипфейков, но не являются долгосрочным решением. В настоящее время избиратели могут не знать о том, что изображение кандидата подверглось изменениям, а кандидаты могут быть не в состоянии распознать фейковый контент и отреагировать на него за несколько дней до выборов²⁶⁸. Таким образом, запреты обеспечивают достаточно жесткую защиту против манипулирования избирателями. Тем самым избиратели получают доступ к политической рекламе, но мошенничество в этой сфере остается незаконным²⁶⁹. Однако запретов недостаточно для предотвращения ущерба в будущем. Кроме того, такой подход менее предпочтителен, чем система, сочетающая прозрачность со средствами сдерживания, поскольку она способствует автономии избирателей²⁷⁰.

Проблема с запретительными мерами в том, что они слишком завязаны на масштабировании. Что касается потребителей, то запрет отдельных рекламных роликов не решает более важную проблему избирателей, которые уже настроены скептически. Тем самым возникает риск усилить поляризацию вместо расширения доступа к информации²⁷¹. Запрет может защитить от конкретных манипуляций, но он не дает избирателю инструментов для выявления фейков в тех случаях, когда запреты неприменимы²⁷². Что же касается создателей и распространителей рекламы, то запреты по основанию намерения трудно реализовать, особенно в тех случаях, когда меры нужно принимать оперативно²⁷³. Кроме того, запреты станут ненужными, а привлекать рекламодателей к ответственности не понадобится, если избиратели смогут с легкостью идентифицировать материалы как поддельные²⁷⁴.

²⁶⁷ См. *Brown v. Ent. Merchs. Ass'n*, 564 U.S. 786, 790 (2011) («Несмотря на трудности применения Конституции к постоянно развивающимся технологиям, 'основные принципы свободы слова и печати, как и требование Первой поправки, не меняются', когда появляются новые средства коммуникации» (цитируется *Joseph Burstyn, Inc. v. Wilson*, 343 U.S. 495, 503 (1952))).

²⁶⁸ См. выше часть II.B.

²⁶⁹ См. выше часть II.C.2.

²⁷⁰ См. (Goodman, 2021) (автор выступает за повышение прозрачности и устранение разногласий в цифровой сфере, чтобы прервать поток информации и способствовать автономности в потреблении контента).

²⁷¹ См. Blitz, выше прим. 49, at 189–90.

²⁷² См. Schroeder, выше прим. 47. Например, опровержения кандидата, представленного в ложном свете, лишь углубят информационный разрыв, когда избиратель способен рассмотреть различные аргументы, но не имеет доступа к исходным материалам для оценки противоположных утверждений.

²⁷³ Ср. Green, выше прим. 49, at 1454–57 и Hasen, выше прим. 49, at 552–53.

²⁷⁴ См., например, Ostrowski, выше прим. 15, at 97.

Вероятно, действующие законы штатов используют достаточное юридическое обоснование, адаптируя понятия клеветы и мошенничества к новым технологиям²⁷⁵. Однако эти традиционные нормы налагают слишком большие ограничения, и существующие запреты не соответствуют реалиям растущей экосистемы синтетических медиа²⁷⁶. Более того, такие средства правовой защиты, как судебный запрет, могут оказаться неконституционными независимо от степени ограничений²⁷⁷.

В. Прозрачность как предпочтительный подход

Законы о прозрачности обеспечивают более эффективный подход к регулированию, чем запретительные меры²⁷⁸. Использование новых технологий требует признать реальность синтетического контента и выработать инструменты для навигации по новой экосистеме²⁷⁹. В долгосрочной перспективе проблема, скорее всего, будет заключаться не в одном дипфейке, влияющем на выборы, а в целых экосистемах фальсифицированного контента²⁸⁰. Требования к маркировке – это шаг в правильном направлении²⁸¹, но его недостаточно, чтобы соответствовать текущему моменту.

1. Проблемы требований к маркировке

На практике маркировка измененной политической рекламы вряд ли будет достаточным долгосрочным решением по трем причинам. Во-первых, в ней невозможно подробно указать, что и в какой степени изменено²⁸². Например, синтетическое изображение президента Байдена, произносящего речь в течение пяти секунд в двухминутном видеоролике с реальными событиями, будет помечено как «измененное», как и двухминутный полностью синтетический видеоролик²⁸³. Это лишь усугубит «кризис правды и доверия», когда пометка об изменениях теряется на фоне массового использования синтетических медиаматериалов²⁸⁴.

Во-вторых, маркировка не коснется появления рекламы в новых медиа²⁸⁵. Появятся более тонкие формы политической рекламы; например, заказчик заплатит компании, занимающейся созданием видеоигр или виртуальной реальности, за включение положительного неигрового персонажа, похожего на политического кандидата и вызывающего большое доверие²⁸⁶.

Третьей серьезной проблемой, которую государственное регулирование вряд ли решит в полной мере, является частная политическая реклама. Хотя *FEC* обладает юрисдикцией в отношении некоторых форм

²⁷⁵ См. Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 317–22 (обсуждается возможность обвинения в диффамации и мошенничестве как наиболее вероятный способ регулирования ложных высказываний и выполнения требований Первой поправки).

²⁷⁶ См. выше прим. 212 и соответствующий текст.

²⁷⁷ См. Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 331–32. В штатах Калифорния, Миннесота и Вашингтон допускается возможность судебного запрета со стороны кандидата. См. в целом Chesney & Citron, выше прим. 108; выше части II.A-B.

²⁷⁸ См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1807–08 («Подход [с точки зрения прозрачности] мог бы оказать хотя бы некоторое положительное влияние на ситуацию с дипфейками в избирательном процессе»); Hasen, выше прим. 49, at 567 («Прозрачность и ясность – это лучшие инструменты, которые можно встроить в законодательство и избирательные процессы»); см. также Blitz, выше прим. 49, at 275–81 (обсуждается конституционность требований о раскрытии информации в отношении дипфейков в целом).

²⁷⁹ См. в целом Schroeder, выше прим. 47; Goodman, выше прим. 271.

²⁸⁰ См., например, Goodman, выше прим. 271, at 634 (отмечается, что «боты позволяют проводить массовые кампании по распространению сообщений со скрытым авторством» с целью повлиять на общественное мнение). Например, синтетический видеоролик, размещенный на поддельном аккаунте, может распространяться вирусным образом с использованием сети других аккаунтов-ботов, а для поддержки обмана могут создаваться поддельные веб-сайты, дискуссионные форумы и новостные статьи. Там же.

²⁸¹ См. выше часть II.C.3.

²⁸² См. выше часть I.C.2.

²⁸³ Законы штатов имеют широкий охват, и минимальное изменение может быть истолковано как нарушение запретов. См. выше часть I.C.1.d.

²⁸⁴ Ср. Hasen, выше прим. 49, at 550 (утверждается, что требование маркировки поможет зрителям отличить реальные медиа от синтетических и укрепит доверие к ним).

²⁸⁵ См., например, Bloomberg, S. (2023). Political Advertising in Virtual Reality. First Amend. L. Rev., 21, 167 (обсуждаются теоретические аспекты использования политической рекламы в виртуальной реальности и правовые проблемы, связанные с потенциальным регулированием в этой области).

²⁸⁶ См. там же, at 196–98.

онлайн-рекламы²⁸⁷, общественность вынуждена полагаться на частные компании, чтобы заполнить пробелы в юрисдикции²⁸⁸. При этом маркировка может появиться на одной частной платформе, но не появиться на другой; содержание маркировки может отличаться; у компании может не быть адекватных технологий для реализации своей политики²⁸⁹. Эти проблемы свидетельствуют о том, что достижение большей прозрачности ограничено, поскольку маркировка не предоставляет достаточной информации и не охватывает более широкий спектр технологий для эффективного информирования избирателей.

Помимо этих практических трудностей, требования к маркировке сталкиваются с юридическими препятствиями. Хотя широкое использование маркировки, скорее всего, не будет противоречить требованию нейтральности мнений²⁹⁰, регулирование конкретно политической рекламы будет иметь ограничения по содержанию²⁹¹. Что касается политических высказываний, то общее требование о маркировке всей рекламы, содержащей синтетические медиаматериалы, будет зависеть от содержания, поскольку оно дискриминирует политическую речь, в то время как коммерческая и иная реклама остается в стороне²⁹². Таким образом, жизнеспособное законодательство должно удовлетворять требованиям либо строгой проверки на конституционность, если оно узко направлено на политическую рекламу, либо обычной проверки, если оно распространяется на более широкий круг лиц²⁹³.

Государство должно отстаивать свои интересы в регулировании этой сферы. Во-первых, существует настоятельная заинтересованность в том, чтобы избиратели имели достаточный доступ к информации, позволяющей определить, от кого исходит сообщение²⁹⁴. Во-вторых, существует ощутимая угроза демократии, поскольку синтетические медиа, особенно вредные их разновидности, доминируют в эфире во время выборов и перед ними²⁹⁵. Это оправдывает действия по защите электората от манипуляций или искажения информации о кандидатах, но затрудняет распространение рекламы общего характера из-за большей сложности последней²⁹⁶. В-третьих, государство заинтересовано в «поддержке честных выборов»²⁹⁷.

Однако для адекватного решения проблемы требования к маркировке могут оказаться недостаточно узконаправленными. Регулирование всех политических синтетических медиа является чрезмерно жесткой мерой, тогда как более узкий подход позволил бы уменьшить вред, не накладывая на всю рекламу обременительных

²⁸⁷ См. 11 C.F.R. § 100.26 (2024).

²⁸⁸ Некоторые ученые выступали за решение этой проблемы через введение расширенных требований ко всей рекламе. См. Blitz, выше прим. 49, at 278–81; Hasen, выше прим. 49, at 551–54. Другой вариант – распространить требования к финансированию избирательных кампаний на онлайн-платформы. См. Wood & Ravel, выше прим. 261, at 1256–64. В настоящей работе мы фокусируемся на более узкой области политической рекламы и выступаем за распространение требования раскрытия финансовой информации на синтетические медиа, оставляя в стороне целесообразность прямых требований к крупным медиаплатформам.

²⁸⁹ См. там же.

²⁹⁰ См. Hasen, выше прим. 49, at 550. Маркировка не ограничивает возможность размещать рекламу на основании личности выступающего или содержания выступления.

²⁹¹ См. Reed v. Town of Gilbert, 576 U.S. 155, 164 (2015).

²⁹² Там же. Нейтральность контента в большей степени относится к ограничению времени, способа или места размещения рекламы.

²⁹³ Широкое требование маркировки, применимое к нейтральным третьим сторонам, а также к непосредственным политическим участникам, подлежит строгой, но не особо строгой проверке на конституционность. См. Wash. Post v. McManus, 944 F.3d 506, 515–17 (4th Cir. 2019) (обсуждается более низкая планка требований к раскрытию информации в соответствии с Первой поправкой, когда речь идет «непосредственно о политических участниках», а не о нейтральных третьих сторонах) (выделено автором).

²⁹⁴ См. Citizens United v. Fed. Election Comm'n, 558 U.S. 310, 367 (2010). Однако см. McIntyre v. Ohio Elections Comm'n, 514 U.S. 334, 348 (1995) («Одна лишь заинтересованность в предоставлении избирателям дополнительной важной информации не оправдывает требования государства о том, чтобы автор делал заявления или раскрывал информацию, которую он в противном случае опустил бы»).

²⁹⁵ См. выше часть II.B.

²⁹⁶ См. Green, выше прим. 49, at 1451 n. 30.

²⁹⁷ Ardia & Ringel, выше прим. 99, at 317. Авторы отмечают, что суды низшей инстанции нашли другие убедительные причины обеспечить «целостность избирательного процесса», защиту «избирателей от непонимания и ненадлежащего влияния» и того, чтобы фальсификации на выборах не подрывали право на голосование. Там же.

ограничений²⁹⁸. И все же одна только маркировка вредных синтетических медиаматериалов может быть недостаточной, если конкретный вред, такой как мошенничество или диффамация, происходит от форм рекламы, не предусматривающих необходимого уровня ответственности или использующих другие медиа²⁹⁹. Более того, регулирование только злонамеренных изображений кандидата не коснулось бы, например, референдумов избирателей³⁰⁰ или фальсификации результатов голосования. С такими ситуациями можно было бы справиться с помощью расширенного регулирования, включающего также тематическую рекламу³⁰¹.

Другая проблема заключается в запрете на вынужденные высказывания: рекламодатели должны будут включить в рекламу текст уведомления, которого в противном случае они не включили бы³⁰². В решении суда по делу *Весегга* отмечается, что государство может требовать раскрытия «исключительно фактической и не вызывающей споров информации», но также подчеркивается, что это требование относится лишь к коммерческой рекламе³⁰³. Таким образом, хотя маркировка указывает только на не вызывающий споров факт (подвергались ли изменениям рекламные материалы), однако обязательное использование маркировки о присутствии синтетических медиа в политической рекламе является спорным в отношении запрета на вынужденные высказывания³⁰⁴.

Наконец, обязательное использование маркировки может быть истолковано как нарушение права на анонимность в политических выступлениях³⁰⁵. При достаточно быстром развитии технологий³⁰⁶ искусственный интеллект может быть включен в сферу защиты свободы слова³⁰⁷. Уже сейчас гражданин может отстаивать свою политическую позицию в Интернете, обучая модель выявлять конкретные проблемы и реагировать на них, продвигать благоприятный контент, создавать и распространять контрматериалы³⁰⁸. Будут ли такие политические выступления подпадать под законы о защите свободы слова? Обязан ли человек, стоящий за такой моделью, раскрывать свою личность? Будет ли позволено сильному ИИ, отстаивающему ту или иную политическую позицию, сохранять анонимность?³⁰⁹

Подводя итог, можно утверждать, что требования маркировки более целесообразны, чем запретительный подход, но обязательное раскрытие информации не обеспечивает такой же защиты в сфере политической рекламы, как в сфере коммерческой³¹⁰.

2. Обеспечение прозрачности через Федеральную избирательную комиссию и частных субъектов

Чтобы запретительные меры были эффективными, требуется власть государства, однако требования прозрачности лежат на границе между государственным и частным регулированием³¹¹. Любое требование о прозрачности, установленное правительством, касается различных платформ, размещающих политическую

²⁹⁸ См. *Brown v. Ent. Merchs. Ass'n*, 564 U.S. 786, 804 (2011). Суд постановил, что заявление об интересах государства было чрезмерным, поскольку предполагало «поддержку того, чего, по мнению государства, должны хотеть родители»; аналогичным образом, регулирование всей политической рекламы может привести к чрезмерному регулированию рекламы, не содержащей признаков мошенничества или клеветы. Там же.

²⁹⁹ См. выше часть I.A.2; см. также *Brown*, 564 U.S. at 801–02 (Закон штата Калифорния был недостаточно широким, поскольку не охватывал другие медиа).

³⁰⁰ См. *John Doe No. 1 v. Reed*, 561 U.S. 186 (2010).

³⁰¹ Действующее законодательство, как правило, не распространяется на рекламу, посвященную исключительно тематическим вопросам. См. 11 C.F.R. § 100.29 (2024). Но некоторые законы штатов имеют более широкий охват, включая положения о попытках повлиять на выборы. См. выше часть I.C.

³⁰² См. *Blitz*, выше прим. 49, at 278–81 (отмечается, что основания для решения по делу *Zauderer* (требования к раскрытию информации) не распространяются на политические дипфейки, и утверждается, что «ложь и дипфейк – это не одно и то же»).

³⁰³ *Nat'l Inst. of Fam. & Life Advocs. v. Becerra*, 138 S. Ct. 2361, 2372, 2376 (2018).

³⁰⁴ См. *Blitz*, выше прим. 49, at 279. Однако см. *Hasen*, выше прим. 49, at 551–52.

³⁰⁵ См. *McIntyre v. Ohio Elections Comm'n*, 514 U.S. 334, 348 (1995).

³⁰⁶ См. выше часть I.A.

³⁰⁷ См., например, (Garvey, 2022).

³⁰⁸ См. выше прим. 285 и соответствующий текст.

³⁰⁹ См. Garvey, выше прим. 308.

³¹⁰ См. выше прим. 251 и соответствующий текст.

³¹¹ См. *Ardia & Ringel*, выше прим. 99, at 383.

рекламу, поэтому сотрудничество с частным сектором необходимо³¹². Как отражено в ряде законопроектов федерального уровня³¹³, если Конгрессу удастся увязать требования к раскрытию информации о синтетических медиа с соображениями финансирования, то *FEC* сможет решить эту проблему³¹⁴. Законодательство должно сосредоточиться на проблеме обоснования достоверности источника информации, не касаясь содержания высказываний³¹⁵. Кроме того, веским аргументом в пользу регулирования *FEC* является расширение понятия «публичная коммуникация»³¹⁶.

Тем не менее общепризнано, что юрисдикция *FEC* узка и распространяется только на рекламу с участием кандидатов, распространяемую в течение шестидесяти дней перед выборами³¹⁷. Звучали предложения расширить требования к онлайн-платформам, однако решение Верховного суда о повторном рассмотрении дела *NetChoice* оставляет открытым вопрос о том, являются ли эти предложения жизнеспособными³¹⁸. Если основой регулирования станет добровольное сотрудничество, то усилия частных субъектов позволят избежать ограничений, связанных с Первой поправкой³¹⁹.

Кроме того, рыночное регулирование имеет два преимущества. Во-первых, зарождающийся сектор синтетических медиа быстро развивается и неизбежно будет продолжать развиваться в дальнейшем³²⁰. Во-вторых, рынок уже продемонстрировал, что он готов и способен маркировать использование синтетических материалов³²¹. Хотя технологический сектор в некоторой степени уже требовал обеспечить регулирование потенциальной ответственности³²², было бы разумно отложить его создание, пока отрасль не разовьется в достаточной степени.

Тем не менее частному регулированию потребуется руководство, о чем свидетельствует существующая разрозненность политических мер³²³. В идеале частные платформы могли бы работать сообща; примером может служить требование к маркировке в индустрии видеоигр, рассмотренное в деле *Brown*³²⁴. В конечном счете «ни федеральное правительство, ни правительства штатов не могут просто законодательно запретить дезинформацию во время выборов»; скорее законодательство должно быть частью «всеобъемлющей стратегии», включая ту важную роль, которую играют онлайн-платформы³²⁵.

С. База данных рекламных материалов: дополнительное средство обеспечения прозрачности

Разнообразие синтетических медиа на политической арене ясно показывает, что любое регулирование может быть чрезмерно широким, если оно осуществляется без учета различных вариантов использования, и слишком узким при неадекватной оценке вреда³²⁶. С учетом ограничения Первой поправки альтернативный подход заключается в том, чтобы регулировать деятельность создателей политической рекламы в пределах юрисдикции *FEC*, увязав между собой аспекты маркировки синтетического контента в политической рекламе и расходов на рекламу³²⁷. Это требование коснется не многих выступлений в Сети, а Верховный суд вряд ли

³¹² См. там же. Однако см. выше прим. 290 и соответствующий текст.

³¹³ См. выше часть I.C.1.

³¹⁴ См. в целом выше часть I.C.1 (обсуждается юрисдикция *FEC*).

³¹⁵ См. *Citizens United v. Fed. Election Comm'n*, 558 U.S. 310, 366–68 (2010).

³¹⁶ См. 11 C.F.R. § 100.26 (2024).

³¹⁷ См. там же. § 100.29.

³¹⁸ См. выше прим. 59–63 и соответствующий текст.

³¹⁹ См. *Brown v. Ent. Merchs. Ass'n*, 564 U.S. 786, 803 (2011); *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 744–56 (2012) (Alito, J., несогласие).

³²⁰ См. выше часть I.A.1. Поспешные попытки регулировать эту область могут помешать ее развитию или оказаться неэффективными через короткое время после принятия.

³²¹ См., например, *GOP*, выше прим. 4.

³²² См. выше часть I.C.3.

³²³ См. *Wood & Ravel*, выше прим. 261, at 1247–48 (отмечается отсутствие единообразия и правоприменительной практики в частном секторе).

³²⁴ 564 U.S. at 803.

³²⁵ См. *Ardia & Ringel*, выше прим. 99, at 383.

³²⁶ См. там же.

³²⁷ См., например, S. 1596, 118th Cong. § 4 (2023); S. 486, 118th Cong. § 2 (2023).

поддержит закон, требующий от крупных онлайн-медиаплатформ маркировать синтетические медиа. Поэтому в настоящее время лучшим способом восполнить этот пробел является создание частного надзорного органа под контролем государства³²⁸.

Со своей стороны *FEC* должен создать репозиторий политической рекламы, где хранилась бы информация о том, содержит ли реклама синтетические материалы³²⁹. Такой подход позволит избежать проблем, связанных с запретительными мерами, и в то же время решит проблемы, связанные с требованиями к маркировке. В последние годы были предложены различные варианты организации хранилища или базы данных; например, такие предложения можно найти в деле *Alvarez*³³⁰, в Законе о честной рекламе³³¹ и в научной литературе³³².

Несомненно, создание такого репозитория столкнется с проблемами. Во-первых, как отмечалось выше, база данных при *FEC* охватит лишь меньшую часть политической рекламы³³³. Во-вторых, существуют практические трудности, например, связанные со сроками, с включением в базу данных контента, распространяемого накануне выборов, и др. Все это может повлиять на информационную и рыночную ценность хранилища³³⁴. Кроме того, в зависимости от степени раскрытия информации проблемой могут стать технические возможности для определения того, какие части рекламы изменены³³⁵. И наоборот, простая пометка о синтетических медиаматериалах в рекламе вызывает ту же проблему специфичности, что и всеобщая обязательная маркировка³³⁶.

В-третьих, следует учесть вопросы конституционности, например, не будет ли требование раскрытия информации недопустимой формой принуждения к высказыванию³³⁷. Однако решение по делу *Alvarez* не ограничивает создание политической рекламы; оно лишь обеспечивает государство источником информации, которую невозможно получить иным способом³³⁸.

Более того, если применить логику Верховного суда в деле *Citizens United*, раскрытие информации обеспечивает доступ избирателей к информации об источнике и авторе сообщения³³⁹. В отличие от авторов памфлетов, кандидаты и создатели политической рекламы не имеют права на анонимность³⁴⁰. Кроме того, точно так же, как избиратели могут следить за расходами, чтобы знать, кто финансирует конкретное выступление, они должны видеть исходные данные, чтобы эффективно оценивать аргументацию кандидатов³⁴¹. Таким образом, создание репозитория или другие меры могут быть увязаны с расходами на создание синтетического

³²⁸ Этот подход также находит поддержку в том, как технологические компании добровольно внедряют эти меры в отсутствие требований законодательства. См. выше прим. 166. В дополнение к регулированию *FEC*, было предложено пересмотреть в целом § 230 Закона США о соблюдении моральных норм в системах коммуникации от 1996 г., 47 U.S.C. § 307, см. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1795–801, деятельность независимой комиссии по регулированию, см. (Brown, 2021), и даже создать «комиссию правды», см. (Russell, 2020).

³²⁹ Это стало бы шагом вперед по сравнению с нынешней системой «политических досье *FCC*». См. выше прим. 148 и соответствующий текст; см. также 47 C.F.R. § 73.1943 (2022).

³³⁰ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 729 (2012) (мнение большинства).

³³¹ S. 486.

³³² См. выше прим. 261 и соответствующий текст; см. также Parsons, M. (2020) (можно ввести требование, чтобы в рекламе содержалась ссылка на более подробную информацию об источнике, условиях публикации и масштабах ее охвата).

³³³ См. 11 C.F.R. § 100.29 (2024).

³³⁴ См. Chesney & Citron, выше прим. 108, at 1807; Green, выше прим. 49, at 1488–89.

³³⁵ Это требование может оказаться слишком обременительным для рекламодателей, если исходить из обоснования по делу *Becerra*. *Nat'l Inst. of Fam. & Life Advocs. v. Becerra*, 138 S. Ct. 2361, 2378 (2018). Однако раскрытие информации о синтетических медиа может избежать этой проблемы, поскольку, в отличие от дела *Becerra*, рекламодатели просто сообщают информацию, которая уже должна быть в их распоряжении. Там же: Это могло бы также помочь в решении проблемы неадекватности сторонних технологий при идентификации синтетического контента.

³³⁶ См. выше часть III.B.1.

³³⁷ См. выше прим. 249 и соответствующий текст.

³³⁸ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 729 (2012).

³³⁹ *Citizens United v. Fed. Election Comm'n*, 558 U.S. 310, 366–67 (2010). Однако см. *McIntyre v. Ohio Elections Comm'n*, 514 U.S. 334, 348 (1995).

³⁴⁰ Если только раскрытие информации не приводит к угрозам, запугиванию или притеснениям. См. *Citizens United*, 558 U.S. at 367, 370.

³⁴¹ См. там же, at 367.

контента, на размещение рекламы, содержащей синтетические медиа, или непосредственно с идентификацией источника синтетических выступлений. Это послужит подтверждением юрисдикции *FEC*³⁴².

Итак, с учетом практических ограничений репозиторий при *FEC* должен включать узкую категорию политической рекламы. Такой подход является наилучшим в современных условиях³⁴³ и одновременно служит полем для апробации более широкого регулирования. Полномочия *FEC* должны допускать создание такого хранилища, если при этом должным образом учитываются расходы на создание политической рекламы, содержащей синтетические медиаматериалы, и на покупку эфирного времени для такой рекламы.

Однако для решения проблем, связанных с синтетическими медиа, одного хранилища будет недостаточно. Чтобы восполнить этот пробел, необходимо предпринять другие меры для расширения доступа к информации и повышения осведомленности граждан. Во-первых, правительство или частные субъекты должны способствовать повышению осведомленности о синтетических медиа путем проведения образовательной кампании³⁴⁴. Операторы социальных сетей уже добавляют пользовательские теги, дающие дополнительный контекст к публикации³⁴⁵. Рекламная кампания может повысить осведомленность избирателей, подчеркивая важность критического отношения и предоставляя практические инструменты для идентификации контента³⁴⁶. Во-вторых, компании должны продолжать сотрудничать с правительством в разработке нормативных актов и технологий, которые позволят маркировать измененные видеоматериалы, а также добровольно создавать хранилища данных³⁴⁷. Объединив усилия частного и государственного секторов, мы сможем улучшить доступ избирателей к информации и их способность принимать осознанные решения при голосовании с учетом преимуществ и вреда синтетических медиа.

Заключение

Синтетические медиа в политической рекламе представляют огромный риск для демократии, но запрет на их использование – это краткосрочное решение, которое не поможет справиться с растущей экосистемой синтетического контента. Требования маркировки – лучший способ решения проблемы, но практические и юридические барьеры могут сделать маркировку неэффективной. Чтобы повысить прозрачность и безопасность политического процесса, необходимо обязать рекламодателей предоставлять *FEC* информацию о наличии синтетического контента; при этом требование раскрытия информации должно касаться расходов на создание синтетического медиа. Хотя практическое внедрение этих мер требует дальнейшего анализа, уже сейчас следует уделить внимание обсуждению потенциала хранилища, которое помогло бы, в частности, идентифицировать синтетический медиаконтент в политической рекламе.

Список литературы / References

- Ardia, D. S. (2022). Beyond the Marketplace of Ideas: Bridging Theory and Doctrine to Promote Self-Governance. *Harv. L. & Pol'y Rev.*, 16, 275, 285–293.
- Ardia, D. S., & Ringel, E. (2022). First Amendment Limits on State Laws Targeting Election Misinformation. *First Amend. L. Rev.*, 20, 291.
- Bambauer, J. R. (2017). The Empirical First Amendment. *Ohio St. L.J.*, 78, 947.
- Blitz, M. J. (2018). Lies, Line Drawing, and (Deep) Fake News. *Okla. L. Rev.*, 71, 59.
- Blitz, M. J. (2020). Deepfakes and Other Non-testimonial Falsehoods: When is Belief Manipulation (Not) First Amendment Speech? *Yale J. L. & Tech.*, 23, 160.

³⁴² В будущем возможно сочетание способов маркировки и хранилища, т. е. рекламные сообщения могут содержать QR-код или другую ссылку, направляющую зрителя на официальный веб-сайт.

³⁴³ См. Alvarez, 567 U.S. at 717.

³⁴⁴ См. Wood & Ravel, выше прим. 261, at 1268–71.

³⁴⁵ См. выше часть I.C.3.

³⁴⁶ См. Wood & Ravel, выше прим. 261, at 1268–71. Однако это может также вызвать ненужный скептицизм у граждан, и без того настроенных подозрительно. См. Blitz, выше прим. 49, at 189.

³⁴⁷ См. выше прим. 166.

- Brown, N. I. (2021). Regulatory Goldilocks: Finding the Just and Right Fit for Content Moderation on Social Platforms. *Tex. A & M L. Rev.*, 8, 451. <https://doi.org/10.37419/tr.v8.i3.1>
- Canen, N., & Martin, G. J. (2023). How Campaign Ads Stimulate Political Interest. *Rev. Econ. & Stat.*, 105, 292. https://doi.org/10.1162/rest_a_01062
- Charles, G.-U. E. (2020). Motivated Reasoning, Post-truth, and Election Law. *St. Louis U. L. J.*, 64, 595.
- Chesney, B., & Citron, D. (2019). Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. *Calif. L. Rev.*, 107, 1753. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3213954>
- Garvey, J. B. (2022). Let's Get Real: Weak Artificial Intelligence Has Free Speech Rights: Note. *Fordham L. Rev.*, 91, 953.
- Goodman, E. P. (2006). Stealth Marketing and Editorial Integrity. *Tex. L. Rev.*, 85, 83.
- Goodman, E. P. (2021). Digital Fidelity and Friction. *Nev. L. J.*, 21, 623.
- Green, R. (2019). Counterfeit Campaign Speech. *Hastings L. J.*, 70, 1445.
- Haenschen, K. (2023). The Conditional Effects of Microtargeted Facebook** Advertisements on Voter Turnout. *Pol. Behav.*, 45, 1661. <https://doi.org/10.1007/s11109-022-09781-7>
- Hasen, R. L. (2020). Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a "Post-truth" World. *St. Louis U. L. J.*, 64, 535.
- Hodge, S. D. Jr. (2021). Don't Always Believe What You See: Shallowfake and Deepfake Media Has Altered the Perception of Reality. *Hofstra L. Rev.*, 50, 51.
- Huh, J., Nelson, M. R., & Russell, C. A. (2023). ChatGPT, AI Advertising, and Advertising Research and Education. *J. Advertising*, 52, 477, 477. <https://doi.org/10.1080/00913367.2023.2227013>
- Matwyshyn, A. M., & Mowbray, M. (2021). Fake. *Cardozo L. Rev.*, 43, 643.
- Mokadem, S. Sh. El. (2023). The Effect of Media Literacy on Misinformation and Deep Fake Video Detection. *Arab Media & Soc'y*, 35, 115.
- Mukhamediev, R. I., Popova, Y., Kuchin, Ya., Zaitseva, E., Kalimoldayev, A., Symagulov, A., Levashenko, V., Abdoldina, F., Gopejenko, V., Yakunin, K., Muhamedijeva, E., & Yelis, M. (2022). Review of Artificial Intelligence and machine learning technologies: classification, restrictions, opportunities and challenges. *Mathematics, MDPI*, 10(15), 1–25. <https://doi.org/10.3390/math10152552>
- Navarrine, P. G. (2023). Political advertising on free streaming sites: conflicts with first amendment and exploring viability of regulation: note. *Cornell L. Rev.*, 108, 1821.
- Ostrowski, J. R. (2023). Shallowfakes. *The New Atlantis*, 72, 96.
- Parsons, M. (2020). Fighting for attention: democracy, free speech, and the marketplace of ideas. *Minn. L. Rev.*, 104, 2157.
- Russell, L. (2020). Weaver, fake news (& deep fakes) and democratic discourse. *J. Tech. L. & Pol'y*, 24, 35.
- Schroeder, J. (2022). The marketplace of ideas and the problem of networked truths. *U. Tol. L. Rev.*, 54, 27.
- Volokh, E. (2018). The law of compelled speech. *Tex. L. Rev.*, 97, 355.
- Wood, A. K., & Ravel, A. M. (2018). Fool me once: regulating "fake news" and other online advertising. *S. Cal. L. Rev.*, 91, 1223.
- Yamaoka-Enkerlin, A. (2020). Disrupting disinformation: deepfakes and the law. Comment. *N.Y.U. J. Legis. & Pub. Pol'y*, 22, 725.
- Paget, A. (2024). (Synthetic) stump speech: crafting generative AI disclosure regulations for political advertisements. *Fordham Law Review*, 93(1), 321–358.

* Twitter (X) – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

** Facebook – социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 26.04.2025

С. Лёвенстайн¹¹ Школа права Фордемского университета, г. Фордем, США

Сделаем Америку снова фальшивой?: Запрет на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе не нарушает первую поправку к Конституции США

Софи Лёвенстайн, кандидат на степень доктора права, Школа права Фордемского университета; бакалавр в области права

Аннотация

Цель: анализ законопроекта о внесении изменений в законодательство о выборах в США в части запрета на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе и решение на основании данного исследования ряда правовых проблем.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: в статье рассматривается вопрос о том, конституционен ли Закон о защите выборов от ИИ-фейков, в котором на федеральном уровне вводится запрет на использование дипфейков, созданных с помощью искусственного интеллекта и изображающих кандидатов на политические посты. Автор приходит к выводу о том, что законопроект соответствует Конституции и Первой поправке и что альтернативные варианты, хотя в меньшей степени ограничивают свободу слова, не в состоянии устранить все риски от использования дипфейков. В статье предлагаются изменения в законопроект, направленные на сужение сферы его применения и исключение из него политического контекста: а) необходимо более четко сформулировать условие о том, что физическое лицо действует с целью «повлиять на выборы или получить денежные средства»; б) запрет должен быть ограничен определенным периодом до выборов, чтобы сузить сферу его применения и сосредоточить внимание на наиболее вредоносной рекламе; в) следует рассмотреть возможность правоприменения независимым органом в целях устранения предвзятости (например, Федеральной избирательной комиссии (FEC)).

Научная новизна: анализ законопроекта о внесении изменений в законодательство о выборах в США в части запрета на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе свидетельствует о том, что в последние годы стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта. Совершенствование и повышение доступности технологий сопровождается различными социальными выгодами и рисками. Например, в ходе политических кампаний и деятельности политических комитетов искусственный интеллект используется для создания дипфейков с целью оказать влияние на избирателей. Это не позволяет избирателям отличать ложь от реальности и принимать обоснованные решения при голосовании. Дипфейки представляют угрозу для проведения честных выборов и самого существования демократии. В то же время регулирование ложных политических высказываний поднимает важные вопросы о свободе слова, связанные с Первой поправкой.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с законодательством о выборах в США в частности и политической системой США в целом.

© Лёвенстайн С., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 25.09.2025.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала: tmelnick@law.fordham.edu.

Цитирование оригинала статьи на английском: Loewenstein, S. (2024). Make America fake again?: Banning deepfakes of federal candidates in political advertisements under the First Amendment. *Fordham Law Review*, 93(1), 273–320.

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6109&context=flr>

Ключевые слова:

дипфейки, выборы, политическая система общества, свобода слова

Благодарности

Автор выражает благодарность профессору Абнеру Грину за ценные советы и руководство работой над темой. Автор также хотел бы поблагодарить главного редактора Джеффри Ву и других сотрудников журнала *Fordham Law Review* за их помощь и обратную связь. И, наконец, спасибо моим друзьям и семье, особенно моим родителям, Майре и Дэвиду, за их неизменную любовь, ободрение и поддержку.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Лёвенштайн, С. (2025). Сделаем Америку снова фальшивой?: Запрет на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе не нарушает первую поправку к Конституции США. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 635–674. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.635-674>

Scientific article

S. Loewenstein¹

¹ Fordham University School of Law, Fordham, USA

Make America fake again?: Banning deepfakes of federal candidates in political advertisements under the First Amendment.

Sophie Loewenstein, J. D. Candidate, 2025, Fordham University School of Law

Abstract

Objective: to analyze a bill on changes in the US election legislation referring to prohibiting the use of deepfakes of federal candidates in political advertising and to solving certain legal problems based on this research.

Methods: the article uses the general dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) research methods.

Results: The paper considers whether the Protect Elections from Deceptive AI Act, a proposed federal ban of AI-generated deepfakes portraying federal candidates in political advertisements, is constitutional. The author concludes that the bill is constitutional under the First Amendment and that less speech restrictive alternatives fail to address the risks of deepfakes. The paper suggests revisions to narrow the bill's application and ensure its apolitical enforcement: a) the statutory requirement that an individual acts with the purpose of “influencing an election or soliciting funds” should be more specific to hold bad actors accountable; b) the ban should be limited to a fixed period before the election to narrow its application and focus on the most damaging advertisements; c) enforcement by an independent agency, such as the FEC, should be considered to mitigate concerns of partisan enforcement.

Scientific novelty: the analysis of the proposed changes in the US election legislation referring to prohibiting the use of deepfakes of federal candidates in political advertising shows that in recent years, artificial intelligence (AI) technology has developed rapidly. Accompanying this advancement in sophistication and accessibility are various societal benefits and risks.

The article was first published in English language by Fordham Law Review. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Loewenstein, S. (2024). Make America fake again?: Banning deepfakes of federal candidates in political advertisements under the First Amendment. *Fordham Law Review*, 93(1), 273–320.

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6109&context=flr>

For example, political campaigns and political action committees have begun to use AI in advertisements to generate deepfakes of opposing candidates to influence voters. Deepfakes of political candidates interfere with voters' ability to discern falsity from reality and make informed decisions at the ballot box. Deepfakes pose a threat to the integrity of elections and the existence of democracy. Despite the dangers of deepfakes, regulating false political speech raises significant First Amendment questions. **Practical significance:** the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to regulation of the US elections in particular and the US political system in general.

Keywords:

deepfakes, elections, political system of society, freedom of speech

Acknowledgements

Thank you to Professor Abner Greene for his insight and guidance throughout this process. I would also like to thank my primary editor, Jeffrey Wu, and the other members of the Fordham Law Review for their assistance and feedback. Lastly, thank you to my friends and family, especially my parents, Myra and David, for their constant love, encouragement, and support.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Loewenstein, S. (2024). Make America fake again?: Banning deepfakes of federal candidates in political advertisements under the First Amendment. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 635–674. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.635-674>

Введение

В мае 2023 г. Национальный комитет Республиканской партии выпустил рекламу, в которой использовались сгенерированные искусственным интеллектом (далее – ИИ)¹ дипфейки². В них в мрачном свете были представлены сцены гипотетического второго срока президента Байдена³, например, реалистично показанная вымышленная сцена в закрытом Сан-Франциско, который патрулировался военными из-за кризиса с фентанилом и преступности⁴. В левом верхнем углу рекламы была размещена надпись: «Полностью создано с помощью искусственного интеллекта»⁵. В июне 2023 г. предвыборный штаб кандидата в президенты от Республиканской партии Рона Десантиса опубликовал рекламу, в которой были показаны сгенерированные с помощью ИИ изображения бывшего президента Дональда Трампа, обнимающего и целующего доктора Энтони С. Фаучи⁶. Поддельные снимки были дополнены реальными фотографиями и аудиозаписями голосов президента Трампа и доктора Фаучи, что еще больше стерло грань между реальностью и подделкой⁷.

¹ «Искусственный интеллект – это область науки, связанная с созданием компьютеров и машин, которые могут рассуждать, учиться и действовать таким образом, какой обычно требует участия интеллекта человека...». What Is Artificial Intelligence (AI)? Google Cloud. <https://cloud.google.com/learn/what-is-artificial-intelligence> [<https://perma.cc/6UA9-4WKZ>].

² Дипфейк – это «изображение или запись, измененные с целью представить кого-либо в ложном свете, изобразить поступки или слова, не имевшие места на самом деле». Deepfake. Merriam-Webster, <https://www.merriamwebster.com/dictionary/deepfake> [<https://perma.cc/A6KM-GYEG>].

³ GOP. (2023, Apr. 25). BeatBiden. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y> [<https://perma.cc/6VDB-C7SU>].

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ @DeSantisWarRoom, X (2023, June 5). <https://x.com/DeSantisWarRoom/status/1665799058303188992> [<https://perma.cc/Z7MD-F7LH>].

⁷ См. Там же. Однако под видео, опубликованным на платформе X*, добавлен следующий текст: «В этом видео показан коллаж из фотографий президента Трампа, обнимающего Энтони Фаучи. Это не настоящие фотографии, они сгенерированы искусственным интеллектом». Там же.

Стремительный прогресс технологии ИИ позволил создавать все более реалистичные изображения, аудио- и видеозаписи. В результате реальные материалы можно с трудом отличить от созданных искусственным путем⁸. Еще больше усложняет проблему то, что, как показали исследования, люди не только не в состоянии отличить подлинные материалы СМИ от сфабрикованных, но и считают, что образы, созданные искусственно, заслуживают большего доверия⁹. В настоящее время политики используют дипфейки в рекламных кампаниях, чтобы создать впечатление, что их оппоненты делают или говорят то, чего никогда не было¹⁰. И наоборот, пользуясь тем, что общественность еще только знакомится с возможностями этой технологии, политики могут утверждать, что подлинная видеозапись является дипфейком¹¹. Негативные последствия усугубляются, когда в политических кампаниях используются методы политического микро-таргетинга (ПМА)¹². С помощью этих методов собирают информацию об избирателях и направляют на их устройства рекламу, соответствующую их предпочтениям¹³. Таким образом, в ходе кампании используют поддельную рекламу для таргетинга на подгруппы избирателей, которые более склонны верить в то, что поддельные видео, изображения или аудиозаписи являются реальными¹⁴. Опасности дипфейков подвержены все группы населения, но уязвимость отдельного человека зависит от «возраста, политической ориентации и доверия к источникам информации»¹⁵.

Хотя опасность этой технологии становится все более очевидной, попытки ее регулирования не увенчались успехом. По состоянию на июль 2024 г. 44 штата и округ Колумбия предложили, приняли или отказались принять законодательство, ограничивающее использование дипфейков в политике¹⁶. Ученые и законодатели рассматривали другие возможные пути регулирования, включая закон о диффамации, неприкосновенности частной жизни и авторском праве¹⁷. Однако предложенный федеральный закон не получил поддержки¹⁸. После того как Конгресс отказался продвигать законопроект, партии подали петиции в Федеральную избирательную комиссию (FEC) с просьбой рассмотреть возможность введения правил в отношении политической рекламы, в которой используются дипфейки¹⁹. При отсутствии ограничений их бесконтрольное использование будет оказывать влияние на избирателей и подрывать честность выборов²⁰. Однако при этом возникают вопросы, связанные с Первой поправкой, т. е. о допустимости регулирования дипфейков в политической рекламе с точки зрения Конституции²¹.

В статье рассматривается вопрос о том, соответствует ли Конституции федеральный запрет на использование в политической рекламе образов кандидатов, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта. В первой части объясняется, что такое дипфейки, и дается общая информация о Первой поправке. Во второй части рассматриваются, согласно Первой поправке, аргументы за и против федерального запрета

⁸ См. там же, at 3.

⁹ Nightingale, S. J., & Farid, H. (2022). AI-Synthesized Faces Are Indistinguishable from Real Faces and More Trustworthy. PNAS, 119(8), e2120481119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2120481119> [<https://perma.cc/2A7P-YZ7L>].

¹⁰ См., например, Beat Biden, выше прим. 3; Monnay, T. (2023, Sept. 5). Deepfake Political Ads Are "Wild West" for Campaign Lawyers. Bloomberg L., <https://news.bloomberglaw.com/business-and-practice/deepfake-political-ads-are-wild-west-for-campaign-lawyers> [<https://perma.cc/H3FF-YZXH>] («Распространившийся в социальных сетях видеоролик содержит фейковое изображение сенатора от штата Массачусетс Элизабет Уоррен, которая якобы утверждает, что голосующие члены Республиканской партии «могут угрожать честности выборов»).

¹¹ См. (Chesney & Citron, 2019). («Дипфейки помогают избежать ответственности за якобы ложную информацию, которая на самом деле является правдивой».)

¹² См. (Dobber et al., 2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, at 72.

¹⁵ См. (Doss et al., 2023).

¹⁶ См. Tracker: State Legislation on Deepfakes in Elections. Pub. Citizen. <https://www.citizen.org/article/tracker-legislation-on-deepfakes-in-elections/> [<https://perma.cc/74SS-YMFN>].

¹⁷ См. Greene, D. (2018, Feb. 13). We Don't Need New Laws for Faked Videos, We Already Have Them. Elec. Frontier Found. <https://www.eff.org/deeplinks/2018/02/we-dont-need-new-laws-faked-videos-we-already-have-them> [<https://perma.cc/PW33-ZVW8>].

¹⁸ См. ниже часть I.B.1.

¹⁹ См. ниже часть I.B.2.

²⁰ См. (Green, 2019).

²¹ См. (Sunstein, 2020).

политической рекламы, которая основана на проекте Закона о защите выборов от ИИ-фейков²². В третьей части делается вывод о том, что предлагаемый запрет соответствует Конституции; автор объясняет, почему решения, ограничивающие свободу слова, недостаточны, и предлагает изменения в обсуждаемый законопроект.

Результаты исследования

I. ДИПФЕЙКИ И ПЕРВАЯ ПОПРАВКА: РЕШЕНИЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

В этом разделе рассказывается о дипфейках и принципах Первой поправки. В части I.A объясняется технология дипфейков и их вред. В части I.B рассматриваются предлагаемые федеральные законы и действия агентств, направленные на регулирование дипфейков в ходе выборов. В части I.C описаны основополагающие теории, лежащие в основе Первой поправки, и категории высказываний, которые подпадают и не подпадают под защиту Конституции.

A. Что такое дипфейки?

Дипфейк – это созданный в цифровом виде аудио- или визуальный образ, который кажется подлинным, но не является таковым²³. Термин «дипфейк» (*deepfake*) происходит от слияния понятий *deep learning* («глубокое обучение») и *fake* («подделка»)²⁴. Глубокое обучение – это тип машинного обучения, при котором используются алгоритмы, называемые искусственными нейронными сетями (*artificial neural network, ANN*)²⁵. Алгоритм изучает структуру и функции человеческого мозга и извлекает информацию из больших неструктурированных наборов аудиовизуальных данных, которые находит в Интернете²⁶. Контент, созданный с помощью глубокого обучения, отличается высоким качеством и выглядит аутентичным²⁷. Для создания наиболее реалистичных дипфейков «требуется тысячи изображений, с помощью которых алгоритм обучается распознавать лица и затем изменять их»²⁸. Другие аудиовизуальные манипуляции отличаются от дипфейков; их часто называют «дешевой» или «неглубокой подделкой»²⁹. Они создаются с использованием более недорогих и доступных технологий, таких как *Photoshop*, имитация, изменение контекста, ускорение или замедление отснятого материала³⁰.

Для создания дипфейкового изображения или видео обычно используется генеративная состязательная сеть (*generative adversarial network, GAN*), которая состоит из пары искусственных нейросетей (*ANN*)³¹. Образец помещается в одну сеть, называемую генератором, которая создает изображение³². Результат работы генератора передается во вторую сеть, называемую распознавателем, которая на основе данных обучается классифицировать изображение как реальное или поддельное³³. Изучая поддельное изображение, распознаватель использует настройку через обратную связь, пока не сможет отличить поддельное изображение от

²² S. 2770, 118th Cong. (2024).

²³ Davis, R., Wiggins, Ch., & Donovan, J. (2020). Tech Factsheets for Policymakers: Deepfakes. Belfer Ctr. for Sci. and Int'l Affs. <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2020-10/tappfactsheets/Deepfakes.pdf> [<https://perma.cc/W953-PEK3>].

²⁴ Там же, at 2.

²⁵ Там же, at 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, at 2.

²⁸ Jeong, S., Sturtevant, M., & Stephen, K. (2021, Aug. 14). Responding to Deepfakes and Disinformation. Regul. Rev., <https://www.theregreview.org/2021/08/14/saturday-seminar-responding-deepfakes-disinformation/> [<https://perma.cc/VDF6-VCHX>].

²⁹ Davis et al., выше прим. 24, at 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, at 3.

³² Hao, K. (2018, Dec. 1). Inside the World of AI that Forges Beautiful Art and Terrifying Deepfakes. MIT Tech. Rev. <https://www.technologyreview.com/2018/12/01/138847/inside-the-world-of-ai-that-forges-beautiful-art-and-terrifying-deepfakes/>

³³ Там же.

подлинного³⁴. Чем больше данных доступно распознавателю для анализа, тем реалистичнее будет полученное изображение³⁵.

Для глубокой подделки звука искусственный голос создается на основе голоса реального человека с помощью нейронных сетей, обученных на наборах речевых данных³⁶. Чтобы создать звуковой дипфейк, нужно «обучить» модель машинного обучения на больших объемах аудиоданных, чтобы имитировать определенного оратора³⁷. Для этого требуется манипулировать записями голоса и лица человека во время его выступления³⁸.

В данной статье речь пойдет о регулировании использования фейков, созданных с помощью искусственного интеллекта, в политической рекламе, когда голос или изображение кандидата намеренно искажаются, чтобы обмануть избирателей. «Дешевые подделки» или «реальные отредактированные» образы также наносят вред избирателям³⁹, но их легче выявить⁴⁰. Если исходный материал является реальным, а подделку легко разоблачить, избирателям рекомендуется получать информацию из новостей, материалов предвыборных кампаний или средств массовой информации⁴¹. Однако в случае с глубокими подделками, созданными с помощью искусственного интеллекта, у избирателей мало возможностей отличить реальность от лжи⁴². Распространение технологии искусственного интеллекта для создания фальшивок подстегнуло усилия по регулированию ее использования⁴³. В последние годы Конгресс и федеральные агентства приняли или предложили ряд законов, направленных против использования дипфейков в политике⁴⁴.

В. Федеральные меры регулирования политических дипфейков

В данном разделе мы рассмотрим предлагаемые Конгрессом и ведомствами меры, направленные на регулирование использования дипфейков с целью влияния на избирателей и срыва выборов. Наше исследование охватывает лишь меры федерального уровня. Однако такие штаты, как Калифорния⁴⁵, Мичиган⁴⁶,

³⁴ Davis et al., выше прим. 24, at 3.

³⁵ Там же.

³⁶ Everything You Need to Know About Deepfake Voice. (2023, Apr. 28). Murf AI. <https://murf.ai/resources/deepfake-voices/> [<https://perma.cc/2RP5-F5LA>].

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ См. Green, выше прим. 21, at 1452–53; см., например, Brown, M. (2020, Aug. 11). Fact Check: Video of Speaker Nancy Pelosi Altered, Selectively Edited. USA Today. <https://www.usatoday.com/story/news/factcheck/2020/08/11/fact-check-video-pelosi-altered-and-selectively-edited/3332920001/> [<https://perma.cc/DBE4-79HA>].

⁴⁰ См. Green, выше прим. 21, at 1452–53.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ См. ниже часть I.B.

⁴⁴ См. ниже части I.B.1–2.

⁴⁵ В 2020 г. в штате Калифорния был принят закон, запрещающий распространение в средствах массовой информации фейковых материалов о кандидате «с явным умыслом» в течение шестидесяти дней до выборов. Cal. Elec. Code § 20010(a) (West 2019). Чтобы привлечь лицо к ответственности, нужно доказать его намерение «нанести ущерб репутации кандидата или обманом заставить избирателей проголосовать за кандидата или против него». Там же. Закон устанавливает гражданско-правовые санкции в виде судебного запрета или возмещения ущерба. Там же. § 20010(c).

⁴⁶ В 2023 г. в штате Мичиган был принят закон, который вводит уголовную ответственность за распространение без раскрытия информации дипфейков политических кандидатов, созданных с помощью искусственного интеллекта. Mich. Comp. Laws Ann. § 168.932f (West 2024). Чтобы привлечь лицо к ответственности, дипфейк должен распространяться в течение девяноста дней до выборов. Там же. § 168.932f(1). Закон устанавливает следующие условия: распространение дипфейка с намерением нанести ущерб «репутации или перспективам кандидата на выборах»; распространение «с достаточной вероятностью может привести к такому результату». Там же. Кроме того, нужно доказать, что имело место «намеренное <...> распространение дипфейка с целью изменить поведение избирателей... путем введения их в заблуждение, заставляя их ошибочно полагать, что [кандидат]... произнес речь или вел себя так, как показано на изображении, и распространение информации с достаточной вероятностью приведет к такому результату». Там же.

Миннесота⁴⁷, Техас⁴⁸ и Вашингтон⁴⁹, одними из первых приняли законы, направленные на ограничение политических фальсификаций в контексте выборов. Впоследствии 44 штата и округ Колумбия также приняли аналогичные законы⁵⁰. В остальных штатах было высказано мнение, что вместо создания новых законов к политическим дипфейкам следует применять существующие, например, законодательство о диффамации или об авторском праве⁵¹.

Однако в случае федеральных выборов разрозненные меры, принимаемые отдельными штатами, были бы не только неэффективны и непоследовательны, но и сложны в применении⁵².

Данный раздел посвящен федеральным мерам регулирования, предлагаемым на уровне Конгресса и Федеральной избирательной комиссии (FEC)⁵³. В части I.B.1 рассматривается предлагаемое федеральное законодательство, направленное на ограничение вреда от политических фальсификаций, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. В части I.B.2 подробно описываются предлагаемые меры, проводимые через законодательный орган FEC.

1. Предложения по федеральному законодательству

До сих пор Конгресс не принимал законов, направленных против фальсификаций в ходе предвыборных кампаний. Ранее принятые законы регулировали дипфейки вне политического контекста⁵⁴. Недавно начали приниматься целенаправленные меры против дипфейков в контексте выборов и политической рекламы.

⁴⁷ В 2023 г. штат Миннесота принял закон, который вводит уголовную ответственность за заведомо ложное распространение информации с намерением «нанести вред кандидату или повлиять на результат выборов». Minn. Stat. Ann. § 609.771, subd. 2 (West 2023). В 2024 г. в закон были внесены поправки, предусматривающие, что он применяется к дипфейкам, распространяемым «в течение 90 дней до начала выдвижения кандидатов политическими партиями» или «после начала заочного голосования перед первичными выборами по выдвижению кандидатов в президенты, очередными или специальными первичными выборами в штате, местными выборами или всеобщими выборами». 2024 Minn. Sess. Law Serv. 40–42 (West).

⁴⁸ В 2019 г. в штате Техас был принят закон, который предусматривает уголовную ответственность за создание или распространение дипфейков в течение тридцати дней до выборов. Tex. Elec. Code Ann. § 255.004(d) (West 2023). Он требует, чтобы субъект действовал с «намерением нанести ущерб кандидату» или «повлиять на результат выборов». Там же. Однако в мае 2023 г. Апелляционный суд штата Техас постановил, что данный закон противоречит Конституции. См. Ex parte Stafford, 667 S.W.3d 517, 532 (Tex. Ct. App. 2023).

⁴⁹ В 2023 г. в штате Вашингтон был принят закон, который требует четкого раскрытия информации об использовании дипфейков в средствах массовой информации в связи с выборами. Wash. Rev. Code § 42.62.020 (2023). Этот закон разрешает кандидатам добиваться судебного запрета или других законных мер, запрещающих публикацию синтетических материалов. Там же. § 42.62.020(2). Кроме того, он позволяет физическим лицам выдвигать требования о защите на том основании, что материалы подвергались изменениям. Там же. § 42.62.020(4). В мае 2024 г. в закон были внесены небольшие поправки. См. 2024 Wash. Sess. Laws 19, 116.

⁵⁰ См. Tracker: State Legislation on Deepfakes in Elections, выше прим. 17.

⁵¹ Однако см. Pesetski, A. (2020). («Существующих законов недостаточно, чтобы остановить распространение дипфейков, потому что они неэффективно устраняют соответствующие риски»). Ученые утверждают, что федеральный закон является более эффективным средством правовой защиты по сравнению с использованием ранее существовавшего Закона о диффамации, поскольку иски о клевете практически невозможно выиграть; они требуют непомерно высоких затрат и времени; судебное решение вряд ли будет вынесено до окончания выборов; трудно доказать причинение личного ущерба; предложения по ограничению политических дипфейков нацелены не на защиту репутации кандидата, а лишь на защиту общественных интересов в форме честных выборов. См. (Zenor, 2016).

⁵² (O'Donnell, 2021). («Даже если все штаты примут законодательство о фейках, последующему режиму почти наверняка не хватит полноты и простоты, поскольку каждый штат определит проблему по-своему и будет реализовывать существенно отличающиеся друг от друга решения»).

⁵³ В статье не рассматриваются барьеры, препятствующие ответственности онлайн-платформ в сфере регулирования фейков в политической рекламе. Например, согласно § 230 Закона о соблюдении моральных норм в системах коммуникации, 47 U.S.C. § 230 (1996), онлайн-платформы защищены от ответственности за размещение вредоносного контента. См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1795–801. Учитывая доступность технологии искусственного интеллекта, онлайн-пользователи могут создавать дипфейки кандидатов. См. там же, at 1762–63. Однако вопросы, касающиеся ответственности платформы, выходят за рамки данной статьи.

⁵⁴ См., например, Malicious Deep Fake Prohibition Act of 2018, S. 3805, 115th Cong. (2018); Deep Fakes Accountability Act, H.R. 3230, 116th Cong. (2019); Deepfake Report Act of 2019, S. 2065, 116th Cong. (2019).

В 2020 г. конгрессмен Стивен Ф. Линч представил законопроект о запрете дипфейков на федеральных выборах⁵⁵, предусматривающий уголовную ответственность за распространение с «фактическим умыслом»⁵⁶ аудио- и видеоматериалов, сгенерированных ИИ, содержащих ложные сведения, с изображением федерального кандидата в течение шестидесяти дней до федеральных выборов⁵⁷. Чтобы быть привлеченным к ответственности по этому закону, субъект должен (1) знать о ложности материалов или проявить небрежность в этом отношении и (2) иметь намерение «нанести ущерб репутации кандидата или обманом заставить избирателя проголосовать за или против кандидата»⁵⁸. Также предусматривалась возможность кандидату, «чей голос или образ был использован» в фейковых материалах, подать иск о возмещении ущерба⁵⁹. Однако законопроект не был рассмотрен в комитете Конгресса⁶⁰.

В мае 2023 г. сенаторы Эми Клобучар, Кори Букер и Майкл Беннет⁶¹ и член Палаты представителей Иветт Д. Кларк⁶² представили законопроект о требовании раскрытия информации о политической рекламе, основанной на искусственном интеллекте (*Require the Exposure of AI-Led, REAL*)⁶³. Он содержит поправки в Федеральный закон 1971 г. о предвыборных кампаниях (*Federal Election Campaign Act, FECA*)⁶⁴, наделяющие Федеральную избирательную комиссию (FEC) полномочиями для регулирования использования ИИ в предвыборной рекламе⁶⁵. Законопроект потребует раскрывать информацию о том, использовался ли ИИ для создания материалов в рекламе⁶⁶. Есть мнение, что этот законопроект, скорее всего, провалится в Палате представителей, контролируемой республиканцами⁶⁷.

В июле 2023 г. член Палаты представителей Адриано Эспайлат предложил принять Закон о запрете фальсификации голоса кандидата⁶⁸. Законопроект предусматривает уголовную ответственность за использование в политических коммуникациях аудиозаписей, сгенерированных ИИ для имитации голоса кандидата, без раскрытия информации об этом⁶⁹. В частности, он вносит поправки в *FECA*, запрещая распространение «с явным умыслом» аудиозаписи, имитирующей голос кандидата и существенно вводящей в заблуждение⁷⁰. Для этого требуется доказать намерение «нанести ущерб репутации кандидата или обманом заставить избира-

⁵⁵ H.R. 6088, 116th Cong. (2020).

⁵⁶ См. *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 279-81 (1964) (дается определение «реального вреда»).

⁵⁷ H.R. 6088, § 2. Закон предусматривает наказание в виде штрафа, тюремного заключения на срок до пяти лет или и того и другого одновременно. Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Mirell, D. (2023, Sept. 19). Deepfakes Remain a Threat Ahead of 2024 Elections. JDSupra. <https://www.jdsupra.com/legalnews/deepfakes-remain-a-threat-ahead-of-2024-6429332/> [<https://perma.cc/9RTQ-EF8Y>].

⁶¹ Klobuchar, A. Sen., U.S. Senate. (2023, May 15). Klobuchar, Booker, Bennet Introduce Legislation to Regulate AI-Generated Content in Political Ads. Press Release. <https://www.klobuchar.senate.gov/public/index.cfm/2023/5/Klobuchar-booker-bennet-introduce-legislation-to-regulate-ai-generated-content-in-political-ads> [<https://perma.cc/4UQU-G5MH>].

⁶² Clarke, Y. D. Rep., U.S. House of Representatives (2023, May 2). Clarke Introduces Legislation to Regulate AI in Political Advertisements. Press Release. <https://clarke.house.gov/clarke-introduces-legislation-to-regulate-ai-in-political-advertisements/> [<https://perma.cc/9A7J-5LRQ>].

⁶³ S. 1596, 118th Cong. (2023).

⁶⁴ Pub. L. No. 92-225, 86 Stat. 3 (codified at 52 U.S.C. §§ 30101-30126, 30141-30145).

⁶⁵ В законодательстве отмечается, что FEC должен обнародовать правила для установления того, содержит ли реклама материалы, созданные с помощью искусственного интеллекта, требования о раскрытии информации о содержании и определить контент, созданный с помощью искусственного интеллекта, в соответствии с указанным законом. S. 1596, § 4.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. Monpay, выше прим. 11.

⁶⁸ H.R. 4611, 118th Cong. (2023); Espallat, A. (2023, July 18). Rep., U.S. House of Representatives, Representative Adriano Espallat Introduces Legislation Regulating the Influence of Artificial Intelligence (AI) on U.S. Elections. Press Release. <https://espallat.house.gov/media/press-releases/representative-adriano-espallat-introduces-legislation-regulating-influence> [<https://perma.cc/8CHY-7YDW>].

⁶⁹ Уголовные наказания включают штраф, тюремное заключение на срок до двух лет или и то и другое одновременно. H.R. 4611, § 3.

⁷⁰ Там же. В законодательстве отмечается, что FEC должен обнародовать правила, определяющие, является ли аудиозапись, вводящая в заблуждение по существу, сатирой или пародией, и каковы требования к достаточному раскрытию информации.

теля проголосовать против кандидата»⁷¹. Действие законопроекта распространяется на 90 дней до всеобщих или 60 дней до первичных выборов⁷².

В сентябре 2023 г. сенаторы Эми Клобучар, Джош Хоули, Крис Кунс и Сьюзан Коллинз⁷³, а также члены Палаты представителей Дерек Килмер и Тони Гонзалес⁷⁴ представили законопроект о защите выборов от ИИ-фейков⁷⁵. Он направлен на внесение поправок в Закон об ИИ, запрещающий заведомо ложное распространение в политической рекламе графических, аудио- и видеоматериалов, связанных с федеральными кандидатами⁷⁶. В мае 2024 г. Комитет Сената по регламенту и административным вопросам выдвинул законопроект⁷⁷, который позволяет кандидатам, затронутым фейковым контентом, удалять этот контент и добиваться возмещения ущерба в федеральном суде⁷⁸. Запрет распространяется на любое лицо, комитет политических действий (ПКД) или другую организацию, которые распространяют вводящий в заблуждение контент с намерением «повлиять на выборы» или «получить денежные средства»⁷⁹.

2. Предложения по мерам на уровне министерств

Федеральная избирательная комиссия (FEC) опубликовала запрос на получение общественного мнения о регулировании дипфейков в рекламных кампаниях⁸⁰. 16 мая 2023 г. компания *Public Citizen* подала петицию о том, чтобы FEC разъяснила существующий Закон о мошенническом введении в заблуждение⁸¹ и определила, применимо ли законодательство, направленное против мошеннического введения в заблуждение, к заведомо вводящим в заблуждение материалам, созданным ИИ⁸². Согласно Закону о предвыборных кампаниях FECА и исполнительным правилам FEC⁸³, кандидатам запрещено «обманным путем вводить в заблуждение», делая заявления или действуя от имени другого кандидата или политической партии по вопросам, наносящим ущерб другому кандидату или политической партии⁸⁴.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Klobuchar, A. Sen., U.S. Senate (2023, Sept. 12). Klobuchar, Hawley, Coons, Collins Introduce Bipartisan Legislation to Ban the Use of Materially Deceptive AI-Generated Content in Elections. Press Release. <https://www.klobuchar.senate.gov/public/index.cfm/2023/9/klobuchar-hawley-coons-collins-introduce-bipartisan-legislation-to-ban-the-use-of-materially-deceptive-ai-generated-content-in-elections> [https://perma.cc/8S8H-WP6Q].

⁷⁴ Kilmer, D., Rep., U.S. House of Representatives. (2024, May 14). Kilmer Introduces Legislation to Protect Elections from Deceptive Artificial Intelligence in Political Ads. Press Release. <https://kilmer.house.gov/media/press-releases/kilmer-introduces-legislation-to-protect-elections-from-deceptive-artificial-intelligence-in-political-ads> [https://perma.cc/7Z YT-ESZ5].

⁷⁵ S. 2770, 118th Cong. (2023). Редакция Закона о защите выборов от ИИ-фейков с небольшими изменениями была представлена 15 мая 2024 г. Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. (2024).

⁷⁶ S. 2770, § 2.

⁷⁷ Klobuchar, A. Sen., U.S. Senate. (2024, May 15). Klobuchar Statement on Rules Committee Passage of Three Bipartisan AI and Elections Bills. Press Release. <https://www.klobuchar.senate.gov/public/index.cfm/2024/5/klobuchar-statement-on-rules-committee-passage-of-three-bipartisan-ai-and-elections-bills> [https://perma.cc/KDU6-ZQHF].

⁷⁸ См. Press Release, выше прим. 74.

⁷⁹ S. 2770, § 2.

⁸⁰ См. Garr, D. (2023, Aug. 16). Comments Sought on Amending Regulation to Include Deliberately Deceptive Artificial Intelligence in Campaign Ads. Fed. Election Comm'n, <https://www.fec.gov/updates/comments-sought-on-amending-regulation-to-include-deliberately-deceptive-artificial-intelligence-in-campaign-ads/> [https://perma.cc/67YB-WY3U].

⁸¹ См. Letter from Robert Weissman, President, Pub. Citizen & Craig Holman, Gov't Affs. Lobbyist, Pub. Citizen, to Lisa J. Stevenson, Gen. Counsel, FEC. (2023, May 16). <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/Petition-for-Rulemaking-52-USC-30124.pdf> [https://perma.cc/J23Z-XSQ7].

⁸² Там же, at 1.

⁸³ FEC Contribution and Expenditure Limitations and Prohibitions Rules, 11 C.F.R. § 110.16 (2024). Судебные преследования в соответствии с 11 C.F.R. § 110.16 в основном касаются мошеннического получения средств. См. Green, выше прим. 21, at 1470 n. 137.

⁸⁴ 11 C.F.R. § 110.16. FEC первоначально отказалась запрашивать общественное мнение по первой петиции организации Public Citizen. См. Letter from Robert Weissman, President, Pub. Citizen & Craig Holman, Gov't Affs. Lobbyist, Pub. Citizen, to Lisa J. Stevenson, Gen. Counsel, FEC 1. (2023, July 13). <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/2nd-Submission-FEC-petition-30124-final-2.pdf> [https://perma.cc/PJK2-CGNY]. Во-первых, FEC усомнилась в том, что у нее есть законные полномочия регулировать использование искусственного интеллекта в рекламных кампаниях. Там же. Во-вторых, организация Public Citizen не указала конкретное положение, в которое она хотела внести поправки. Там же. Однако FEC изменила свою позицию после рассмотрения петиции Public Citizen с внесенными в нее поправками. См. Garr, выше прим. 81.

Вторая петиция *Public Citizen* содержала просьбу к *FEC* внести изменения в § 110.16(a) статьи 11 *C.F.R.*, указав, что использование кандидатом заведомо ложного контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, в предвыборной кампании приводит к нарушению Закона о мошенничестве и введении в заблуждение⁸⁵. В петиции разграничивались случаи, когда положение о мошенническом введении в заблуждение может применяться, а когда нет⁸⁶. Например, указывалось, что запрет должен распространяться не на использование искусственного интеллекта в целом, а только на дипфейки или другие подобные материалы⁸⁷. Также было предложено не применять закон, если в рекламе достаточно четко указывается, что материалы являются искусственно сгенерированными и представляют вымышленные заявления и действия⁸⁸. В августе 2023 г. *FEC* опубликовала запрос на получение общественного мнения о данной петиции⁸⁹.

С. Первая поправка: история, политика и ложная информация

Поскольку дипфейки, созданные ИИ, способны нанести вред демократии и избирателям, на уровне штатов и на федеральном уровне были предприняты вышеупомянутые усилия по регулированию. Однако остаются вопросы о том, соответствуют ли эти предлагаемые меры Конституции и Первой поправке⁹⁰. В части I.C.1 объясняется суть Первой поправки. В части I.C.2 описываются цели и теоретические обоснования свободы слова. В части I.C.3 подробно описываются меры конституционной защиты, предоставляемые политическим и ложным высказываниям. В части I.C.4 излагаются категории незащищенных ложных высказываний, относительно которых Верховный суд США указал на возможность конституционного регулирования.

1. Конституционная основа

Согласно Первой поправке, «Конгресс не может издавать законов, ограничивающих свободу слова»⁹¹. Верховный суд применил Первую поправку к законодательству штатов посредством Четырнадцатой поправки⁹². Таким образом, правительство «не имеет права ограничивать выражение мнений на основании их смыслов, идей, предмета или содержания»⁹³. В случаях, подпадающих под действие Первой поправки, Верховный суд применяет проверки различного уровня строгости в зависимости от того, регулирует ли законодательство на основании содержания или оно нейтрально в этом отношении⁹⁴.

Законодательство считается основанным на содержании, если его текст применим к высказыванию на основе его предмета или точки зрения говорящего⁹⁵. Нормативный акт нацелен на предмет высказывания, когда он ограничивает выражение мнений, основываясь только на теме высказывания⁹⁶. Регулирование считается основанным на точке зрения, если оно направлено против высказываний, основанных на мнении говорящего по какому-либо вопросу⁹⁷. Верховный суд обычно рассматривает законы, основанные на содержании, как предположительно неконституционные, поскольку они потенциально могут исключить конкретные идеи или

⁸⁵ См. Letter from Robert Weissman & Craig Holman to Lisa Stevenson, выше прим. 85, at 5.

⁸⁶ См. там же, at 3–4.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. Garr, выше прим. 81.

⁹⁰ См. Weiner, D. I., & Norden, L. (2023, Dec. 5). Regulating AI Deepfakes and Synthetic Media in the Political Arena. Brennan Ctr. for Just. <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/regulating-ai-deepfakes-and-synthetic-media-political-arena> [https://perma.cc/22NK-QD92].

⁹¹ U.S. Const. amend. I.

⁹² *Gitlow v. New York*, 268 U.S. 652, 666 (1925).

⁹³ *Police Dep't of Chi. v. Mosley*, 408 U.S. 92, 95 (1972).

⁹⁴ Erwin Chemerinsky, *Constitutional Law: Principles and Policies* 815 (5th ed., 2015).

⁹⁵ Hudson, D. L. Jr. (2023, Aug. 10). Content Based. Free Speech Ctr. <https://firstamendment.mtsu.edu/article/content-based> [https://perma.cc/T7N2-KTMU].

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Nickodem, K., & Wilson, K. (2022, Nov. 18). Responding to First Amendment Audits: Content-Based vs. Viewpoint-Based Restrictions. Coates' Canons NC Loc. Gov't L., <https://canons.sog.unc.edu/2022/11/responding-to-first-amendment-audits-content-based-vs-viewpoint-based-restrictions/> [https://perma.cc/CW2F-JU8C].

ораторов из публичного обсуждения⁹⁸. В результате, когда закон направлен на регулирование высказывания на основе его содержания, он, как правило, подлежит строгой проверке на конституционность⁹⁹.

Строгий контроль предполагает необходимость продемонстрировать, что принятие закона «обязательно» для достижения «насуточных целей государства»¹⁰⁰. Чтобы выдерживать строгий контроль, законодательство не должно быть ни слишком всеобъемлющим, ни недостаточно всеобъемлющим¹⁰¹. Когда закон, направленный против свободы слова, является чрезмерно всеобъемлющим, он распространяется на слишком широкий круг высказываний и запрещает защищенную и незащищенную речь¹⁰². И наоборот, недостаточно всеобъемлющий закон ограничивает некоторые высказывания, но не учитывает другие, если они «неразличимы с точки зрения цели закона»¹⁰³. Кроме того, если существует менее ограничительная альтернатива, которая отвечает целям государства, законодательный орган должен использовать эту альтернативу¹⁰⁴. Хотя законы, основанные на содержании речи, как правило, требуют строгого конституционного контроля, существуют категории высказываний, которые подвергаются меньшему контролю или могут регулироваться государством при соблюдении определенных критериев¹⁰⁵.

Напротив, нормативные акты, не основанные на содержании или нейтральные в этом отношении, подлежат контролю среднего уровня строгости¹⁰⁶. При этом категория нейтральности по содержанию относится как к высказанной точке зрения, так и к предмету речи, а также ко всей речи, независимо от ее смысла¹⁰⁷. Контроль среднего уровня строгости осуществляется в том случае, если регулирование отвечает «важным» или «существенным» интересам государства, а ограничение узко направлено на удовлетворение этих интересов¹⁰⁸.

2. Обоснования Первой поправки

Положения Первой поправки базируются на трех основных аргументах: самоуправление, рынок идей и недоверие к правительству в области регулирования. Первые два аргумента – это пример позитивного обоснования Первой поправки¹⁰⁹. Согласно позитивной, или аффирмативной, теории, свобода слова защищена из-за ее позитивной ценности для демократии или личности¹¹⁰. Негативная теория исходит из рисков, связанных с ограничением свободы слова. Примером такого риска служит введение государственной цензуры¹¹¹.

⁹⁸ Reed v. Town of Gilbert, 576 U.S. 155, 163 (2015).

⁹⁹ United States v. Playboy Ent. Grp., 529 U.S. 803, 813-14 (2000).

¹⁰⁰ Chemerinsky, выше прим. 95, at 468.

¹⁰¹ Там же, at 591.

¹⁰² Parker, R. (2023, Aug. 11). Overbreadth. Free Speech Ctr. <https://firstamendment.mtsu.edu/article/overbreadth> [<https://perma.cc/TNE6-V5K3>].

¹⁰³ (Lee, 1993).

¹⁰⁴ Playboy Ent. Grp., 529 U.S. at 813.

¹⁰⁵ См., например, N.Y. Times Co. v. Sullivan, 376 U.S. 254, 279-80 (1964) (суд признал конституционным регулирование, основанное на содержании, направленное против клеветнических высказываний о государственных должностных лицах, если эти высказывания были сделаны с осознанием того, что они ложны, или с пренебрежением к тому, что они ложны); Brandenburg v. Ohio, 395 U.S. 444, 447-48 (1969) (суд признал конституционным регулирование, основанное на содержании, которое ограничивает высказывания, направленные на «подстрекательство к противоправным действиям или осуществление таковых», если эти высказывания «могут спровоцировать или привести к таким действиям»); Illinois ex rel. Madigan v. Telemarketing Assocs., Inc., 538 U.S. 600, 612 (2003) (отмечается, что государство может регулировать мошеннические высказывания для предотвращения обмана общественности или потребителей).

¹⁰⁶ Chemerinsky, выше прим. 95, at 815, 817.

¹⁰⁷ Там же, at 816.

¹⁰⁸ Turner Broad. Sys. v. Fed. Comm'n Comm'n, 512 U.S. 622, 662 (1994).

¹⁰⁹ См. Norton, H. (2022, Oct. 19). Distrust, Negative First Amendment Theory, and the Regulation of Lies. Knight First Amend. Inst. at Colum. Univ. <https://knightcolumbia.org/content/distrust-negative-first-amendment-theory-and-the-regulation-of-lies> [<https://perma.cc/M9L7-46YG>].

¹¹⁰ См. там же.

¹¹¹ См. там же.

а. Самоуправление

Философ Александр Мейклджон (Alexander Meiklejohn) утверждал, что основа свободы слова «проистекает из нужд... самоуправления»¹¹². Чтобы успешно участвовать в демократическом процессе, избиратели должны быть осведомлены о проблемах государства¹¹³. Свобода слова способствует демократическому процессу, предоставляя неограниченный доступ к информации о кандидатах, политических и социальных вопросах, чтобы избиратели могли принимать обоснованные решения¹¹⁴. Если такой обмен идеями поощряется, граждане получают возможность добиться желаемых изменений¹¹⁵.

Кроме того, Первая поправка служит сдерживающим фактором для государства и дает избирателям «право вето» в отношении государственных чиновников¹¹⁶. Поощряется открытое обсуждение вопросов, в том числе возможность свободно обсуждать должностных лиц и общественные дела в прессе¹¹⁷. Таким образом, Первая поправка гарантирует, что общественность может участвовать в политическом дискурсе и критиковать правительство и его должностных лиц, что является «сутью самоуправления»¹¹⁸.

б. Рынок идей: Опровержения

В своем особом мнении по делу *Abrams v. United States*¹¹⁹ судья Оливер Уэнделл Холмс сослался на теорию рынка идей, лежащую в основе Первой поправки¹²⁰. Он, в частности, заявил: «Конечное желаемое благо лучше достигается путем свободного обмена идеями... лучшим критерием истинности идеи является ее способность добиться признания в условиях рыночной конкуренции...»¹²¹ Теория рынка идей основана на принципе экономического рынка, в котором благодаря конкуренции более качественные продукты продаются лучше, чем менее качественные¹²².

В конечном счете теория рынка идей основывается на убеждении, что принятие идеи зависит от ее конкуренции с другими идеями на рынке¹²³. Иными словами, ценность идеи определяется такой конкуренцией, а не правительством или другим авторитетом¹²⁴. Когда правительство ограничивает свободу слова, оно вмешивается в рынок идей, поскольку ставит регулируемые высказывания в невыгодное положение¹²⁵. Это лишает общественность возможности свободно высказывать идеи и формировать общественное мнение¹²⁶. Таким образом, основой Первой поправки признается то, что она создает открытый обмен идеями, которые конкурируют за общественное признание¹²⁷.

с. Негативная теория: недоверие к правительству

Защита, предусмотренная Первой поправкой, обосновывается также негативной теорией. По мнению профессора Фредерика Шауэра (Frederick Schauer), Первая поправка основана как на позитивных, так и на негативных ценностях¹²⁸. Позитивные ценности включают участие общественности в демократическом про-

¹¹² Meiklejohn, A. (1948). Free Speech and Its Relation to Self-Government 26.

¹¹³ Там же, at 25.

¹¹⁴ См. Chmerinsky, выше прим. 95, at 811.

¹¹⁵ См. там же.

¹¹⁶ См. там же.

¹¹⁷ См. *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254, 296 (1964) (Black, J., согласие).

¹¹⁸ См. *Garrison v. Louisiana*, 379 U.S. 64, 74-75 (1964).

¹¹⁹ 250 U.S. 616 (1919).

¹²⁰ Там же, at 630 (Holmes, J., несогласие).

¹²¹ Там же.

¹²² Schultz, D. (2009, Jan. 1). Marketplace of Ideas. Free Speech Ctr. <https://firstamendment.mtsu.edu/article/marketplace-of-ideas/> [<https://perma.cc/6WAS-P8ES>].

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁵ *Reed v. Town of Gilbert*, 576 U.S. 155, 176-77 (2015) (Breyer, J., согласие).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ *N.Y. State Bd. of Elections v. Lopez Torres*, 552 U.S. 196, 208 (2008).

¹²⁸ Schauer, F. (2004). The Boundaries of the First Amendment: A Preliminary Exploration of Constitutional Salience. *Harv. L. Rev.*, 117, 1765.

цессе и дебатах¹²⁹. Однако, по словам Шауэра, со временем теория, лежащая в основе Первой поправки, приобретала развитие в негативном направлении¹³⁰. Согласно негативной теории, Конституция США защищает свободу слова не из-за ее ценности, а из-за риска злоупотребления правительством своими регулирующими полномочиями¹³¹. Таким образом, смысл защиты слова в соответствии с Первой поправкой коренится в опасении цензуры со стороны государства¹³².

3. Защита в рамках Первой поправки: политические выступления и ложная информация

Ограничение использования дипфейков в политической рекламе с необходимостью предполагает регулирование политических высказываний и ложной информации. Поэтому важно учитывать, когда эти категории высказываний защищены Первой поправкой и когда они могут регулироваться.

а. Политические выступления

Политические высказывания занимают «центральное место в значении и целях Первой поправки»¹³³. Они пользуются высокой степенью защиты из-за их ценности не только для выступающего, но и для граждан в процессе осуществления самоуправления¹³⁴. Законодательство, ограничивающее использование дипфейков в политической рекламе, сосредоточено на узком сегменте политических высказываний – предвыборных выступлениях. В политических кампаниях предусматривается «наиболее полное и безотлагательное приращение» Первой поправки¹³⁵.

Однако трудно определить, что считать политическим высказыванием. Высказывание является предметом общественного обсуждения, когда оно касается любого вопроса, «представляющего политический, социальный или иной интерес для сообщества»¹³⁶. Верховный суд в целом определил политическое высказывание как «интерактивное сообщение, касающееся политических изменений»¹³⁷. Учитывая важность таких высказываний, соответствующие законы должны преодолеть строгую проверку на конституционность¹³⁸.

Хотя строгий контроль трудно преодолеть, ряд законов, касающихся содержания политических высказываний, выдержал его¹³⁹. При оценке законодательства, ограничивающего политические высказывания в контексте выборов, Верховный суд провел различие между вредом избирательному процессу и вредом, связанным с содержанием предвыборных высказываний¹⁴⁰. Суд определил, что законодательство, направленное на избирательный процесс, как правило, должно быть поддержано, так как не противоречит Конституции¹⁴¹. И наоборот, законодательство, направленное против вреда, наносимого содержанием предвыборных высказываний или политических дискуссий, вызывает подозрения и поднимает важные вопросы о его конституционности¹⁴².

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Norton, выше прим. 110; см. также United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 723 (2012) (мнение большинства) («Разрешение правительству считать подобные высказывания уголовным преступлением... не имеет четкого ограничивающего принципа»); Cohen v. California, 403 U.S. 15, 26 (1971) («Действительно, правительство может прибегать к цензуре в качестве удобного предлога для запрета выражения непопулярных взглядов»).

¹³² Norton, выше прим. 110.

¹³³ Citizens United v. FEC, 558 U.S. 310, 329 (2010).

¹³⁴ См. (Redish & Pereyra, 2020).

¹³⁵ Citizens United, 558 U.S. at 339 (цитируется Eu v. S.F. Cnty. Democratic Cent. Comm., 489 U.S. 214, 223 (1989)).

¹³⁶ Connick v. Myers, 461 U.S. 138, 146 (1983).

¹³⁷ Meyer v. Grant, 486 U.S. 414, 421-22 (1988).

¹³⁸ См. Burson v. Freeman, 504 U.S. 191, 211-12 (1992).

¹³⁹ См., например, там же; Holder v. Humanitarian L. Project, 561 U.S. 1, 39-40 (2010).

¹⁴⁰ См. AI and the Future of Our Elections: Hearing Before the S. Comm. on Rules & Admin., 118th Cong. 6-8 (2023) (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

¹⁴¹ См. там же, at 6-7.

¹⁴² См. там же, at 7-8.

Нормативные акты, ограничивающие высказывания, основанные на вреде избирательному процессу, касаются самой процедуры голосования¹⁴³. Суд отметил, что государство крайне заинтересовано в сохранении целостности выборов, например, в обеспечении доступа к избирательным бюллетеням¹⁴⁴, как и в защите избирателей от неправомерного влияния, введения в заблуждение и запугивания¹⁴⁵. Например, суд оставил в силе положения о зонах вокруг избирательных участков, свободных от предвыборной агитации¹⁴⁶, и об ограничениях на внесение информации в избирательные бюллетени¹⁴⁷. Таким образом, положения, ограничивающие распространение заведомо ложной информации о процессе голосования, были признаны конституционными¹⁴⁸.

С другой стороны, законодательство, направленное на нанесение ущерба через содержание предвыборных высказываний, вызывает больше сомнений в отношении его конституционности¹⁴⁹. Законы о предвыборной агитации направлены на регулирование высказываний на основе их содержания¹⁵⁰. В судах ведутся споры о том, действительно ли государство заинтересовано в защите общественности от ложных или вводящих в заблуждение предвыборных выступлений¹⁵¹. Некоторые суды рассматривают это ограничение как излишне «высокомерное и патерналистское», поскольку оно подразумевает, что общественность не в состоянии распознать ложную информацию¹⁵². Однако существуют также другие судебные решения, говорящие о том, что правительство действительно крайне заинтересовано в информировании избирателей без вводящих в заблуждение или ложных предвыборных высказываний¹⁵³. В конечном счете возможность конституционного ограничения политических высказываний зависит от оценки значимости государственных интересов и от того, является ли закон достаточно узконаправленным, чтобы выдержать строгую проверку на конституционность¹⁵⁴.

b. Ложная информация и решение по делу Alvarez

В деле *United States v. Alvarez*¹⁵⁵ Верховный суд оценивал, защищает ли Первая поправка достоверно ложную информацию. В результате суд отменил Закон об украденной доблести от 2005 г. [Закон США, вводящий уголовную ответственность для лиц, использующих ложные или вводящие в заблуждение сведения о якобы имеющихся у них военных наградах с целью получения материальных выгод. – Прим. переводчика]¹⁵⁶, который устанавливал уголовную ответственность за заведомо¹⁵⁷ ложные заявления о том, что субъект был награжден военными наградами или знаками отличия¹⁵⁸.

¹⁴³ См. там же, at 6.

¹⁴⁴ См. там же; см., например, *Eu v. S.F. Cnty. Democratic Cent. Comm.*, 489 U.S. 214, 231 (1989) («Государство, бесспорно, крайне заинтересовано в поддержании целостности избирательного процесса»); *Buckley v. Valeo*, 424 U.S. 1, 26-29 (1976) (отмечается серьезная заинтересованность правительства в сохранении целостности избирательного процесса, предотвращении коррупции и поддержании ответственности граждан в условиях демократии).

¹⁴⁵ *Burson v. Freeman*, 504 U.S. 191, 199 (1992).

¹⁴⁶ См. там же.

¹⁴⁷ См. *Am. Party of Tex. v. White*, 415 U.S. 767, 794-95 (1974).

¹⁴⁸ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 6-7 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

¹⁴⁹ См. там же, at 7-8.

¹⁵⁰ См. там же, at 7.

¹⁵¹ См. там же, at 8.

¹⁵² Там же (цитируется *State ex rel. Pub. Disclosure Comm'n v. 119 Vote No! Comm.*, 135 Wash. 2d 618, 631-32 (Wash. 1998) (в пленарном заседании суда)).

¹⁵³ Там же; см., например, *Susan B. Anthony List v. Driehaus*, 814 F.3d 466, 473 (6th Cir. 2016); *281 Care Comm. v. Arneson*, 766 F.3d 774, 786-87 (8th Cir. 2014).

¹⁵⁴ *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 8 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

¹⁵⁵ 567 U.S. 709 (2012).

¹⁵⁶ 18 U.S.C. § 704(b).

¹⁵⁷ *Alvarez*, 567 U.S. at 740 n.1 (Alito, J., несогласие) («Хотя в Законе не используется термин ‘осознанно’ или ‘сознательно’... формулировка ‘ложно представляет’ подразумевает требование осознанности» (цитата опущена)).

¹⁵⁸ Там же, at 715-16 (мнение большинства).

В заключении большинства суд постановил, что «одной лишь ложности недостаточно, чтобы вывести высказывание за рамки Первой поправки»¹⁵⁹. При разборе этого принципа в заключении суда проводилось различие между незащищенным и защищенным ложным высказыванием¹⁶⁰. По мнению большинства судей, ложное высказывание может быть ограничено, если говорящий намеревался причинить «юридически подсудный вред», что традиционно не подпадает под защиту Первой поправки¹⁶¹. Проведя тщательную проверку на конституционность, суд пришел к выводу, что закон не описывает должным образом вред, против которого он направлен¹⁶². Суд постановил, что государству не удалось показать, каким образом ложное высказывание может ввести общественность в заблуждение или усилить общественный цинизм в отношении воинских почестей¹⁶³. В решении говорилось, что наказание за ложные высказывания будет препятствовать проведению свободных дебатов, тогда как другие, менее ограничительные меры, такие как опровержения¹⁶⁴, способны успешно противостоять лжи¹⁶⁵.

Судьи Брейер и Каган заявили, что решение большинства «отвергает ‘строгий понятийный анализ’»¹⁶⁶. Они предположили, что закон, направленный против вредоносной лжи, может быть конституционным, если он «не наносит непропорционального ущерба в рамках Первой поправки»¹⁶⁷. Оценивая закон, ограничивающий ложные высказывания, судья Брейер заявил, что необходимо сбалансировать «серьезность возможного вреда, характер и важность компенсирующих целей данного положения закона, степень, в которой оно будет способствовать достижению этих целей, и наличие других, менее ограничительных способов достижения цели»¹⁶⁸. Применив проверку среднего уровня, судья Брейер пришел к выводу, что закон не является узконаправленным на конкретную «категорию ложной информации, когда причинение конкретного вреда более вероятно»¹⁶⁹.

Судья Аливо выразил несогласие, к которому присоединились судьи Томас и Антонин Скалиа¹⁷⁰. Судья Аливо заявил, что необходимо поддержать закон, чтобы противодействовать «эпидемии ложных заявлений о военных наградах»¹⁷¹. Он утверждал, что ложные по факту заявления не должны защищаться Первой поправкой, за исключением случаев, когда это необходимо для обеспечения свободы правдивых высказываний по смежным темам¹⁷².

Хотя решение по делу Alvarez было принято не единогласно, судьи выразили общее опасение¹⁷³ по поводу законов, направленных против ложных высказываний по вопросам, представляющим общественный интерес, таким как религия, история, политика и литература¹⁷⁴. В этих областях существует более высокий риск государственной цензуры и злоупотребления властью в политических целях¹⁷⁵. Кроме того, судьи согласились, что если ложная информация причиняет «юридически подсудный вред» конкретным жертвам, то ответственность может устанавливаться без учета Первой поправки¹⁷⁶.

¹⁵⁹ Там же, at 719.

¹⁶⁰ См. там же, at 717–20.

¹⁶¹ Там же, at 719.

¹⁶² См. там же, at 728–30.

¹⁶³ См. там же, at 727.

¹⁶⁴ Опровержение определяется как «ответы, критические замечания, контрдоводы и возражения, которые возникают после произнесения неодобряемого, непопулярного, оскорбительного или ненавистнического высказывания». Hans, G. S. (2021). *Changing Counterspeech*. Clev. St. L. Rev., 69, 749.

¹⁶⁵ Alvarez, 567 U.S. at 726–29.

¹⁶⁶ Hasen, R. L. (2013). A Constitutional Right to Lie in Campaigns and Elections? *Mont. L. Rev.*, 74, 53 (цитируется Alvarez, 567 U.S. at 730 (Breyer, J., согласие)).

¹⁶⁷ Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1790–91.

¹⁶⁸ Alvarez, 567 U.S. at 730 (Breyer, J., согласие).

¹⁶⁹ Там же, at 736.

¹⁷⁰ См. там же, at 739 (Alito, J., несогласие).

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² См. там же, at 750.

¹⁷³ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1791.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Hasen, выше прим. 167, at 69.

¹⁷⁶ См. (Blitz, 2018). Blitz, M. J. (2018). Lies, Line Drawing, and (Deep) Fake News, 72 *Okla. L. Rev.* 59, 70.

4. Категории противозаконной ложной информации

Хотя ложность сама по себе не выводит высказывание за рамки Первой поправки, Верховный суд выделил определенные категории ложных высказываний, которым предоставляется ограниченная защита или которые полностью не защищены Первой поправкой¹⁷⁷. Стандарты рассмотрения этих категорий отличаются от обычной строгой проверки, применяемой к нормативным актам и основанной на содержании¹⁷⁸. Например, суд поддержал ограничения, связанные с содержанием, в контексте диффамации¹⁷⁹ и мошенничества¹⁸⁰. Суды низшей инстанции также поддерживали законы, направленные против выдачи субъекта за государственного чиновника по основанию содержания высказывания¹⁸¹. Верховный суд постановил, что государство может регулировать некоторые категории ложных высказываний, поскольку вред от них перевешивает их ценность¹⁸². Профессор Марк Джонатан Блитц (*Marc Jonathan Blitz*) утверждает, что Первая поправка может не защищать ложные высказывания в двух случаях¹⁸³. Во-первых, когда они «принимают форму, которая причиняет или угрожает причинением вреда личности или имуществу»¹⁸⁴. Во-вторых, если они не обладают достаточной ценностью, чтобы оправдать защиту в рамках Первой поправки¹⁸⁵.

а. Диффамация

Защита свободы слова в соответствии с Первой поправкой не распространяется на случаи диффамации¹⁸⁶. В деле *New York Times Co. v. Sullivan*¹⁸⁷ Верховный суд постановил, что Первая поправка не защищает заведомо ложные заявления о государственных должностных лицах¹⁸⁸. Чтобы уравновесить интересы общественных деятелей по поддержанию их репутации, с одной стороны, и защитить высказывания высокой важности в соответствии с Первой поправкой – с другой, суд установил требование «фактического злого умысла», при котором наступает ответственность за диффамацию¹⁸⁹. «Фактический злой умысел» определяется как знание субъекта о ложности заявления или небрежность в установлении его истинности¹⁹⁰. Суд обосновал это требование тем, что «ошибочные утверждения неизбежны в ходе свободных дебатов»¹⁹¹.

В решении Верховного суда было отмечено, что высказывания, содержащие фактическую ошибку или наносящие ущерб репутации, сами по себе по-прежнему подпадают под защиту Первой поправки¹⁹². Однако, уравнивая конкурирующие соображения о вреде для репутации и о свободе выражения мнений, суд постановил, что требование «фактического злого умысла» дает достаточно свободы для защиты высказываний в отношении публичных лиц¹⁹³. Обосновывая это требование, суд подчеркнул, что ошибки в публикациях

¹⁷⁷ См. Chemerinsky, выше прим. 95, at 853.

¹⁷⁸ См. там же.

¹⁷⁹ См., например, *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964).

¹⁸⁰ См., например, *Va. Bd. of Pharm. v. Va. Citizens Consumer Council, Inc.*, 425 U.S. 748 (1976).

¹⁸¹ См., например, *United States v. Bonin*, 932 F.3d 523 (7th Cir. 2019).

¹⁸² См. *New York v. Ferber*, 458 U.S. 747, 763-64 (1982) (суд попытался определить, перевешивает ли «вред от высказываний, который следует ограничить, необходимую свободу самовыражения»); см. также *Young v. Am. Mini Theatres, Inc.*, 427 U.S. 50, 70 (1976) (мнение большинства) («Очевидно, что заинтересованность общества в защите такого рода самовыражения имеет совершенно иной и меньший масштаб, чем заинтересованность в беспрепятственном ходе политических дебатов...»).

¹⁸³ См. Blitz, выше прим. 177, at 77.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же, at 78.

¹⁸⁶ «Чтобы доказать факт клеветы, истец должен представить... (1) ложное заявление; (2) факт публикации или доведения этого заявления до сведения третьего лица; (3) вину, состоящую, по меньшей мере, в халатности; и (4) убытки или вред, причиненный репутации физического или юридического лица, являющегося объектом данного заявления». *Defamation*, Cornell L. Sch. Legal Info. Inst., <https://www.law.cornell.edu/wex/defamation> [<https://perma.cc/Q5XL-ZXPU>].

¹⁸⁷ 376 U.S. 254 (1964).

¹⁸⁸ Там же, at 279-81.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ См. там же.

¹⁹¹ Там же, at 271.

¹⁹² Там же, at 272-73.

¹⁹³ Там же, at 271-72, 279-81.

неизбежны, так как в журналистской деятельности не должно быть самоцензуры¹⁹⁴. Согласно судебному решению по делу Sullivan, защита ложных высказываний в отношении государственных должностных лиц была распространена и на общественных деятелей¹⁹⁵.

В решении по делу Gertz v. Robert Welch, Inc.¹⁹⁶ Верховный суд постановил, что рядовой гражданин может получить компенсацию за клевету, если высказывание не было проверено на истинность, по крайней мере, по небрежности¹⁹⁷. Устанавливая требование о небрежности, суд решил, что отдельные штаты могут самостоятельно определить соответствующие стандарты ответственности¹⁹⁸. Однако в решении также отмечается, что штат не может налагать ответственность за клевету без доказательства вины¹⁹⁹. В обосновании суда также были учтены проблемы, которые обсуждались в деле Sullivan²⁰⁰. В нем подчеркивалось, что защита некоторых ложных высказываний необходима для предотвращения негативного влияния на «значимые выступления»²⁰¹. В конечном счете требование о небрежности, установленное в решении по делу Gertz, служит аналогичной гарантией для требования о «фактическом злом умысле» в деле Sullivan, т. е. призвано предотвратить «самоцензуру журналистов или ораторов»²⁰².

b. Мошенничество

Еще одна категория ложных высказываний, которая не подпадает под защиту Первой поправки, – это мошенничество²⁰³. «Положения общего права о мошенничестве налагают ответственность на лицо, которое намеренно вводит в заблуждение», чтобы побудить кого-либо действовать «во вред, полагаясь на это существенное искажение»²⁰⁴. Ложное заявление само по себе не влечет за собой ответственности [выступающего] за мошенничество, «если только выступающий не делал его с намерением обмануть слушателя и не добился успеха в этом»²⁰⁵. Верховный суд признал, что правительство в значительной степени заинтересовано в защите граждан от мошенничества²⁰⁶. В результате законодательство, ограничивающее мошеннические действия в целях защиты общественности, может быть поддержано судом даже в случае обжалования Первой поправки²⁰⁷. В контексте рекламы Верховный суд постановил, что вопрос о мошенничестве решается с учетом эффекта, который реклама «должна производить на сознание обычного человека»²⁰⁸.

c. Изображение государственных чиновников

Еще одной категорией ложных высказываний, которые государству, как правило, разрешается регулировать, является выдача себя за государственных чиновников²⁰⁹. В этом случае законодательство, как правило, требует доказать совершение конкретного действия, а не только высказывания. Также может потребоваться

¹⁹⁴ См. Там же, at 299 (Black, J., согласие).

¹⁹⁵ См. Curtis Publ'g Co. v. Butts, 388 U.S. 130, 155 (1967) (стандарт «фактического злого умысла» при обвинении в диффамации был распространен на общественных деятелей).

¹⁹⁶ 418 U.S. 323 (1974).

¹⁹⁷ Там же, at 350.

¹⁹⁸ Там же, at 347.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ См. Там же, at 340–41.

²⁰¹ Там же, at 341.

²⁰² Sunstein, выше прим. 22, at 410.

²⁰³ См. Illinois ex rel. Madigan v. Telemarketing Assocs., Inc., 538 U.S. 600, 612 (2003).

²⁰⁴ Brannon, V. C. (2022). Cong. Rsch. Serv., IF12180, False Speech and the First Amendment: Constitutional Limits on Regulating Misinformation, <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12180> [<https://perma.cc/D9W4-VFQA>].

²⁰⁵ Madigan, 538 U.S. at 620.

²⁰⁶ United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 723 (2012) (мнение большинства) («В тех случаях, когда ложные заявления делаются с целью мошенничества... правительство может ограничить свободу слова, не нарушая Первую поправку»).

²⁰⁷ См., например, Donaldson v. Read Mag., 333 U.S. 178, 191–92 (1948).

²⁰⁸ Там же, at 189.

²⁰⁹ См., например, United States v. Lepowitch, 318 U.S. 702, 704 (1943); United States v. Bonin, 932 F.3d 523, 544 (7th Cir. 2019); см. также Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1791 (отмечается, что положения государственных актов о воплощении образов физических лиц «в основном не противоречат Первой поправке» (цитируется Helen Norton, Lies to Manipulate, Misappropriate, and Acquire Governmental Power, in Law and Lies 143, 170–71 (Austin Sarat ed., 2015))).

доказательство того, что человек был введен в заблуждение и совершил действия, которые он не предпринял бы, если бы не подвергся обману²¹⁰. В отличие от других регулируемых категорий ложной информации, вред от выдачи себя за государственного чиновника менее материалов²¹¹. Обосновывая ограничение таких высказываний, суд в решении по делу Alvarez отметил, что государство крайне заинтересовано в защите «целостности деятельности правительства»²¹². Кроме того, большинством голосов судей было признано, что даже если такое законодательство не содержит требования доказать физический, финансовый или имущественный ущерб, это допустимо из-за его узкой направленности²¹³.

II. СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ПЕРВОЙ ПОПРАВКЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАПРЕТ НА ДИПФЕЙКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ?

С ростом доступности и усложнением искусственного интеллекта появляются и различные попытки его регулирования. Законодательство, ограничивающее использование дипфейков в политической рекламе, основано на содержании высказывания и, как правило, подлежит тщательной проверке на конституционность²¹⁴. Обычно такое законодательство не регламентирует высказывания по отношению к точке зрения, но предусматривает ограничение тематики политических кампаний²¹⁵. Кроме того, оценка истинности материалов обязательно требует рассмотреть их содержание²¹⁶.

В этом разделе мы рассмотрим конституционность федерального запрета на использование дипфейков, изображающих кандидатов в политической рекламе, который предлагается Законом о защите выборов от ИИ-фейков. Этот законопроект направлен на запрет распространения аудио- и видеоматериалов, содержащих существенную информацию, вводящую в заблуждение, и касающихся кандидатов на федеральные должности, с целью оказания влияния на выборы или получения финансовых средств²¹⁷. Основываясь на прецеденте, неясно, будет ли закон, запрещающий использование заведомо ложных ИИ-фейков в предвыборной рекламе, соответствовать Первой поправке к Конституции²¹⁸. В части II.A мы рассмотрим аргументы в пользу того, что законопроект не будет соответствовать Первой поправке к Конституции. В части II.B представлены аргументы о том, что предлагаемый запрет является конституционным.

A. Предлагаемый запрет противоречит Первой поправке к Конституции

В этом разделе рассматриваются аргументы против введения запрета на использование дипфейков кандидатов в федеральные органы власти в политической рекламе. В части II.A.1 перечислены конституционные барьеры для регулирования дипфейков как ложных высказываний. В части II.A.2 анализируются проблемы, которые возникают в связи с ограничением политических высказываний. В части II.A.3 рассматривается вопрос о том, является ли предлагаемый запрет достаточно узконаправленным, чтобы выдержать строгую проверку на конституционность. В части II.A.4 показаны риски пристрастного правоприменения в целях цензуры.

²¹⁰ Lepowitch, 318 U.S. at 704.

²¹¹ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1791.

²¹² United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 721 (2012) (мнение большинства).

²¹³ Там же. («Этот закон направлен на ‘поддержание общей хорошей репутации и достоинства... государственной службы’» (цитата опущена)).

²¹⁴ См. Citizens United v. FEC, 558 U.S. 310, 340 (2010) («Законодательство, которое ограничивает политические высказывания, ‘подлежит строгой проверке’» (цитата опущена)).

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ См. Killion, V. L. (2023). Cong. Rsch. Serv., IF12308, Free Speech: When and Why Content-Based Laws Are Presumptively Unconstitutional. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12308> [<https://perma.cc/B4GW-8X3A>].

²¹⁷ Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

²¹⁸ Weiner & Norden, выше прим. 91.

1. Запрет ложной информации: решение по делу *Alvarez*

Противники регулирования дипфейков подчеркивают, что они отличаются от конституционно регулируемых ложных высказываний²¹⁹. В деле *Alvarez* Верховный суд постановил, что государство может регулировать определенные категории ложных высказываний, если они причиняют «юридически подсудный» вред жертвам, которых можно идентифицировать²²⁰. Угрозы, которые несут собой дипфейки для избирателей, трудно определить, поэтому, с точки зрения суда, эта категория вреда не требует регулирования²²¹. Противники регулирования этой категории также утверждают, что дипфейки, созданные с помощью искусственного интеллекта, ничем не отличаются от обычных фальсифицированных материалов, которые всегда оставались нерегулируемыми²²². Исходя из теории рынка идей, на политическую рекламу с использованием дипфейков следует отвечать другими выступлениями, а не молчанием, к которому вынуждает правительство²²³. Противники законопроекта утверждают, что разрешение регулирования фальшивок в этом контексте непозволительно расширило бы полномочия правительства по ограничению ложной информации²²⁴, поэтому законодательство о дипфейках является неконституционным²²⁵.

В решении суда по делу *Alvarez* было указано, что Первая поправка защищает только ложные высказывания²²⁶. На основе этого ученые и комментаторы утверждают, что Первая поправка также должна защищать ложные визуальные материалы, т. е. дипфейки²²⁷. В решении большинства по делу *Alvarez* отмечается, что существуют категории ложных высказываний, которые государство может регулировать, такие как диффамация, мошенничество и выдача себя за другое лицо²²⁸. Объясняя эти примеры, суд отметил, что ложные высказывания не пользуются защитой, если вызывают «юридически подсудный вред»²²⁹. В контексте дипфейков вред в большей степени аморфен и не относится к тому типу, который обычно оправдывает регулирование ложной информации²³⁰.

Хотя в деле *Alvarez* рассматривалась ситуация, когда ограничение свободы слова причиняло скорее нематериальный вред²³¹, критики утверждают, что он отличается от вреда, причиняемого дипфейками²³². Аргументация государства в деле *Alvarez* касалась законов, карающих за выдачу себя за государственного чиновника, поскольку, по мнению Верховного суда, свобода слова может быть ограничена в рамках Конституции²³³. Основанием для ограничения высказываний, относящихся к выдаче себя за государственного чиновника, послужило то, что эти высказывания наносят ущерб «общей репутации и достоинству... самой государственной службы»²³⁴.

²¹⁹ См. Tashman, A. (2021). "Malicious Deepfakes" – How California's A.B. 730 Tries (and Fails) to Address the Internet's Burgeoning Political Crisis. *Loy. L.A. L. Rev.*, 54, 1391; см. также AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²²⁰ *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719 (2012) (мнение большинства).

²²¹ См. Tashman, выше прим. 220, at 1412 (утверждается, что политические дипфейки не подпадают под категорию ложных высказываний, которые могут быть ограничены решением Верховного суда).

²²² См. Immerwahr, D. (2023, Nov. 13). What the Doomsayers Get Wrong About Deepfakes. *New Yorker*, <https://www.newyorker.com/magazine/2023/11/20/a-history-of-fake-things-on-the-internet-walter-j-scheirer-book-review> [<https://perma.cc/67Q6-ABZ2>]; см. также Baiocco, A. (2022, Jan. 5). Political "Deepfake" Laws Threaten Freedom of Expression. *Inst. for Free Speech*. <https://www.ifs.org/research/political-deepfake-laws-threaten-freedom-of-expression/> [<https://perma.cc/AN67-5MEN>].

²²³ См. Baiocco, выше прим. 223.

²²⁴ См. Seana Valentine Shiffrin, *Speech Matters: On Lying, Morality, and the Law* 150 (2014).

²²⁵ См. Baiocco, выше прим. 223; см. также Tashman, выше прим. 220, at 1408.

²²⁶ *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719 (2012) (мнение большинства).

²²⁷ Nina I. Brown, *Deepfakes and the Weaponization of Disinformation*, 23 *Va. J.L. & Tech.* 1, 35 (2020) («Но тот факт, что дипфейк является сфабрированным и может содержать ложные сведения, не ослабляет защиту, предусмотренную Первой поправкой»).

²²⁸ См. выше часть I.C.4.

²²⁹ *Alvarez*, 567 U.S. at 719.

²³⁰ См. Marc Jonathan Blitz, *Deepfakes and Other Non-testimonial Falsehoods: When Is Belief Manipulation (Not) First Amendment Speech?*, 23 *Yale J.L. & Tech.* 160, 220 (2020).

²³¹ См. выше прим. 212 и соответствующий текст.

²³² См. Tashman, выше прим. 220, at 1412; см. также Blitz, выше прим. 231, at 220.

²³³ См. выше прим. 212 и соответствующий текст.

²³⁴ *Alvarez*, 567 U.S. at 721 (мнение большинства) (цитируется *United States v. Lepowitch*, 318 U.S. 702, 704 (1943)).

Применение вышеуказанной аргументации к дипфейкам может привести к расширению понятия «юридически подсудный вред»²³⁵. Так, по мнению профессора Блица, ограничение дипфейков, основанное на понятии «юридически подсудного вреда», такого как введение в заблуждение избирателей или снижение доверия к правительству, может открыть путь к усилению ограничения свободы слова в целом, что недопустимо²³⁶. Профессор Блиц отмечает, что если ложным сообщениям предоставляется «какая-либо значимая защита в соответствии с Первой поправкой», то эта защита не может быть отменена при наличии ущерба, поскольку ложная информация всегда причиняет вред²³⁷. В результате регулирование дипфейков может привести к чрезмерному регулированию ложных высказываний²³⁸.

Еще одна категория ложных высказываний, которую не защищает Первая поправка, – это диффамация. Как уже упоминалось, в исках о диффамации государственные служащие или общественные деятели должны доказать, что говорящий действовал «с явным умыслом» или «искажил истину по небрежности»²³⁹. Аналогичным образом, дипфейки в политической рекламе – это заведомая ложь, которая может нанести ущерб репутации изображаемого лица²⁴⁰. Критики предлагаемого запрета признают, что он может справедливо бороться против дипфейков, клеветнически изображающих кандидатов, но они утверждают, что этот запрет заходит слишком далеко²⁴¹. Законопроект в целом применяется к любым материалам в политической рекламе федерального уровня, которая ставит своей целью оказать влияние на выборы или собрать средства²⁴². При этом не требуется доказать нанесение ущерба репутации, что является существенным для иска о диффамации²⁴³. Следовательно, как утверждают оппоненты, широкий запрет на дипфейки в политической рекламе может затронуть ложные высказывания, защищенные Конституцией²⁴⁴.

Еще один вид ложной информации, который не защищен Первой поправкой, – это мошенничество. Признаком мошенничества является наличие заведомо ложной существенной информации, на которую полагается жертва и которая наносит реальный ущерб²⁴⁵. Аналогично диффамации, в политической рекламе существуют дипфейки, которые могут квалифицироваться как мошенничество²⁴⁶. Например, избиратель может ошибочно полагаться на ложную рекламу с изображением кандидата, собирающего средства для своей кампании, и пожертвовать деньги на кампанию, основываясь на этой информации. Однако законопроект не устанавливает требования наличия доверия или намерения вызвать доверие, что является важным аспектом законодательства о мошенничестве²⁴⁷. Поэтому критики утверждают, что этот запрет может также неправомерно включать высказывания, не запрещенные Конституцией²⁴⁸.

Вслед за решением Верховного суда по делу Alvarez суды низшей инстанции отменили законы штатов, направленные на ограничение ложных высказываний во время предвыборных кампаний²⁴⁹. В деле

²³⁵ См. Blitz, выше прим. 231, at 220.

²³⁶ См. там же.

²³⁷ См. там же.

²³⁸ См. там же.

²³⁹ См. выше прим. 190–91 и соответствующий текст.

²⁴⁰ См. Ice, J. (2019). Defamatory Political Deepfakes and the First Amendment. Case W. Rsr. L. Rev., 70, 417.

²⁴¹ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 13–14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁴² Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

²⁴³ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 13–14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁴⁴ См. там же, at 18.

²⁴⁵ Там же, at 4.

²⁴⁶ Там же, at 13.

²⁴⁷ Там же, at 13 & n. 68 (цитируется Restatement (Second) of Torts § 525 (Am. L. Inst. 1977) («Тот, кто обманным путем искажает факты... с целью побудить другое лицо действовать или воздерживаться от действий, полагаясь на эти факты, несет ответственность перед лицом, подвергшимся обману, за материальный ущерб, причиненный ему в результате его оправданной веры в истинность искаженных фактов»)).

²⁴⁸ См. там же, at 7–8.

²⁴⁹ См., например, S. B. Anthony List v. Driehaus, 814 F.3d 466, 476 (6th Cir. 2016); Commonwealth v. Lucas, 34 N.E.3d 1242, 1257 (Mass. 2015); Rickert v. State Pub. Disclosure Comm'n, 168 P.3d 826, 829–31 (Wash. 2007).

*Susan B. Anthony List v. Driehaus*²⁵⁰ Апелляционный суд США Шестого созыва признал неконституционным закон штата Огайо, который запрещал распространение заведомо ложных сведений о политическом кандидате в предвыборных материалах²⁵¹. В своем решении суд отметил, что этот закон частично нарушает Первую поправку, поскольку направлен против высказываний исключительно по признаку их ложности²⁵². Суд сослался на дело *Alvarez* и аргументировал свое решение тем, что «даже ложное высказывание имеет определенную конституционную защиту»²⁵³. Критики регулирования дипфейков утверждают, что оно аналогичным образом направлено против ложных – и, следовательно, защищенных – высказываний²⁵⁴. Хотя незащищенные высказывания подпадают под действие запрета, критики утверждают, что он имеет слишком широкую направленность исключительно по признаку ложности высказывания и поэтому является неконституционным²⁵⁵.

Противники данного законопроекта утверждают, что, хотя технология дипфейка является новой, на вопрос о том, регулируется ли она Конституцией, уже есть ответ²⁵⁶. Исторически сложилось так, что Первая поправка в целом защищает фальсифицированные материалы, которые годами использовались в предвыборных кампаниях²⁵⁷. Оппоненты утверждают, что дипфейки ничем не отличаются от других подделок²⁵⁸. Верховный суд постановил, что, несмотря на трудности применения Конституции в условиях стремительного развития технологий, основные принципы свободы слова остаются неизменными даже при появлении новых средств коммуникации²⁵⁹. Таким образом, несмотря на новизну технологии искусственного интеллекта, противники регулирования утверждают, что она защищена той же Первой поправкой, что и обычные фальсифицированные материалы в политической рекламе²⁶⁰.

Кроме того, критики оценивают предлагаемый запрет на основе теории «рынка идей». Согласно решению Верховного суда, даже ложное утверждение может быть ценным вкладом в рынок идей, поскольку оно создает «более четкое» и «более живое отражение» истины, основанное на ее «сопоставлении с ошибочным мнением»²⁶¹. В результате предпочтительным средством борьбы с ложными высказываниями в соответствии с Первой поправкой является «больше высказываний, а не вынужденное молчание»²⁶². Таким образом, противники запрета утверждают, что законодательство, ограничивающее дипфейки, может отрицательно повлиять на рынок идей²⁶³. Хотя дипфейки могут вызвать непонимание, однако, согласно принципам Первой поправки, правильным решением является активизация дискуссий, а не запрет²⁶⁴. Позитивная теория Первой

²⁵⁰ 814 F.3d 466 (6th Cir. 2016).

²⁵¹ Там же, at 473 («Законы штата Огайо распространяются не только на дискредитирующие и мошеннические высказывания, но и на все ложные высказывания... даже на те, которые не являются существенными, негативными, дискредитирующими или клеветническими»).

²⁵² Там же, at 472.

²⁵³ См. там же, at 473.

²⁵⁴ См. *Brown*, выше прим. 228, at 34–35; см. также *Tashman*, выше прим. 220, at 1415.

²⁵⁵ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 13–14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom); см. также *Brown*, выше прим. 228, at 34–35.

²⁵⁶ См. Feeney, M. (2021). Deepfake Laws Risk Creating More Problems Than They Solve, Regul. Transparency Project 1–2. <https://regproject.org/wp-content/uploads/Paper-Deepfake-Laws-Risk-Creating-More-Problems-Than-They-Solve.pdf> [<https://perma.cc/8P5P-LGL4>].

²⁵⁷ Например, в 1950 г. союзники сенатора Джозефа Р. Маккарти распространили поддельные фотографии встречи сенатора Милларда Э. Тайдингса с лидером Коммунистической партии США. См. там же. Сенатор Тайдингс проиграл выборы. См. там же, at 2–3. В 2016 г. была опубликована фальшивая фотография, на которой сенатор Марко Рубио пожимает руку президенту Барак Обама. См. там же, at 3.

²⁵⁸ См. Letter from Christopher Anders, Jenna Leventoff & Brian Hauss, ACLU, to Dara S. Lindenbaum, Chair, FEC 3–4 (Nov. 6, 2023), <https://www.nextgov.com/media/aclufecailletter.pdf> [<https://perma.cc/EN8Q-DUAH>].

²⁵⁹ См. там же, at 3.

²⁶⁰ См. там же, at 3–4; Feeney, выше прим. 257, at 2.

²⁶¹ См. *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254, 279 n.19 (1964).

²⁶² См. *Whitney v. California*, 274 U.S. 357, 377 (1927) (Brandeis, J., согласие).

²⁶³ См. *Brown*, выше прим. 228, at 35–36; см. также *Baiozzo*, выше прим. 223 («Как неоднократно повторял Верховный суд, ответом на лживые и вводящие в заблуждение высказывания являются опровержения»).

²⁶⁴ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 18 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

поправки указывает на то, что функционирование рынка идей зависит от общественного обсуждения, без вмешательства государства²⁶⁵. Таким образом, дипфейкам следует противопоставлять факты и правдивую информацию, а не вынужденное молчание под давлением правительства²⁶⁶.

Запрет дипфейков несет в себе риск расширения сферы, в которой государство может регулировать ложные высказывания²⁶⁷. В деле *Alvarez* большинство судей выразили обеспокоенность тем, что запрет на ложную информацию о наличии воинских наград приведет к более широкому ограничению лжи «без судебного контроля»²⁶⁸. В том же деле суд также отметил, что требование о «юридически подсудном вреде» для идентифицируемых жертв позволяет избежать чрезмерного регулирования ложных высказываний со стороны государства²⁶⁹. Эта логика применима и к Закону о защите выборов от ИИ-фейков. Регулирование ложных высказываний в дополнительных контекстах чревато недопустимым расширением государственного запрета в этой сфере²⁷⁰.

Таким образом, критики предлагаемого запрета утверждают, что он не устанавливает «юридически подсудный вред», который, по мнению Верховного суда, допускает конституционное регулирование ложных высказываний²⁷¹. Они также доказывают, что дипфейки сродни обычным фальсифицированным материалам, используемым в предвыборной рекламе, а значит, не создают новой угрозы демократии²⁷². Таким образом, противники данного закона выступают за то, чтобы ответом на дипфейки в политической рекламе были не запреты, а правдивые факты и опровержения²⁷³.

2. Неконституционное ограничение политических выступлений

Предлагаемый законопроект поднимает конституционные вопросы, связанные не только с борьбой с ложными высказываниями, но и с потенциальной возможностью ослабить защиту таких высказываний²⁷⁴. Центральным аспектом Первой поправки является обеспечение открытых дискуссий между кандидатами, чтобы избиратели могли принимать обоснованные решения²⁷⁵. Верховный суд подчеркнул важность того, что Первая поправка защищает выступления в ходе политических кампаний²⁷⁶. Критики запрета подчеркивают ценность политических высказываний для избирателей, даже если эти высказывания ложны²⁷⁷. Таким образом, противники законопроекта отмечают, что он, скорее всего, негативно повлияет на защиту политических высказываний в рамках Первой поправки²⁷⁸.

Во время слушаний в комитете Сената на тему «Искусственный интеллект и будущее наших выборов» юрист, эксперт по вопросам Первой поправки Ари Кон (*Ari Cohn*) описал различные категории высказываний

²⁶⁵ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 727-28 (2012) (мнение большинства).

²⁶⁶ *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 10-11 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁶⁷ См. Blitz, выше прим. 231, at 220.

²⁶⁸ См. Daniela C. Manzi, Note, *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News*, 87 *Fordham L. Rev.* 2623, 2635 (2019) (цитируется *Alvarez*, 567 U.S. at 723 (мнение большинства)).

²⁶⁹ См. *Alvarez*, 567 U.S. at 723.

²⁷⁰ См. Shiffrin, выше прим. 225, at 150; см. также Blitz, выше прим. 231, at 220.

²⁷¹ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 4-5, 13-14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom); см. также Tashman, выше прим. 220, at 1412.

²⁷² См. выше прим. 257-61 и соответствующий текст.

²⁷³ См. выше прим. 262-67 и соответствующий текст.

²⁷⁴ См. Feeney, выше прим. 257, at 11.

²⁷⁵ См. Chemerinsky, выше прим. 95, at 811.

²⁷⁶ См. *Monitor Patriot Co. v. Roy*, 401 U.S. 265, 272 (1971).

²⁷⁷ См. Baiocco, выше прим. 223 («Наказание за ложные или вводящие в заблуждение политические высказывания неизбежно приведет к подавлению политических выступлений в целом и принесет больше вреда, чем пользы»); см. также Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1789-90 («Запрет может препятствовать участию в политическом дискурсе в частности и в демократической культуре в целом»).

²⁷⁸ См. Baiocco, выше прим. 223; Fischler, J. (2023, Sept. 27). U.S. Senate Panel Weighs Free Speech and Deep Fakes in AI Campaign Ads. *Minn. Reformer*. <https://minnesotareformer.com/2023/09/27/u-s-senate-panel-weighs-free-speech-and-deep-fakes-in-ai-campaign-ads/> [https://perma.cc/E5CB-4739].

в контексте выборов и связанные с ними риски²⁷⁹. Он отметил, что Верховный суд провел различие между вредом избирательному процессу и вредом, связанным с содержанием выборов²⁸⁰.

Нормы, ограничивающие высказывания по основанию ущерба для избирательного процесса, с меньшей вероятностью будут противоречить Первой поправке²⁸¹. Кон отмечает, что, хотя государству, как правило, разрешается регулировать подобные фальсификации, федеральный запрет на политическую рекламу вряд ли относится к этой категории²⁸².

Напротив, законодательство, направленное против нанесения ущерба по признаку предвыборной тематики, вызывает большие сомнения в отношении его конституционности²⁸³. Законодательство, касающееся предвыборных выступлений, направлено на регулирование по признаку содержания выступлений²⁸⁴. По словам Кона, в судах ведутся споры о том, действительно ли государство заинтересовано в защите общественности от ложных высказываний в ходе предвыборных кампаний²⁸⁵. Однако даже если государственный интерес будет признан значительным, нормативные акты могут быть недостаточно узконаправленными, чтобы пройти строгий конституционный контроль²⁸⁶. Таким образом, когда законодательство нацелено на политические выступления на основе их содержания, оно, скорее всего, будет признано неконституционным²⁸⁷.

По мнению Кона, предлагаемый законопроект в целом устанавливает регулирование на основе содержания и, скорее всего, не выдержит строгой проверки на конституционность²⁸⁸. Чтобы пройти такую проверку, необходимо выявить значимые государственные интересы²⁸⁹. Как утверждают эксперты, регулирование дипфейков не относится к таким интересам. Например²⁹⁰, указывают на ранее вынесенное Верховным судом решение о том, что опасения избирателя сделать необдуманный выбор не являются убедительным аргументом²⁹¹. В конечном счете риск фальсификаций в политической рекламе заключается в том, что избиратели будут полагаться на нее при голосовании. Оппоненты утверждают, что ситуация, когда избиратель полагается на фальсифицированные материалы, не является значимым для государства, а регулирование таких ситуаций противоречит ценностям самоуправления²⁹².

Наказание за ложные высказывания в политическом пространстве ставит под сомнение способность общественности участвовать в «активном выражении мнений... что гарантируется Первой поправкой»²⁹³. Посредством законодательства правительство препятствует свободному распространению информации во время кампаний, что имеет важное значение для демократического процесса²⁹⁴. В результате разрешение правительству ограничивать дипфейки входит в противоречие с теорией, лежащей в основе Первой поправки.

²⁷⁹ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 6–8 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁸⁰ См. там же.

²⁸¹ См. там же, at 6.

²⁸² Там же, at 7.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же, at 6.

²⁸⁵ Там же, at 7–8.

²⁸⁶ Там же, at 8; см., например, Susan B. Anthony List v. Driehaus, 814 F.3d 466, 473–74 (6th Cir. 2016).

²⁸⁷ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 7–8 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom); см., например, Driehaus, 814 F.3d at 473–74.

²⁸⁸ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 7, 14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁸⁹ Chemerinsky, выше прим. 95, at 468.

²⁹⁰ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1803 («Поэтому суды периодически пресекают попытки запретить ложные высказывания, связанные с выборами. Появление дипфейков не изменит эту ситуацию» (цитирование опущено)); см. также Tashman, выше прим. 220, at 1412 («Даже если бы эта ситуация представляла серьезный государственный интерес, суду все равно пришлось бы оценивать, было ли обоснование достаточно убедительным, чтобы оправдать довольно значительные ограничения... свободы слова»).

²⁹¹ Brown v. Hartlage, 456 U.S. 45, 60 (1982).

²⁹² См. Tashman, выше прим. 220, at 1411 («Судя по этому прецеденту, регулирование измененных материалов, которые составляют избирателей делать «опрометчивый выбор», не решит насущных задач государства»).

²⁹³ United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 718 (2012) (мнение большинства).

²⁹⁴ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 3 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom); см. также Brown, выше прим. 228, at 34–35.

Таким образом, противники законопроекта утверждают, что он является неконституционным, поскольку ограничивает политическую свободу слова. Они заявляют, что предлагаемый запрет не затрагивает значимых государственных интересов, оправдывающих ограничение свободы слова²⁹⁵. Регулирование дипфейков в этом контексте препятствует возможности граждан участвовать в открытых дебатах²⁹⁶. Поэтому, как утверждают оппоненты, регулирование дипфейков нарушает Первую поправку.

3. Предлагаемый запрет не является узконаправленным

По словам Ари Кона, даже если государство сможет продемонстрировать значительную заинтересованность в поддержке законопроекта, вряд ли он будет достаточно узконаправленным, чтобы выдержать строгую проверку на конституционность²⁹⁷. Любое регулирование, направленное против дипфейков в политической рекламе, скорее всего, будет подвергнуто строгой проверке и должно быть достаточно узконаправленным²⁹⁸. Оно не должно быть чрезмерно или недостаточно всеобъемлющим, и государство должно продемонстрировать, что ограничение свободы слова «действительно необходимо» для достижения значимых интересов²⁹⁹. Предлагаемый запрет, утверждает Кон, не удовлетворяет этим требованиям³⁰⁰.

В своем докладе в Сенате Кон утверждал, что Закон о защите выборов от ИИ-фейков является как недостаточно, так и чрезмерно всеобъемлющим³⁰¹. Он недостаточно всеобъемлющ, потому что нацелен только на вводящие в заблуждение материалы, созданные с помощью ИИ³⁰². По словам Кона, поскольку запрет не затрагивает иные вводящие в заблуждение материалы, он не способен адекватно устранить ущерб, наносимый избирателям³⁰³. Критики этого законопроекта заявляют, что если вред для избирателей от использования ложных материалов составляет значимый государственный интерес, то в эту категорию следует включить и другие фальсифицированные материалы, не связанные с искусственным интеллектом³⁰⁴. Они утверждают, что использование более простых технологий для создания материалов наносит такой же ущерб демократии, как и использование ИИ³⁰⁵. Поэтому, если законодательство направлено на защиту избирателей, оно должно охватывать все материалы в политической рекламе, вводящие в заблуждение³⁰⁶.

Критики также утверждают, что запрет слишком широк и затронет значимые политические выступления³⁰⁷. В своем докладе³⁰⁸ Кон раскритиковал законопроект за его излишнюю широту в том смысле, что он запрещает всем лицам сознательно распространять ложные материалы, созданные с помощью ИИ, среди любой аудитории, в том числе среди членов семьи и друзей³⁰⁹. Кроме того, по его мнению, законопроект не имеет

²⁹⁵ См. выше прим. 291–93 и соответствующий текст.

²⁹⁶ См. выше прим. 294–95 и соответствующий текст.

²⁹⁷ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 7–8, 16–18 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

²⁹⁸ Там же; см. также Tashman, выше прим. 220, at 1409.

²⁹⁹ См. выше прим. 101–05 и соответствующий текст.

³⁰⁰ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 16–18 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

³⁰¹ Там же, at 16–18.

³⁰² Там же, at 18.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же; см. также AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 6 (заранее подготовленное заявление от лица Neil Chilson, Senior Research Fellow at The Center for Growth and Opportunity at Utah State University) («Если сторонники законопроекта действительно обеспокоены ложными политическими выступлениями кандидатов, то почему они ограничиваются инструментами искусственного интеллекта?»).

³⁰⁵ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 18 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom) («Ложные материалы, созданные вручную, затрагивают интересы государства не сопоставимым, а тем же самым образом»).

³⁰⁶ См. там же.

³⁰⁷ См. там же, at 16–17; см. также Feeney, выше прим. 257, at 11.

³⁰⁸ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 16–17 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

³⁰⁹ Там же.

ограничений по срокам; его применение начинается, когда лицо объявляет о выдвижении своей кандидатуры³¹⁰. Поэтому предлагаемый запрет является чрезмерно широким в аспекте применения.

Противники регулирования дипфейков утверждают, что трудно разработать достаточно узконаправленный закон, который мог бы выдержать строгую проверку на конституционность³¹¹. Хотя предлагаемый закон может быть направлен на удовлетворение насущных интересов государства, Первая поправка требует, чтобы применяемое ограничение было необходимым для достижения этих интересов и предотвращения ущерба³¹². При этом противники законопроекта ссылаются на недавнее решение Апелляционного суда штата Техас³¹³.

В мае 2023 г. Апелляционный суд штата Техас отменил закон штата, который устанавливал уголовную ответственность за создание и распространение дипфейков в политической рекламе³¹⁴. Суд признал, что затронуты значимые интересы государства³¹⁵, однако закон не являлся достаточно узконаправленным³¹⁶. В решении говорилось, что, когда на карту поставлены ценности свободы слова, обоснование закона должно быть более весомым, чем предположение о причинении вреда³¹⁷. Суд постановил, что, с точки зрения Первой поправки, одних только соображений здравого смысла недостаточно, чтобы оправдать ограничение свободы слова³¹⁸. Таким образом, закон не являлся наименее ограничительным средством для предотвращения ущерба, поскольку существующие законодательные акты касались искажения информации в предвыборных сообщениях³¹⁹. Согласно решению суда, такая мера, как публикация опровержений, будет в меньшей степени ограничивать свободу слова³²⁰.

Противники регулирования дипфейков приводят доводы по делу *Stafford* и утверждают, что в таком регулировании нет необходимости³²¹. Несмотря на определенные риски, они считают, что дипфейки до сих пор не оказывали существенного влияния на выборы³²². Кроме того, трудно доказать, что фальсифицированная реклама повлияла на выборы³²³. По их мнению, существуют менее ограничительные альтернативы, которые могут достичь цели государства. Например, предлагают использовать раскрытие информации для указания на то, что реклама была создана с использованием технологии искусственного интеллекта или что она не отражает реальных событий³²⁴. Другая возможная мера – повышение цифровой грамотности населения³²⁵. Наконец, предлагается обязать кандидатов воздерживаться от использования ИИ с целью ввести в заблуждение избирателей³²⁶. В конечном счете критики приходят к выводу, что государство не сможет показать, что запрет носит достаточно узкий характер.

³¹⁰ Там же, at 17.

³¹¹ См. *Brown*, выше прим. 228, at 45–46; см. также *Tashman*, выше прим. 220, at 1412–16 (делается вывод, что закон штата Калифорния о дипфейках не является узконаправленным).

³¹² *Chemerinsky*, выше прим. 95, at 591.

³¹³ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 8–9 (заранее подготовленное заявление от лица *Ari Cohn, Counsel, TechFreedom*); см. также *Ex parte Stafford*, 667 S.W.3d 517, 525–26 (Tex. Ct. App. 2023).

³¹⁴ *Ex parte Stafford*, 667 S.W.3d at 532.

³¹⁵ Там же, at 525 («Продвижение честного дискурса и предотвращение дезинформации на политической арене являются насущными государственными интересами»).

³¹⁶ Там же, at 525–26.

³¹⁷ Там же, at 526.

³¹⁸ Там же, at 528.

³¹⁹ Там же, at 527 (цитируются действующее законодательство, например, *Tex. Elec. Code Ann. § 255.005 (West 2023)* (искажение информации о кандидатах на политических выборах), *Tex. Penal Code Ann. § 33.07 (West 2011)* (воплощение образа в Сети), and *Tex. Civ. Prac. & Rem. Code Ann. § 73.0001 (West 2023)* (деликтные иски штатов о ложных высказываниях)).

³²⁰ Там же, at 528.

³²¹ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 8–9 (заранее подготовленное заявление от лица *Ari Cohn, Counsel, TechFreedom*); см. также *Immerwahr*, выше прим. 223.

³²² *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 8–9 (заранее подготовленное заявление от лица *Ari Cohn, Counsel, TechFreedom*).

³²³ Там же, at 15 («В целом также неясно, влияют ли... [сгенерированные ИИ дипфейки] на убеждения и окончательные решения избирателей при голосовании»).

³²⁴ См. *Sunstein*, выше прим. 22, at 421 («Лучший ответ на угрозу дипфейков – это раскрытие информации, а не цензура»); см. также *Weiner & Norden*, выше прим. 91.

³²⁵ См. *Koperniak, St.* (2022, Feb. 17). *Fostering Media Literacy in the Age of Deepfakes*, MIT News, <https://news.mit.edu/2022/fostering-media-literacy-age-deepfakes-0217> [<https://perma.cc/C2NK-BYTW>].

³²⁶ См. *Fowler, G. A.* (2023, Oct. 26). *Candidates, Take This AI Election Pledge. Or 2024 Might Break Us*. *Wash. Post*, <https://www.washingtonpost.com/technology/2023/10/26/ai-election-2024-deepfake-pledge/> [<https://perma.cc/RTG5-EZRB>].

4. Недоверие к правительству при применении запрета вне политического контекста

В своей аргументации противники данного законопроекта ссылаются также на негативную теорию, или теорию о недоверии к государству в отношении нейтральности регулирования³²⁷. Они утверждают, что регулирование дипфейков сопряжено с риском манипуляций со стороны государственных органов³²⁸. Применение такого законодательства может привести к цензуре, что потенциально нанесет больший ущерб демократии, чем сами фейки³²⁹. Это вызывает особую обеспокоенность, когда речь идет о менее материальном вреде³³⁰. Законопроект направлен на запрет распространения дипфейков с целью «повлиять на выборы» или «собрать денежные средства»³³¹. Когда трудно установить намерения создателя дипфейка, более вероятен риск предвзятости при правоприменении³³².

Судья Брейера в деле *Alvarez* признал трудности, связанные с регулированием ложных политических высказываний³³³. По его словам, существует риск того, что государство будет избирательно применять закон к лицам, позицию которых оно не одобряет³³⁴. При обсуждении проекта закона, ограничивающего политические ложные высказывания в соответствии с требованиями Первой поправки, судья Брейер признал, что такие высказывания могут нанести вред путем изменения поведения избирателей³³⁵. Однако он отметил, что борьба с этим вредом не должна приводить к введению цензуры³³⁶.

Исходя из этой аргументации, критика предлагаемого запрета заключается в том, что он не в состоянии адекватно сбалансировать этот вред. Риск цензуры и предвзятого судебного преследования особенно актуален, когда речь идет о политических выступлениях³³⁷. Как утверждают противники предлагаемого законопроекта, хотя он способен ограничить некоторые вредные дипфейки, что он одновременно создаст дополнительные угрозы для демократии, в частности, возможное введение цензуры³³⁸. В результате противники законопроекта опираются на положения негативной теории, чтобы доказать, что он противоречит Конституции.

В. Предлагаемый запрет не противоречит Первой поправке к Конституции

В этом разделе рассматриваются аргументы в пользу федерального запрета на использование дипфейков федеральных кандидатов в политической рекламе. В части II.B.1 мы поясняем, что предлагаемый запрет не направлен исключительно на «фальсификацию» и может пройти проверку на конституционность в соответствии с аргументацией по делу *Alvarez*. В части II.B.2 мы покажем, почему дипфейки представляют собой угрозу для избирателей и демократии, что оправдывает ограничение свободы слова в политической сфере. В части II.B.3 показано, что законодательство достаточно узконаправленно, чтобы выдержать строгую проверку на конституционность. В части II.B.4 мы утверждаем, что узкая направленность данного закона позволяет избежать рисков предвзятого правоприменения.

³²⁷ Во время слушаний в Сенате по проблемам ИИ и выборов сенатор-республиканец Билл Хагерти заявил, что он не доверяет президенту Байдену и Конгрессу в вопросе установления баланса между опасностью от дипфейков и ограничениями свободы слова. Fischler, выше прим. 279.

³²⁸ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1790; *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 723 (2012) (мнение большинства) (отмечается, что регулирование ложных высказываний может наделить правительство «широкими цензурными полномочиями»).

³²⁹ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1790.

³³⁰ См. (Marshall, 2004) (выражается сомнение в том, в какой степени ложные предвыборные выступления на самом деле наносят вред избирателям).

³³¹ Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

³³² См. Marshall, выше прим. 331, at 299.

³³³ См. *Alvarez*, 567 U.S. at 737–38 (Breyer, J., согласие).

³³⁴ См. там же.

³³⁵ Там же, at 738.

³³⁶ Там же.

³³⁷ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1789–90; выше часть II.A.2.

³³⁸ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 18 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom) (утверждается, что предлагаемый запрет «предоставляет оружие, с помощью которого можно заставить замолчать критиков или оппонентов»).

1. Не только «ложная информация»: запрет не противоречит решению по делу Alvarez

Сторонники обсуждаемого закона утверждают, что его можно признать конституционным в соответствии с Первой поправкой, хотя он и ограничивает распространение ложной информации³³⁹. Они подчеркивают, что нормы в сфере политических выступлений не могут быть направлены на борьбу с дипфейками, основываясь только на их содержании³⁴⁰. По их мнению, вред от дипфейка скорее связан с категорией ложной информации, которые регулируются Первой поправкой³⁴¹. Хотя вводящие в заблуждение материалы в политической рекламе, как правило, не запрещены, вред от дипфейков, созданных с помощью искусственного интеллекта, носит иной характер из-за их реалистичности и отсутствия проверяемых исходных материалов³⁴². Кроме того, политические дипфейки подрывают принципы рынка идей, поскольку не позволяют избирателям оценить источник и достоверность высказываний³⁴³. Сторонники законодательных мер утверждают, что узконаправленный закон снизит опасения по поводу расширения полномочий государства по ограничению ложных высказываний³⁴⁴. Иными словами, они утверждают, что законопроект соответствует Первой поправке.

Исходя из аргументации по делу Alvarez, прямой запрет фальсификаций вряд ли пройдет конституционную проверку³⁴⁵. Однако, когда фальсификации кандидатов в федеральные органы власти наносят «юридически подсудный вред» конкретным лицам, они могут регулироваться в рамках Конституции³⁴⁶. Фальсифицированная политическая реклама манипулирует избирателями, заставляя их поверить, что кандидат сделал или сказал что-то, чего на самом деле не было, и голосовать на основе этого ложного убеждения. Таким образом, сторонники регулирования утверждают, что указанный закон направлен против нанесения такого же типа вреда, как и другие виды ложной информации, которые суд в решении по делу Alvarez признал конституционно регулируемыми³⁴⁷.

Сторонники принятия закона утверждают, что дипфейки наносят избирателям и демократии такой же неконкретный вред, какой выдача себя за государственного чиновника наносит деятельности правительства³⁴⁸. В решении по делу Alvarez Верховный суд указал, что ложные высказывания, как и выдача себя за другое лицо, наносят ущерб в виде снижения доверия к правительству и его функционированию, поэтому их запрет оправдан³⁴⁹. Политические дипфейки также вредят демократическому процессу, поскольку мешают вовлечению избирателей в процесс голосования³⁵⁰. Способность граждан принимать обоснованные решения в отношении кандидатов на государственные должности имеет важное значение для демократии³⁵¹. Фальсификации препятствуют осуществлению этого права, предусмотренного Конституцией, поскольку такие материалы обманывают избирателей, заставляя их полагаться на неподтверждаемые фальсифицированные материалы при голосовании³⁵². Таким образом, вред для избирателей и демократии, хотя и более размытый, аналогичен вреду от ложной информации, что регулируется Конституцией³⁵³. Аргументация Верховного суда при

³³⁹ См. Press Release, выше прим. 74; см. также Green, выше прим. 21, at 1483–84.

³⁴⁰ См. Green, выше прим. 21, at 1483–84; см. также Blitz, выше прим. 231, at 169–71.

³⁴¹ См. Blitz, выше прим. 231, at 170, 219–20.

³⁴² См. Green, выше прим. 21, at 1452.

³⁴³ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1791; см. также (Norton, 2018).

³⁴⁴ См. Green, выше прим. 21, at 1483; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 529.

³⁴⁵ Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1790.

³⁴⁶ См. Green, выше прим. 21, at 1483, 1486 («Это предусматривает узкий подход, которого требовал суд в деле Alvarez: необходимо доказать конкретный ущерб, причиненный определенным жертвам, или конкретный ущерб в результате вмешательства в функционирование государственного ведомства»).

³⁴⁷ Там же; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 514–16 (отмечается сходство между вредом от дипфейков и вредом от диффамации и мошенничества).

³⁴⁸ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1791–92; см. также Green, выше прим. 21, at 1485.

³⁴⁹ См. Alvarez, 567 U.S. at 721.

³⁵⁰ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1777–79.

³⁵¹ См. Buckley v. Valeo, 424 U.S. 1, 14–15 (1976) («При республиканской форме правления и суверенности граждан способность последних делать осознанный выбор среди политических кандидатов имеет важное значение...»).

³⁵² См. Wilkerson, L. (2021). Still Waters Run Deep(fakes): The Rising Concerns of "Deepfake" Technology and Its Influence on Democracy and the First Amendment. Mo. L. Rev., 86, 407, 410.

³⁵³ См. выше прим. 347–48 и соответствующий текст.

установлении ответственности за диффамацию аналогична определению конституционности регулирования фальсификаций. В деле *Sullivan* Верховный суд постановил, что дискредитирующие высказывания могут быть ограничены, если они делаются с «реальным умыслом» и наносят ущерб репутации или финансовому положению государственного служащего³⁵⁴. Как и в случае с диффамацией, обсуждаемый запрет направлен на заведомую ложь³⁵⁵. Однако в отличие от диффамации гораздо проще установить, осведомлен ли создатель дипфейка о том, что информация ложная³⁵⁶. Чтобы создать дипфейк с помощью искусственного интеллекта, субъект должен предпринять ряд действий, генерируя поддельное изображение, видео- или аудиозапись с помощью компьютера³⁵⁷.

Согласно этой аргументации и логике решения по делу *Sullivan*³⁵⁸, законопроект является конституционным. Когда заведомая ложь наносит значительный ущерб важным государственным интересам, то она может регулироваться, не нарушая Первой поправки³⁵⁹. Дипфейки в политической рекламе федеральных кандидатов являются заведомой ложью, которая наносит ущерб насущным интересам государства по защите избирателей и демократии³⁶⁰. Таким образом, дипфейки относятся скорее к категории ложной информации, которая не защищается Конституцией и судебными решениями, чем к категории «ложных высказываний», которая была защищена как проявление свободы слова решением Верховного суда по делу *Alvarez*³⁶¹.

Сторонники законодательства о подделках также утверждают, что подделки являются формой мошенничества, которые должны регулироваться Конституцией³⁶². Комментаторы отмечают, что существует разница между регулированием ложной информации в целом и мошенничества³⁶³. Ложная информация – это то, что не соответствует действительности, тогда как мошенничество – это преднамеренный обман другого лица с целью получения чего-либо ценного³⁶⁴. Дипфейки в политической рекламе выглядят реалистичными, хотя это не так³⁶⁵. В результате они действуют как форма мошенничества с избирателями, потому что сообщаются обманным путем и имеют целью получить преимущество³⁶⁶. Более того, дипфейки, созданные с помощью искусственного интеллекта, более разрушительны для демократического процесса, чем обычная фальсификация предвыборной кампании. Это происходит по следующим причинам.

Хотя фальсифицированные и ложные материалы не являются чем-то новым для политической гонки, сторонники борьбы с дипфейками утверждают, что они создают новые проблемы. Использование манипулируемых материалов в рекламе – обычное дело для предвыборных кампаний. Например, в 2020 г. в рамках кампании Байдена была опубликована реклама против бывшего президента Трампа, в которой фрагменты речи Трампа были отредактированы так, чтобы создать впечатление, что Трамп назвал COVID-19 «выдумкой»³⁶⁷. В ролике были объединены небольшие фрагменты выступлений Трампа, отредактированные, чтобы создать

³⁵⁴ См. *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254, 279–80 (1964).

³⁵⁵ См. *Ice*, выше прим. 241, at 433–34.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ См. *Redish & Pereyra*, выше прим. 135, at 467–68.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ См. *Sunstein*, выше прим. 22, at 419–21.

³⁶¹ Там же; см. также *Green*, выше прим. 21, at 1481; *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719 (2012) (мнение большинства).

³⁶² См. *Green*, выше прим. 21, at 1448; см. также *Weissman, R., & Holman, C.* (2023, Oct. 11). *Petition for Rulemaking to Clarify That the Law Against "Fraudulent Misrepresentation" (52 U.S.C. § 30124) Applies to "Deepfakes" in Campaign Communications 3 (FEC)*, <https://sers.fec.gov/fosers/showpdf.htm?docid=423835> [<https://perma.cc/TF6G-4R8U>] («Дипфейк представляет собой мошенничество, потому что изображаемый в нем кандидат... не говорил и не делал того, что изображено... и потому что целью дипфейка является обман общественности»).

³⁶³ См. *Green*, выше прим. 21, at 1448; см. также *Weissman & Holman*, выше прим. 363, at 3.

³⁶⁴ См. выше часть I.C.4.b.

³⁶⁵ См. *Green*, выше прим. 21, at 1448.

³⁶⁶ См. *Wes Henricksen*, *Disinformation and the First Amendment: Fraud on the Public*, 96 *St. John's L. Rev.* 543, 556 (2022).

³⁶⁷ *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 3 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

ложное впечатление³⁶⁸. Аналогичным образом, в 2020 г. предвыборный штаб Трампа опубликовал рекламу с фейковым образом президента Байдена³⁶⁹. С фотографии были убраны микрофон и деревья, чтобы казалось, что Байден прячется в подвале³⁷⁰.

Однако сторонники регулирования отмечают, что дипфейки, созданные с использованием искусственного интеллекта, наносят вред иного характера, чем типичные манипулятивные методы³⁷¹. Во-первых, не существует подлинных изображений, видео- или аудиозаписей, которые могли бы подтвердить или опровергнуть подделку³⁷². Ранее избиратели могли ознакомиться с контекстом выступления Трампа или с фотографиями Байдена, чтобы определить, происходили ли эти события на самом деле. Однако в случае с дипфейками нет способа подтвердить подлинность информации³⁷³. Во-вторых, ранее подделки не достигали того уровня реализма, которого достигли дипфейки³⁷⁴. Таким образом, дипфейки, созданные с использованием искусственного интеллекта, «свидетельствуют сами за себя», поскольку их реалистичность обеспечивает большую достоверность, чем другие способы вербального или визуального представления информации³⁷⁵.

Рассматривая законодательство, ограничивающее распространение ложной информации, Верховный суд, как правило, выступает за использование опровержений, а не запретов³⁷⁶. Исходя из принципов рынка идей, ложная информация может приносить пользу, стимулируя общественные дебаты и поиски истины³⁷⁷. Однако некоторые ученые считают, что рынок идей не работает, когда общественность не в состоянии оценить обоснованность заявлений выступающего³⁷⁸. Таким образом, необходимость регулирования дипфейков в политической сфере согласуется с теорией о том, что Первая поправка способствует содержательности политических дебатов³⁷⁹. По мнению сторонников такого регулирования, законодательство должно гарантировать, что на рынок идей поступают только «правдивые заявления», тем самым обеспечивая его функционирование³⁸⁰.

Предполагается, что ограничение дипфейков не приведет к чрезмерному регулированию ложных высказываний³⁸¹. Дело в том, что узконаправленный запрет на конкретный вред от дипфейков не противоречит решению по делу Alvarez³⁸². Таким образом, опасения по поводу чрезмерного контроля правительства за ложными высказываниями являются необоснованными, учитывая ограниченную область применения предлагаемого запрета и его узкую специализацию³⁸³. По мнению сторонников законопроекта, он не приведет к государственной цензуре политических выступлений.

³⁶⁸ Kelly, M. (2020, Mar. 13). Biden Ad Manipulates Video to Slam Trump. Wash. Post, <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/13/biden-ad-manipulates-video-slam-trump/> [<https://perma.cc/XWT3-Z6C9>].

³⁶⁹ Dale, D., & Kaczynski, A. (2020, Aug. 5). Fact Check: Trump Ad Edits Out Microphone and Trees From Biden Photo to Make Him Seem Alone in Basement. CNN. <https://www.cnn.com/2020/08/05/politics/fact-check-trump-ad-biden-basement-delaware-photos-iowa/index.html> [<https://perma.cc/X5KF-TPBP>].

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Sunstein, выше прим. 22, at 422; см. также Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1757.

³⁷² См. Green, выше прим. 21, at 1452.

³⁷³ Sunstein, выше прим. 22, at 422.

³⁷⁴ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1756.

³⁷⁵ Sunstein, выше прим. 22, at 422.

³⁷⁶ См., например, Whitney v. California, 274 U.S. 357, 377 (1927); United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 726-27 (2012) (мнение большинства); Citizens United v. FEC, 558 U.S. 310, 361 (2010).

³⁷⁷ См. выше часть I.C.2.b; см. также Alvarez, 567 U.S. at 733 (Breyer, J., согласие).

³⁷⁸ См. Green, выше прим. 21, at 1459–60; см. также Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1778.

³⁷⁹ Green, выше прим. 21, at 1457–59.

³⁸⁰ См. там же, at 1485.

³⁸¹ См. Pesetski, выше прим. 52, at 529 («Однако узкий подход к запрету дипфейков фактически ограничил бы контроль правительства над ложными высказываниями»).

³⁸² См. там же.

³⁸³ См. там же; ниже часть II.B.3.

Также утверждают, что, хотя дипфейки являются ложными высказываниями, предлагаемые законодательные меры не направлены на их ограничение только по этому признаку³⁸⁴. Напротив, в законопроекте говорится о нанесении уникального «юридически подсудного вреда», который политические фейки наносят избирателям и демократии³⁸⁵. В частности, законопроект направлен на выявление мошеннической природы ИИ-фейков, поскольку они обманывают избирателей, заставляя их действовать, полагаясь на фальсифицированные материалы³⁸⁶. Поэтому сторонники этой идеи считают, что запрет на использование в политической рекламе фейков, созданных с помощью ИИ, является конституционным.

2. Оправданное ограничение политических выступлений

По утверждению сторонников данного закона, он соответствует Конституции, несмотря на то, что ограничивает политические высказывания. Верховный суд указал, что высказывание не подпадает под защиту автоматически, если носит политический характер³⁸⁷. Если затронуты серьезные государственные интересы и законодательный акт является узкоспециализированным, то Верховный суд может поддержать закон, направленный против свободы политических высказываний³⁸⁸. Сторонники регулирования политических фальсификаций утверждают, что защита избирательного процесса от искажений, создаваемых такими фальшивками, является насущным интересом государства³⁸⁹. В отсутствие регулирования фейки подрывают ценности самоуправления, препятствуя вовлечению избирателей в процесс голосования³⁹⁰. Таким образом, сторонники законопроекта утверждают, что, хотя законопроект направлен против политических выступлений, он соответствует Конституции.

Верховный суд отметил, что правительство крайне заинтересовано в обеспечении честности выборов³⁹¹ и стабильности политической системы³⁹². Когда законодательство нацелено на политическую риторику в избирательном процессе, например, для защиты избирателей от мошенничества или неправомерного влияния, оно может быть поддержано судом³⁹³. Однако предлагаемый запрет направлен на ограничение самих предвыборных выступлений или их содержания, следовательно, менее обоснован с точки зрения конституционности³⁹⁴.

После решения по делу Alvarez Верховный суд несколько раз отвергал ссылки на законы о ложных политических выступлениях³⁹⁵. Однако некоторые суды низшей инстанции отметили, что эти законы убедительно доказывают заинтересованность государства в ограничении ложных политических высказываний³⁹⁶. А именно такая заинтересованность проявляется в стремлении защитить избирателей от дезинформации и сохранить

³⁸⁴ См. выше прим. 341 и соответствующий текст.

³⁸⁵ См. *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719 (2012) (мнение большинства).

³⁸⁶ См. *Green*, выше прим. 21, at 1448.

³⁸⁷ См. *Garrison v. Louisiana*, 379 U.S. 64, 75 (1964) («То, что выступление используется в качестве инструмента достижения политических целей, не означает, что оно автоматически попадает под защиту Конституции. Ибо использование заведомой лжи изначально противоречит принципам демократического правления и правильным способам осуществления экономических, социальных или политических изменений»).

³⁸⁸ См. выше прим. 140, 155 и соответствующий текст.

³⁸⁹ См. *Hasen, R. L.* (2020). *Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a "Post-truth" World*. *St. Louis U. L.J.*, 64, 535; см. также *Pesetski*, выше прим. 52, at 531.

³⁹⁰ *Chesney & Citron*, выше прим. 12, at 1791.

³⁹¹ См. *Burson v. Freeman*, 504 U.S. 191, 199 (1992).

³⁹² См. *Eu v. S.F. Cnty. Democratic Cent. Comm.*, 489 U.S. 214, 226 (1989).

³⁹³ См. выше прим. 144–49 и соответствующий текст.

³⁹⁴ См. *AI and the Future of Our Elections*, выше прим. 141, at 14 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom); см. также выше прим. 150–54 и соответствующий текст.

³⁹⁵ См., например, *Susan B. Anthony List v. Driehaus*, 814 F.3d 466, 475–76 (6th Cir. 2016); *281 Care Comm. v. Arneson*, 766 F.3d 774, 789 (8th Cir. 2014); *Commonwealth v. Lucas*, 34 N.E.3d 1242, 1257 (Mass. 2015).

³⁹⁶ См. *Susan B. Anthony List*, 814 F.3d at 473–74; *281 Care Comm.*, 766 F.3d at 78687; *Ex parte Stafford*, 667 S.W.3d 517, 525 (Tex. Ct. App. 2023).

принцип целостности выборного процесса³⁹⁷. Однако эти законы были признаны неконституционными, поскольку не являлись узкоспециализированными³⁹⁸.

Следуя этой логике, государство заинтересовано в борьбе с дипфейками, что оправдывает ограничение политических высказываний³⁹⁹. Верховный суд постановил, что в сферу серьезных интересов государства не входит риск того, что избиратель сделает необдуманный выбор, как это утверждали представители некоторых штатов. Однако сторонники регулирования утверждают, что угроза дипфейков более существенна, чем риск такого необдуманного выбора⁴⁰⁰. Дипфейки в политической рекламе служат для намеренного распространения ложных сведений о кандидатах, при этом подлинность сведений нелегко или вовсе невозможно проверить⁴⁰¹. Опасность фальсификаций заключается в том, что они заставляют граждан терять веру в лидеров партий, руководителей страны и политику в целом⁴⁰². Фальсификации заставляют избирателей подвергать сомнению все, что говорит кандидат и чему они не были свидетелями лично⁴⁰³. Это угрожает самому демократическому процессу, поэтому запрет дипфейков в этом контексте является насущным интересом государства⁴⁰⁴.

Кроме того, ученые высказывают мнение, что регулирование фальсификаций больше соответствует теории самоуправления в соответствии с Первой поправкой, чем отсутствие регулирования⁴⁰⁵. Так, декан Роберт М. Чесни и профессор Даниэль К. Цитрон отмечают, что фальсификации не способствуют продвижению демократических ценностей⁴⁰⁶. Напротив, ложная информация лишает избирателя возможности оценить достоверность политических выступлений⁴⁰⁷. Если избиратель не может подтвердить подлинность материалов, изображающих кандидата, он не может участвовать в политическом процессе, что противоречит Первой поправке⁴⁰⁸. Более того, фальсификации «лишают демократический процесс легитимности и представительности»⁴⁰⁹. Таким образом, сторонники законодательства о фальсификациях подчеркивают, что неспособность ограничить фальсификации нанесет ущерб избирателям и подорвет самоуправление⁴¹⁰.

Инициаторы законопроекта показали, что ограничение политической рекламы, в которой используются дипфейки, необходимо из-за ее воздействия на демократию⁴¹¹. Хотя при этом свобода политических выступлений будет ограничена, они утверждают, что законопроект отражает настоятельную заинтересованность в защите избирателей и выборного процесса, поскольку обеспечивает точность информации, которая может повлиять на голосование⁴¹². Исходя из этого, сторонники законопроекта утверждают, что он не нарушает Первую поправку.

³⁹⁷ См. *Susan B. Anthony List*, 814 F.3d at 473–74 (отмечена настоятельная заинтересованность государства в сохранении честности выборов и защите избирателей от неправомерного влияния); *281 Care Comm.*, 766 F.3d at 786–87 (отмечена настоятельная заинтересованность государства в сохранении честности выборов и предотвращении мошенничества по отношению к избирателям); *Ex parte Stafford*, 667 S.W.3d at 525 (отмечено, что поощрение честного диалога и предотвращение дезинформации на выборах чрезвычайно важны).

³⁹⁸ См. *Susan B. Anthony List*, 814 F.3d at 474 («Но законы штата Огайо не отвечают второму требованию: они узко направлены на защиту целостности выборов в штате Огайо»); *281 Care Comm.*, 766 F.3d at 789 («По этой причине, в частности, данное ограничение не является узконаправленным и необходимым»); *Ex parte Stafford*, 667 S.W.3d at 521 («Мы приходим к выводу, что... ограничения на свободу слова не являются узконаправленными и не отвечают насущным интересам государства»).

³⁹⁹ См. выше прим. 390 и соответствующий текст.

⁴⁰⁰ См. выше прим. 390 и соответствующий текст.

⁴⁰¹ См. *Green*, выше прим. 21, at 1452.

⁴⁰² См. там же, at 1460–61.

⁴⁰³ См. там же, at 1461.

⁴⁰⁴ См. там же; см. также *Redish & Pereyra*, выше прим. 135, at 454.

⁴⁰⁵ См. *Pesetski*, выше прим. 52, at 511–12 (отмечается, что в случае дипфейков нельзя применить обоснование свободы слова в рамках Первой поправки, основанное на принципе самоуправления); см. также *Green*, выше прим. 21, at 1457–60 (поясняется, как дипфейки подрывают принципы самоуправления и независимости избирателей).

⁴⁰⁶ См. *Chesney & Citron*, выше прим. 12, at 1777–78.

⁴⁰⁷ См. там же.

⁴⁰⁸ *Green*, выше прим. 21, at 1457–58.

⁴⁰⁹ См. *Lieffring, St.* (2013). *First Amendment and the Right to Lie: Regulating Knowingly False Campaign Speech After United States v. Alvarez*. *Minn. L. Rev.*, 97, 1047.

⁴¹⁰ См. *Pesetski*, выше прим. 52, at 511–12; см. также *Green*, выше прим. 21, at 1457–60.

⁴¹¹ См. *Press Release*, выше прим. 74.

⁴¹² См. *Green*, выше прим. 21, at 1461; выше прим. 390 и соответствующий текст.

3. Предлагаемый запрет является узконаправленным

Законодатели, внесшие законопроект, утверждают, что он соответствует Конституции⁴¹³. Во-первых, предлагаемый запрет нацелен на узкую часть предвыборных выступлений, а именно на дипфейки, созданные с помощью искусственного интеллекта и использованные в политической рекламе кандидатов в федеральные органы власти⁴¹⁴. Во-вторых, законопроект содержит достаточные гарантии, чтобы не быть ни чрезмерно широким, ни слишком узконаправленным⁴¹⁵. Наконец, необходимость ограничить угрозу распространения дипфейков не вызывает сомнений⁴¹⁶.

Сторонники этого запрета утверждают, что он носит достаточно узкий характер. Чтобы закон выдержал проверку на конституционность, он должен быть нацелен на ограниченную часть предвыборных выступлений⁴¹⁷. В данном случае предлагается запретить использование дипфейков, изображающих кандидатов на политические должности, при этом указанные материалы должны быть ложными по существу и созданными с помощью искусственного интеллекта с целью оказать влияние на выборы или получить денежные средства⁴¹⁸. Таким образом, узкая направленность этого закона гарантирует, что он не будет чрезмерно широко или неконституционно ограничивать использование ложной информации в политической рекламе⁴¹⁹.

Далее, в предлагаемом законе требование необходимости вины направлено на то, чтобы закон не посягал на свободу слова, гарантированную Первой поправкой⁴²⁰. Законопроект включает требование об осведомленности субъекта о том, что распространяемые материалы являются фальсифицированными; это аналогично требованию наличия злого умысла при диффамации⁴²¹. Другое обязательное условие – распространение дипфейка с целью повлиять на выборы или получить денежные средства⁴²². Сторонники законопроекта утверждают, что равноуровневое требование необходимости вины обеспечивает достаточные гарантии, позволяющие избежать чрезмерного или недостаточного охвата⁴²³. Таким образом, он адекватно уравнивает вред, который дипфейки наносят избирателям, при этом поддерживая ценность свободы выражения мнений⁴²⁴.

Наконец, сторонники Закона о защите выборов от ИИ-фейков заявляют, что он необходим, так как менее ограничительные альтернативы недостаточны⁴²⁵. По утверждению сторонников предлагаемого запрета, он гарантирует, что наиболее вредные подделки в сфере политической рекламы будут запрещены и не смогут

⁴¹³ См. Press Release, выше прим. 74.

⁴¹⁴ См. там же.

⁴¹⁵ См. Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. (2024); см. также Green, выше прим. 21, at 1486 (отмечается, что «закон, узконаправленный против фальсифицированных высказываний, подготовленных и распространяемых с осознанным намерением ввести избирателей в заблуждение и сорвать выборы, должен выдержать проверку на конституционность с точки зрения Первой поправки»); O'Donnell, выше прим. 53, at 724 («закон, запрещающий сознательное распространение вредоносных подделок... вполне возможно, выдержит проверку на конституционность с точки зрения Первой поправки»).

⁴¹⁶ См. Green, выше прим. 21, at 1486 (подчеркивается, что «вред, [который законодательство] стремится предотвратить, угрожает самому существованию демократии»).

⁴¹⁷ См. Green, выше прим. 21, at 1486; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 514, 517.

⁴¹⁸ См. S. 2770, § 2.

⁴¹⁹ См. Green, выше прим. 21, at 1486; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 514, 517.

⁴²⁰ См. Green, выше прим. 21, at 1486.

⁴²¹ См. S. 2770, § 2; cf. N.Y. Times Co. v. Sullivan, 376 U.S. 254, 279-80 (1964).

⁴²² См. S. 2770, § 2.

⁴²³ См. выше прим. 416 и соответствующий текст; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 518 (утверждается, что закон штата Калифорния об использовании дипфейков в предвыборных кампаниях способен выдержать проверку на соответствие Первой поправке, так как он устанавливает, что субъект должен знать о ложности дипфейка и иметь намерение ввести избирателей в заблуждение).

⁴²⁴ См. Green, выше прим. 21, at 1469; см. также Pesetski, выше прим. 52, at 518 (заявляется, что закон штата Калифорния об использовании дипфейков в предвыборных кампаниях, вероятно, выдержит проверку на соответствие Первой поправке, так как он не ограничивает политические высказывания, а нацелен на распространение вредоносных дипфейков).

⁴²⁵ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 8 (заранее подготовленное заявление от лица Trevor Potter, президента компании Campaign Legal Center); см. также Weiner & Norden, выше прим. 91 (отмечены преимущества прямого запрета дипфейков перед раскрытием информации).

влиять на избирателей⁴²⁶. Подчеркивается, что альтернативы, менее ограничивающие свободу слова, такие как раскрытие информации, не способны устранить ущерб от дипфейков⁴²⁷. Так, считается, что режим раскрытия информации о фальсифицированной политической рекламе сопряжен с риском дальнейших манипуляций, включая удаление информации о таком раскрытии информации⁴²⁸. Такие меры, как программы повышения медиаграмотности, предвыборные обещания и использование опровержений, также не решают проблему дипфейков в политической рекламе. Сторонники предлагаемого запрета подчеркивают, что эти меры не в состоянии уменьшить вред для избирателей, поскольку они не препятствуют распространению вводящей в заблуждение рекламы⁴²⁹.

Итак, сторонники предлагаемого запрета утверждают, что он узкоспециализирован, поскольку нацелен на ограниченную часть предвыборных выступлений⁴³⁰. Кроме того, они утверждают, что запрет необходим, поскольку менее строгие методы не учитывают всех последствий для избирателей и демократии⁴³¹. Также сторонники Закона о защите выборов от ИИ-фейков утверждают, что он выдержит проверку на конституционность.

4. Гарантии для смягчения рисков, связанных с партийной пристрастностью при правоприменении

Сторонники Закона о защите выборов от ИИ-фейков считают, что он обеспечивает достаточные гарантии для защиты граждан от возможных негативных последствий, таких как введение государственной цензуры. Профессор Ребекка Грин показала, что закон, ограничивающий вводящие в заблуждение политические высказывания, может снизить вероятность злоупотреблений со стороны партий⁴³². Она предлагает принять закон, ограничивающий «фальсификацию предвыборных выступлений»⁴³³. Специалист утверждает, что партийные мотивы вызывают меньше проблем, когда закон оценивает не лживость, а намерения выступающего⁴³⁴. Ее оценка конституционности этого более широкого запрета позволяет судить, сможет ли Закон о защите выборов от ИИ-фейков выдержать аналогичную проверку на соответствие Конституции.

Поэтому, применяя логику профессора Грин к данному законопроекту, юристы, вероятно, будут утверждать, что риск партийной направленности и введения цензуры снизится. Предлагаемый закон не требует оценки истинности содержания, а лишь оценки того, распространяется ли материал, вводящий в заблуждение, сознательно с целью повлиять на выборы или получить денежные средства⁴³⁵. Более того, сторонники регулирования дипфейков утверждают, что риск злоупотреблений со стороны сторонних организаций не оправдывает неспособность регулировать вред, угрожающий демократии⁴³⁶. Таким образом, сторонники предлагаемого запрета заявляют, что он соответствует Первой поправке к Конституции и обеспечивает адекватную защиту от злоупотреблений по партийным мотивам.

⁴²⁶ См. AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 8 (заранее подготовленное заявление от лица Trevor Potter, президента компании Campaign Legal Center) («Запрет в наибольшей степени целесообразен в отношении самых вредоносных форм мошенничества и манипуляций с использованием ИИ»).

⁴²⁷ См. Weiner & Norden, выше прим. 91.

⁴²⁸ См. там же.

⁴²⁹ См. выше прим. 426–29 и соответствующий текст.

⁴³⁰ См. выше прим. 418–20 и соответствующий текст.

⁴³¹ См. выше прим. 426–29 и соответствующий текст.

⁴³² См. Green, выше прим. 21, at 1483–86.

⁴³³ Профессор Грин обсуждает федеральный запрет «ложных выступлений в рамках предвыборных кампаний», определяя их как «ситуации, когда личность, действия, слова или образ кандидата намеренно фальсифицируются для введения избирателей в заблуждение и нарушения демократического процесса». Там же, at 1450. Предложение профессора Грин охватывает дипфейки и другие виды сфабрикованных высказываний в рамках предвыборных кампаний. См. там же, at 1447.

⁴³⁴ См. Green, выше прим. 21, at 1483; см. также Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

⁴³⁵ См. с. 2770.

⁴³⁶ См. Green, выше прим. 21, at 1486.

III. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ЗАПРЕТ КОНСТИТУЦИОННЫМ?: УЗКОНАПРАВЛЕННОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИ ПОДСУДНОГО ВРЕДА

В части III.B показано, что Закон о защите выборов от ИИ-фейков соответствует Первой поправке к Конституции. В части III.B сделан вывод, что ограничительные меры в области свободы слова не в состоянии устранить вред, который наносит политическая реклама кандидатов федерального уровня. В части III.C предлагаются изменения в указанный законопроект, направленные на сужение сферы его применения и уменьшение рисков предвзятости при правоприменении.

А. Предлагаемый запрет является конституционным

Решение по делу Alvarez не было единогласным относительно того, может ли закон, ограничивающий ложные политические высказывания, регулироваться Конституцией⁴³⁷. Очевидно, что огульный запрет фальсификаций в политических выступлениях противоречит Конституции⁴³⁸. Однако доктрина Первой поправки оставляет место для узко сформулированного законодательства, направленного против ложных политических высказываний, которые причиняют «юридически подсудный вред» конкретным лицам⁴³⁹.

В конечном счете Закон о защите выборов от ИИ-фейков является конституционным. Он успешно применяется к узкому кругу высказываний, а именно к вводящим в заблуждение изображениям, видео- и аудиозаписям в политической рекламе федерального уровня, созданным с использованием искусственного интеллекта⁴⁴⁰. Этот закон не устанавливает широкого запрета на ложную политическую рекламу. Вместо этого он нацелен на конкретный вред дипфейков, наносимый избирателям и демократии в целом⁴⁴¹. В результате этот запрет вписывается в исключение, изложенное в решении по делу Alvarez, поскольку запрещает созданные с помощью ИИ дипфейки, которые ложно и сознательно изображают кандидатов с намерением повлиять на выборы или получить денежные средства⁴⁴².

Дипфейки в политической рекламе представляют собой уникальную проблему, поскольку одновременно существуют регулирование и отсутствие регулирования рисков нанесения вреда демократии⁴⁴³. Чтобы уравновесить оба риска, законодательство должно продвигать ценности Первой поправки, но не отменяя ограничений в свободе слова⁴⁴⁴. Тот факт, что дипфейки в политической рекламе относятся к политическому дискурсу, который в иных случаях строго защищен, не является оправданием для отказа от регулирования. Напротив, вред, который политические дипфейки наносят нашему политическому процессу, оправдывает их запрет, несмотря на угрозы для свободы слова, относящиеся к сфере действия Первой поправки⁴⁴⁵.

Поскольку государство заинтересовано в защите избирателей от неправомерного влияния или мошенничества, а также в поддержании стабильности политической системы, Верховный суд разрешает регулирование политических высказываний⁴⁴⁶. Необходимость борьбы с фальсификациями – это нечто большее, чем интерес государства; она тесно связана с основным принципом Первой поправки – обеспечить информирование избирателей⁴⁴⁷. Если избиратели не способны отличить ложь от реальности, они не смогут полноценно участвовать в общественных дебатах⁴⁴⁸.

⁴³⁷ См. выше прим. 174–77 и соответствующий текст; см. также выше прим. 346–48 и соответствующий текст.

⁴³⁸ См. выше прим. 250–56 и соответствующий текст.

⁴³⁹ См. выше прим. 346–48 и соответствующий текст; см. также выше прим. 416 и соответствующий текст.

⁴⁴⁰ См. выше прим. 418–20 и соответствующий текст.

⁴⁴¹ См. выше прим. 360–62 и соответствующий текст.

⁴⁴² См. выше прим. 347–48 и соответствующий текст.

⁴⁴³ См. Redish & Pereyra, выше прим. 135, at 468 (обсуждается вред от регулирования и отсутствия регулирования мошеннических политических выступлений).

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ См. выше прим. 183, 404–05 и соответствующий текст.

⁴⁴⁶ См. выше прим. 392–93 и соответствующий текст.

⁴⁴⁷ См. выше прим. 352 и соответствующий текст.

⁴⁴⁸ См. выше прим. 406–11 и соответствующий текст.

Предлагаемый запрет носит узкоспециализированный характер и необходим для ограничения вреда, наносимого дипфейками. Он не является ни чрезмерно всеобъемлющим, ни недостаточным и обеспечивает адекватные гарантии, позволяющие избежать посягательств на свободу слова⁴⁴⁹. Представляются неубедительными аргументы оппонентов о том, что законодательство недостаточно всеобъемлющее, потому что оно не распространяется на все фальсифицированные медиа⁴⁵⁰. Если бы законопроект распространялся на все фальсифицированные медиа, его, скорее всего, отклонили бы за чрезмерную широту, поскольку его цель – ограничить «только ложные материалы»⁴⁵¹. Хотя другие фальсифицированные медиа также могут вводить избирателей в заблуждение, дипфейки, созданные с помощью искусственного интеллекта, представляют собой новую и более разрушительную угрозу демократии⁴⁵².

Аналогичным образом, неверен аргумент оппонентов о том, что предлагаемый запрет является чрезмерно всеобъемлющим⁴⁵³. Требования законодательства к осведомленности субъекта и намеренности деяния гарантируют, что возможности государства по регулированию ложной информации не будут расширены⁴⁵⁴. Чтобы привлечь субъекта к ответственности, нужно доказать, что он распространял материал с целью «повлиять на выборы» или «собрать денежные средства»⁴⁵⁵. При отсутствии такого намерения предусмотренные законодательством санкции не применяются⁴⁵⁶. Как и в деле *Sullivan*, требования осведомленности субъекта о том, что публикуемая информация ложная, достаточно, чтобы гарантировать свободу слова⁴⁵⁷.

Однако требование о намерениях субъекта является ошибочным, поскольку в нем отсутствует конкретика, необходимая для прохождения проверки на конституционность. Чрезвычайно трудно доказать, что создатель дипфейка намеревался повлиять на исход выборов. Кроме того, запрет не предусматривает сроков действия закона; он вступает в силу, как только гражданин выдвигает свою кандидатуру⁴⁵⁸. В части III.C рассматриваются возможные изменения, которые помогут установить более четкие требования относительно намерений субъекта и сроков действия предлагаемого закона⁴⁵⁹.

Использование фальсификаций в политической рекламе возникло совсем недавно и, по-видимому, еще не повлияло на выборы⁴⁶⁰, однако регулирование уже насущно необходимо⁴⁶¹. Общественность должна пользоваться всеми способами, включая проверку фактов, добавление контекста и опровержения сфабрикованных медиа, если это поможет противостоять лжи⁴⁶². Однако в случае дипфейков, созданных ИИ, альтернативных решений с минимумом ограничений недостаточно для снижения вреда от подделок⁴⁶³. В части III.B объясняется, почему другие предлагаемые решения являются неадекватными.

Отсутствие федерального регулирования в данной области может привести к массовым сбоям в ходе предстоящих выборов. Например, в ходе кампаний или комитетами политических действий могут незадолго до выборов создаваться дипфейки, показывающие, что оппонент выбывает из гонки и поддерживает другого кандидата⁴⁶⁴. В другом варианте дипфейк может изображать оппонента, занимающего жесткую позицию по

⁴⁴⁹ См. выше часть II.B.3.

⁴⁵⁰ См. выше прим. 303–07 и соответствующий текст.

⁴⁵¹ См. выше часть I.C.3.b; см. также выше прим. 160 и соответствующий текст.

⁴⁵² См. выше часть I.C.3.b; см. также выше прим. 160 и соответствующий текст.

⁴⁵³ См. выше прим. 308–11 и соответствующий текст.

⁴⁵⁴ См. выше прим. 422–25 и соответствующий текст.

⁴⁵⁵ Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

⁴⁵⁶ См. там же.

⁴⁵⁷ См. *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254, 271–72 (1964).

⁴⁵⁸ См. выше прим. 311 и соответствующий текст.

⁴⁵⁹ См. ниже часть III.C.

⁴⁶⁰ См. выше прим. 323 и соответствующий текст.

⁴⁶¹ См. выше прим. 426–30 и соответствующий текст.

⁴⁶² См. выше прим. 265–67 и соответствующий текст.

⁴⁶³ См. выше прим. 426–30 и соответствующий текст.

⁴⁶⁴ См. Cuciu, P. (2023, Sept. 2). There Is Now a Deep Fake Video of Ron DeSantis Dropping Out of the 2024 Race. *Forbes*, <https://www.forbes.com/sites/petersuciu/2023/09/02/there-is-now-a-deep-fake-video-of-ron-desantis-dropping-out-of-the-2024-race/> [https://perma.cc/95VU-6FDW] (обсуждается фейковое видео, в котором изображалось, как Рон ДеСантис отказывается от участия в президентских выборах 2024 г.).

спорному вопросу, например, контролю за оборотом оружия или абортам. Более того, в отсутствие ограниченных хитроумные политики могут использовать ПМА для таргетинга на избирателей, которые более склонны верить в реальность дипфейков⁴⁶⁵. При этом избиратели будут полагаться на информацию, содержащуюся в рекламе, что, в свою очередь, повлияет на их решения при голосовании⁴⁶⁶. Таким образом, последствия этой гипотетической подделки могут изменить результат выборов, и их не следует упускать из виду.

Наконец, справедливы опасения оппонентов относительно способности правительства осуществлять нейтральное регулирование⁴⁶⁷. Пристрастное принуждение является важным фактором, особенно когда речь идет о регулировании ложных политических высказываний⁴⁶⁸. Законодательство смягчает этот вред, оценивая намерения создателя дипфейка, а не истинность содержания⁴⁶⁹, однако законодателям следует рассмотреть и другие меры. В части III.C мы покажем, что передача функций правоприменения нейтральному государственному органу могла бы развеять опасения по поводу цензуры государства⁴⁷⁰.

В. Менее ограничительные меры являются неэффективными

Противники предлагаемого запрета считают, что в нем «на самом деле нет необходимости»⁴⁷¹. Они утверждают, что если государство может достичь своих целей менее жесткими способами, оно должно использовать эти пути, а не регулировать выступления кандидатов из-за их содержания⁴⁷². Однако решения, менее сомнительные с точки зрения конституционности, не защитят избирателей и демократию от дипфейков в политической рекламе.

В деле *Alvarez* Верховный суд постановил, что закон противоречит конституции, поскольку в нем были положения о запрете высказываний, направленные на уменьшение вреда от лжи о наличии воинских наград⁴⁷³. В своем решении суд упомянул, что опровержения успешно противодействуют ложным высказываниям⁴⁷⁴. Однако их недостаточно, чтобы противостоять дипфейкам, поскольку представление о том, что правдивые высказывания могут противодействовать ложным, является ошибочным⁴⁷⁵. Кроме того, при этом не учитываются сложности, которые технология искусственного интеллекта привносит на рынок идей.

Представление о том, что на рынке идей преобладает истина, в эпоху цифровых технологий нереалистично⁴⁷⁶. Возможно, когда-то с ложными высказываниями успешно боролись с помощью опровержений⁴⁷⁷. Однако многие ученые, такие как профессора Блиц и Касс Р. Санстайн, утверждают, что в наше время концепция рынка идей уже не актуальна⁴⁷⁸. Во-первых, технология искусственного интеллекта усложняет работу рынка идей и снижает эффективность опровержений⁴⁷⁹. Когда проверка подлинности затруднена и даже невозможна, опровержения не выполняют свою функцию, поскольку избиратели не могут определить, какое выступление является подлинным, не говоря уже о его правдивости⁴⁸⁰. Во-вторых, появление компьютерных ботов привело к тому, что ложные утверждения кажутся широко распространенными, хотя на самом деле они масштаби-

⁴⁶⁵ См. выше прим. 13–16 и соответствующий текст.

⁴⁶⁶ Gordon, B., Lovett, M. J., Luo, B., & Reeder, J. (2021, Nov. 1). How Much Do Campaign Ads Matter? Kellogg Insight, <https://insight.kellogg.northwestern.edu/article/how-much-do-campaign-ads-matter> [<https://perma.cc/A3YP-RBNX>].

⁴⁶⁷ См. выше прим. 328–33 и соответствующий текст.

⁴⁶⁸ См. выше части I.C.2.c, II.A.4.

⁴⁶⁹ См. выше прим. 434–36 и соответствующий текст.

⁴⁷⁰ См. ниже часть III.C.

⁴⁷¹ См. выше прим. 322–27 и соответствующий текст.

⁴⁷² См. выше прим. 105 и соответствующий текст.

⁴⁷³ См. выше прим. 166 и соответствующий текст.

⁴⁷⁴ См. выше прим. 166 и соответствующий текст.

⁴⁷⁵ См. выше прим. 379–81 и соответствующий текст.

⁴⁷⁶ См. Blitz, выше прим. 231, at 223–24.

⁴⁷⁷ См. там же.

⁴⁷⁸ См. там же; см. также Sunstein, выше прим. 22, at 393.

⁴⁷⁹ См. Green, выше прим. 21, at 1484 n.237 («Если проверка подлинности информации затруднена или невозможна, то опровержения неэффективны»).

⁴⁸⁰ См. там же.

руются и распространяются с помощью алгоритмов, а не людей⁴⁸¹. Соответственно, то, что кажется правдой благодаря широкому распространению, не соответствует действительности и продвигается искусственно⁴⁸². Таким образом, опровержение не может уменьшить влияние, которое дипфейк оказывает на избирателя.

Для борьбы с фальсификациями обычно предлагают ввести требование о раскрытии информации как альтернативную меру с меньшими ограничениями⁴⁸³. Среди других мер, предложенных и принятых на уровне штатов, Конгресса и ведомств, – введение требования о раскрытии информации о том, что тот или иной политический материал был создан ИИ⁴⁸⁴. Такая мера ставит вопрос о конституционности вынужденного высказывания⁴⁸⁵, но она также не помогает справиться с опасностью дипфейков.

Комментаторы отмечают, что раскрытие информации оказывается бесполезным, если злоумышленники могут изменить дезинформацию и снова распространить ее⁴⁸⁶. Более того, переполненность рынка раскрытием информации защищает тех, кто создает рекламу с злонамеренными мотивами⁴⁸⁷. Например, раскрытие информации в виде простого текста может создать ложное представление о том, что реклама без таких надписей не является ложной⁴⁸⁸. В результате создатели дипфейка, намеревающиеся обмануть избирателей или повлиять на выборы, могут не включить текст раскрытия информации и причинить дополнительный вред⁴⁸⁹. Также нет гарантии, что избиратели заметят этот текст или поймут, о чем идет речь⁴⁹⁰. Даже если реклама сопровождается раскрытием информации, избиратели все равно могут соответствующим образом изменить свое поведение, поскольку кандидат говорит или делает что-то, с чем они не согласны. Таким образом, раскрытие информации неэффективно с точки зрения уменьшения вреда от дипфейков в политической рекламе.

Аналогичным образом, бесполезно требовать от кампаний или партий соблюдения обязательства воздерживаться от использования технологий искусственного интеллекта. В отсутствие каких-либо мер принуждения или ответственности у них нет стимулов соблюдать это обещание⁴⁹¹. Кроме того, требование о том, чтобы кандидатом или в ходе кампании давалось такое обещание, не коснется недобросовестных участников, таких как *PAC* и *super PAC*, которые не связаны напрямую с кампаниями и не несут этических обязательств⁴⁹². Эти организации могут прибегать к более сомнительной с этической точки зрения тактике, поскольку они подвергаются меньшему надзору, чем кандидат, кампания или партия⁴⁹³. Следовательно, обещание не использовать дипфейки, созданные ИИ, будет неэффективным.

Наконец, неадекватным решением будет и требование повышения медиаграмотности населения. В случае более примитивных медиа, таких как «дешевые фейки», это могло бы помочь гражданам отличить подделку

⁴⁸¹ См. Blitz, выше прим. 231, at 223–24.

⁴⁸² См. там же.

⁴⁸³ См. выше прим. 325 и соответствующий текст.

⁴⁸⁴ См. выше прим. 47, 50, 67, 70–71, 89 и соответствующий текст.

⁴⁸⁵ Положение Первой поправки о свободе слова применяется в случаях, когда государство ограничивает публичные выступления или вынуждает гражданина сообщать информацию против его желания, например, в случае требования раскрывать информацию в рекламном сообщении. См. (Greene, 2018).

⁴⁸⁶ См. Brown, L. (2023, May 24). Law Prof: Deepfakes Bill May Avoid 1st Amendment Issues. Minn. Law., <https://minnlawyer.com/2023/05/24/law-prof-deepfakes-bill-may-avoid-1st-amendment-issues/> [<https://perma.cc/8GYM-RYWV>]; см. также Weiner & Norden, выше прим. 91.

⁴⁸⁷ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 19–20 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

⁴⁸⁸ Cizek, K., & Anlen, Sh. (2023, May 5). The Thorny Art of Deepfake Labeling. Wired, <https://www.wired.com/story/the-thorny-art-of-deepfake-labeling/> [<https://perma.cc/UW59-D5HQ>].

⁴⁸⁹ AI and the Future of Our Elections, выше прим. 141, at 19–20 (заранее подготовленное заявление от лица Ari Cohn, Counsel, TechFreedom).

⁴⁹⁰ Weiner & Norden, выше прим. 91.

⁴⁹¹ См. Manzi, выше прим. 269, at 2642.

⁴⁹² См. Lau, T. (2019, Dec. 12). Citizens United Explained. Brennan Ctr. for Just. <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/citizens-united-explained> [<https://perma.cc/4RLP-MZVK>] (объясняется, как решение по делу Citizens United v. Federal Election Commission, 558 U.S. 310 (2010) позволило обычным и специальным комитетам политических действий обойти существующие правила).

⁴⁹³ См. там же.

от правды. Однако дипфейки достигли беспрецедентного уровня реализма⁴⁹⁴. Определить, является ли видео реальным или сфабрикованным, становится все сложнее даже для тех, кто хорошо разбирается в технологиях⁴⁹⁵. Кроме того, учитывая быстрое развитие технологий искусственного интеллекта, методы определения того, является ли видео или изображение подделкой, вскоре устареют⁴⁹⁶. Поэтому в тех случаях, когда дипфейки особенно опасны (например, когда они касаются федеральных выборов или их трудно распознать), их запрет необходим⁴⁹⁷.

С. Рекомендуемые поправки к Закону о защите выборов от ИИ-фейков

Хотя предлагаемый законопроект является конституционным в нынешнем виде, его способность противостоять ограничениям Первой поправки можно усилить, внося еще три условия. Чтобы более четко обозначить вред, следует изменить формулировку целей и временных рамок законопроекта. Во-первых, необходимо более конкретно сформулировать условие, что физическое лицо действует с целью «повлиять на выборы или получить денежные средства»⁴⁹⁸. Во-вторых, запрет должен быть ограничен определенным периодом до выборов, чтобы сузить сферу его применения и сосредоточить внимание на наиболее вредоносной рекламе⁴⁹⁹. Наконец, следует рассмотреть возможность правоприменения независимым органом, таким как FEC; это устранил риски предвзятости.

Сложно доказать, что деяние имело цель «повлиять на выборы»⁵⁰⁰. Вместо этого закон должен отражать, на каких злоумышленников он нацелен. Он должен содержать условия преднамеренности действий, как, например, недавно принятый Закон о фальсификации выборов штата Мичиган⁵⁰¹. Согласно ему, субъект должен иметь намерение с помощью распространения фейка (1) «нанести ущерб репутации или электоральным перспективам кандидата» и (2) изменить поведение избирателей при голосовании, «заставив их ошибочно полагать, что изображенный человек произносит речь или ведет себя так, как изображено»⁵⁰². Условие распространения дипфейка с целью «повлиять на выборы» является слишком расплывчатым, и его трудно доказать. Вместо этого предлагаемый запрет должен подчеркивать намеренный обман избирателей, чтобы связать ответственность с конкретным ущербом.

Во-вторых, в законопроекте не указаны сроки, в течение которых он применяется⁵⁰³. Необходимо добавить ограничение по времени, чтобы сузить сферу его применения. В деле *Citizens United v. Federal Election Commission*⁵⁰⁴ Верховный суд поддержал требование раскрывать информацию о независимых расходах и предвыборных выступлениях⁵⁰⁵. Это предполагает установление разрешительных ограничений, основанных на сроках предвыборных выступлений в контексте финансирования предвыборной кампании⁵⁰⁶. Решение Верховного суда устанавливает регулирование «предвыборных выступлений» в течение 30 дней после пер-

⁴⁹⁴ См. Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1759.

⁴⁹⁵ См. Harwell, D. (2019, June 12). Top AI Researchers Race to Detect 'Deepfake' Videos: 'We Are Outgunned'. Wash. Post. <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/06/12/top-ai-researchers-race-detect-deepfake-videos-we-are-outgunned/> [https://perma.cc/NNM3-326K].

⁴⁹⁶ См. там же.

⁴⁹⁷ См. выше прим. 426–27 и соответствующий текст.

⁴⁹⁸ См. Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

⁴⁹⁹ См. Weiner & Norden, выше прим. 91 (утверждается, что широкие ограничения использования дипфейков должны относиться только к определенным периодам перед выборами).

⁵⁰⁰ См. S. 2770, § 2.

⁵⁰¹ См. выше прим. 47 и соответствующий текст.

⁵⁰² См. выше прим. 47 и соответствующий текст.

⁵⁰³ См. S. 2770.

⁵⁰⁴ 558 U.S. 310 (2010).

⁵⁰⁵ Это решение отменило положение Закона о реформировании двухпартийных кампаний (Bipartisan Campaign Reform Act, BCRA), которое запрещало корпорациям использовать свои средства для поддержки кандидата или финансирования предвыборной кампании. Там же, at 365–66. Однако Верховный суд поддержал положение указанного закона об использовании дисклеймеров и раскрытии информации, поскольку они являются «менее ограничительной альтернативой по сравнению с более сложным регулированием публичных высказываний». Там же, at 369.

⁵⁰⁶ Там же, at 367–71.

вичных выборов и 60 дней до всеобщих выборов⁵⁰⁷. Дипфейковая реклама наносит наибольший вред, когда не остается времени для ее маркировки как ложной и удаления⁵⁰⁸. Таким образом, ограничение запрета определенным периодом до выборов, как это предусмотрено в большинстве предлагаемых федеральных законов и законов штатов, сузит сферу применения законопроекта и повысит вероятность его принятия⁵⁰⁹. Принимая во внимание временные ограничения, установленные в других предлагаемых и принятых законодательных актах, Закон о защите выборов от ИИ-фейков должен вступать в силу за 60 дней до первичных выборов или за 90 дней до всеобщих выборов. Это гарантирует, что он затронет наиболее вредоносную рекламу и не будет недопустимо ограничивать свободу слова.

В-третьих, важно учесть негативные аргументы относительно судебной предвзятости. Законопроект позволяет кандидатам, изображенным с помощью дипфейка, добиваться в федеральном суде судебного запрета или денежной компенсации в отношении создателей и распространителей дипфейков⁵¹⁰. Предлагаемый запрет мог бы реализовываться независимым государственным учреждением, не связанным с какой-либо партией, а не структурами, политически подотчетными президенту⁵¹¹.

Так, федеральным агентством, осуществляющим юрисдикцию в отношении фальсификаций в контексте выборов, могла бы стать *FEC*⁵¹². Однако не все так просто⁵¹³. Во-первых, в настоящее время юрисдикция *FEC* ограничена, что сужает ее возможности по регулированию в этой сфере⁵¹⁴. Комиссия в основном уделяет внимание повышению прозрачности в отношении спонсорства и финансирования политической рекламы путем раскрытия информации⁵¹⁵. Во-вторых, специалисты выражают обеспокоенность по поводу дисфункции и неэффективности *FEC* в привлечении правонарушителей к ответственности⁵¹⁶. Тем не менее правоприменение через *FEC* заслуживает рассмотрения, учитывая риски ангажированности при регулировании ложных политических высказываний.

Специалисты в области регулирования дипфейков предлагают ввести денежные штрафы или право на удаление политической рекламы через независимое государственное учреждение, чтобы ограничительные меры были более нейтральными⁵¹⁷. Недавние усилия регуляторов были направлены на расширение юрисдикции *FEC* для регулирования фальсификаций в политической рекламе⁵¹⁸. Однако это позволяет создателю дипфейка избежать ответственности через раскрытие информации. Как уже упоминалось, раскрытие информации не является адекватным решением проблемы фальсификаций в рекламе на федеральном уровне⁵¹⁹. Поскольку эти вредоносные подделки в любом случае необходимо запрещать, следует уменьшить негативные последствия запретов, такие как политизация правоприменения. Таким образом, законодатели должны решить, следует ли *FEC* ввести предлагаемый запрет, чтобы уменьшить риски предвзятости.

⁵⁰⁷ Там же, at 337, 367–71.

⁵⁰⁸ (Langa, 2021). («Ограничение по времени не мешает творческому самовыражению с помощью технологий дипфейка, но обладает узкой направленностью на случаи, когда дипфейки способны причинить наибольший вред»).

⁵⁰⁹ См. выше прим. 48–49, 47, 58, 73 и соответствующий текст.

⁵¹⁰ См. Protect Elections from Deceptive AI Act, S. 2770, 118th Cong. § 2 (2024).

⁵¹¹ Sunstein, выше прим. 22, at 418.

⁵¹² Chesney & Citron, выше прим. 12, at 1807–08.

⁵¹³ См. там же.

⁵¹⁴ См. там же, at 1807.

⁵¹⁵ Чтобы *FEC* могла регулировать дипфейки, может потребоваться принять законодательство, расширяющее юрисдикцию *FEC* согласно 52 U.S.C. § 30106(b)(1). См. O'Donnell, выше прим. 53, at 724 n. 226.

⁵¹⁶ См. Skaggs, A. (2011, Dec. 2). A Call to Abolish the FEC, Brennan Ctr. for Just., <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/call-abolish-fec> [<https://perma.cc/2W36-33CT>].

⁵¹⁷ См. Sunstein, выше прим. 22, at 418.

⁵¹⁸ См. выше часть I.B.2.

⁵¹⁹ См. выше часть III.B.

Заключение

Дипфейки в политической рекламе федерального уровня представляют серьезную угрозу для избирателей и демократии. Закон о защите выборов от ИИ-фейков не противоречит Конституции, несмотря на положения Первой поправки о защите от ложной информации и политических высказываний. Предлагаемый запрет вписывается в рамки исключения в отношении регулирования ложных высказываний, которые причиняют «юридически подсудный вред» конкретным пострадавшим, как в деле *Alvarez*. Кроме того, хотя речь идет о политическом дискурсе, государство заинтересовано в ограничении фальсификаций в целом для обеспечения безопасности выборов. Необходимо запретить политическую рекламу федерального уровня, содержащую дипфейки. Кроме того, законопроект узкоспециализирован и служит для устранения вреда от таких дипфейков. Таким образом, Закон о защите выборов от ИИ-фейков является конституционным, поскольку предлагает узкоспециализированное решение для устранения нового вида ущерба и успешно борется с угрозами для демократии и свободы слова. Рекомендуемые изменения и предложения позволяют этому закону выдерживать строгую проверку на конституционность и снимают риск предвзятости при правоприменении.

Список литературы / References

- Blitz, M. J. (2018). Lies, Line Drawing, and (Deep) Fake News. *Okla. L. Rev.*, 72, 59.
- Chesney, B., & Citron, D. (2019). Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. *Calif. L. Rev.*, 107, 1753.
- Dobber, T., Metoui, N., Trilling, D., Helberger, N., & De Vreese, C. (2021). Do (Microtargeted) Deepfakes Have Real Effects on Political Attitudes? *INT' L J. of Press/Pol.*, 26, 69.
- Doss, Ch., Mondschein, J., Shu, D., Wolfson, T., Kopecky, D., Fitton-Kane, V. A., Bush, L., & Tucker, C. (2023). Sci. Reps., Deepfakes and Scientific Knowledge Dissemination. *Scientific Reports*, 13, Article 13429. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-39944-3>
- Green, R. (2019). Counterfeit Campaign Speech. *Hastings L.J.*, 70, 1445.
- Greene, A. S. (2018). "Not in My Name" Claims of Constitutional Right. *B.U. L. Rev.*, 98, 1475.
- Langa, J. (2021). Deepfakes, Real Consequences: Crafting Legislation to Combat Threats Posed by Deepfakes. *B.U. L. Rev.*, 101, 761.
- Lee, W. E. (1993). The First Amendment Doctrine of Underbreadth. *Wash. U. L.Q.*, 71, 637.
- Loewenstein, S. (2024). Make America Fake Again?: Banning Deepfakes of Federal Candidates in Political Advertisements Under the First Amendment. *Fordham Law Review*, 93(1), 273–320.
- Marshall, W. P. (2004). False Campaign Speech and the First Amendment. *U. Pa. L. Rev.*, 153, 285.
- Norton, H. (2018). (At Least) Thirteen Ways of Looking at Election Lies. *Okla. L. Rev.*, 71, 117.
- O'Donnell, N. (2021). Have We No Decency?: Section 230 and the Liability of Social Media Companies for Deepfake Videos. *U. Ill. L. Rev.*, 701, 717.
- Pesetski, A. (2020). Deepfakes: A New Content Category for a Digital Age. *Wm. & Mary Bill Rts. J.*, 29, 503.
- Redish, M. H., & Pereyra, J. (2020). Resolving the First Amendment's Civil War: Political Fraud & the Democratic Goals of Free Expression. *Ariz. L. Rev.*, 62, 451.
- Sunstein, C. R. (2020). Falsehoods and the First Amendment. *Harv. J.L. & Tech.*, 33, 387.
- Zenor, J. (2016). A Reckless Disregard for Truth?: The Constitutional Right to Lie in Politics. *Campbell L. Rev.*, 38, 41.

* X (бывш. Twitter) – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 10.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 28.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 28.04.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ / INTERDISCIPLINARY ARTICLES

Редактор рубрики Р. А. Григорьев / Rubric editor R. A. Grigoryev

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.675-695>

УДК / UDC 004.8:303:338.24.01

JEL: C00, D8

С. Г. Збрищак¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Когнитивное моделирование: теоретические основы, методы, ограничения

Збрищак Светлана Георгиевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры моделирования и системного анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: SGZbrischak@fa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3121-6229>
Scopus Author ID: 57219552715
Web of Science Researcher ID: AAR-4641-2020
eLIBRARY SPIN-код: 9529-8920

Аннотация

Цель: проведение обзора области когнитивно-интеллектуального моделирования и области визуализации знаний для выявления нерешенных задач, проблем и рисков.

Методы: обзор области когнитивного моделирования, которая рассматривается как совокупность методов для внешнего отображения когнитивных структур и когнитивных процессов человека в виде формальных или слабо формализованных когнитивных карт. Описаны некоторые проблемы, риски и когнитивные искажения, возникающие при концептуализации знаний и влияющие на достоверность, качество, чтение и понимание когнитивных моделей.

Результаты: показана связь когнитивного моделирования с концепциями слабо структурированных проблем и трудноразрешимых проблем, которые описывают класс сложных ситуаций реального мира. Кратко описаны пять категорий методов когнитивного моделирования и способы построения коллективных когнитивных карт. Определена взаимосвязь областей когнитивного моделирования и управления знаниями в части концептуализации знаний. Обобщены некоторые риски визуализации знаний, среди которых чрезмерная уверенность в надежности и достоверности визуализации; неоднозначные интерпретации из-за множества неявных значений; зависимость от предыдущего опыта и визуальной грамотности пользователя. Обозначены нерешенные вопросы достоверности, качества, чтения и понимания когнитивных моделей. Выявлен методический разрыв при переходе от слабо формализованной когнитивной карты к формальной когнитивной карте. Отмечен дефицит обзорных работ, где систематизируются и осмысливаются результаты, опыт и знания в области когнитивного моделирования.

Научная новизна: проведенный обзор области когнитивного моделирования позволил поставить и обосновать исследовательскую задачу по интеграции методов когнитивного моделирования и методов визуализации знаний для снижения рисков, возникающих вследствие когнитивных искажений при интеллектуальной деятельности человека.

Практическая значимость: обозначенные сопутствующие любому процессу когнитивно-интеллектуального моделирования риски когнитивного искажения должны приниматься во внимание как модельерами, так и пользователями. Устранить полностью эти риски невозможно, но до некоторой приемлемой степени их можно снизить посредством совместного применения методов когнитивного моделирования и методов визуализации знаний.

Ключевые слова:

когнитивный подход, когнитивное моделирование, когнитивная модель, когнитивная карта, методы когнитивного моделирования, слабо структурированная ситуация, знания, концептуальная схема, визуализация знаний, управление знаниями

Финансирование

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Збрищак, С. Г. (2025). Когнитивное моделирование: теоретические основы, методы, ограничения. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 675–695. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.675-695>

Scientific article

S. G. Zbrishchak¹

¹ Finance University under the Russian Government, Moscow, Russia

Cognitive modeling: theoretical bases, methods, limitations

Svetlana G. Zbrishchak, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Modeling and System Analysis, Finance University under the Russian Government

E-mail: SGZbrishchak@fa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3121-6229>

Scopus Author ID: 57219552715

Web of Science Researcher ID: AAR-4641-2020

eLIBRARY SPIN-code: 9529-8920

Abstract

Objective: to review the field of cognitive-intelligent modeling and the field of knowledge visualization to identify unresolved issues, challenges and risks.

Methods: an overview of the field of cognitive modeling, which is viewed as a set of methods for the external representation of human cognitive structures and processes in the form of formal or ill-formalized cognitive maps. Some of the problems, risks, and cognitive distortions are described that arise in the conceptualization of knowledge and affect the validity, quality, reading, and understanding of cognitive models.

Results: the author shows the relationship of cognitive modeling with the concepts of ill-structured problems and wicked problems that describe a class of complex real-world situations. Five categories of cognitive modeling methods and ways of constructing collective cognitive maps were briefly described. The interrelation of cognitive modeling and knowledge management in terms of knowledge conceptualization were determined. Some risks of knowledge visualization were summarized, including excessive confidence in the visualization reliability; ambiguous interpretations due to multiple implicit meanings; dependence on the user's previous experience and visual literacy. Unresolved issues of reliability, quality, reading, and understanding of cognitive models were outlined. A methodological gap was identified in the transition from an ill-formalized to a formal cognitive map. A shortage of review papers was marked to systematize and comprehend the results, experience and knowledge in the field of cognitive modeling.

Scientific novelty: the conducted review of the field of cognitive modeling allowed setting and justifying the research task of integrating cognitive modeling methods and knowledge visualization methods to reduce the risks arising from cognitive distortions in human intellectual activity.

Practical significance: the risks of cognitive distortion associated with any process of cognitive-intellectual modeling should be taken into account by both modelers and users. It is impossible to eliminate these risks completely, but they can be reduced to an acceptable extent through the combined use of cognitive modeling and knowledge visualization methods.

Keywords:

cognitive approach, cognitive modeling, cognitive model, cognitive map, cognitive modeling methods, ill-structured situation, knowledge, conceptual scheme, knowledge visualization, knowledge management

Financial Support

The article was prepared as a result of research conducted with budget funding according to the state order of Finance University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Zbrishchak, S. G. (2025). Cognitive modeling: theoretical bases, methods, limitations. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 675–695. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.675-695>

Введение

Когнитивный подход¹ к исследованию сложных систем и ситуаций в настоящее время занимает прочные позиции практически во всех областях деятельности человека. Зарождение междисциплинарной области когнитивных исследований во второй половине XX в. было обусловлено все возрастающей технической, технологической, социальной сложностью окружающего мира и, соответственно, тех задач, которые необходимо было решать людям при осуществлении различных видов деятельности. Окружающая среда продолжает усложняться вследствие достижений человечества в различных областях. Но каждое достижение, с одной стороны, улучшает и облегчает жизнь и деятельность человека, а с другой – увеличивает неопределенность и нестабильность окружающего мира за счет в том числе большого объема неполной и/или противоречивой, а часто и недостоверной информации, размытия границ между реальным и виртуальным мирами, а технические и технологические риски и угрозы не всегда известны и/или не осознаются в полной мере.

Человек – не просто один из элементов систем окружающего мира, а активный элемент системы, и благодаря своему разуму (интеллектуальной деятельности) он способен создавать, развивать, преобразовывать действительность. Вместе с этим в силу ограниченности когнитивных возможностей по переработке, интерпретации, осмыслению информации для объяснения и понимания окружающего мира человек подвержен когнитивным иллюзиям и искажениям, что приводит к принятию неадекватных решений и неадекватным действиям. Взаимодействуя с окружающей средой, человек создает в своем разуме собственную модель мира («образ мира», «картину мира»), которая всегда субъективна. Осознание ограниченности когнитивной системы² человека и привело к появлению и дальнейшему развитию когнитивного направления.

Внимание к роли человека как активного элемента систем окружающего мира и необходимость учета этого обстоятельства при организации любой деятельности во многом были предопределены и теми неуда-

¹ Под когнитивным подходом понимается решение традиционных для данной науки проблем методами, учитывающими когнитивные аспекты, в которые включаются процессы восприятия, мышления, познания, объяснения и понимания. Когнитивный подход в любой предметной области акцентирует внимание на «знаниях», вернее, на процессах их представления, хранения, обработки, интерпретации и производстве новых знаний» (Плотинский, Ю. М. (2001). Модели социальных процессов: учебное пособие для высших учебных заведений. Москва: Логос. С. 296, 53).

² Система, осуществляющая функции распознавания и запоминания информации, принятия решений, хранения, объяснения, понимания и производства новых знаний.

чами в управлении системами различной природы, с которыми столкнулись исследователи и руководители в 1960-х гг. К этому времени были созданы и хорошо развиты различные формальные математические методы, и они рассматривались как единственный надежный способ управления системами любой природы и организации деятельности человека. Неудачи во многом были связаны с ограниченностью формальных математических методов корректно описывать и включать человека в математическую модель. Человек обладает такими трудно формализуемыми характеристиками, как разум, собственные ценности, установки, воля, цели, что и ограничивает применение формальных моделей. Все это потребовало разработки методов, способных учитывать когнитивную составляющую деятельности людей.

Достижения многолетних исследований в когнитивных науках, науках о системах, управлении сформировались на рубеже тысячелетий в довольно широкий спектр методов, призванных организовывать и поддерживать интеллектуальную деятельность человека в сложных ситуациях и получивших название когнитивных методов.

Одним из направлений когнитивных исследований является область когнитивно-интеллектуального моделирования (далее – когнитивного моделирования). В общем случае когнитивное моделирование можно определить как инструмент, предназначенный для внешнего отображения когнитивных структур³ и когнитивных процессов⁴ человека в виде формальных или слабо формализованных моделей. Когнитивные модели предназначены для описания базовых механизмов, лежащих в основе познания, мышления, принятия решений, решения проблемы и других процессов получения и обработки знаний, а также для имитации интеллектуального поведения человека в случае формальных моделей. Методы когнитивного моделирования основываются на когнитивных картах различной степени формализации. Когнитивная карта как основное понятие этой области призвана представлять в графической форме когнитивные структуры и когнитивные процессы. Или в общем случае можно говорить о внешнем представлении структур знаний человека.

Термин «когнитивный» используется очень широко и относительно свободно с целью охватить различные аспекты процессов обработки информации и означает, что «...исследования выполнены в рамках когнитивной науки или же в когнитивном ключе... и реализующие исходные допущения (установки, принципа и т. д.) когнитивной науки...» (Кубрякова, 2001. С. 9).

На когнитивные исследования возлагались большие надежды, и казалось, что наконец-то найден способ справиться с субъективностью при интерпретации и объяснении окружающего мира, с так называемым человеческим фактором. Однако по мере накопления теоретических и прикладных исследований уверенность во всемогуществе когнитивного направления претерпевает изменения. Оказалось, что при решении определенных задач, как, например, нахождение наиболее приемлемой формы отображения когнитивных структур человека, неизбежно возникает и проблема проверки достоверности и качества этого представления. Несмотря на то, что эта проблема была осознана еще в самом начале когнитивных исследований, действенных способов ее разрешения до сих пор не найдено.

К тому же процесс когнитивного моделирования оказался весьма трудоемким и ресурсоемким, необходимы специальные знания в предметной области, области моделирования, из наук о поведении человека. Работа со структурами знаний: выявлением, уточнением и структуризацией – требует существенных временных ресурсов. Если когнитивные карты строятся на знаниях экспертов, то их время, как правило, ограничено и стоимость работы высока. Если в моделировании принимают участие заинтересованные стороны, например, какой-либо организации, то также существуют ограничения по времени и затратам, поскольку они отвлекаются от выполнения непосредственных обязанностей.

Заявленные изначально возможности когнитивного моделирования по согласованию различных точек зрения, например, при построении коллективной когнитивной карты также не всегда осуществляются из-за возникновения групповой динамики⁵ или доминирования определенных точек зрения в силу межличностных

³ Когнитивные структуры служат для приобретения или размещения информации, представления и хранения знаний; создаются через упорядочивание информации по категориям на основе сходства признаков и формируются посредством иерархических или ассоциативных связей между категориями.

⁴ Познавательные и мыслительные процессы человека, относящиеся к приобретению, обработке, репрезентации и объяснению информации об окружающей среде для формирования понимания.

⁵ Групповая динамика охватывает процессы взаимодействия, коммуникации между членами группы и влияние этих процессов на поведение отдельных членов.

или властных отношений. Обычно процесс когнитивного моделирования управляется опытным фасилитатором или консультантом, который также является дорогим ресурсом.

В когнитивном моделировании признается идентичность когнитивных структур и структур знаний человека. Методы работы со структурами знаний и их визуализация являются предметом исследования и в области управления знаниями, где, помимо вопросов наиболее приемлемых форм внешнего представления знаний, их концептуализации (структуризации), в самое последнее время рассматриваются и вопросы достоверности и качества внешней репрезентации знаний, а также и рисков, возникающих при их визуализации и интерпретации. Однако эти области практически не пересекаются, и результаты, полученные в области управления знаниями, неизвестны и не применяются в когнитивном моделировании.

При работе со знаниями и формировании абстрактных артефактов в виде концептов⁶ неизменно возникают и различные когнитивные иллюзии и искажения в силу специфики функционирования когнитивной системы человека.

Накопленный опыт и знания формируют широкое исследовательское поле для развития области когнитивного моделирования, но одновременно необходимо и новое осмысление положительных и отрицательных результатов. Как представляется, в область когнитивного моделирования должны быть интегрированы достижения и методы, по крайней мере, из области управления знаниями с целью дополнения и развития теоретических положений. Это определяет задачи исследования: а) осуществить описание методов когнитивно-интеллектуального моделирования; б) рассмотреть вопросы достоверности и качества когнитивных моделей; в) выявить проблемы и риски, возникающие при когнитивном моделировании и работе со знаниями.

Не претендуя на исчерпывающую полноту и глубину анализа области когнитивного моделирования, работа призвана восполнить отчасти наблюдаемый явный дефицит обзорных материалов в области когнитивного моделирования в отечественном публикационном пространстве.

Когнитивная карта – внешняя графическая форма ментальных репрезентаций

В основе когнитивного моделирования лежит понятие «когнитивная карта», и сам процесс моделирования сводится к ее построению. Широко используемые понятия «когнитивная карта», «ментальные модели» (или «ментальные репрезентации»), «концептуальные модели или схемы» очень близки по смыслу и содержанию и часто используются как синонимы. Все эти понятия относятся к формам существования и представления знаний человека. Однако как с теоретических позиций, так и с точки зрения практического применения необходимо различать суть и содержание этих понятий в зависимости от области применения. Несмотря на многолетнее применение когнитивных карт в различных областях для решения сложных задач, понятие «когнитивная карта» остается по-прежнему довольно нечетким и имеет различные смыслы в разных областях. В психологии под этим термином понимается *внутреннее представление* образа окружающей действительности, которое обычно определяется термином *ментальная модель*, или *ментальная репрезентация*. Ментальные модели, или ментальные репрезентации, – это представление в разуме человека (*внутреннее представление*) образа реального мира в виде сети концептов, посредством которого он воспринимает, осмысливает и объясняет реальность для формирования понимания наблюдаемых или исследуемых событий, явлений, фактов окружающего мира. Когнитивные карты рассматриваются как внутренние схемы или ментальные модели конкретного фрагмента реальности, который познается, исследуется и кодируется в результате взаимодействия индивида с окружающей средой (Swan, 1997. Р. 188), предоставляют своеобразную систему отсчета того, что известно и во что верится, и обосновывают целенаправленность действий (Fiol & Huff, 1992. Р. 267). Ментальные модели динамичны – они изменяются по мере получения и обработки новой информации и вследствие интеллектуальных усилий по ее осмыслению.

В области когнитивного моделирования когнитивная карта – это результат моделирования и представляет *внешнее графическое представление* структур знаний индивида, как правило, в форме ориентированного формализованного или слабо формализованного графа.

⁶ Сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира, соответствуют представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знаний. Возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах.

Когнитивная карта в виде слабо формализованной модели представляет собой иерархически организованный ориентированный граф, узлы которого представляют концепты (выражающие идеи, предположения, суждения, мнения), связанные отношениями причинности или влияния. А в случае формальной когнитивной карты основные элементы состоят из базисных факторов (или параметров, переменных) и причинно-следственных связей между ними. К базисным факторам относят те, которые субъект трактует как ключевые, существенные и которые определяют и ограничивают состояние исследуемой ситуации. В общем виде «... формальная когнитивная карта представляется в виде знакового или взвешенного графа. Знаковый граф – ориентированный граф, вершинами которого являются базисные факторы, а ребрам сопоставлены знаки «+» или «-» в зависимости от типа связи между факторами – положительной или отрицательной. Во взвешенном графе вершинами также служат базисные факторы, а ребрам сопоставляются веса в той или иной шкале» (Авдеева и др., 2006. С. 30).

Область когнитивного моделирования включает набор методов, предназначенных для извлечения, идентификации и внешней репрезентации ментальных моделей индивидов, посредством которых они определяют способ взаимодействия с окружающей средой. Общий подход заключается в извлечении знаний индивидов в форме концептов, представляющих утверждения, верования, убеждения, идеи относительно исследуемого фрагмента реальности, если это значимо для них, а затем в представлении (отображении) этих концептов и отношений между ними в визуально-пространственной форме.

Существует устойчивая тенденция смешивать понятия «когнитивная карта как результат методов когнитивного моделирования» и «когнитивная карта как внутреннее ментальное представление», поскольку предполагается, что определенные методы картирования могут захватывать базовые ментальные структуры и процессы. Результат когнитивного моделирования не совпадает с внутренней ментальной моделью, а скорее представляет собой артефакт – реконструкцию субъективных верований и убеждений, которые были раскрыты исследователю (Eden, 1992. P. 263). Ни один из методов когнитивного моделирования, насколько бы сложным он ни был, не позволяет получить когнитивную карту в психологическом смысле, поскольку человек никогда не сможет полностью раскрыть и артикулировать все, что он знает (Weick, 1995. P. 52).

Создание и развитие методов когнитивного моделирования во многом было предопределено проблемами в исследовании сложных проблем и ситуаций (или слабо структурированных проблемных ситуаций). Слабо структурированные проблемные ситуации характеризуются высоким уровнем неопределенности, содержат элементы различной природы, а связи между элементами носят как количественный, так и качественный характер. Этот класс сложных проблем и ситуаций соотносится с концепцией о слабо структурированных проблемах (*ill-structured problems*) (Simon, 1973. P. 187) и концепцией трудноразрешимых проблем (*wicked problems*) (Rittel & Webber, 1973. Pp. 9–23).

Слабо структурированные проблемы – это проблемы, которые описываются противоречивой информацией, множеством допустимых решений, содержат неопределенности относительно начальных условий, способов решения и критериев оценки. Концепция трудноразрешимых проблем очень близка концепции слабо структурированных проблем. Трудноразрешимые проблемы – это социокультурные проблемы, не имеющие четкого определения, единственно верного решения (а наоборот, подразумевают множество решений), связаны с множеством заинтересованных сторон с конфликтующими интересами и ценностями. Именно проблемы с такими характеристиками очень часто встречаются в реальных ситуациях.

Необходимость иметь удобный инструмент для выявления и представления того, как в действительности люди объясняют окружающую среду, была вызвана в первую очередь требованием практической деятельности и послужила толчком для разработки когнитивных моделей как инструмента отображения ментальных моделей и когнитивных процессов индивидов.

Методы когнитивного моделирования в общем случае развивались в двух направлениях. Первое направление восходит к работам Р. Аксельрода и Ф. Робертса, где анализировались политические документы с целью выявить каузальную структуру рассуждений политиков и факторы, которые влияли на принятие решений (Axelrod, 1976; Робертс, 1986). Р. Аксельрод занимался в основном развитием методологии, а Ф. Робертс подготовил математический аппарат, опирающийся на теорию графов. В основе этого направления лежат идеи психологии, разработанной Р. П. Абельсоном (R. P. Abelson) и М. Дж. Розенбергом (M. J. Rosenberg), теория графов, теория причинности и теория принятия решений. В середине 1980-х гг. Б. Коско разрабатывает нечеткую когнитивную карту (*Fuzzy Cognitive Map*), которая представляет частный случай когнитивных карт в традиции Р. Аксельрода (Kosko, 1986). Нечеткие когнитивные карты представляют собой сочетание

аспектов нечеткой логики, нейронных сетей и экспертных систем, которые служат мощным инструментом для моделирования и изучения динамического поведения сложных систем. Преимуществом этих карт является способность обучаться на основе алгоритмов машинного обучения.

Одним из перспективных направлений развития нечетких когнитивных карт заявлено автоматическое построение карт и настройка весов карт, построенных на знаниях экспертов, с использованием алгоритмов машинного обучения, что должно снизить их субъективность. (Papageorgiou & Salmeron, 2013. Р. 76). Однако, как ранее уже отмечалось исследователями (Stach et al., 2005. Р. 11; Felix et al., 2019. Р. 1734), остается проблема интерпретации решений, предоставляемых моделью. При «ручном» построении эксперт на основе своих знаний способен объяснить и обосновать направления и/или значения связей. Автоматизированные методы обучения в большинстве случаев обеспечивают более точные результаты моделирования, однако возникают сложности при объяснении и обосновании связей. Кроме этого, в большинстве моделей нечетких когнитивных карт в качестве метода обучения используются эволюционные алгоритмы машинного обучения, особенность которых – большие временные затраты (Orang et al., 2023. Р. 7783).

На сегодняшний день в русле первой традиции разработаны и довольно успешно применяются многочисленные модификации когнитивных карт. В рамках этого направления создаются формальные когнитивные карты – математические модели.

В основе второго направления лежат три ключевых положения Теории персональных конструкторов Дж. Келли: 1) человек познает свой мир посредством сопоставления сходства и различий; 2) человек стремится объяснить свой мир – почему он такой, какой он есть, что сделало его таким; 3) человек стремится понять свой мир, выстраивая понятия иерархически (Eden, 1988. Р. 2).

Это направление когнитивного моделирования в основном представлено когнитивной картой причинно-следственных связей, разработанной К. Иденом с коллегами как метод структурирования проблем (*Problem Structuring Methods*) в рамках мягкого направления исследования операций. Когнитивная карта определяется как визуализация размышлений о проблеме, вытекающей из процесса построения. Карты представляют собой сеть узлов и стрелок, где направление стрелки указывает на предполагаемую причинно-следственную связь; имеют иерархическую структуру, которая представлена в виде графа «средства/цели» и циклами обратной связи. Построение карты – это формальный метод моделирования с определенными правилами моделирования (Eden, 2004. Р. 673). На основе построенной когнитивной карты в дальнейшем возможно разработать диаграммы влияния, а затем и вычисляемую модель системной динамики. Когнитивные карты в стиле К. Идена относятся к семейству слабо формализованных когнитивных карт, а метод построения является практически единственным методом, который полностью методически обеспечен (см., например, Bryson et al., 2004).

Основные типы наиболее распространенных и используемых когнитивных карт представлены на рис. 1.

К рубежу тысячелетий сформировались основные методы когнитивного моделирования. Наиболее полное описание методов когнитивного моделирования и типов когнитивных карт содержится в основополагающей работе (Huff, 1990), где методы разделены на пять групп в зависимости от типа моделируемых знаний и целей исследования:

1. Контент-анализ документов и интервью для оценки значимости понятий.
2. Группировка понятий по степени абстрактности или конкретности с указанием критериев классификации и систематизации.
3. Отражение динамики системы посредством контуров причинно-следственных связей.
4. Выявление структуры аргументов и выводов для создания жесткой структуры текста.
5. Семиотический анализ – выявление скрытого смысла текста с учетом структуры языка и содержания с опорой на лингвистические структуры и когнитивную психологию.

Все методы включают выявление различных типов знаний субъектов (экспертов, заинтересованных сторон) в виде концептов и определение отношений между ними. Следует отметить, что большинство этих методов достаточно сложны, требуют много времени и усилий, и поэтому их использование затруднено на практике.

Некоторые исследователи предположили, что методы построения индивидуальных когнитивных карт могут быть применены и на уровне больших и малых групп и организаций. Обычно групповая карта создается на основе индивидуальных когнитивных карт с последующим объединением в единую карту, а в некоторых случаях создаются общие карты непосредственно в ходе групповых сессий (Bood, 2001; Ackermann & Eden, 2004; 2020; Eden & Ackermann, 2001; Geisler, 1999; Nicolini, 1999; Tegarden & Sheetz, 2003).

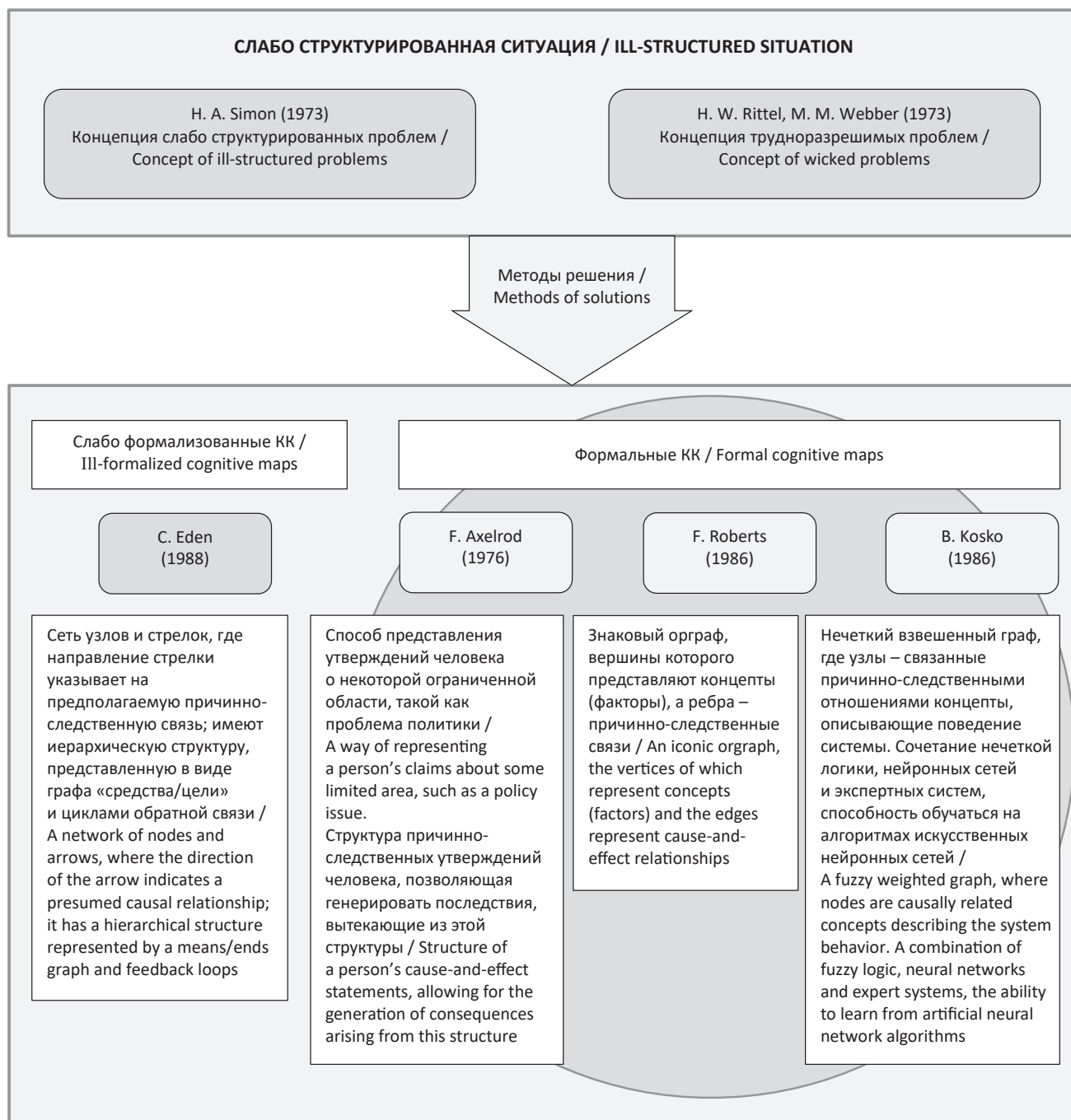

Рис. 1. Основные типы наиболее распространенных и используемых когнитивных карт

Fig. 1. Main types of the most popular and most used cognitive maps

Групповые когнитивные карты могут быть построены несколькими способами:

- усреднения индивидуальных карт таким образом, чтобы отображались только те концепты, которые чаще всего разделяются группой индивидов;
- объединения отдельных карт в общие таким образом, чтобы были выделены общие концепты, но карта по-прежнему включала бы индивидуальные верования и убеждения отдельных индивидов;
- интеграции индивидуальных концептов в единую карту в ходе сессий рабочей группы.

Необходимо учитывать, что не существует единственно правильного способа построения когнитивной карты. Это в основном связано с тем, что в картах отображаются видение и интерпретация исследуемого

фрагмента реальности конкретным индивидом или группой в определенном контексте и с определенной целью. Соответственно, созданная модель всегда будет отражать субъективный взгляд строителя.

Опыт показывает, что при исследовании сложной ситуации используются смешанные методы моделирования. Применение того или иного метода зависит от области применения, наличия и доступности данных, документов, целей исследования.

Рассмотренные методы формируют слабо формализованные когнитивные модели. Эти методы призваны переводить структуры знаний субъекта (внутренние ментальные репрезентации) в когнитивную карту (внешние репрезентации знаний). Этап построения слабо формализованных когнитивных карт всегда предшествует этапу построения формальных когнитивных карт. Оба направления когнитивного моделирования зародились практически одновременно, развивались параллельно, но практически не пересекаются.

К неоспоримым достоинствам когнитивных карт можно отнести: возможность сконцентрировать внимание и активировать память; выделить приоритеты и ключевые факторы; выявить недостаток или разрыв в данных, информации и знаниях; целостно представить исследуемую ситуацию.

Область когнитивного моделирования продолжает активно развиваться. В настоящее время когнитивная карта как графическое внешнее представление знаний рассматривается как инструмент для работы с имплицитными (неявными) знаниями (выявление, структуризация, объяснение) для формирования у субъектов понимания реального мира. Недавний библиометрический анализ публикаций в области когнитивного моделирования в *Web of Science Core Collection* (Qu et al., 2023. Рр. 52826, 52837), охватившем 3319 публикаций за период с 1970 по 2022 г. включительно, показывает экспоненциальный рост публикаций после 2012 г. (60 % от рассматриваемого объема публикаций). По странам публикации распределились следующим образом (первые пять): США (856; 25,791 %), Греция (297; 8,949 %), Китай (291; 8,768 %), Великобритания (856; 25,791 %), Канада (181; 5,453 %).

Наибольшее количество работ было опубликовано в областях: компьютерные науки и искусственный интеллект (844; 25,43 %), электроники и электротехники (482; 11,15 %) и методов теории компьютерных наук (370; 9,55 %). Область исследования операций и управленческих наук, где в основном используются слабо формализованные когнитивные карты, замыкает десятку лидеров с общим количеством публикаций 135 (4,07 %).

Исследования в области когнитивного моделирования в основном охватывают четыре направления: компьютерные науки, электротехнику, электронику, географию, а также нейронауку и психологию. Задачи исследования варьируются в зависимости от конкретной области. Так, в компьютерных науках и инженерии акцент делается на модели когнитивных механизмов работы человеческого мозга, в то время как психология и нейронаука изучают изменения в мозге и факторы, влияющие на формирование когнитивной карты и регуляцию эмоций. В свою очередь, экономика и менеджмент концентрируются на работе с неявными знаниями, получаемыми в процессе когнитивного моделирования.

Самым востребованным типом когнитивных карт является нечеткая когнитивная карта, которая служит методом моделирования сложных систем и ситуаций. Она активно применяется в различных областях, таких как искусственный интеллект, теория и методы, информационные системы, междисциплинарные приложения, программная инженерия, аппаратная архитектура, а также в других направлениях компьютерных наук. Основными объектами исследования являются когнитивно связанные клетки мозга, гиппокамп, нейроны места, а также вопросы, связанные с мышами и пространственной навигацией. Основное внимание в исследованиях уделяется пониманию человеческой памяти, методам пространственной навигации, механизмам принятия решений.

Несмотря на ряд ограничений (анализировались лишь публикации на английском языке в *Web of Science Core Collection*), данный анализ показывает достаточно точно современное состояние и направления исследований, использующих когнитивное моделирование.

В приведенном библиометрическом анализе практически не присутствуют отечественные публикации, тем не менее в России когнитивные исследования ведутся весьма активно. Простая выборка из eLIBRARY.RU по ключевым словам, содержащим термин «когнитивная карта», показывает 1383 публикации начиная с 2003 г. Созданы и успешно работают научные школы в Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук (Москва), где исследования ведутся в направлениях когнитивного анализа и управления ситуациями, в Южном федеральном университете (Таганрог), где исследования охватывают область когнитивного моделирования сложных систем. Эти научные школы по праву можно назвать ведущими.

В последнее время наблюдается увеличение количества эмпирических исследований слабо структурированных ситуаций и сложных систем средствами когнитивного моделирования в различных областях деятельности

(например, применение индикативного планирования к государственному стратегическому планированию (Авдеева, Коврига, 2024), обоснование стратегических решений и формирование политики реиндустриализации и импортоопережения в промышленных экосистемах (Митяков и др., 2025), прогнозирование развития региональной социально-экономической системы (Горелова, 2021), оценка уязвимостей и рисков нарушения кибербезопасности (Васильев и др., 2021), оценки безопасности дорожного движения (Капский, Богданович, 2024), проблемы цивилизационной стратегии в геополитике (Горелова, Громакова, 2024), игровое обучение и моделирование неблагоприятных ситуаций на основе деловых игр (Халин и др., 2023) и др.).

Основное предназначение этих исследований, помимо решения конкретных задач, состоит в накоплении необходимого материала для дальнейшей систематизации практического опыта и развития теоретических положений, методов, технологий, методологий исследования слабоструктурированных ситуаций и сложных систем в рамках когнитивного подхода.

О некоторых проблемах и рисках когнитивного моделирования

Широкое применение когнитивного моделирования в различных областях выявило ряд рисков и проблем. На сегодняшний день хорошо известны проблемы определения достоверности, качества, чтения и понимания когнитивных моделей, а также вопросы концептуализации первичных знаний и представлений.

Методы построения когнитивных моделей в виде когнитивных карт относятся к субъектно-формальным методам (Абрамова, 2007. С. 18–19), которые подвержены рискам из-за психологических и когнитивных свойств человека. Источниками риска являются не только индивиды – носители знаний об исследуемой ситуации, но и носители методов и подходов: посредники (эксперты, ученые, разработчики методов и технологий) (Абрамова, 2006. С. 13).

Факторы риска, обусловленные естественным типом мышления, могут проявляться как на этапе выявления и структуризации знаний индивидов, что может привести к порождению недостоверных знаний, так и на этапе их формализации. Уточнение механизма факторов риска и их взаимодействия проводится также и с помощью понятия «окружающего интеллекта» (Абрамова, 2007. С. 14), содержание которого включает окружающие современного человека различные информационно-коммуникативные устройства и технологии и который напрямую оказывает влияние на интеллектуальную деятельность человека.

Проблема достоверности когнитивных карт связана с допущениями «...о достаточности выделения множества значимых факторов и множества их причинно-следственных связей при структурной идентификации... что эксперты могут дать приемлемую оценку значений переменных (параметров) когнитивной карты в предопределенной универсальной шкале (или шкалах)... о достоверности результатов имитационного моделирования в рамках данного метода» (Абрамова, 2019. С. 1860).

Проблема качества когнитивных моделей в форме когнитивных карт редко служит объектом исследования. Вероятно, это связано как с субъективной природой когнитивных карт, так и с определением содержания понятия «качество когнитивной модели» и слабой формализуемостью параметров качества. Построение когнитивной модели проходит длинный путь от понимания предметной области к разработке онтологической модели (кодифицированное представление предметной области) к языку, содержащему грамматику и словарь для создания внешней репрезентации, и, наконец, к самой модели.

Одна из наиболее полных интегральных моделей обеспечения качества когнитивных моделей (Nelson et al., 2012. Рр. 205, 209–210) состоит из восьми базовых областей, четырех слоев и 24 типов качества, определяемых как отношения между парами базовых областей. Базовые области охватывают предметную область (область исследования), область и модель знаний разработчика и пользователя, язык описания знания и модели, репрезентацию и интерпретацию знаний в форме когнитивной модели. Качество описывается несколькими параметрами: синтаксическое, семантическое, прагматическое (соответствие между моделью и ее интерпретацией), эмпирическое (читабельность модели) и др.

Опираясь на данную модель, несмотря на ее сложность, в настоящее время разрабатываются методы оценки качества как процесса моделирования, так и продукта моделирования (когнитивной модели) (Sousa, 2022), методы измерения понятности графических диаграмм (Tenbergen & Daun, 2024), проводятся исследования, направленные на формирование мультиметодологического представления о качестве на всех этапах моделирования (Lawrence, 2025).

Вопросы концептуализации знаний

Анализ показывает, что подавляющее большинство исследований ведутся с помощью формальных когнитивных карт. Однако обязательным этапом построения формальной карты являются этапы построения слабо формализованной когнитивной карты и концептуализация знаний. Одна из главных задач при переходе от слабо формализованной модели к формальной – это задача концептуализации знаний, суть которой заключается в формализации нечетких, размытых первичных представлений (знаний) индивидов в форме концептуальных схем.

Концептуализация знаний – это систематизированный процесс формирования единого понятийного пространства исследуемой ситуации с дальнейшей структуризацией выявленных знаний. При этом становится возможным ограничить рассматриваемую предметную область, выделить существенные знания о рассматриваемой ситуации и сформировать целостное представление ситуации у субъектов исследования (Авдеева, Коврига, 2010. С. 9).

Однако этап первичной концептуализации знаний в форме концептуальных схем⁷ практически остается вне поля зрения исследователей. В работах не приводится и не поясняется переход от слабо формализованной карты к формальной, как была проверена достоверность и полнота модели знаний, которая легла в основу формальной карты.

Несмотря на значимость этапа концептуализации знаний, редкие исследования затрагивают эти вопросы. В одной из немногих работ (Kontogianni et al., 2012. Pp. 3727–3729) рассматривалась возможность применения интеллект-карты и концептуальной карты как инструментов первичной структуризации знаний заинтересованных сторон при построении коллективной нечеткой когнитивной карты для поддержки принятия решений в области охраны окружающей среды. Однако примеров построенных карт для исследуемой ситуации не приводится и не поясняется, как именно они были использованы для построения коллективной нечеткой когнитивной карты. Как пример полноценной интеграции методов концептуализации знаний и когнитивного моделирования можно выделить работу Авдеевой и Ковриги (2010. С. 18–26), где в методику построения формальной когнитивной карты интегрированы элементы SWOT-анализа, что позволило выделить основные предметные области и их взаимосвязи, использовать SWOT-факторы при построении карты и формировании сценариев исследования слабо структурированных ситуаций.

Очевидно, что существует разрыв в процессе построения формальной когнитивной карты между этапами построения слабо формализованной карты, концептуализацией знаний и их формализацией. Возможно, это объясняется тем, что методы концептуализации и визуализации знаний в виде ориентированных графов и семантических сетей исследуются в области управления знаниями, которая практически не пересекается с областью когнитивного моделирования.

Концептуальные схемы особенно полезны на ранних, начальных этапах исследования слабо структурированной ситуации, где происходят выявление, интерпретация, уточнение первичных представлений индивидов о рассматриваемой ситуации, а также для определения, уточнения трудно формализуемых факторов – таких, которые не имеют или трудно поддаются количественному измерению, но при этом являются критически значимыми в ситуации. В процессе уточнения выявленных концептов первичная когнитивная модель знаний претерпевает изменения, что может нести риски когнитивных искажений и иллюзий (Авдеева, Коврига, 2010. С. 9). Эти риски обусловлены спецификой функционирования когнитивной системы человека.

К когнитивным иллюзиям и искажениям относятся, например, иллюзия правдоподобности, обрамляющие эффекты и др. (Канеман, 2004. С. 544–555). Результаты многочисленных экспериментов показали, что в сложных ситуациях люди предпочитают не думать долго и зачастую склонны полагаться на суждения, которые быстро пришли на ум и кажутся правдоподобными. Для характеристики этого явления используется показатель доступности, который определяется когнитивной легкостью восприятия и извлечения из памяти необходимой информации. На доступность влияют реальные свойства объекта, привлекающие внимание эмоционально окрашенные стимулы (побуждение, эффект которого опосредствован психикой человека, его взглядами, чувствами, настроением, интересами, стремлениями и т. д.). Наряду с доступностью наблюдается и обрамляющий эффект, возникающий при различных описаниях одной и той же проблемы, но при этом подчеркиваются разные ее аспекты.

⁷ Графический инструмент для организации и представления знаний; состоит из концептов и выражения отношений между концептами.

Практическая значимость этих наблюдений заключается в том, что наиболее доступные характеристики объекта далеко не всегда являются наиболее подходящими для формирования адекватного суждения. А восприятие и интерпретация к тому же зависят и от точки отсчета, с которой сопоставляется действующий стимул.

Ошибки, систематически совершаемые людьми при анализе сложных ситуаций и принятии решений вследствие различных когнитивных искажений и иллюзий, а также накопленные знания о человеке в различных предметных областях послужили основой для зарождения и развития не только методов когнитивного моделирования, но и методов визуализации знаний в форме концептуальных схем.

Несмотря на то, что концептуальные схемы не принято строго относить к когнитивным моделям, по сути, они также являются когнитивными, поскольку предназначены для визуализации различных типов знаний (глубинных, поверхностных, декларативных, процедурных, явных и др.). Направление визуализации знаний развивается в основном в области управления знаниями, но в то же время тесно переплетается с областью когнитивного моделирования.

В области визуализации знаний собрано множество концептуальных схем: от образных схем П. Чекланда до концептуальных карт Дж. Новака. Предназначены они для выявления, структуризации и внешней репрезентации структур знаний индивида, которыми он оперирует при взаимодействии с окружающей средой.

Однако развитие компьютерных технологий, предоставляющих широкий спектр способов и средств визуализации, сформировало ложное чувство простоты использования методов визуализации знаний для отображения когнитивных структур человека. На сегодняшний день выявлен ряд значимых ошибок и рисков, проявляющихся как при выявлении и формулировании знаний в виде концептов, их структуризации, так и при их визуализации. Наряду с этим значение приобретают и такие составляющие визуализации, как визуальный язык и визуальная грамотность, которые практически не обсуждаются в отечественном публикационном пространстве.

Визуализация знаний как метод исследования

Визуализация знаний как дисциплина сформировалась относительно недавно и предназначена для работы с различными типами знаний. Она опирается на многолетние исследования в различных областях по приданию смысла событиям, явлениям, фактам и распространению знаний посредством образов и форм. Основная цель состоит в поддержке и организации процессов извлечения, структуризации, распространения и создания нового знания как на индивидуальном, так и групповом уровне (Eppler, 2013. Р. 4). Визуализация знаний, опирающаяся на графическое отображение различных типов знаний, зарекомендовала себя не только как мощный инструмент исследования и прикладного применения в сложных ситуациях, но и как самостоятельная область и даже метод исследования (Eppler & Burkhard, 2008. Р. 782).

Метод визуализации – это структурированное, основанное на правилах внешнее графическое представление данных, информации и знаний, что позволяет получить новое знание, сформировать понимание или передать опыт (Lengler & Eppler, 2007. Р. 31). Помимо простой передачи данных, информации, знаний или фактов, методы визуализации предназначены для постепенного снижения неопределенности, формирования целостной картины исследуемого фрагмента реальности, а также позволяют различать имплицитные и эксплицитные типы знания. Примерами визуализации знаний в этом понимании служат наглядные графические форматы, такие как эвристические наброски (*heuristic sketches*), образные схемы (*rich picture*), карты аргументов, концептуальные карты, визуальные метафоры и др. Они используются в качестве средств коммуникации, а также для осмысления и переосмысления решений и деятельности. Визуализация знаний включает различные типы знания: знания «что» (объект), «почему» (цель) и «как» (методы), тем самым принципиально отличаясь от визуализации данных и информации (Eppler & Burkhard, 2007. Р. 113).

Среди наиболее существенных преимуществ визуализации знаний можно выделить: представление большого объема знаний, которые можно относительно быстро и легко интерпретировать, если они представлены в подходящих формах; выявлять закономерности и возникающие новые (эмерджентные) свойства, которые не были замечены или очевидны; выявлять проблемы с самими знаниями и способом их извлечения и агрегирования; целостно представить исследуемую ситуацию, что облегчает восприятие, интерпретацию наблюдаемых событий, явлений, фактов и способствует формированию нового понимания, появлению новых идей и гипотез (Ware, 2019. Рр. 3–4).

К настоящему времени разработано и применяется около ста методов визуализации: от представления данных, информации, метафор, концептов и их комбинации до иерархических или сетевых структур знаний. Определенная комбинация методов визуализации позволяет чередовать конвергентное и дивергентное мышление, что повышает качество извлекаемых неявных знаний (Eppler, 2006. Р. 199; Lengler & Eppler, 2007. Рр. 33–34).

Общим для схем визуализации знаний является графическое представление данных, информации и знаний в форме различных моделей с нечеткой семантикой. Техника графического представления использует визуальный язык, состоящий из слов, форм (геометрические фигуры, схемы процессов и т. п.) и образов (рисунки, фотографии, графические примитивы и др.). Визуальный язык – это не изображения сами по себе или формы сами по себе, а совместное использование слов, изображений и форм для создания целостного образа исследуемой ситуации (Horn & Weber, 2007. Рр. 8–9). Слова используются для определения и классификации элементов. Посредством образов (изображений) передаются содержащиеся в вербальном описании смыслы. Формы предназначены для визуализации данных, процессов структур и т. п. в более абстрактном виде. Интеграция слов, изображений и форм составляет сущность визуального языка.

Однако визуальное представление знаний не лишено рисков и проблем. Проблемы визуализации имеют двоякую причину: кодирование (вызванное дизайнером/разработчиком) или декодирование (вызванное читателем/пользователем). В последнем случае человек, который читает изображение, делает ошибку в интерпретации. Дизайнер может намеренно или ненамеренно вносить ошибки или исказить наблюдаемую реальность при ее кодировании (Bresciani & Eppler, 2015. Р. 3; Basole et al., 2022. Рр. 178, 184).

Среди наиболее существенных выделяют следующие риски визуализации (Bresciani & Eppler, 2009. Р. 170; Bresciani & Eppler, 2015. Р. 3):

- уверенность в надежности и достоверности визуализации потенциально может ввести в заблуждение (визуализации могут казаться более убедительными и обоснованными, чем они есть на самом деле);
- множественные неявные значения, присущие визуализациям (может привести к неоднозначным интерпретациям);
- интерпретация диаграммы (эффективность визуализации зависит от предыдущего опыта пользователя и визуальной грамотности).

Ошибки и риски визуализации известны относительно давно, но практически значимых рекомендаций по их снижению, насколько известно автору, не разработано. Возможно, решением может являться разработка более формальных (насколько возможно) правил построения визуальных моделей знаний.

Исследования в области управления знаниями продолжают активно проводиться и в самое последнее время охватывают вопросы взаимодействия вербального и визуального описания ситуации, при котором создаются смыслы, недостижимые в рамках каждого описания в отдельности (Bünzli & Eppler, 2024); вопросы соответствия между интерпретацией визуализации пользователями и содержанием модели, заложенное разработчиками модели (Quadri et al., 2024). Внимания заслуживает работа Muntwiler и Eppler (2023), в которой практически впервые рассматриваются вопросы влияния визуализации знаний на принятие решений менеджерами в цифровую эпоху с применением концепции иллюзии объяснительной глубины из когнитивной психологии.

С практической точки зрения особенно важно различать ошибки дизайнера и ошибки пользователя, поскольку становится возможным относительно быстро найти причину проблемы визуализации. Безусловно, иногда диаграмма стоит десяти тысяч слов (Larkin & Simon, 1987. Р. 65), но иногда для ее правильного понимания требуется именно столько же слов объяснения. Именно поэтому при выборе наиболее подходящего формата визуализации знаний об исследуемой ситуации необходимо учитывать и негативные эффекты визуализации.

Понимание негативных эффектов и ограничений визуализации важно для повышения *визуальной грамотности* как дизайнеров/разработчиков, так и читателей/пользователей. *Проблема чтения и понимания* когнитивных карт, которая ранее упоминалась, тесно связана с визуальной грамотностью. *Визуальная грамотность* – это способность понимать широкий спектр визуальной информации: уметь читать визуальные образы, оценивать и быть способным исследовать или анализировать как буквальное, так и подразумеваемое значение (Lee et al., 2016. Р. 552); способность извлекать смысл и интерпретировать закономерности, тенденции и корреляции в визуальных представлениях данных (Börner et al., 2016. Р. 3); способность правильно обрабатывать графическую информацию, что означает графическое кодирование информации и декодирование графической информации (Locoro et al., 2021. Р. 71055). Приведенные выше положения взаимодействия и взаимного влияния области когнитивного моделирования и области визуализации знаний представлены на рис. 2.

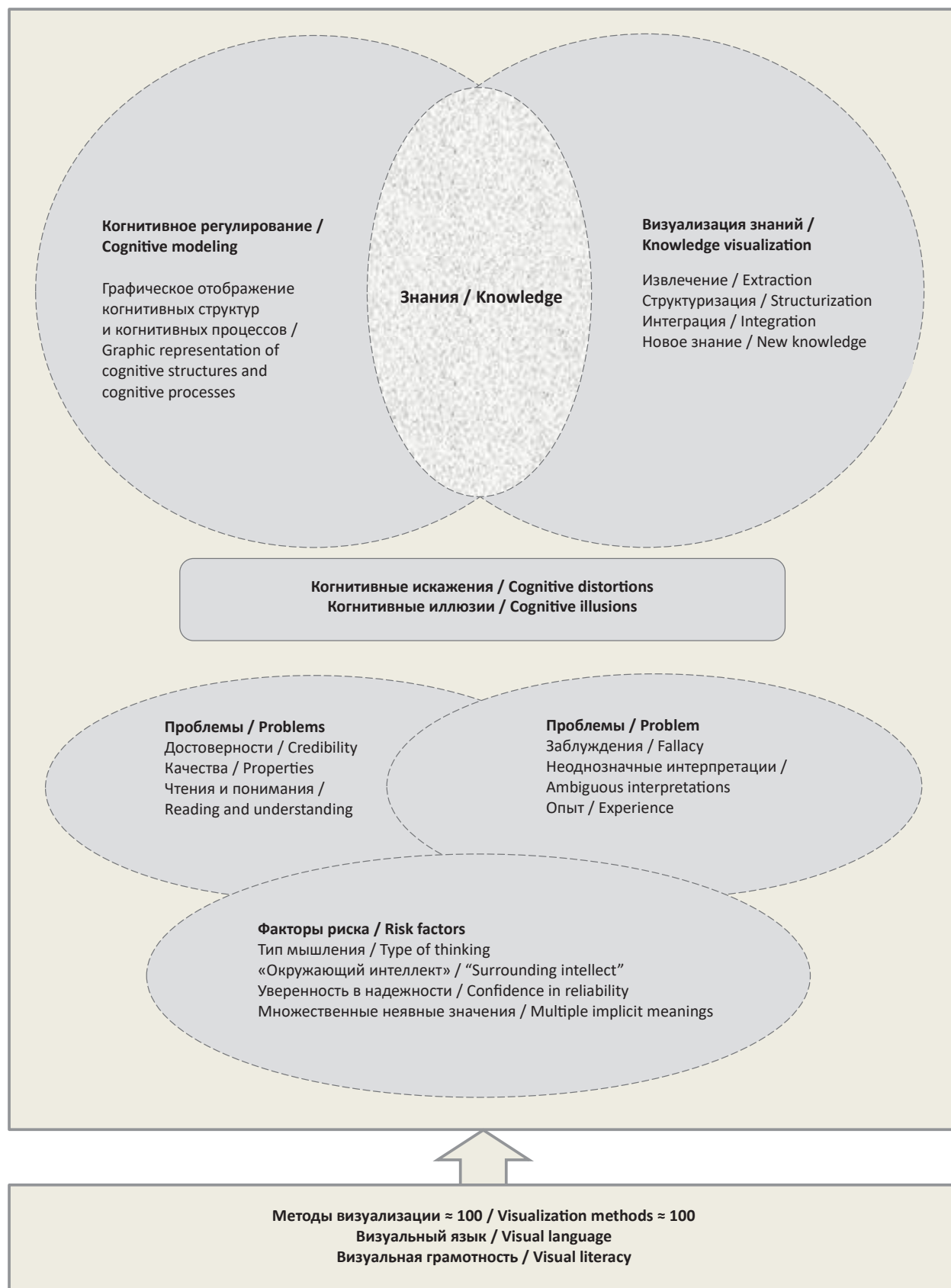

Рис. 2. Взаимное влияние когнитивного моделирования и визуализации знаний

Fig. 2. Mutual influence of cognitive modeling and knowledge visualization

Для формальных когнитивных карт известны некоторые способы визуального анализа карт с применением идей когнитивной графики. Понимание карты улучшается за счет ее представления в соответствующей визуальной структурно-алгебраической форме, что позволяет читателю заметить большее число значимых фрагментов и свойств модели (Абрамова и др., 2010; 2014).

Однако для концептуальных схем знаний методы визуального анализа и оценки, а также их эмпирическая апробация находятся в самом начале пути. Это направление приобретает особое значение в современных условиях перегруженности информационного пространства данными и различными типами визуальной информации. Пока что еще немногие исследователи обращаются к этой сложной теме, но некоторые интересные работы уже появляются (например, Locoro et al., 2021; Huang et al., 2025; Beschi et al., 2025).

Методы визуализации могут вводить в заблуждение, манипулировать, чрезмерно упрощать фрагмент исследуемой реальности, быть предвзятыми, запутанными или избыточными. Тем не менее, несмотря на присущие им «ловушки», они остаются мощным инструментом концептуализации знаний и способны упорядочить как процесс построения слабо формализованных моделей, так и переход к формальным моделям.

Заключение

Когнитивное моделирование следует рассматривать как сложный интеллектуальный процесс, не сводимый лишь к построению модели, а как сложный социальный процесс взаимодействия, уточнения и согласования знаний и позиций субъектов (экспертов, заинтересованных сторон и др.).

Опыт показывает, что при исследовании сложных ситуаций реального мира обычно используются смешанные методы, совмещающие разные виды когнитивных карт. Применение разных видов когнитивных карт позволяет с определенной степенью достоверности (иногда весьма высокой) выявить и отобразить, как люди в действительности воспринимают, осмысливают и объясняют окружающую среду. Именно в этом заключается практическая ценность когнитивного моделирования, поскольку при взаимодействии с окружающей средой и возникают различные когнитивные иллюзии и искажения, что нашло отражение в известном остроумном выражении «В действительности все не так, как на самом деле».

К началу нового тысячелетия сформировались основные теоретические положения, лежащие в основе когнитивного моделирования, и основные типы когнитивных карт в многочисленных модификациях. Не все методы когнитивного моделирования получили широкое распространение в практической деятельности в силу как сложности построения, так и ресурсоемкости.

Широкое применение за последние несколько десятилетий когнитивного моделирования в различных областях выявило ряд проблем и рисков, присущих этой области. Связанные с когнитивным моделированием надежды и ожидания, что проблема человеческого фактора может быть решена в рамках когнитивного подхода, не оправдали себя в полной мере. Напротив, возникли новые задачи, исследовательские вопросы и проблемы, возможно, более сложные, например, вопросы достоверности, качества, снижения когнитивной нагрузки при чтении и понимании моделей. Сложность состоит в том, что при анализе моделей используются эвристические методы, поскольку элементы модели – концепты – относятся к трудно формализуемым артефактам, которые отражают интерпретацию и объяснение ситуации определенным субъектом или группой субъектов.

Проблемы достоверности, качества, чтения и понимания когнитивных карт наряду с рисками визуализации знаний находятся тем не менее в фокусе внимания исследователей, но практически значимых результатов пока еще очень мало. Как представляется, одним из перспективных направлений исследований является разработка способов преодоления барьеров между когнитивным моделированием и управлением знаниями. В свою очередь, это позволит более осознанно выстроить и процесс перехода от слабо формализованной когнитивной карты к формальной. Применение методов визуализации знаний на начальных этапах моделирования, когда проводится концептуализация знаний, позволит существенно снизить вероятность грубых ошибок на последующих этапах моделирования и повысить достоверность и качество когнитивных моделей.

Вместе с этим необходимо отметить, что такие направления в визуализации знаний, как, например, визуальная грамотность и визуальный язык, практически не обсуждаются в отечественном публикационном пространстве, хотя некоторые исследования по улучшению чтения и понимания формальных когнитивных карт с использованием идей когнитивной графики и проводились.

Один из, возможно, наиболее важных эффектов когнитивного моделирования состоит в его способности поддерживать когнитивные процессы человека, конструировать и преобразовывать ментальные модели таким образом, чтобы они соответствовали реальному миру с приемлемым уровнем искажения реальности. Любая сложная ситуация характеризуется высоким уровнем неопределенности, первичные знания субъекта нечетки, противоречивы, но за счет их уточнения, дополнения, категоризации, агрегирования становится возможным постепенно снижать неопределенность, выявлять противоречивость знаний, получить «знание о незнании», новое знание и целостную картину исследуемой ситуации.

Безусловно, полностью исключить субъективную составляющую деятельности человека невозможно. Стремление к уходу от субъективности когнитивного моделирования к абсолютной объективности объясняется желанием если не полностью устранить, то существенно снизить отрицательные эффекты влияния человеческого фактора. Определенные результаты в этом направлении достигнуты в методах автоматического построения нечетких когнитивных карт с применением ИИ и настройки весов модели с использованием алгоритмов машинного обучения. Однако часть разработчиков нечетких когнитивных карт рассматривают эту тенденцию как угрозу.

Если когнитивное направление призвано поддерживать когнитивные процессы человека при его взаимодействии с окружающим миром для объяснения и понимания сложности, то возникает вопрос, чье понимание сложной ситуации отражено в автоматически построенной когнитивной карте. А объяснение сложной ситуации сводится к нахождению и объяснению логики строителя модели, а не к объяснению явлений и фактов исследуемой ситуации. Не превратится ли человек из субъекта в объект, управляемый некоторой неопределенной силой? В этом контексте особого внимания и осторожного отношения требуют все те направления, которые под видом улучшения жизни и деятельности человека пытаются подменить или даже заменить интеллектуальную деятельность человека.

Исследования в когнитивной области активно продолжаются и, возможно, со временем приведут к совершенствованию существующих методов и появлению новых. Как представляется, исследовательская задача заключается в нахождении способов интегрирования методов когнитивного моделирования, методов визуализации знаний, достижений наук о человеке для повышения достоверности и качества когнитивных моделей посредством снижения рисков когнитивных искажений, свойственных интеллектуальной деятельности человека.

Одно из важнейших направлений дальнейших исследований в области когнитивного моделирования состоит в осмыслении и систематизации практического опыта с целью уточнения, дополнения, модификации теоретических положений, методов, лежащих в основе когнитивного моделирования.

Также стоит отметить возрастающую потребность в обзорных работах, где систематизируются и осмысливаются результаты, опыт и знания в области когнитивного моделирования.

Список литературы

Абрамова, Н. А. (2006). Человеческие факторы в когнитивном подходе. В сб. *Управление большими системами: сборник трудов*, 16, 5–25.

Абрамова, Н. А. (2007). О проблеме рисков из-за человеческого фактора в экспертных методах и информационных технологиях. *Проблемы управления*, 2, 11–21. EDN: IACHEN

Абрамова, Н. А. (2019). О перспективах современной парадигмы когнитивного моделирования. В сб. *XIII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ – 2019* (с. 1858–1863). EDN: JOCDPJ. DOI: 10.25728/vspu.2019.1858

Абрамова, Н. А., Воронина, Т. А., Порцев, Р. Ю. (2010). О методах поддержки построения и верификации когнитивных карт с применением идей когнитивной графики. *Управление большими системами: сборник трудов*, 30–1, 411–430. EDN: NQVKOZ

Абрамова, Н. А., Макаренко, Д. И., Порцев, Р. Ю. (2014). Развитие методов визуального анализа при моделировании ситуаций на основе когнитивных карт. В сб. *XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ – 2014: сб-к трудов конференции* (с. 4084–4089). EDN: SSIVGD

Авдеева, З. К., Коврига, С. В. (2010). Эвристический метод концептуальной структуризации знаний при формализации слабоструктурированных ситуаций на основе когнитивных карт. *Управление большими системами: сборник трудов*, 31, 6–34. EDN: NQVJMD

- Авдеева, З. К., Коврига, С. В. (2024). Когнитивные карты для анализа и моделирования в системе стратегического планирования государства. *Управление большими системами*, 111, 147–178. EDN: EQUPCJ. DOI: 10.25728/ubs.2024.111.6
- Авдеева, З. К., Коврига, С. В., Макаренко, Д. И. (2006). Когнитивное моделирование для решения задач управления слабоструктурированными системами (ситуациями). *Управление большими системами: сборник трудов*, 16, 26–39.
- Васильев, В. И., Вульфин, А. М., Кириллова, А. Д., Кучкарова, Н. В. (2021). Методика оценки актуальных угроз и уязвимостей на основе технологий когнитивного моделирования и Text Mining. *Системы управления, связи и безопасности*, 3, 110–134. EDN: IUHRSS. DOI: 10.24412/2410-9916-2021-3-110-134
- Горелова, Г. В. (2021). Когнитивное моделирование сложных систем: состояние и перспективы. В сб. *Системный анализ в проектировании и управлении*, 25(1), 224–248. EDN: FIFIVF. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id21-66
- Горелова, Г. В., Громакова, В. Г. (2024). Когнитивное моделирование и нейронауки. В сб. *Системный анализ в проектировании и управлении*, 27(2), 8–19. EDN: KNXUXH. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id24-141
- Канеман, Д. (2004). Контурные ограниченной рациональности: возможность интуитивных суждений и выбора. *Институт приватизации и менеджмента*, 540–592.
- Капский, Д. В., Богданович, С. В. (2024). Интеграция методов когнитивного анализа в систему оценки безопасности дорожной инфраструктуры. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия В. Промышленность. Прикладные науки*, 50(2), 36–49. EDN: SIJTNI. DOI: 10.52928/2070-1616-2024-50-2-36-49
- Кубрякова, Е. С. (2001). О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 4–10.
- Митяков, Е. С., Карпухина, Н. Н., Митяков, С. Н., Ладынин, А. И. (2025). Когнитивное моделирование экономического развития промышленных экосистем. *Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics*, 18(1), 63–77. EDN: YMXUYA. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1383
- Робертс, Ф. С. (1986). *Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам*. Москва: Наука.
- Халин, Ю. А., Катыхин, А. И., Зинкин, С. А., & Шилин, А. А. (2023). Когнитивное моделирование информационного обеспечения игрового автоматизированного обучения. *Известия Юго-Западного государственного университета*, 26(4), 117–131.
- Ackermann, F., & Eden, C. (2004). Using Causal mapping: individual and group; traditional and new. *Systems modelling: Theory and practice*, 127–145.
- Ackermann, F., & Eden, C. (2020). Strategic options development and analysis. In *Systems approaches to making change: A practical guide* (pp. 139–199). London: Springer London.
- Axelrod, R. (Ed.). (1976). *Structure of decision: The cognitive maps of political elites*. Princeton University Press.
- Basole, R., Bendoly, E., Chandrasekaran, A., & Linderman, K. (2022). Visualization in operations management research. *INFORMS Journal on Data Science*, 1(2), 172–187. EDN: AINHKP. DOI: 10.1287/ijds.2021.0005
- Beschi, S., Falessi, D., Golia, S., & Locoro, A. (2025). Characterizing Data Visualization Literacy for Standardization: A Systematic Literature Review. *IEEE Access*. DOI: 10.1109/ACCESS.2025.3559298
- Bood, R. P. (2001). *Images of Unfolding Diversification Projects. Charting Organizational Learning in Small and Medium-Sized Enterprises from a Cognitive Perspective*. Eburon, Delft.
- Börner, K., Maltese, A., Balliet, R. N., & Heimlich, J. (2016). Investigating aspects of data visualization literacy using 20 information visualizations and 273 science museum visitors. *Information Visualization*, 15(3), 198–213.
- Bresciani, S., & Eppler, M. J. (2009). The risks of visualization. In *Identität und Vielfalt der Kommunikationswissenschaft* (pp. 165–178).
- Bresciani, S., & Eppler, M. J. (2015). The pitfalls of visual representations: A review and classification of common errors made while designing and interpreting visualizations. *Sage Open*, 5(4). DOI: 10.1177/2158244015611451
- Bryson, J. M., Ackermann, F., Eden, C., & Finn, C. B. (2004). *Visible thinking: Unlocking causal mapping for practical business results*. John Wiley & Sons.
- Bünzli, F., & Eppler, M. J. (2024). How verbal text guides the interpretation of advertisement images: a predictive typology of verbal anchoring. *Communication Theory*, 34(4), 191–204.
- Eden, C. (1988). Cognitive mapping. *European Journal of Operational research*, 36(1), 1–13. DOI: 10.1016/0377-2217(88)90002-1
- Eden, C. (1992). On the Nature of Cognitive Maps. *Journal of Management Studies*, 29, 261–265. EDN: EPWZBF. DOI: 10.1111/j.1467-6486.1992.tb00664.x
- Eden, C. (2004). Analyzing cognitive maps to help structure issues or problems. *European Journal of Operational Research*, 159(3), 673–686. [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(03\)00431-4](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(03)00431-4)
- Eden, C., & Ackermann, F. (2001). SODA—the principles. In J. Rosenhead, & J. Mingers (Eds.), *Rational analysis for a problematic world revisited* (pp. 21–41). John Wiley & Sons.
- Eppler, M. J. (2006, July). Toward a pragmatic taxonomy of knowledge maps: Classification principles, sample typologies, and application examples. In *Tenth International Conference on Information Visualisation (IV'06)* (pp. 195–204). IEEE. <https://doi.org/10.1109/IV.2006.111>

- Eppler, M. J. (2013). What is an effective knowledge visualization? Insights from a review of seminal concepts. In F. T. Marchese, & E. Banissi (Eds.), *Knowledge visualization currents: From text to art to culture* (pp. 3–12). London: Springer-Verlag. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-4303-1_1
- Eppler, M. J., & Burkhard, R. A. (2007). Visual representations in knowledge management: framework and cases. *Journal of Knowledge Management*, 11(4), 112–122. <https://doi.org/10.1108/13673270710762756>
- Eppler, M. J., & Burkhard, R. A. (2008). Knowledge visualization. In *Knowledge management: concepts, methodologies, tools, and applications* (pp. 781–793). IGI Global.
- Felix, G., Nápoles, G., Falcon, R., Froelich, W., Vanhoof, K., & Bello, R. (2019). A review on methods and software for fuzzy cognitive maps. *Artificial intelligence review*, 52, 1707–1737. EDN: GTBMFI. DOI: 10.1007/s10462-017-9575-1
- Fiol, C. M., & Huff, A. S. (1992). Maps for managers: where are we? where do we go from here? *Journal of Management Studies*, 29(3), 267–285. EDN: EPWZBP. DOI: 10.1111/j.1467-6486.1992.tb00665.x
- Geisler, E. (1999, August). Organizational change phenomena, managerial cognition, and archival measures: reconceptualization and new empirical evidence. *Stuart Working Paper*, 99–02.
- Horn, R. E., & Weber, R. P. (2007). *New tools for resolving wicked problems: Mess mapping and resolution mapping processes*. Watertown, MA: Strategy Kinetics LLC.
- Huang, O., Lee, P., & Nobre, C. (2025). From Reality to Recognition: Evaluating Visualization Analogies for Novice Chart Comprehension. *arXiv preprint arXiv:2506.03385*.
- Huff, A. S. (ed.) (1990). *Mapping strategic thought*. Chichester: John Wiley and Sons.
- Kontogianni, A. D., Papageorgiou, E. I., & Tourkolias, C. (2012). How do you perceive environmental change? Fuzzy Cognitive Mapping informing stakeholder analysis for environmental policy making and non-market valuation. *Applied Soft Computing*, 12(12), 3725–3735. EDN: YDJOXQ. DOI: 10.1016/j.asoc.2012.05.003
- Kosko, B. (1986). Fuzzy cognitive maps. *International Journal of Man-Machine Studies*, 24(1), 65–75. [https://doi.org/10.1016/S0020-7373\(86\)80040-2](https://doi.org/10.1016/S0020-7373(86)80040-2)
- Larkin, J. H., & Simon, H. A. (1987). Why a diagram is (sometimes) worth ten thousand words. *Cognitive Science*, 11(1), 65–100. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6708.1987.tb00863.x>
- Lawrence, C. (2025). Synthesising simulation quality: an algorithmic analysis of development practices across the simulation lifecycle. *Journal of Simulation*, 1–20. DOI: 10.1080/17477778.2025.2506629
- Lee, S., Kim, S. H., & Kwon, B. C. (2016). Vlat: Development of a visualization literacy assessment test. *IEEE transactions on visualization and computer graphics*, 23(1), 551–560. DOI: 10.1109/TVCG.2016.2598920
- Lengler, R., & Eppler, M. J. (2007, January). Towards a periodic table of visualization methods for management. In *IASTED Proceedings of the Conference on Graphics and Visualization in Engineering (GVE 2007)*, Clearwater, Florida, USA (Vol. 7, No. 8, p. 31).
- Locoro, A., Fisher, W. P., & Mari, L. (2021). Visual information literacy: Definition, construct modeling and assessment. *IEEE access*, 9, 71053–71071. EDN: VJJUQM. DOI: 10.1109/access.2021.3078429
- Muntwiler, C., & Eppler, M. J. (2023). Improving decision making through visual knowledge calibration. *Management Decision*, 61(8), 2374–2390. EDN: ICIDIUH. DOI: 10.1108/md-07-2022-1018
- Nelson, H. J., Poels, G., Genero, M., & Piattini, M. (2012). A conceptual modeling quality framework. *Software Quality Journal*, 20, 201–228. EDN: QGHZDW. DOI: 10.1007/s11219-011-9136-9
- Nicolini, D. (1999). Comparing methods for mapping organizational cognition. *Organization studies*, 20(5), 833–860. EDN: JOQESN. DOI: 10.1177/017084069902000506
- Orang, O., de Lima e Silva, P. C., & Guimarães, F. G. (2023). Time series forecasting using fuzzy cognitive maps: a survey. *Artificial Intelligence Review*, 56(8), 7733–7794. EDN: WNOGKX. DOI: 10.1007/s10462-022-10319-w
- Papageorgiou, E. I., & Salmeron, J. L. (2013). A Review of Fuzzy Cognitive Maps Research During the Last Decade. *IEEE Transactions on Fuzzy Systems*, 21(1), 66–79. <https://doi.org/10.1109/TFUZZ.2012.2201727>
- Qu, H., Nordin, N. A., Tsong, T. B., & Feng, X. (2023). A bibliometrics and visual analysis of global publications for cognitive map. *IEEE Access*, 11, 52824–52839.
- Quadri, G. J., Wang, A. Z., Wang, Z., Adorno, J., Rosen, P., & Szafir, D. A. (2024, May). Do you see what i see? a qualitative study eliciting high-level visualization comprehension. In *Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–26).
- Rittel, H. W., & Webber, M. M. (1973). Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*, 4(2), 155–169. EDN: TGFJKX. DOI: 10.1007/bf01405730
- Simon, H. A. (1973). The structure of ill structured problems. *Artificial Intelligence*, 4(3–4), 181–201. [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(73\)90011-8](https://doi.org/10.1016/0004-3702(73)90011-8)
- Sousa, I. V. (2022, October). To model or not to model? Assessing the value of ontology-driven conceptual modeling. In *International Conference on Enterprise Design, Operations, and Computing* (pp. 364–369). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-26886-1_25
- Stach, W., Kurgan, L., & Pedrycz, W. (2005). A survey of fuzzy cognitive map learning methods. *Issues in soft computing: theory and applications* (pp. 71–84).

- Swan, J. (1997). Using cognitive mapping in management research: decisions about technical innovation. *British Journal of Management*, 8(2), 183–198. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.0050>
- Tegarden, D. P., & Sheetz, S. D. (2003). Group cognitive mapping: a methodology and system for capturing and evaluating managerial and organizational cognition. *Omega*, 31(2), 113–125. EDN: BGIEFP. DOI: 10.1016/S0305-0483(03)00018-5
- Tenbergen, B., & Daun, M. (2024). Metrics to Estimate Model Comprehension: Towards a Reliable Quantification Framework. In *ENASE* (pp. 498–505). <https://doi.org/10.5220/0012684800003687>
- Ware, C. (2019). *Information visualization: perception for design*. Morgan Kaufmann.
- Weick, K. E. (1995). *Sensemaking in Organizations*. Sage, Thousand Oaks, CA.

References

- Abramova, N. A. (2006). Human factors in cognitive approach. *Large-Scale Systems Control: proceedings*, 16, 5–25. (In Russ.).
- Abramova, N. A. (2007). On risk problem due to human factor in experimental methods and information technologies. *Problemy Upravleniya*, 2, 11–17. (In Russ.).
- Abramova, N. A. (2019). On the prospects of modern paradigm of cognitive modeling. In *13th All-Russian meeting on management issues – 2019* (pp. 1858–1863). (In Russ.). <https://doi.org/10.25728/vspu.2019.1858>
- Abramova, N. A., Makarenko, D. I., & Portcev, R. Yu. (2014). Развитие методов визуального анализа при моделировании ситуаций на основе когнитивных карт. In *12th All-Russian meeting on management issues – 2014: collection of conference works* (pp. 4084–4089). (In Russ.).
- Abramova, N. A., Voronina, T. A., & Portcev, R. Yu. (2010). Ideas of cognitive graphics to support verification of cognitive maps. *Large-scale Systems Control: proceedings*, 30–1, 411–430. (In Russ.).
- Ackermann, F., & Eden, C. (2004). Using Causal mapping: individual and group; traditional and new. *Systems modelling: Theory and practice*, 127–145.
- Ackermann, F., & Eden, C. (2020). Strategic options development and analysis. In *Systems approaches to making change: A practical guide* (pp. 139–199). London: Springer London.
- Avdeeva, A., & Kovriga, S. (2024). Cognitive maps for analyzing and modeling in the system of state strategic planning. *Large-scale Systems Control*, 111, 147–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.25728/ubs.2024.111.6>
- Avdeeva, Z. K., & Kovriga, S. V. (2010). Heuristic method of conceptual structuring knowledge when formalizing ill-structured situations using cognitive maps. *Large-scale Systems Control: proceedings*, 31, 6–34. (In Russ.).
- Avdeeva, Z. K., Kovriga, S. V., & Makarenko, D. I. (2006). Cognitive modeling for solving the tasks of managing ill-structured systems (situations). *Large-scale Systems Control: proceedings*, 16, 41–54. (In Russ.).
- Axelrod, R. (Ed.). (1976). *Structure of decision: The cognitive maps of political elites*. Princeton University Press.
- Basole, R., Bendoly, E., Chandrasekaran, A., & Linderman, K. (2022). Visualization in operations management research. *INFORMS Journal on Data Science*, 1(2), 172–187. EDN: AINHKP. DOI: 10.1287/ijds.2021.0005
- Beschi, S., Falessi, D., Golia, S., & Locoro, A. (2025). Characterizing Data Visualization Literacy for Standardization: A Systematic Literature Review. *IEEE Access*. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3559298>
- Bood, R. P. (2001). *Images of Unfolding Diversification Projects. Charting Organizational Learning in Small and Medium-Sized Enterprises from a Cognitive Perspective*. Eburon, Delft.
- Börner, K., Maltese, A., Balliet, R. N., & Heimlich, J. (2016). Investigating aspects of data visualization literacy using 20 information visualizations and 273 science museum visitors. *Information Visualization*, 15(3), 198–213.
- Bresciani, S., & Eppler, M. J. (2009). The risks of visualization. In *Identität und Vielfalt der Kommunikations-wissenschaft* (pp. 165–178).
- Bresciani, S., & Eppler, M. J. (2015). The pitfalls of visual representations: A review and classification of common errors made while designing and interpreting visualizations. *Sage Open*, 5(4). <https://doi.org/10.1177/2158244015611451>
- Bryson, J. M., Ackermann, F., Eden, C., & Finn, C. B. (2004). *Visible thinking: Unlocking causal mapping for practical business results*. John Wiley & Sons.
- Bünzli, F., & Eppler, M. J. (2024). How verbal text guides the interpretation of advertisement images: a predictive typology of verbal anchoring. *Communication Theory*, 34(4), 191–204.
- Eden, C. (1988). Cognitive mapping. *European Journal of Operational research*, 36(1), 1–13. [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(88\)90002-1](https://doi.org/10.1016/0377-2217(88)90002-1)
- Eden, C. (1992). On the Nature of Cognitive Maps. *Journal of Management Studies*, 29, 261–265. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.1992.tb00664.x>
- Eden, C. (2004). Analyzing cognitive maps to help structure issues or problems. *European Journal of Operational Research*, 159(3), 673–686. [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(03\)00431-4](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(03)00431-4)
- Eden, C., & Ackermann, F. (2001). SODA—the principles. In J. Rosenhead, & J. Mingers (Eds.), *Rational analysis for a problematic world revisited* (pp. 21–41). John Wiley & Sons.

- Eppler, M. J. (2006, July). Toward a pragmatic taxonomy of knowledge maps: Classification principles, sample typologies, and application examples. In *Tenth International Conference on Information Visualisation (IV'06)* (pp. 195–204). IEEE. <https://doi.org/10.1109/IV.2006.111>
- Eppler, M. J. (2013). What is an effective knowledge visualization? Insights from a review of seminal concepts. In F. T. Marchese, & E. Banissi (Eds.), *Knowledge visualization currents: From text to art to culture* (pp. 3–12). London: Springer-Verlag. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-4303-1_1
- Eppler, M. J., & Burkhard, R. A. (2007). Visual representations in knowledge management: framework and cases. *Journal of Knowledge Management*, 11(4), 112–122. <https://doi.org/10.1108/13673270710762756>
- Eppler, M. J., Burkhard, R. A. (2008). Knowledge visualization. In *Knowledge management: concepts, methodologies, tools, and applications* (pp. 781–793). IGI Global.
- Felix, G., Nápoles, G., Falcon, R., Froelich, W., Vanhoof, K., & Bello, R. (2019). A review on methods and software for fuzzy cognitive maps. *Artificial intelligence review*, 52, 1707–1737. <https://doi.org/10.1007/s10462-017-9575-1>
- Fiol, C. M., & Huff, A. S. (1992). Maps for managers: where are we? where do we go from here? *Journal of Management Studies*, 29(3), 267–285. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.1992.tb00665.x>
- Geisler, E. (1999, august). Organizational change phenomena, managerial cognition, and archival measures: reconceptualization and new empirical evidence. *Stuart Working Paper*, 99–02.
- Gorelova, G. (2021). Cognitive modeling of complex systems, state and prospects. In *System Analysis in Engineering and Control*, 25(1), 224–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id21-66>
- Gorelova, G., & Gromakova, V. (2024). Cognitive modeling and neuroscience. In *System Analysis in Engineering and Control*, 27(2), 8–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id24-141>
- Horn, R. E., & Weber, R. P. (2007). *New tools for resolving wicked problems: Mess mapping and resolution mapping processes*. Watertown, MA: Strategy Kinetics LLC.
- Huang, O., Lee, P., & Nobre, C. (2025). From Reality to Recognition: Evaluating Visualization Analogies for Novice Chart Comprehension. *arXiv preprint arXiv:2506.03385*.
- Huff, A. S. (ed.). (1990). *Mapping strategic thought*. Chichester: John Wiley and Sons.
- Kahneman, D. (2003) Maps of Bounded Rationality: A Perspective on Intuitive Judgment and Choice. *Institute of Privatization and Management*, pp. 540–592. (In Russ.).
- Kapski, D., & Bogdanovich, S. (2024). Integration of cognitive analysis methods into the road infrastructure safety assessment system. *Vestnik of Polotsk State University. Part B. Industry. Applied Sciences*, 50(2), 36–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.52928/2070-1616-2024-50-2-36-49>
- Khalin, Y. A., Katykhin, A. I., Zinkin, S. A., & Shilin, A. A. (2022). Cognitive Modeling of Information Support for Game-Based Automated Learning. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 26(4), 117–131. (In Russ.).
- Kontogianni, A. D., Papageorgiou, E. I., & Tourkolias, C. (2012). How do you perceive environmental change? Fuzzy Cognitive Mapping informing stakeholder analysis for environmental policy making and non-market valuation. *Applied Soft Computing*, 12(12), 3725–3735. <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2012.05.003>
- Kosko, B. (1986). Fuzzy cognitive maps. *International Journal of Man-Machine Studies*, 24(1), 65–75. [https://doi.org/10.1016/S0020-7373\(86\)80040-2](https://doi.org/10.1016/S0020-7373(86)80040-2)
- Kubryakova, E. S. (2001). On cognitive linguistics and the semantics of the term “cognitive”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and cross-cultural communication*, 1, 4–10. (In Russ.).
- Larkin, J. H., & Simon, H. A. (1987). Why a diagram is (sometimes) worth ten thousand words. *Cognitive Science*, 11(1), 65–100. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6708.1987.tb00863.x>
- Lawrence, C. (2025). Synthesising simulation quality: an algorithmic analysis of development practices across the simulation lifecycle. *Journal of Simulation*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/17477778.2025.2506629>
- Lee, S., Kim, S. H., & Kwon, B. C. (2016). Vlat: Development of a visualization literacy assessment test. *IEEE transactions on visualization and computer graphics*, 23(1), 551–560. <https://doi.org/10.1109/TVCG.2016.2598920>
- Lengler, R., & Eppler, M. J. (2007, January). Towards a periodic table of visualization methods for management. In *IASTED Proceedings of the Conference on Graphics and Visualization in Engineering (GVE 2007), Clearwater, Florida, USA* (Vol. 7, No. 8, p. 31).
- Locoro, A., Fisher, W. P., & Mari, L. (2021). Visual information literacy: Definition, construct modeling and assessment. *IEEE access*, 9, 71053–71071. <https://doi.org/10.1109/access.2021.3078429>
- Mityakov, E. S., Karpukhina, N. N., Mityakov, S. N., & Ladynin, A. I. (2025). Cognitive modelling of economic development of industrial ecosystems. *Russian Journal of Industrial Economics*, 18(1), 63–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1383>
- Muntwiler, C., & Eppler, M. J. (2023). Improving decision making through visual knowledge calibration. *Management Decision*, 61(8), 2374–2390. <https://doi.org/10.1108/md-07-2022-1018>
- Nelson, H. J., Poels, G., Genero, M., & Piattini, M. (2012). A conceptual modeling quality framework. *Software Quality Journal*, 20, 201–228. <https://doi.org/10.1007/s11219-011-9136-9>

- Nicolini, D. (1999). Comparing methods for mapping organizational cognition. *Organization studies*, 20(5), 833–860. <https://doi.org/10.1177/017084069902000506>
- Orang, O., de Lima e Silva, P. C., & Guimarães, F. G. (2023). Time series forecasting using fuzzy cognitive maps: a survey. *Artificial Intelligence Review*, 56(8), 7733–7794. <https://doi.org/10.1007/s10462-022-10319-w>
- Papageorgiou, E. I., & Salmeron, J. L. (2013). A Review of Fuzzy Cognitive Maps Research During the Last Decade. *IEEE Transactions on Fuzzy Systems*, 21(1), 66–79. <https://doi.org/10.1109/TFUZZ.2012.2201727>
- Qu, H., Nordin, N. A., Tsong, T. B., & Feng, X. (2023). A bibliometrics and visual analysis of global publications for cognitive map. *IEEE Access*, 11, 52824–52839.
- Quadri, G. J., Wang, A. Z., Wang, Z., Adorno, J., Rosen, P., & Szafr, D. A. (2024, May). Do you see what i see? a qualitative study eliciting high-level visualization comprehension. In *Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–26).
- Rittel, H. W., & Webber, M. M. (1973). Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*, 4(2), 155–169. <https://doi.org/10.1007/bf01405730>
- Roberts, F. S. (1986). *Discrete mathematical models, with applications to social, biological, and environmental problems*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Simon, H. A. (1973). The structure of ill structured problems. *Artificial Intelligence*, 4(3–4), 181–201. [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(73\)90011-8](https://doi.org/10.1016/0004-3702(73)90011-8)
- Sousa, I. V. (2022, October). To model or not to model? Assessing the value of ontology-driven conceptual modeling. In *International Conference on Enterprise Design, Operations, and Computing* (pp. 364–369). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-26886-1_25
- Stach, W., Kurgan, L., & Pedrycz, W. (2005). A survey of fuzzy cognitive map learning methods. *Issues in soft computing: theory and applications* (pp. 71–84).
- Swan, J. (1997). Using cognitive mapping in management research: decisions about technical innovation. *British Journal of Management*, 8(2), 183–198. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.0050>
- Tegarden, D. P., & Sheetz, S. D. (2003). Group cognitive mapping: a methodology and system for capturing and evaluating managerial and organizational cognition. *Omega*, 31(2), 113–125. [https://doi.org/10.1016/S0305-0483\(03\)00018-5](https://doi.org/10.1016/S0305-0483(03)00018-5)
- Tenbergen, B., & Daun, M. (2024). Metrics to Estimate Model Comprehension: Towards a Reliable Quantification Framework. In *ENASE* (pp. 498–505). <https://doi.org/10.5220/0012684800003687>
- Vasilyev V. I., Vulfin A. M., Kirillova A. D., & Kuchkarova N. V. (2021). Methodology for Assessing Current Threats and Vulnerabilities Based on Cognitive Modeling Technologies and Text Mining. *Systems of Control, Communication and Security*, 3, 110–134 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2410-9916-2021-3-110-134>
- Ware, C. (2019). *Information visualization: perception for design*. Morgan Kaufmann.
- Weick, K. E. (1995). *Sensemaking in Organizations*. Sage, Thousand Oaks, CA.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 30.05.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 07.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Elvira Yu. Latypova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Джеффри Шаббар, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom